

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ДУГЛАС

ПРЕСТОН

ЛИНКОЛЬН

ЧАЙЛД

ПУТЬ КРОВИ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ДУГЛАС

ПРЕСТОН

ЛИНКОЛЬН

ЧАЙЛД

ПУТЬ КРОВИ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Annotation

В Саванне происходят загадочные убийства: в телах жертв не остается ни единой капли крови. В городе нарастает паника, которую подогревают местные легенды о вампирах. Специальный агент ФБР Алоизий Пендергаст, его подопечная Констанс и напарник Армстронг Колдмун берутся за расследование и понимают, что свет на эту загадку может пролить нераскрытое дело об угоне самолета полувековой давности. Однако пока они не подозревают, что зло, обрушившееся на город, непобедимо – во всяком случае, в этом мире...

Впервые на русском!

- [Дуглас Престон, Линкольн Чайлд](#)

-

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)

- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [От авторов](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)

- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)

- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)

- [87](#)
  - [88](#)
  - [89](#)
  - [90](#)
  - [91](#)
  - [92](#)
  - [93](#)
  - [94](#)
  - [95](#)
  - [96](#)
  - [97](#)
  - [98](#)
  - [99](#)
  - [100](#)
  - [101](#)
  - [102](#)
  - [103](#)
  - [104](#)
  - [105](#)
  - [106](#)
  - [107](#)
-

Дуглас Престон, Линкольн Чайлд

Путь крови

Линкольн Чайлд посвящает эту книгу своей дочери Веронике

Дуглас Престон посвящает эту книгу Брэди Никерсону и Майку Рекуа

Douglas Preston and Lincoln Child
BLOODLESS

Copyright © 2021 by Splendide Mendax, Inc. and Lincoln Child
This edition published by arrangement with Grand Central Publishing,
a division of Hachette Book Group, Inc. New York, New York, USA
All rights reserved

© С. Б. Удалин, перевод, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Книги Дугласа Престона и Линкольна Чайлда о специальном агенте ФБР Алоизии Пендергасте

Реликт
Реликварий
Кабинет диковин
Натюрморт с воронами

Трилогия о Диогене
Огонь и сера
Танец смерти
Книга мертвых

Колесо тьмы
Танец на кладбище

Трилогия о Хелен

Наваждение
Холодная месть
Две могилы

Белый огонь
Синий лабиринт
Багровый берег
Обсидиановая комната
Город печной ночи
Стихи для мертвецов
Злая река
Путь крови

Серия о Норе Келли

Старые кости
Хвост Скорпиона
Плато Дьявола

Среда, 24 ноября 1971 года

Новая форма стюардесс авиакомпании «Норд-вест ориент эйрлайнс» совсем не радовала Фло Шаффнер. Особенно эта дурацкая кепка с козырьком и наушниками, в которой она становилась похожей на Дональда Дака. И все же она ослепительно улыбалась, проверяя билеты у пассажиров рейса номер 305 Портленд – Сиэтл. Ее удивило их весьма скромное количество. Она думала, что в преддверии Дня благодарения салон «Боинга-727» будет набит до отказа. Но сегодня он заполнился лишь на треть, и Фло Шаффнер по опыту знала, что в таких случаях полет обычно проходит спокойно.

Пассажиры заняли места, и стюардессы – Фло и ее напарница Тина Маклоу – двинулись с разных сторон по проходу, принимая заказы на напитки. Фло досталась задняя часть салона. Одним из первых клиентов был пассажир с места 18С, любезный мужчина среднего возраста с мягким спокойным голосом. Он был в плаще и сером деловом костюме с белой рубашкой и черным галстуком. Шаффнер знала, как его зовут. Это была одна из ее обязанностей – постараться запомнить фамилии и места пассажиров. Обычно у нее ничего не получалось, но сегодня при полупустом салоне ей это удалось.

– Предложить вам чего-нибудь выпить, мистер Купер?

Он вежливо попросил бурбон с «Севен-ап» и, дождавшись заказа, протянул ей двадцатку.

– А помельче у вас не найдется?

– Не-а.

Она сказала, что сдачу придется подождать.

Пилот Уильям Скотт, которого все звали просто Скотти, передал стюардессам по селектору команду закрыть люки и приготовиться к взлету. Фло Шаффнер подняла хвостовой трап и села на откидной стул неподалеку от кресла 18С. Самолет вылетел точно по расписанию, в два пятьдесят пополудни, и через полчаса должен был приземлиться в Сиэтле.

Самолет выровнялся, сигналы «пристегнуть ремни» погасли, и пассажир в кресле 18С подозвал Шаффнер. Она решила, что он опять хочет выпить, но вместо этого он вложил ей в руку конверт. Такое частенько случалось с ней: одинокие пассажиры передавали ей записки с предложением встретиться и выпить, или поужинать, или даже больше того. Она быстро уяснила, как лучше всего избежать таких попыток сближения: просто не ввязываться. Поэтому она тепло поблагодарила мужчину и опустила конверт в карман, не читая.

Пассажир наклонился к ней и с дружелюбной улыбкой прошептал:

– Лучше прочитайте эту записку, мисс. У меня бомба.

Фло Шаффнер не поверила своим ушам. Она достала конверт и вынула из него записку. Четко выведенные фломастером заглавные буквы сообщали, что у мужчины действительно при себе бомба, но, если все будут выполнять его указания, ничего страшного не произойдет.

– Сядьте, пожалуйста, рядом со мной, – велел он, забрал у нее записку и положил в нагрудный карман.

Стюардесса подчинилась, а он раскрыл лежавший на коленях кейс и на несколько дюймов приподнял крышку. Девушка разглядела внутри связку красных цилиндров, соединенных проводами с большой батареей.

Мужчина захлопнул кейс и надел темные очки.

– Записывайте.

Она достала ручку и записала его распоряжения.

– А теперь отнесите это пилоту.

Фло Шаффнер встала, прошла в кабину, закрыла дверь и сказала пилоту, что один из пассажиров решил угнать самолет, угрожая бомбой. А потом зачитала его требования.

– У него правда есть бомба? – спросил Скотти.

– Да, – ответила Шаффнер. – Я сама видела. Похожа на настоящую.

– Ох, сын божий!

Скотти вызвал службу управления «Норд-вест ориент» в Миннесоте и передал по телетайпу краткое сообщение:

ПАССАЖИР ОБЪЯВИЛ О ЗАХВАТЕ САМОЛЕТА, СЛЕДУЮЩЕГО В СИЭТЛ. ОН ВРУЧИЛ ЗАПИСКУ СТЮАРДЕССЕ. ТРЕБУЕТ ДВЕСТИ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ В РЮКЗАКЕ К ПЯТИ ВЕЧЕРА. ОН ХОЧЕТ ДВА НАСПИННЫХ И ДВА НАГРУДНЫХ ПАРАШЮТА. ДЕНЬГИ В АМЕРИКАНСКОЙ ВАЛЮТЕ. НОМИНАЛ ЗНАЧЕНИЯ НЕ ИМЕЕТ. ОН ДЕРЖИТ БОМБУ В КЕЙСЕ И ВЗОРВЕТ ЕЕ ПРИ МАЛЕЙШЕЙ ЗАДЕРЖКЕ.

Кроме того, угонщик потребовал, чтобы на взлетной полосе аэропорта Сиэтл-Такома его ждал заправщик с топливом для дальнейшего пути по маршруту, который будет назван позднее. А еще ему нужен бортиженер.

Для какой цели, угонщик не сообщил.

В кабине самолета Скотти и второй пилот Билл Ратацк ломали голову над тем, как справиться с ситуацией. Пассажиры еще не догадывались, что самолет угнан, и Скотти хотел, чтобы все так и оставалось.

В Миннесоте служба управления «Норд-вест ориент» связалась с президентом авиакомпании Доном Найропом и с ФБР. Федералы предложили штурмовать самолет, однако Найроп заявил, что предпочел бы договориться с угонщиком. Компания застрахована и готова заплатить выкуп. ФБР с большой неохотой согласилось. Но на выполнение всех требований угонщика понадобилось время.

«Боинг-727» уже подлетел к Такоме и кружил над аэропортом. Федералы и работники авиакомпании лихорадочно разыскивали деньги и парашюты.

Скотти включил громкую связь и сообщил пассажирам, что у самолета небольшие механические неполадки, но беспокоиться не о чем, и примерно через час они благополучно приземлятся. А в задней части салона безостановочно курил угонщик Дэн Купер. Он предложил сигарету стюардессе, и она закурила, чтобы успокоить нервы, хотя недавно бросила эту привычку.

Снаружи надвигалась гроза. Вскоре пошел дождь.

Авиакомпания обратилась за помощью к Национальному банку Сиэтла, с которым имела деловые отношения. Банк был рад помочь. Как раз для таких случаев там держали резерв наличной валюты в двадцатидолларовых банкнотах, которые были микрофильмированы, а каждый серийный номер записан. Десять тысяч банкнот в пачках по пятьдесят штук уложили в рюкзак с завязками и доставили в ФБР. Весил рюкзак около двадцати фунтов.

Парашюты нашли в аэроклубе к востоку от аэропорта: два запасных нагрудных и два основных наспинных. Купер настаивал, чтобы это были гражданские парашюты, а не военные. Их также доставили в ФБР.

А самолет все кружил над аэропортом. Тина, вторая стюардесса, расхаживала по салону, успокаивая пассажиров. Дэн Купер объяснил

Шаффнер, как все будет происходить:

– После приземления вы должны выйти из самолета, забрать деньги и принести их сюда.

– А если рюкзак будет слишком тяжелым?

– Не будет, вы справитесь. Затем вы заберете парашюты и тоже принесете в самолет.

Он достал из кармана пузырек с таблетками бензедрина:

– Отнесите это в кабину на случай, если кого-то из пилотов потянет в сон, когда мы полетим дальше.

Она спросила, не собирается ли он лететь на Кубу. Обычно угонщики так и поступали.

– Нет, – ответил Купер. – Не на Кубу. Куда-нибудь, где вам понравится.

Тогда Шаффнер поинтересовалась, зачем он угоняет самолет. Может быть, у него какие-то счета с «Норд-вест ориент»?

– Не с вашей компанией, мисс, – сказал он. – Я просто свожу счета.

Аэропорт закрыли и отменили все вылеты. Прибывающие самолеты направляли в другие города или переводили в режим ожидания. Вскоре после пяти вечера диспетчер передал, что деньги и парашюты доставлены, а машина ожидает в конце взлетной полосы, как и было указано.

Пилоты посадили 727-й и вырулили, выполняя требования угонщика, в дальнюю часть летного поля. Уже стемнело, дождь не прекращался, время от времени сопровождаясь вспышками молний. Поле ярко освещали прожекторы.

Самолет остановился.

– Отправляйтесь за деньгами, – сказал Купер стюардессе.

Она прошла по салону к выходу и спустилась по трапу на шатких высоких каблуках к ожидавшей машине. Агент ФБР достал из багажника рюкзак с деньгами и передал ей. Фло Шаффнер вернулась к самолету, поднялась на борт и вручила рюкзак Куперу. Он заглянул внутрь и вытащил пару пачек.

– Это вам, – сказал Купер.

Шаффнер удивилась:

– Простите, сэр, но правила компании запрещают принимать подарки.

Он чуть заметно улыбнулся:

– Хорошо. Идите за парашютами.

Она снова спустилась по трапу и в два захода отнесла парашюты Куперу.

Он наклонился к ней:

– А теперь самое главное, Фло. Слушайте внимательно. Пришло время, когда капитан должен объявить всем пассажирам, что самолет угнали. У угонщика есть бомба. Он приказывает всем покинуть самолет. Выходить нужно немедленно – не открывать багажные полки, не уносить с собой ручную кладь и все прочее, что они взяли в полет. Если мое распоряжение не будет исполнено буквально или какой-нибудь герой захочет вернуться и помешать мне, я взорву бомбу. Пожалуйста, передайте мои слова капитану. На борту должны остаться только он сам, второй пилот и вы.

– Да, сэр.

Шаффнер встала, прошла в кабину и сообщила о его требованиях. Через мгновение капитан уже включил громкую связь.

– Слушайте внимательно и сохраняйте спокойствие, – зазвучал из динамиков ровный голос Скотти. – На борту самолета находится угонщик с бомбой.

По салону прокатилась волна испуганных возгласов, вздохов, кто-то вскрикнул.

– Не нужно паниковать. Все пассажиры должны немедленно покинуть самолет. Не открывайте багажные полки, не берите с собой ручную кладь. Вы должны выйти с пустыми руками.

Новые вздохи и ворчанье.

– Начинайте выходить. Не бегите.

Пассажиры разом повскакивали, растерянно и громко заговорили и рванулись к носовому трапу. Кое-кто потянулся к багажным полкам, а один даже изловчился открыть ячейку.

Увидев это, Купер встал и поднял кейс над головой, размахивая им, словно оружием.

– Эй, ты! – крикнул он с внезапной яростью, указав пальцем на непослушного пассажира. – Назад! У меня бомба! Я взорву ее, если ты не будешь делать, что приказано!

Пожилой пассажир попятился с исполненным ужаса лицом под крики и ругань окружающих. Кто-то подтолкнул его вперед, он забыл

про багажную полку и рванул вслед за теми, кто уже ковылял к выходу. В считанные минуты салон опустел, остались только Фло и Тина.

– Вы тоже уходите, – велел Тине Купер. – И скажите бортинженеру, чтобы поднимался к нам.

Потом он схватил трубку телефона внутренней связи и прорычал в нее:

– Долго еще будут возиться с дозаправкой?

– Почти закончили, – ответил второй пилот.

Бортинженер «Норд-вест ориент» поднялся по трапу и остановился в тамбуре, ожидая распоряжений.

Купер обернулся к Фло Шаффнер:

– Закройте шторы иллюминаторов. С обеих сторон.

Вот теперь Шаффнер по-настоящему испугалась. Спокойная, любезная версия Купера сменилась взвинченной и разъяренной.

– Да, сэр.

Пока Шаффнер обходила салон, закрывая шторы, Купер обратился к бортинженеру:

– Эй, вы, слушайте внимательно. Как только самолет заправят, вы должны взять курс на Мехико. Держать высоту в десять тысяч футов, не больше. Закрылки опустить на пятнадцать градусов, лететь на пониженной тяге, давление в кабине не повышать. Сохраняйте минимально возможную при такой схеме полета скорость, она не должна быть больше ста узлов.

Он помолчал и добавил:

– Я собираюсь опустить хвостовой трап и взлететь в таком положении. Это возможно?

– Все, что вы сказали, вполне осуществимо, – ответил бортинженер. – Только взлетать с развернутым хвостовым трапом очень опасно. И при заданной вами схеме потребуется по крайней мере одна дозаправка.

После недолгих препирательств Купер согласился не опускать трап и дозаправиться в аэропорту Рино-Тахо.

– А теперь отправляйтесь в кабину к пилотам и закройте дверь, – сказал он инженеру. – Вперед и с песней.

Инженер скрылся в кабине, заправщик отъехал, турбины закрутились, и самолет вырулил на взлетную полосу.

Угонщик обернулся к Фло Шаффнер:

– Покажите, как обращаться с кормовым трапом.

Она показала и дала ему листок с инструкцией.

– Ступайте в кабину, – сказал он. – И закройте по дороге перегородку для первого класса. Проследите, чтобы никто не выходил.

– Да, сэр.

Она обрадовалась, что не нужно больше сидеть рядом с ним, но все еще была напугана внезапной переменой его поведения. Особенно теперь, когда все требования угонщика выполнены. Она прошла через весь салон, повернулась, чтобы закрыть перегородку, и бросила быстрый взгляд на угонщика. Он обвязывал вокруг пояса рюкзак с деньгами. Самолет свернул с рулежной дорожки на взлетную полосу и стал набирать скорость. Было без четверти восемь вечера.

Тот, кто назвался Дэном Купером, обвязал рюкзак с деньгами вокруг живота и подошел к багажной полке над местом 12С, той самой, которую открыл пожилой пассажир. Купер принялся вытаскивать с полки ручную кладь и швырять на пол, пока не добрался до потертого коричневого кейса. Бережно снял его с полки и положил на свое сиденье. Затем открыл другие полки и разбросал вокруг все, что попало под руку: сумки, плащи, зонтики. Гроза усиливалась, самолет вошел в зону турбулентности, и его то и дело раскачивало вверх-вниз, отчего с открытых полок сыпались все новые и новые вещи.

Перешагнув через свалку на полу, Купер быстро и ловко надел основной парашют, а потом и запасной. Подошел к хвостовому трапу и, сверяясь с полученной от Фло Шаффнер инструкцией, открыл люк навстречу ревущему ветру и опустил трап в темноту.

Внезапное изменение давления в салоне встревожило пилотов. Ратацак включил громкую связь.

- Вы меня слышите? – крикнул он. – У вас там все в порядке?
- В лучшем виде.

Угонщик взял кейс с фальшивой бомбой и выбросил через люк в грохочущую темноту. Затем пошвырял туда же без разбора еще какие-то вещи из багажа пассажиров. А коричневый кейс с багажной полки Купер закрепил на боку по другую сторону от рюкзака с деньгами, обвязав стропами ненужного ему второго парашюта. Теперь он стал похож на Мистера Мишлена^[1]: парашюты на груди и на спине, рюкзак с деньгами и кейс по бокам. Возможно, это выглядело смешно, зато надежно.

Закончив приготовления, он осторожно поставил ногу на трап и через мгновение выпрыгнул в ночь. В кабине заметили небольшой крен из-за уменьшения массы груза, и капитан зафиксировал время: восемь часов тринадцать минут вечера. Но что все это означает, было пока неясно. Не имея возможности выяснить, остался угонщик на борту или нет, капитан продолжил полет к Рино-Тахо.

Купер ворвался во взрывной поток ветра, подождал, пока не проскочит реактивную струю хвостовых турбин «Боинга 727–100», и выровнял свое свободное падение. Отсчитав целую минуту, он раскрыл стабилизирующий парашют и с удовлетворением почувствовал, как десятифутовая стропа развернулась и выдернула из ранца основной парашют. Когда тот полностью раскрылся, Купер огляделся и увидел внизу ориентир: слабые огни городка Пэквуд, затуманенные грозой, но все же различимые.

Он нащупал шнурок от рюкзака с деньгами, потянул за него и запустил руку внутрь. Теперь, когда парашют раскрылся, ветер ощутимо стих и двигаться стало легче. Купер ухватил стопку банкнот и выбросил их в темноту. Потом еще раз и еще, стараясь как можно быстрее опустошить рюкзак.

Стропы неожиданно дернулись. Купер поднял голову и увидел, что часть банкнот ветром подняло вверх, они облепили купол парашюта, и он начал опадать. Падение ускорилось до опасного для жизни уровня.

Купер не поддавался панике. Отработанным движением он потянул за ручку сброса парашюта и снова перешел в свободное падение. Затем торопливо дернул другой рычаг для ручного раскрытия запасного парашюта. Парашют выскочил, но Купер сразу почувствовал, что с ним что-то не так, – он раскрылся, но не до конца. Возможно, его повредили специально, или, скорее, он слежался, слишком долго пробыв в сложенном виде. Такие неприятности иногда случаются.

Только для Купера эта неприятность была губительна.

Падая в темноту, он ощутил непривычный прилив паники. Ветер рвал с пояса рюкзак с оставшимися деньгами. Как ни пытался Купер расправить запасной парашют, ничего не получалось. Он все падал и падал. Полусдувшийся купол вздрагивал от ветра, мимо пронеслось в ночь последнее облачко конфетти из двадцатидолларовых купюр, а беспомощный силуэт парашютиста опускался в темный лес, пока не исчез из виду под завывания грозы.

Наши дни

Вертолет «Агуста-Вестланд 109 Гранд» мчался на северо-запад под мощный гул винтов, летя так низко, что посадочные салазки почти касались лазурной глади Атлантики. Он поднимался, преодолевая рифы, цепь прибрежных островов и бухты, ведущие к материковой части Флориды.

В роскошном салоне вертолета сидели трое: мужчина в рваных джинсах и клетчатой рубашке; девушка в плиссированной юбке и блузке, в солнцезащитных очках и с широкополой шляпой на коленях, и призрачный силуэт в черном строгом костюме, смотревший в окно с отрешенным выражением на точеном лице. Несмотря на тонированное стекло, яркий солнечный свет придавал его серебристо-голубым глазам странный платиновый оттенок, а светло-русые волосы блестели, словно мех снежного барса.

Это был специальный агент А. К. Л. Пендергаст из Федерального бюро расследований. Вместе с ним летели его подопечная Констанс Грин и напарник, специальный агент Армстронг Колдмун. Они возвращались с успешно завершеного дела на острове Санибел, штат Флорида, и хотя разговор лениво продолжался, в салоне воцарилась атмосфера отстраненности и сознания того, что пришло время заняться своими делами.

Вертолет набрал высоту и заложил вираж вправо, уходя от фешенебельных домов и отелей Майами-Бич, сверкающих, как алебастровая страна Оз, на фоне полосы пляжа и голубой воды за ней.

– Как мило, что пилот устроил нам такое шоу, – произнес Колдмун. – Все равно что прокатиться в Диснейленд.

– Я бы так не сказал, – ответил Пендергаст с шелковым, как сливки в бурбоне, нью-орлеанским акцентом.

– Вы уверены, что это было сделано намеренно? – Констанс наклонилась, чтобы поднять выскользнувшую у нее из рук при развороте вертолета книгу: «Безводные облака» Алистера Кроули. – Хаотичные изменения тангажа и крена – первый признак

неисправности вертолета, пока напряжение в вихревом кольце не отправит его в неуправляемое падение.

Ее слова встретила минутная тишина, нарушаемая только гулом двигателя.

– Уверен, что у нас отличный пилот, – сказал Пендергаст. – Или это просто твое изысканное чувство юмора в действии?

– Не вижу ничего смешного в том, чтобы лежать обожженной и расчлененной на виду у всех посреди общественного пляжа, – ответила молодая женщина.

Колдмун не мог разглядеть ее глаза за солнцезащитными очками, но не сомневался, что она смотрит на него, оценивая эффект, произведенный ее мрачным заявлением. Мало того что эта странная, красивая, эрудированная и слегка сумасшедшая женщина пугала его до чертиков – на прошлой неделе она успела и спасти ему жизнь, и пригрозить смертью, – ей, похоже, доставляло явное удовольствие проверять на прочность его яйца. «Возможно, – сказал он себе, – это признак интереса. В таком случае – нет уж, увольте».

Он глубоко вздохнул. Задумываться обо всем этом не стоило. В мыслях Колдмун уже был на новой должности в Денверском региональном отделении, за тысячу миль от влажной духоты Флориды.

Он перевел взгляд с Констанс Грин на Пендергаста. Еще одна странная личность. Хотя Колдмун и раскрыл бок о бок со старшим агентом два сложных дела, Пендергаст был еще одной причиной, почему Колдмун хотел добраться до Колорадо как можно быстрее. Может быть, этот парень и легенда ФБР, самый блестящий сыщик со времен Шерлока Холмса, но он известен раскрытием целого ряда дел об убийстве, в которых преступник и сам был «убит при задержании»... И Колдмун на собственном опыте убедился, что у напарника Пендергаста шансов уцелеть лишь немногим больше, чем у преступника.

Внизу скользили усыпанные кондитерскими пляжи Флориды, приближая Колдмуна к самолету на запад, и его наполнило чувство освобождения, в чем-то похожее на ощущения узника, выпущенного из тюрьмы. Он едва не улыбнулся, представив недоверчивые лица кузин, живущих в Колорадо-Спрингс, ведь его назначение все откладывалось, и в конце концов они перестали верить, что это когда-нибудь случится. Береговая линия оставалась плотно застроенной, но

дома были уже не такими высокими, как дальше к югу. Вдоль берега бежала трасса I-95, и по ней сплошным потоком двигались машины. Об этом Колдмун тоже не будет скучать, хотя он слышал, что и в Денвере движение за последние годы сделалось просто сумасшедшим. Полет занял больше времени, чем он ожидал. Краем глаза Колдмун заметил, что Пендергаст и Констанс склонились друг к другу, о чем-то тихо переговариваясь. Странно, однако. Он мало знал о Майами, хотя и пробыл здесь достаточно долго, но был совершенно уверен, что аэропорт лежит к западу от города, а не к северу... и уж точно не так далеко на север. Ту местность, которую он посчитал городом, они давно уже пролетели.

Колдмун поглубже уселся в кожаное кресло. Может быть, они направляются на базу ВВС или вертолетную площадку ФБР? В конце концов, их босс, ответственный заместитель директора Уолтер Пикетт, еще не выдал Колдмуну билет на рейс в Денвер. Возможно, его отправят правительственным или военным самолетом – это меньшее, что может сделать для него Бюро, учитывая все то дерьмо, через которое он прошел. Впрочем, маловероятно. Скоро объявят о назначении Пикетта на должность старшего помощника, и он теперь так занят, пакуя чемоданы для переезда в Ди-Си^[2], что не может думать о чем-то еще.

– Эй, Пендергаст! – позвал он.

Тот оглянулся.

– Я думал, мы летим в Международный аэропорт Майами.

– У меня была такая же мысль.

– Что же тогда происходит? – Колдмун снова поглядел в окно. – Похоже, нас отвезли вместо Майами черт-те куда.

– В самом деле. Кажется, мы проскочили аэропорт.

Колдмун поежился от этих слов. В глубинах сознания шевельнулось ощущение сродни дежавю, только куда неприятнее.

– Проскочили? Вы уверены, что мы не делаем вираж перед посадкой?

– Если бы мы направлялись в Майами, сомневаюсь, что нам пришлось бы пролетать над Палм-Бич.

– Палм-Бич? Какого черта?..

Колдмун посмотрел вниз, на еще один узкий остров с роскошными зданиями, включая большой, кричащего вида особняк в

псевдомавританском стиле, который как раз в этот момент перечеркнула тень их вертолета.

Он снова откинулся в кресле, растерянный и сбитый с толку.

– Что вообще происходит?

– Должен признать, что не имею ни малейшего представления.

– Может быть, лучше спросить у пилота? – сказала Констанс, не поднимая глаз от книги.

Колдмун с некоторым подозрением посмотрел на эту парочку. Может, это они так шутят? Но нет, он привык доверять своей интуиции, а внутренний голос подсказывал, что они тоже не в курсе происходящего.

– Хорошая мысль.

Колдмун отстегнул ремни безопасности, встал с кресла и прошел через салон в кабину. Два пилота в шлемах и в форме хаки, с коротко подстриженными каштановыми волосами одинаковой длины вполне могли сойти за близнецов.

– В чем дело? – спросил Колдмун у первого пилота, сидевшего в правом кресле с ручкой управления между коленями. – Мы должны были лететь в Майами.

– Уже нет, – ответил пилот.

– Что значит «уже нет»?

– Сразу после взлета мы получили новый приказ: лететь в Саванну.

– В Саванну? – повторил Колдмун. – Вы хотите сказать, в Джорджию? Это какая-то ошибка.

– Никакой ошибки, – ответил первый пилот. – Приказ самого Пикетта.

«Пикетт, сукин сын!»

Стоя в дверях кабины, Колдмун вспомнил последний разговор с ответственным заместителем директора перед взлетом.

«Мне только что доложили о чрезвычайно странном происшествии, случившемся прошлой ночью к северу от Саванны...»

Должно быть, Пикетт дождался, когда они взлетят, а потом передал пилотам приказ изменить курс.

Из всех вероломных, неблагодарных... Ну что ж, один раз Колдмуна уже обвели вокруг пальца, заставив взяться за второе дело

вместе с Пендергастом и его нестандартными методами... И ясен пень, больше он такого не позволит.

– Разворачивай вертолет, – потребовал Колдмун.

– Простите, сэр, но я не могу этого сделать, – ответил первый пилот.

– У тебя уши засрало? Я сказал: разворачивай вертолет! Мы летим в Майами.

– При всем уважении, сэр, у нас приказ, – сказал второй пилот. – И между прочим, вас он тоже касается. Мы направляемся в Саванну.

Убрав руку с рычага, он расстегнул штормовку ровно настолько, чтобы из-под нее выглянула рукоять пистолета в нейлоновой наплечной кобуре.

– Агент Колдмун! – Голос Пендергаста прозвучал как будто издалека. – Агент Колдмун!

Колдмун резко развернулся и слегка покачнулся вслед за креном вертолета.

– Что?

– Очевидно, мы ничего не можем поделать с этим неожиданным развитием событий.

– Вы разве не слышали? – вспыхнул Колдмун. – Мы летим в Саванну. Задроченную Саванну вместо...

– Я слышал, – ответил Пендергаст. – Должно быть, случилось что-то крайне необычное, чтобы не сказать больше, раз уж Пикетт решил похитить нас подобным образом.

– Ага, его повысили в звании, и он стал еще большим засранцем, чем прежде. И хрен ли нам теперь делать?

– В сложившейся ситуации я не могу предложить ничего другого... кроме как сидеть спокойно и наслаждаться видом из окна.

Но Колдмун не желал отступить:

– Это все дерьмо собачье! Я собираюсь...

– Агент Колдмун!

Это была Констанс. Она произнесла его имя с глубоким, странным акцентом, без какого-либо нажима.

Колдмун умолк. Эта женщина была способна сказать или сделать все, что угодно. Но она ничего не сделала, только с сочувствием посмотрела на него.

– Может быть, вы немного успокоитесь, если обратите внимание на парадоксальность ситуации.

– О чем это вы? – раздраженно спросил Колдмун.

– Как вы думаете, часто ли случается так, что агента ФБР похищают собственные сотрудники? Неужели это вас не заинтересовало?

С этими словами она вернулась к чтению.

Примерно через сорок пять минут вертолет приземлился на дальнем участке армейского аэродрома Хантер. Как только рассерженный Колдмун выдернул рюкзак из заднего отделения салона, послышался гул еще одного подлетающего вертолета. Через минуту он появился в небе. Это был «Белл-429», – судя по хвостовым опознавательным знакам, правительственной модификации. Выглядел он точно так же, как тот, который этим же утром доставил Пикетта на частный остров. Колдмун фыркнул. Стоило ли удивляться?

Почти в то же мгновение, словно все было заранее отрепетировано, подъехал «эскалейд» с окнами, тонированными почти в такой же черный цвет, как и его кузов, остановился и замер с включенным двигателем.

Колдмун оглянулся на Пендергаста, вытаскивающего из заднего отсека салона свой багаж и вещи Констанс. Недавно Пендергаст ясно дал понять, что ему не терпится вернуться в Нью-Йорк, и это еще мягко сказано. Но сейчас он выглядел так, будто его ничуть не смущает подобный поворот дела. Более того, он словно бы даже и не возражал.

– Вы всё знали, так ведь? – спросил Колдмун, обернувшись к нему.

– Уверяю вас, что нет, – ответил Пендергаст сквозь шум вертолетного винта.

– Тогда какого черта вы делаете вид, будто приехали на пикник? Мне казалось, что вы собирались домой.

– Я очень хотел бы вернуться в Нью-Йорк.

Пендергаст направился с сумками к ожидавшему внедорожнику.

Колдмун двинулся следом.

– Так какого же...

– Дорогой мой Армстронг, – начал Пендергаст с так бесившего Колдмуна обращения. – Я не вижу, чего можно достичь подобным выражением недовольства. Пикетту известны наши планы. Если он не принял их во внимание, на то должна быть серьезная причина. Возможно, это как-то связано с одним сенатором из Джорджии,

имеющим большое влияние в ФБР. Да... Подозреваю, нас направили сюда, потому что это дело может получить нежелательную огласку.

Колдмун удивленно посмотрел на него:

– Если бы я не знал вас лучше, то решил бы, что вы заинтригованы.

– Я и впрямь заинтригован. – Пендергаст окинул взглядом летное поле, и его серебристо-голубые глаза заблестели. – Саванна просто чудесна. Вы бывали здесь?

– Нет, и не очень-то стремлюсь.

– Это очаровательный город. Он полон прекрасных старинных особняков, жестоких тайн и загадочных призраков. Истинная жемчужина Юга. Саванна напоминает мне наш семейный дом на плантации Пенумбра... каким он когда-то был.

Пендергаст еще не договорил, а Колдмун уже отвернулся и пробормотал длинное, касающееся человеческой анатомии ругательство индейцев лакота. Он искренне не мог решить, кто из этих двоих хуже: Пикетт или Пендергаст. Оказывается, у этого парня когда-то была своя плантация.

Пассажирская дверь «белла» скользнула в сторону, и элегантная фигура Пикетта широкими шагами направилась к ним.

– Прошу прощения за небольшое изменение маршрута, – заговорил он, не дав Колдмуну возможности выразить недовольство, и показал рукой на «кадиллак». – Будьте добры, рассаживайтесь, я все объясню по дороге.

– По дороге куда? – спросил Колдмун, но Пикетт уже беседовал с водителем.

Сзади раздался яростный вой, затем повторился, и Колдмун, обернувшись, увидел, как два вертолета взлетели один за другим, обдав его струей воздуха. С опущенными носами они поднялись выше, словно огромные неуклюжие канюки. Колдмун едва справился с порывом броситься за ними и ухватиться за полозья, пока еще можно до них дотянуться. В безмолвной ярости он швырнул свой рюкзак на заднее сиденье внедорожника и уселся сам. Констанс скользнула в машину следом за ним. Пендергаст с Пикеттом заняли средний ряд. Водитель переключил передачу и с силой надавил на газ. Мимо промелькнули военные ангары, и вот уже «эскалейд» выехал на трассу I-516, направляясь на север.

Пикетт закрыл все окна, попросил водителя включить кондиционер, затем откашлялся.

– Хочу вас уверить, что все решилось в последний момент, – начал он. – Я ничего не знал заранее и клянусь, что мой визит к вам не был попыткой вас перехватить. Дело в том, что развернувшиеся здесь события потребовали немедленного внимания. Бюро будет вести совместное расследование с местными властями.

– Разумеется, у вас уже есть богатые ресурсы в Джорджии, которые в силах обеспечить необходимое внимание, – заметил Пендергаст.

Пикетт поморщился:

– Скажем так, это дело особенно подходит для ваших способностей. Ситуация быстро меняется, но нам необходимо справиться с ней и показать результат как можно скорее.

– Понятно. А как поживает сенатор Дрейтон? – спросил Пендергаст.

– Лучше я притворюсь, будто этого не слышал, – ответил Пикетт.

– Но вы ведь с ним знакомы?

– Вы даже не представляете насколько, – с холодной улыбкой ответил Пикетт.

Повисла короткая, но все же неловкая пауза.

– Я прошу вас только посмотреть, и все.

– Всенепременно, – сказал Пендергаст. – Но если не ошибаюсь, в точности те же слова вы говорили несколько недель назад, когда просили меня слетать на Санибел.

Колдмун ухватился за возможность вмешаться в разговор:

– А какое все это имеет отношение ко мне? Я должен явиться в денверское отделение.

– Я знаю, но тут уж как повезет.

– Но, сэр, мой перевод уже откладывали. Вы же сами сказали, что это подходящее дело для Пендергаста. Прекрасно, но мне-то нужно получить...

– Агент Колдмун! – сказал Пикетт невероятно тихим, но ледяным голосом, от которого Колдмун тут же умолк. – Это Федеральное бюро расследований, а не деревенский клуб, где можно выбирать удобное для вас время.

В наступившей тишине внедорожник выехал с развязки на трассу I-16, в сторону центра Саванны. Пикетт открыл кейс и достал тоненькую папку.

– Три дня назад на берегу реки Уилмингтон нашли тело управляющего местным отелем. Он был полностью обескровлен.

– Насколько «полностью»? – уточнила Констанс.

Пикетт с удивлением взглянул на нее:

– Ни одно похоронное агентство не справилось бы лучше. Поначалу местные власти решили, что это дело рук какого-то безумца, сектанта... или, возможно, месть гангстеров. Но как раз сегодня утром во дворе дома на Аберкорн-стрит обнаружили еще одно тело. Из него тоже выпустили всю кровь. – Он посмотрел на часы. – Причина спешки в том, что место преступления сохраняют нетронутым до тех пор, пока мы его не осмотрим.

Колдмун оглянулся на Пендергаста, лицо которого, как обычно, не выдавало никаких эмоций... Кроме, может быть, неестественного блеска в глазах. Внедорожник свернул с трассы в узкий переулок под названием Гастон-стрит. Вдоль него тянулись жутковатые кирпичные дома, и машину трясло так, словно дорогу вымостили булыжником... возможно, так оно и было на самом деле. С правой стороны лежал парк с массивными старыми деревьями, густо облепленными испанским мхом, отчего казалось, будто они оплывают. Это напоминало сцену из фильма ужасов. Колдмуну до рвоты осточертела Флорида, ее жара, влажность, толпы людей и вообще «южность». Но этот зловещий город с корявыми деревьями и покосившимися домами был еще хуже.

Почему Пендергаст не пытался возразить? В конце концов, он же старший агент. В памяти Колдмуна всплыла любимая поговорка деда, индейца из племени лакота: «Остерегайся собаки, которая не лает, и человека, который не говорит ни слова».

– Унчи Мака, бабушка-земля, дай мне сил, – пробормотал он себе под нос, пока «эскалейд» забирался все глубже и глубже в самое сердце города, казавшегося чужим и враждебным.

Пробравшись сквозь полицейские ограждения и блокпост на Аберкорн-стрит, «эскалейд» остановился возле величавого особняка из красного камня с крыльцом, окруженным колоннами. Колдмун вышел из машины, приняв на себя удар влажного воздуха, и огляделся. К дому примыкал сквер с поросшими мхом дубами и возвышающейся на пьедестале статуей давно забытого героя в треуголке и с обнаженной шпагой. Все вокруг были одеты в форму или строгие темные костюмы, и Колдмун ощутил неловкость за свои старые джинсы и рубашку. Раз уж на то пошло, Пикетт мог хотя бы предупредить его о новом задании. От этих мыслей он помрачнел еще больше.

У ворот в сквер, окруженный фигурной оградой, дежурил мужчина в штатском, но не угадать в нем копа было невозможно. Женщину, что стояла рядом с ним в форме со всеми регалиями, Колдмун принял за старшего офицера.

– Детектив Бенни Шелдрейк из отдела убийств департамента полиции Саванны и капитан Аланна Делаплейн из юго-западного участка, – представил их Пикетт.

– Нас ждет место преступления, – спокойно перебил его Пендергаст. – Может быть, лучше оставить формальности на потом? А пока, будьте любезны, проводите нас.

Бесцеремонность Пендергаста только обрадовала Колдмуна. Чем быстрее копы осознают нежелательность своего присутствия, тем раньше оставят их в покое... По крайней мере, он на это надеялся.

– Конечно, – сказала капитан Делаплейн. – Прошу следовать за мной. Мы нашли тело на заднем дворе, рядом с баракком для рабов.

– Баракком для рабов? – переспросил Пендергаст.

– Именно так. Вы, наверное, еще не знаете, что дом Оуэнса-Томаса – один из исторических особняков Саванны с прекрасно сохранившимся баракком для рабов. Тело обнаружено на старой рабочей площадке. Нужно пройти через дом, а потом через сад.

– Кто нашел тело? – спросил Пендергаст.

– Директор музея. Утром, по дороге на работу. Он сейчас находится в доме.

– Я хотел бы встретиться с ним, после того как мы закончим здесь.

– Хорошо.

Пройдя по роскошному мраморному вестибюлю и центральному коридору с богато обставленными комнатами по обеим сторонам, они вышли через портик заднего фасада. Отсюда открывался вид на строго прямоугольный сад с фонтаном. Колдмун едва поспевал за Делаплейн, которая вела их сначала по лестницам, потом через сад к калитке двора, где стояло невзрачное двухэтажное кирпичное здание с маленькими оконцами. Очевидно, это и был барак для рабов.

Посреди двора лежал на спине молодой человек с раскинутыми руками, как будто он упал прямо с неба.

– Криминалисты уже закончили работу, – сказала Делаплейн. – Место преступления в полном вашем распоряжении.

– Сердечно вас благодарю, – уже мягче ответил Пендергаст и подошел к труп, сцепив руки за спиной.

Колдмун направился было за ним, но передумал. Пусть Пендергаст занимается своим делом.

– А куда подевался Пикетт? – спросил он, оглядываясь. – И Констанс тоже.

Погруженный в себя, Пендергаст не ответил. Он обошел труп кругом, вглядываясь так пристально, как будто обследовал редкий персидский ковер. На вид жертве было за тридцать. Колдмуну до сих пор не доводилось видеть такого бледного лица и таких белых рук. Особенно поражал их контраст с черными вьющимися волосами и голубыми глазами, неподвижно смотревшими в небо. В сравнении с трупом даже Пендергаст казался чуть ли не румяным. Лицо жертвы застыло в гримасе ужаса. Правая брючина была разодрана то ли ножом, то ли садовым инструментом, но ни в самой ране, ни вокруг нее крови видно не было. Ни капли.

Пендергаст поднял глаза на капитана Делаплейн:

– Что вы можете сообщить мне на данный момент?

– Это все предварительно, – ответила она, – но похоже, что кровь откачали из бедренной артерии, в верхней части бедра, где порваны брюки.

– Чем откачали?

– Способ тот же, что и в прошлый раз: иглу с широким отверстием или, возможно, троакар^[3] ввели во внутреннюю часть бедра, чтобы добраться до бедренной артерии.

– Очень интересно.

Пендергаст взял нитриловые перчатки из контейнера, стоявшего на столике рядом с жертвой, ловко натянул их, опустил на колени и осторожно развел порванные края брючины, под которыми открылось аккуратное отверстие на внутренней части бедра. На месте разрыва к ткани присохла одинокая капля крови, смешанной с чем-то липким и желтоватым. Тонкие янтарные нити того же вещества повисли на правом ботинке жертвы. Колдмуну показалось, что это высохшие сопли.

В руках Пендергаста появились пробирка и зонд-тампон, он взял образец, потом еще один и еще, поочередно заталкивая их в стеклянные ампулы, которые тут же исчезали в его кармане.

– Время смерти? – спросил он.

– Около трех ночи, плюс-минус два часа, судя по температуре тела, – ответила Делаплейн. – Откачанная кровь усложняет расчеты.

– А эта слизь вокруг раны и на ботинке?

– Мы взяли образцы, но результатов пока нет.

Теперь в разговор вступил и Шелдрейк:

– Опергруппа ФБР тоже собрала много образцов и отослала в лабораторию в Атланте.

– Превосходно, – сказал Пендергаст.

Пока он на коленях осматривал – иногда с помощью карманной лупы – глаза, уши, язык, шею, волосы и ботинки трупа, стояла тишина. Затем Пендергаст изучил затылок мужчины.

– У первой жертвы мы обнаружили кровоподтеки в районе бедра, поясицы и брюшины, – сообщила Делаплейн. – У этого они тоже есть.

– Скорее похоже на следы недолгой борьбы, – заметил Пендергаст, поднимаясь. – Вы установили личности входивших и выходивших?

– Это странно, но мы не смогли, – призналась Делаплейн. – Территория хорошо охраняется. На всех трех входах есть камеры слежения. Но в записях ничего нет, и никаких обрывов тоже. Вообще ничего, только две камеры записали странные звуки около трех ночи.

– Что за звуки?

– Трудно описать. Что-то вроде фырканья собаки, а потом громкий шлепок. Я принесу вам копию записи.

– Спасибо, капитан.

Пендергаст обернулся к Колдмуну:

– Взгляните на это.

Колдмун решил подойти ближе. Пендергаст осторожно повернул набок окоченевшую голову трупа.

Колдмун надел перчатки и тоже встал на одно колено.

– Потрогайте затылок, – сказал Пендергаст.

Колдмун нащупал небольшую шишку. Пендергаст раздвинул волосы жертвы и показал что-то вроде ссадины.

– Похоже, перед смертью его крепко приложили по голове, – заметил Колдмун.

– Именно так. На этот интересный вопрос, как и на многие другие, должно ответить вскрытие.

Колдмун не стал уточнять, какие это вопросы.

– Жертву опознали? – спросил Пендергаст.

– Да. При нем был бумажник. Один из тех велотуристов, каких можно встретить здесь повсюду.

– А где его велосипед?

– Найден на углу Аберкорн и Ист-Мейкон.

– Это ведь недалеко отсюда?

– Всего с дюжину кварталов, не больше.

– Где он жил?

– На Либерти, поблизости от того места, где нашли велосипед. Возможно, его остановили по дороге домой.

Пендергаст встал, стащил перчатки и бросил в мусорный бак. Колдмун поступил так же.

– Может, нам лучше вернуться в дом? – предложил Пендергаст.

– Конечно, – просто ответила Делаплейн и повела их обратно.

Оказавшись в прохладе особняка, Пендергаст прошел прямо в роскошную гостиную и уселся в мягкое позолоченное кресло с такой непринужденностью, как будто находился у себя дома.

– Мы с напарником с самого рассвета в дороге. Нельзя ли нам получить по чашечке чая? – спросил он и с выжидающим видом закинул ногу за ногу.

– Даже не знаю, – ответила Делаплейн. – Это ведь музей.

Но тут высокий не улыбочивый мужчина, державшийся прежде на заднем плане, шагнул вперед со словами:

– Думаю, это можно устроить.

– Прекрасно!

– Я директор дома-музея Оуэнса-Томаса Арманд Кобб, – представился мужчина. – Если вам еще не объяснили, музей находится в этом здании.

Пендергаст вяло кивнул:

– Простите, что не встаю. Последнее дело во Флориде чрезвычайно меня измотало.

Директор музея удалился, и Пендергаст перевел взгляд на капитана.

– Приятно было с вами познакомиться, капитан Делаплейн. Спасибо за помощь.

– Пожалуйста, – ответила она. – А это детектив-сержант из отдела убийств Бенни Шелдрейк, который ведет дело.

Пендергаст пожал руку подошедшему детективу:

– Добрый день.

Из тени вышел еще один человек, только что появившийся.

– Гордон Карраччи, начальник отдела по связи с ФБР, – сказал он. – Сопровождаю образцы в Атланту.

– Очень рад знакомству.

Такое развитие событий поразило Колдмуна: Пендергаст сидел, словно паша на троне, принимая знаки почтения от самых разных людей, подходивших один за другим.

– А теперь, мистер Кобб, – заговорил Пендергаст. – Простите... может быть, правильнее сказать доктор?

– Доктор, – сухо подтвердил тот.

– Доктор Кобб, насколько я понял, это вы нашли тело?

– Да.

– Оно ведь лежало не по дороге к вашему кабинету, правильно? – спросил Пендергаст. – Как получилось, что вы на него наткнулись?

– Я люблю время от времени прийти пораньше, чтобы успеть поработать до открытия музея. И всегда обхожу территорию.

– Зачем?

– Просто привычка. Дом такой красивый. Это придает мне сил. Кроме того, поскольку это музей... В общем, никогда не лишне убедиться, что все в порядке.

– Разумеется. Так, значит, вы увидели тело, и что дальше?

– Первым делом я проверил, жив ли он. На ощупь тело было холодным. Тогда я отошел подальше, чтобы ничего не затоптать, и вызвал полицию. А потом сидел в своем кабинете и ждал, когда полицейские приедут.

– Понятно. – Пендергаст обернулся к Делаплейн. – Обычный вопрос, капитан, если позволите. Не сообщали ли вам в последнее время об убитых или замученных животных, о необычных знаках и символах на улицах или о чем-то еще, позволяющем предположить активность сектантов... сатанистов, к примеру?

– Господи, да конечно же! – воскликнула Делаплейн. – Саванна притягивает этот народ, как магнит. Понятное дело, мы присматриваем за ними, когда есть причины предполагать преступление. С другой стороны, мы должны быть осторожны: могут посчитать, что их деятельность подпадает под закон о свободе вероисповедания.

Она помолчала немного и спросила:

– Вы думаете, здесь может быть что-то в этом роде?

– Я стараюсь не думать в начале расследования, капитан.

– Что же вы делаете вместо этого?

– Превращаюсь в приемник информации.

Приподняв брови, Делаплейн выразительно посмотрела на Колдмуна. Он пожал плечами. Пендергаст – это Пендергаст.

Сам агент уставился в пол, а потом вдруг обернулся к Коббу:

– Не откажите в любезности рассказать нам немного об истории этого дома.

– Охотно, но не уверен, что это относится к делу.

– Сейчас к делу относится все.

Кобб приступил к тому, что, очевидно, было тщательно отрепетированной лекцией.

– Дом Оуэнса-Томаса был построен в тысяча восемьсот девятнадцатом году для Ричарда Ричардсона и его супруги Фрэнсис английским архитектором Уильямом Джеем в стиле эпохи Регентства. Ричардсон нажил состояние на работоторговле. Он нашел прибыльную нишу, перевоза насильно разлученных с родителями или осиротевших детей-рабов на продажу из Саванны в Новый Орлеан.

Колдмуна передернуло от того будничного тона, каким это было сказано.

– Дом строили рабы, – продолжал Кобб. – Когда работы были завершены, Ричардсон переехал сюда вместе с женой и детьми, а также девятью рабами. Рабов разместили в старом кирпичном здании на заднем дворе. За последовавшие десять лет жена и двое детей Ричардсона умерли. Финансовые трудности вынудили Ричардсона продать дом и перебраться в Новый Орлеан. Он погиб в море в тысяча восемьсот тридцать третьем году. А дом со временем приобрел мэр Саванны Джордж Оуэнс, поселившийся здесь вместе с пятнадцатью рабами.

– Пятнадцатью? – с отвращением повторил Колдмун.

Смириться с мыслью о том, что один человек может владеть другими, было непросто.

Кобб кивнул:

– Оуэнсу также принадлежали еще четыреста рабов на различных окрестных плантациях.

– Zuzesa^[4], – пробормотал Колдмун себе под нос.

– После Гражданской войны семейное состояние Оуэнсов пошло прахом, но дом им удавалось сохранять за собой до тысяча девятьсот пятьдесят первого года, когда последний из рода Оуэнсов умер, не оставив наследников. Дом перешел к Телфэйрской академии искусств и наук, которая превратила его в музей, каковым он и остается по сей день. Это одна из самых популярных достопримечательностей Саванны.

Вскоре был подан чай с какими-то невзрачными бисквитами. Пендергаст взял чашку.

– Расскажите подробнее о бараке для рабов.

– Непременно. В нем два этажа, всего шесть комнат, в которых жили рабы. В комнатах не было никакой мебели, как нет и теперь, их обитателям приходилось спать на голом полу с одними лишь потрепанными одеялами. Когда рабство отменили, большинство из них остались жить на задворках большого дома, превратившись в слуг и выполняя ту же самую работу, что и прежде. Но по мере того как для семьи Оуэнс наступали трудные времена, слуг постепенно отпускали. Барак для рабов стоял нетронутым до той поры, пока дом не превратился в музей.

– Благодарю вас, доктор Кобб, весьма познавательно, – проговорил Пендергаст. – Стало быть, глядя на представленные здесь великолепие и богатство, эрудицию и изящество, прекрасный хрусталь и серебро, ковры и картины, можно сказать, что все это – и сам дом, и его содержимое – воплощение чистого зла?

Его вопрос встретили ошеломленным молчанием. Наконец Кобб произнес:

– Рискну предположить, что можно выразиться и так.

– Не вижу тут никаких предположений, – ответил Пендергаст.

В наступившей тишине он полуприкрыл глаза и сложил пальцы домиком.

– Странно, не правда ли, – бесстрастно заключил Пендергаст, – что из всех возможных мест преступление случилось именно здесь.

Он допил чай и налил себе еще.

Старинный отель «Чандлер-хаус» на Чатем-сквер был построен из прессованного кирпича. Балконы с ажурными чугунными перилами по всей длине второго и третьего этажей поддерживались декоративными колоннами. На взгляд Колдмуна, отель был больше всего похож на южный публичный дом размером с целую фабрику.

– Как удачно, что Констанс нашла для нас такие просторные номера, – сказал Пендергаст.

После утренней беседы он исчез на несколько часов и только теперь объявился в отеле. У Колдмуна хватило благоразумия не спрашивать, где он пропал. Они сидели в мягких креслах роскошной гостиной и потягивали мятный джулеп. Канареечно-желтая комната едва вмещала многочисленные исторические реликвии: серебряные кубки и огромные супницы, фотографии под стеклом, выцветшие флаги, мраморные бюсты, часы, документы в красивых рамках и прочие предметы, стоявшие на каминных полках или в затененных нишах.

– Да, очень удачно, – ответил Колдмун без всякого энтузиазма.

Просторные-то просторные, но он поселился в одном номере, а Пендергаст и Констанс – в другом. Уже не в первый раз он задумался о том, в каких отношениях эта парочка. Пендергаст называл Констанс своей «подопечной», но Колдмун подозревал, что это всего лишь удобная формулировка.

Стакан с джулепом вложили в его руку прежде, чем он успел что-то заказать, и чем дольше Колдмун потягивал напиток, тем меньше ему нравился вкус. Он бы с радостью поменял коктейль на холодное пиво, но так и не набрался смелости его попросить.

– Джулеп не слишком терпкий для вас? – поинтересовался Пендергаст.

– Да, пожалуй, – ответил Колдмун.

Пендергаст благодушно огляделся.

– Это одно из самых примечательных зданий в исторической части Саванны, – заметил он. – Что само по себе уже достижение, если

учесть, что едва ли не половина домов в городе имеет архитектурную или историческую ценность.

В его голосе проклюнулись назидательные нотки, и среди всего этого антиквариата, в самом сердце того, что раньше было Старым Югом, Пендергаст, как никогда прежде, выглядел в своей стихии. «Как свинья в луже», – пришло в голову Колдмуну, но он не стал высказывать эту мысль.

– Саванна выросла вдвое в эпоху железнодорожного бума, – продолжал Пендергаст. – И здания успели послужить самым разным целям. Этот отель, к примеру, поначалу был больницей для жертв желтой лихорадки, потом, при конфедератах, стал фабрикой боеприпасов и наконец превратился в ночлежный дом. В пятидесятые годы, как и многие другие заведения, он пришел в упадок, а в шестидесятые и вовсе закрылся. К счастью, у дома есть ангел-хранитель, и она бережно вернула ему прежнее очарование.

Колдмун отпил еще немного и отставил стакан. «Она?» – равнодушно подумал он. О каком прежнем очаровании можно говорить, если здесь лечили больных желтой лихорадкой? А вот о старости – да, черт возьми, дом был старым. Правда, восстановили его старательно – чистота, ни пылинки на мебели. Но широкие и неровные половицы скрипели и стонали при каждом шаге, и казалось, будто дом на что-то жалуется. А еще спальня – огромная кровать с балдахином и кружевными салфетками на спинках стульев и подушках... И при этом ни телевизора, ни Интернета. Такой роскошной ванной комнаты он тоже нигде не видел: большая фарфоровая ванна, мраморный унитаз с деревянным стульчаком. Не говоря уже о выставленных в ряд шампунях и кремах. Больница для жертв желтой лихорадки... Господи, чудеса, да и только! Чего бы он только не отдал за современные удобства отеля «Хэмптон инн»!

Не желая слушать продолжение лекции, Колдмун сменил тему:

– А что случилось с Констанс? Она ушла с места преступления почти одновременно с Пикеттом... и больше я ее не видел.

Губы Пендергаста дрогнули в мимолетной улыбке.

– Ничего удивительного. Зная по опыту представления Пикетта о приличном жилье, она отправилась с ним проследить, чтобы нам забронировали удобные номера. И правильно сделала – он собирался поселить нас в ужасном сетевом отеле на окраине города.

Колдмун вздохнул:

– Так, значит, Пикетт сбежал с места преступления только для того, чтобы обеспечить нас жильем? Сначала он затаскивает нас в гнездо конфедератов, а потом исчезает. Прекрасный способ перевести стрелки.

Пендергаст допил коктейль и поставил стакан на поднос.

– Думаю, это скорее проявление заботы с его стороны.

– Заботы? – вскинулся Колдмун. – Он похитил нас, выдернул меня с нового места службы, где я должен был появиться уже не одну неделю назад, а потом бросил в этом жутковатом старом городе разбираться с каким-то *čheslí*^[5] делом.

– Я не говорю на языке лакота, но прекрасно различаю интонации. И я уже несколько часов наблюдаю ваше раздраженное состояние. Позвольте мне, как напарнику, кое-что вам предложить.

Как бы ни был зол Колдмун, он все же отметил, что Пендергаст не сказал «старший напарник». Что это было? Бросил косточку? Если так, то Колдмун не собирается ее поднимать. Этот человек в кресле напротив – с бледной кожей, светлыми волосами и льдистыми глазами – выглядел раздражающе благодушно, чтобы не сказать самодовольно. Однако Пендергаст так редко давал советы, что Колдмун доверился собственным инстинктам, заткнулся и стал слушать.

– Об этом деле и политических интригах, которые привели нас сюда, я знаю ничуть не больше, чем вы. Сенатор Дрейтон – очень влиятельный человек, и, возможно, именно его поддержка помогла Пикетту пробиться в высшие эшелоны Бюро. Но Пикетту точно так же, как и вам, не нравится это дело. И он явно не намерен брать ответственность на себя, чем бы все ни закончилось.

– С чего вы это взяли? – подозрительно спросил Колдмун.

– Именно из того, что он оставил нас одних разбираться с капитаном Делаплейн. Пока мы осматривали место преступления и опрашивали возможных свидетелей... он демонстративно отстранился. Вы в самом деле полагаете, что чиновник его ранга предпочтет заняться размещением сотрудников, вместо того чтобы самому руководить таким громким, значимым для одного из сенаторов делом?

– Вы хотите сказать, что он нас прикрывает?

– Я хочу сказать, что он прекрасно нас понимает и показывает, что разрешает нам вести расследование так, как мы сочтем нужным. Должен сказать, что это сильно меняет дело.

Пендергаст потер руки, словно уже предвкушая полное отсутствие контроля. Потом наклонился вперед и понизил голос:

– А в алчном денверском отделении – да умалится их род – не смогут вам отказать, когда вы придете заявить свои права на пустой стол.

Он откинулся на спинку кресла и продолжил обычным голосом:

– Так или иначе, но история в этом городе имеет глубокие и мощные корни. К примеру, я только что прогулялся по здешним живописным переулкам.

– Так вот куда вы исчезли? Любовались достопримечательностями?

– Не совсем. Я немного проследил за нашим добрым доктором Коббом.

– Музейным хранителем? Зачем?

– У меня было предчувствие, что после нашего разговора он захочет с кем-нибудь повидаться... не откладывая визит. И он действительно вскоре вышел из музея и направился прямо к дому почтенной и богатой вдовы по имени Лида Мэй Калпеппер. Очевидно, в свое время она была редкостной красавицей, но, к сожалению, увяла, несмотря на героические усилия пластических хирургов и блеск сапфиров, бриллиантов и золота.

Колдмун все еще не мог понять, куда клонит Пендергаст.

– Похоже, вдова Калпеппер не так давно вложила средства в недвижимую: неосвященную церковь на Би-роуд.

– И какая здесь связь?

– Просто случайные размышления о тайнах этого города, так и ждущих, когда их раскроют. Один мой приятель, именующий себя «специалистом по энигмалогии», все бы отдал за то, чтобы поработать здесь. – Пендергаст обвел рукой гостиную. – Взять, к примеру, этот отель.

– А что с ним не так?

Пендергаст чуть ли не обиженно посмотрел на Колдмуна:

– Вы не находите, что это заведение вызывает интерес? Особенно если не забывать, что здесь работала первая жертва.

Тут Колдмун чуть ли не подпрыгнул на стуле.

– Вы имеете в виду...

– Мой дорогой Колдмун, вы же не думаете, что Констанс выбрала это место случайно? Труп, вынесенный на берег реки Уилмингтон, при жизни был управляющим «Чандлер-хаусом». Здесь есть над чем поработать.

Словно по сигналу, в гостиную вошла Констанс, окинула их своим странным взглядом и села на свободное место рядом с Пендергастом.

– Надеюсь, номер пришелся вам по вкусу? – спросила она.

– Превосходный во всех отношениях. Могу я спросить, что ты узнала, пока оформляли бумаги?

– Обычные слухи и сплетни. Тем вечером управляющий вышел покурить, и вскоре из парка донесся отдаленный крик. Он так и не вернулся.

Пендергаст кивнул:

– Отличное начало, Констанс.

– Насколько я понимаю, помощник управляющего мистер Тёрстон Дринкман Третий занял его место.

– Очаровательное южное имя. Нужно будет с ним поговорить. И с владелицей тоже.

Пендергаст повернулся к Колдмуну:

– Эта женщина и восстановила отель, когда его уже собирались снести.

Констанс кивнула:

– Ее зовут мисс Фелисити Уинтроп Фрост. Она в преклонных летах, затворница, занимает весь верхний этаж отеля и никогда не выходит. Не звонит по телефону, ни с кем не встречается, не пользуется электронной почтой. Говорят, она очень богата и выглядит зловеще, несмотря на возраст и слабое здоровье.

– Констанс, ты просто чудо, – сказал Пендергаст. – Значит, она для Саванны – своего рода Говард Хьюз^[6].

Когда они входили в отель, Колдмун обратил внимание на верхний этаж. Он был меньшего размера, чем четыре нижних, посередине возвышался купол, высокие старинные окна были закрыты шторами.

– Есть еще что-то, о чем мы должны знать? – спросил Пендергаст. – Вероятно, дорогой Армстронг считает, что это дело

может оказаться недостойным наших способностей.

Констанс пригвоздила Колдмуна взглядом:

– Недостойным? Разве верования лакота не охватывают целый пантеон? Хан, дух тьмы; Иктоми, бог-паук, даровавший людям речь; Татанкан Гнаскиян – Бешеный буйвол, злой дух, который доводит влюбленных до суицида и убийства.

Она приподняла брови, словно спрашивая, все ли правильно сказала, но Колдмун был так удивлен, что не смог ответить.

– Я думала, – продолжила она, не дождавшись подтверждения, – человек, почитающий духов, почувствует, что Саванна – самый большой во всей Америке город теней.

Венди Гэннон старалась не прислушиваться к крикам Бэттса, долетавшим по длинному коридору из просмотровой комнаты в монтажную. Она продолжала составлять список необходимого осветительного оборудования, а Бэттс тем временем, проверяя отснятый за день материал, исходил непрерывным потоком громких упреков, неодобрительного фырканья и других выражающих отвращение звуков. Поначалу Гэннон беспокоили придирки Бэттса к работе ведущего оператора, но потом она поняла, что это обычное актерство. Барклай Бэттс не выходил из образа, даже когда камера не была на него направлена.

Съемочная группа прибыла в Саванну неделю назад, чтобы снять эпизод нового статусного мини-сериала интернет-компании «Нетфликс» под рабочим названием «Самые посещаемые призраками города». Когда Гэннон подписывала контракт, ей казалось, что это очень заманчивый проект, да и в этом городе она давно хотела побывать. Бэттс имел репутацию человека, с которым трудно работать, но так говорили почти обо всех режиссерах, а Венди гордилась тем, что ладила практически с кем угодно. Город был и вправду сказочный. Один из немногих в Америке, не утративший специфический местный колорит под оупляющим натиском сетевых фастфудов, бензоколонок и гипермаркетов. Истинная мечта оператора, чудесное место для съемок: утренний туман, поднимающийся над опутанными испанским мхом дубами; мягкий вечерний свет, золотящий роскошные старые особняки; мощенные булыжником улицы; очаровательные скверы. И все это на крутом берегу медленно текущей реки. Идея тоже была захватывающей. Группа собиралась посетить шесть наиболее известных своими призраками домов Саванны, и не с кем-нибудь, а с самим Герхардом Мюллером, знаменитым медиумом, специалистом по паранормальным явлениям и основателем Института перцептивных исследований. Он изобрел особую камеру, якобы способную заснять призраков, или, как называл их Мюллер, «спиритуальные турбуленции», а также другие приборы для их обнаружения. Каждый эпизод фильма предполагалось посвятить исследованию одного такого

места, чтобы выяснить, действительно ли там обитают призраки, и если да, зафиксировать их присутствие с помощью камеры и других устройств.

Венди Гэннон почти не сомневалась, что все это бред сивой кобылы, но кто знает? Она не могла даже точно сказать, клюнул ли на это сам Бэттс, хотя было похоже, что клюнул. Но если призраки и впрямь существуют, то здесь им самое место. Может быть, она даже поймает одного из них на камеру. Вот это был бы номер!

Барклай Бэттс... Она и раньше работала с самовлюбленными эгоистами, но нужно признать, что он был хорошим режиссером и ведущим. Бэттс понимал, чего хочет, и был первым во всем. Его указания были ясными, а общие представления о том, как должен выглядеть фильм, совпадали с ее собственными. Правда, он был нарциссом и злопамятным говнюком, имеющим пристрастие к судебным искам. Но, по правде говоря, она предпочла бы такого, как Бэттс, чем милого и обходительного режиссера, не знающего, что ему нужно, и не имеющего четкого понимания задачи. Гэннон достаточно поработала с этими парнями, чтобы убедиться, что они куда хуже крикливого козла Бэттса.

Раздражающий шум затих, а через мгновение в монтажную комнату вошел Барклай Бэттс в сопровождении приглашенного таланта Герхарда Мюллера. Это был тот еще дуэт, вылитые Эбботт и Костелло^[7]. Мюллер был высокий, молчаливый и такой симпатяга, что краше в гроб кладут. Глубочайшей серьезностью, как будто он постоянно размышлял о конце света, Мюллер напоминал Питера Кушинга^[8]. У Бэттса же, напротив, все было каким-то круглым, обтекаемым: очки, голова, даже голос – глубокий и звучный. Он почти не умолкал и суетился, как большая крыса в маленькой квадратной клетке. Может, ему и не хватало физической привлекательности, зато у него было то, что необходимо каждому режиссеру, – харизма. И она сразу ощущалась, стоило ему только войти в комнату.

– У сегодняшнего материала проблемы с экспозицией, – разразился Бэттс новой критической тирадой. – Послушай, дорогая, я хочу, чтобы ты снизила ее на полступени. Тогда кадры станут темнее и насыщеннее. Сейчас они слишком яркие. Это не реклама для канала путешествий, это Саванна, город демонов. Поняла, о чем я говорю?

Гэннон разозлилась, потому что всегда придерживалась другого принципа, оставляя возню с экспозицией на потом, чтобы получить правильно выставленные кадры. Но препираться из-за такого не стоило, особенно с Бэттсом.

– Ладно, – сказала она. – Приму к сведению. Дельная мысль.

Он похлопал ее по колену:

– Хорошая девочка.

Такой троглодит, что даже смешно. Честно говоря, Гэннон мало волновало, что ее называют девочкой и лапают за коленки. Бэттс не был замечен в домогательствах. Его сексуальные предпочтения вообще оставались загадкой – он с равной вероятностью мог оказаться геем, натуралом, бисексуалом или вообще асексуалом. Возможно, это только к лучшему, потому что всю свою энергию Бэттс тратил на создание провокационных и спорных документальных фильмов, которые принесли ему скандальную известность. Критики, разумеется, его ненавидели.

Барклай Бэттс обернулся к Мюллеру:

– Вы не против? Саванна – город демонов. Мне нравится. Используем эту фразу сегодня. Она может стать новым рабочим названием сериала.

– Мистер Бэттс, – сказал Мюллер с легким тевтонским акцентом, – могу я спросить, когда мы начнем изучение призраков? Мы здесь уже несколько дней, но еще не исследовали ни одного места сосредоточения спиритуальных турбуленций.

– Не беспокойтесь, Герхард, ваш выход уже скоро. На пятницу у нас запланирован «Гамильтон-Тёрнер инн». А пока мы снимаем вспомогательные материалы и фон, доводим все до ума. Продвинулись бы дальше, если бы не это чертово расследование и перекрытые улицы.

Мюллер не ответил.

– Какое-то безумие, – продолжил Бэттс, плюхнувшись в кресло. – Два трупа, лишённые крови. Вот уж действительно из пальца высосано, вы меня поняли?

Если он ждал, что Мюллер рассмеется, то напрасно. Гэннон решила, что этот человек ни разу в жизни не смеялся. Но самой ей пришлось хихикнуть.

– Спасибо, – сказал Бэттс. – То есть я хотел сказать, что кто-то при мне говорил о саваннском вампире. Ты ничего такого не слышала?

– Нет.

– Герхард, дорогой, а вы?

Мюллер покачал головой.

– Но ваша камера может заснять и вампиров?

– Перцептивная камера способна запечатлеть вампиров, оборотней и прочие феномены, имеющие отношение к спиритуальным смещениям.

Бэттс развалился в кресле, выпятив влажную нижнюю губу и приложив палец к подбородку. Как Гэннон успела заметить, это означало, что он думает.

– Венди, – обратился к ней Бэттс, – раз уж мы все равно здесь, можно заодно снять сюжет об этих убийствах. – Он уставился в пустоту. – Саваннский вампир... кто знает, к чему это приведет?

– Конечно, – согласилась Венди.

В этом был смысл. «Саванна – город демонов» и так далее.

Бэттс обернулся и крикнул в коридор:

– Эй, Марти! Иди сюда!

Через мгновение Мартин Владимирович, многострадальный ассистент по исследованиям, появился из своей каморки дальше по коридору. Он вечно выглядел так, будто только что проснулся. Волосы его были примяты с одного бока. «Возможно, для молодых людей двадцати пяти с небольшим лет эта сонливость и растрепанность стала своеобразным стилем, – подумала Гэннон. – Способом показать, что им все по барабану». Но под этой маской скрывался толковый и способный исследователь.

– Пойди разузнай все, что сможешь, о здешних вампирских легендах, – сказал Бэттс. – Ну, ты понял – история, слухи, жертвы и прочая срань.

– Да, мистер Бэттс.

– А если ничего не найдешь или это окажется унылым дерьмом... ну, ты знаешь, что делать.

– Да, мистер Бэттс. – И Марти поплелся обратно по коридору.

– Знаете, – продолжил Бэттс, – раз уж убийство случилось в самый разгар съемок, оно может стать сквозной линией фильма. Вдруг

мы получим целую кучу перцептивных снимков призраков или еще кого-то на месте преступления. Правда ведь, Герхард?

– Возможно.

– Отлично! Черт возьми, может быть, мы с нашей камерой даже смогли бы раскрыть дело. Подумайте только! И это будет не призрак столетней давности, а то, что происходит сейчас. – Он повернулся к Гэннон. – У нас ведь есть полицейский сканер?

– Разумеется.

Сканер входил в обязательную экипировку съемочной группы.

– Давайте тогда завтра отснимем материал о том, как копы ведут расследование. Когда Марти нарочет что-нибудь интересное, мы займемся и этими местами тоже. Нет, ты только подумай, дорогая: два трупа, у которых высосали кровь! Попробуй угадать, что из этого выйдет! Может быть, что-то большое. То есть, я хочу сказать, по-настоящему большое.

Фрэнсис Уэллстоун-младший замедлил бодрый шаг, разглядывая цифры над солидными парадными дверьми по обе стороны Вест-Оглторп-авеню. Шестьдесят семь, шестьдесят три... Ага, вот он: особняк в неокOLONиальном стиле с необходимым количеством благородных трещин на каменном фасаде. Как будто его забрали прямо со съемок «Иезавели»^[9].

Уэллстоун поправил галстук – проклятье, он успел позабыть о том, какая влажность в Саванне, – потом прочистил горло и поднялся на крыльцо. Позвонив в дверной колокольчик, он посмотрел на свое отражение в матовом стекле: чуть тронутые сединой волосы, легкие аристократические морщинки в уголках глаз – образ, долгие годы украшавший множество телевизионных интервью. Даже странно, что его не так уж часто узнают на улице.

Из прихожей послышался шум, дверь открылась, и на пороге появилась хорошо сохранившаяся дама приблизительно семидесяти лет. Тщательно нанесенный макияж, седые волосы окрашены в лавандовый цвет, дорогая одежда искусно скрывает добрых двадцать фунтов лишнего веса.

– Мистер Уэллстоун! – сказала она, пробежав взглядом по его костюму.

– Миссис Файетт?

– Прошу вас, зовите меня Дейзи.

– Тогда и вы называйте меня Фрэнком.

– Договорились!

С чем-то средним между реверансом и *passé relevé*^[10] она провела его по короткому коридору в гостиную, мгновенно согревшую ему сердце. Она была прямо из пьес Теннесси Уильямса, вплоть до салфеток, портретов погибших конфедератов и покрова пыли. Эркерное окно выходило на Вест-Оглторп-авеню, портьеры с бахромой фильтровали лучи утреннего солнца. Проходя мимо, Уэллстоун бросил привычный взгляд на изысканную книжную полку у стены. Мгновением позже, занимая предложенное место в мягком кресле с подголовником, он осознал, что беспокоиться не о чем: на

кофейном столике перед ним гордо красовались четыре его книги. Он с удовлетворением отметил, что две из них были свежими, изданными за последнее десятилетие. «Преступный умысел», разумеется, тоже был здесь. Еще на одной книге Уэллстоун с досадой заметил штамп распродажи.

– Так приятно познакомиться с вами, – сказала Дейзи Файетт, покраснев под слоем пудры. – Прощу вас, выпейте лимонада.

Уэллстоун позволил пожилой даме наполнить стакан.

– Спасибо.

– Это вам спасибо. Я так удивилась, получив ваше письмо. О боже, ошеломительно! Поверить не могу: Фрэнсис Уэллстоун собирается взять у меня интервью!

Он принял ее слова с улыбкой:

– Надежные источники сообщили мне, что именно с вами стоит поговорить об истории Саванны.

– Ну разве это не мило с вашей стороны? Должна признаться вам, мистер Уэллстоун... Фрэнк, что «Преступный умысел» – одна из самых захватывающих и потрясающих книг из всех, что я прочитала.

Уэллстоун не без труда сохранил на лице улыбку. Почему люди всегда называют первую и самую известную его книгу, когда хотят сделать комплимент? Чем, по их мнению, он занимался следующие двадцать лет после ее выхода? Это все равно что расхваливать Папу Гайдна^[11] за его первую симфонию!

Еще в колледже Уэллстоун решил стать историографом, но, когда он поступил в магистратуру, стало ясно, что ему недостает упорства, чтобы корпеть над пыльными томами в поисках сути. Тогда он бросил Колумбийский университет и поступил на стажировку в «Нью-Йорк мэгэзин», где выполнял любую подсобную работу и помогал штатным журналистам, одновременно решая, как жить дальше.

Но именно в «Нью-Йорк мэгэзин» Уэллстоун нашел свое предназначение. Может быть, у него и не было склонности к анализу древних текстов, но он имел впечатляющий дар в другой области: исследование современности. Собирая информацию и проверяя факты, он обнаружил умение раскрывать секреты, ни за что бы не открывшиеся штатным авторам. Этот дар был особенно полезен при поисках компромата на знаменитостей и общественных деятелей. Уэллстоун интуитивно понимал, как разговаривать с портье, нянями,

отвергнутыми любовниками. Благодаря академическому образованию он хорошо представлял, где добывать информацию, которой полагалось быть похороненной навсегда. Его статьи, часто отдававшие сарказмом и Schadenfreude^[12], читатели поглощали с жадностью. Прошло немного времени, Уэллстоун перестал заниматься закулисной работой, и его имя замелькало на первой полосе «Нью-Йорк мэгэзин» наравне с именами ведущих журналистов.

А потом – словно удар молнии. Собирая материал для очередной статьи, он неожиданно наткнулся на богатый источник сплетен о прославившемся громкими делами адвокате Лоуренсе Фурмане. Фурмана обожали за все то доброе, что он сделал для людей, в том числе за спасение Западной Виргинии от свалки токсичных отходов, которую хотела устроить там одна хищническая фирма. Кроме того, Фурман был повсеместно известен благотворительностью и готовностью сражаться за интересы простых тружеников.

Однако это была лишь часть истории. Глубоко внутри скрывался другой Лоуренс Фурман: адвокат, сокрушающий своих оппонентов при помощи шантажа и политических связей, и похотливый мужчина, который грязно домогался своих сотрудниц, а потом угрозами заставлял их молчать. А самым отвратительным было то, что Фурман поддерживал контакты с адвокатами другой стороны, набивая карманы за счет своих клиентов.

Это был слишком большой скандал для одной статьи, слишком лакомая косточка, чтобы бросить ее владельцу журнала. И Уэллстоун решил написать «Преступный умысел» – пикантное разоблачение в изящной литературной форме, подрывающее репутацию Фурмана. Расследование было проведено так тщательно, с такими неопровержимыми доказательствами, что Фурман, даже не пытаясь ответить на обвинения, покончил с собой спустя две недели после выхода книги. Это был полный триумф, книга взлетела на первое место в списках бестселлеров.

– Спасибо, Дейзи, – сказал Уэллстоун. – Лимонад, кстати, очень вкусный.

«Преступный умысел» получил несколько премий, в Голливуде по нему сняли фильм. Уэллстоун решил, что добился успеха. Однако следующие его книги продавались уже не так хорошо, а небрежность в расследованиях привела к ряду неприятных и дорогостоящих

судебных процессов. В конечном счете Уэллстоун выбрал карьеру скорее Херальдо Риверы, чем Эптона Синклера^[13], штампую одну за другой сомнительные скандальные книги, основанные на анонимных источниках. Но и теперь, имея за плечами два десятка книг, он все еще изредка выдавал бестселлеры, пусть даже критики поливали его грязью.

Он взглянул на хозяйку дома. Миссис Файетт овдовела десять лет назад и жила с тех пор на постепенно тающее состояние покойного супруга. Она написала несколько брошюр о фольклоре и легендах Саванны и считалась местным экспертом, хотя и преподавала в такой дыре, как Саванна-Эксетер. Но Уэллстоун приехал сюда не за этим. Он выяснил о миссис Файетт еще кое-что... и чувствовал, что это может оказаться весьма полезным.

– Итак, Дейзи... – сказал он, поставив стакан на стол и подавшись вперед. – Хотя я и не стал упоминать об этом в своем письме, вы, наверное, догадались, почему я здесь.

В ответ она тоже наклонилась к нему:

– Вы собираетесь написать новую книгу!

Он кивнул.

– И она будет о Саванне!

– Да, среди всего прочего.

Уэллстоун взмахнул рукой, развернутой ладонью вверх.

– Учитывая то, что вас считают экспертом по истории города, и в особенности его... э-э-э... сверхъестественной истории, могу ли я рассчитывать на вас как на один из главных источников информации?

– А как же, конечно!

Дрожащей рукой она поднесла к губам стакан. То, как взволновала ее мысль о своем имени на страницах книги Фрэнсиса Уэллстоуна, не могло не польстить ему. Он внутренне улыбнулся, радуясь, что еще не утратил навыки.

– А раз так, то вы, надеюсь, понимаете, что... в ближайший месяц или два должны держать при себе все, что касается сути моего проекта.

Она с готовностью кивнула, довольная посвящением в тайну.

Расставив точки над «и», он откинулся на спинку кресла.

– Спасибо вам, Дейзи. Не могу удержаться, чтобы не сказать, как я рад вашей помощи. Теперь работа пойдет легче, а результат будет

лучше.

– Книга Фрэнсиса Уэллстоуна о Саванне, – пробормотала Дейзи мечтательным шепотом.

Уэллстоун мог бы признаться, что Саванна сыграет только второстепенную роль в его книге, но тонкая интуиция предостерегла его от этого шага. Дело в том, что он уже почти закончил работу. В последних двух книгах Уэллстоун сосредоточился на разоблачении мошенников от культуры. Первая была о проповедниках евангелистской церкви, а вторая – о рекламирующих диеты знаменитостях. И обе порадовали всплеском продаж. В новом проекте Уэллстоун нацелился на псевдонауку о паранормальных явлениях и решил высмеять экстрасенсов, спиритуалистов, ясновидящих, медиумов и прочих шарлатанов, которые использовали веру людей в сверхъестественное, чтобы высасывать деньги из доверчивых простаков.

Основная часть исследований уже была проведена. Однако Уэллстоун споткнулся на поиске лучшего способа введения читателя в свою книгу. В первой главе он собирался разоблачить мошенников, говорящих с духами умерших при помощи фальшивого оборудования, и, конечно же, первым делом на ум пришел Герхард Мюллер. Но тут Уэллстоун узнал, что его давний заклятый враг Барклай Бэттс задумал снять документальный сериал о привидениях Саванны с участием Мюллера. Так он понял, что нашел не только вступление, но и превосходную основу для книги, а в придачу – возможность свести старые и горькие счеты с Бэттсом.

– Так расскажите мне, Дейзи, – попросил он, когда хозяйка подлила ему лимонада, – как вы стали известным на всю Саванну... э-э... историком привидений?

– Ну хорошо...

Она помолчала и начала:

– Мой прапрадедушка сражался на войне с северянами... то есть войне между штатами. Можно сказать, что я выросла среди историй о призраках. Понимаете, у нас были слуги, и они любили рассказывать нам с братом страшные истории перед сном.

Она хихикнула, как будто даже говорить об этом было не совсем прилично.

– А мой дедушка, он ведь тоже был любителем старых легенд, благослови меня Господи!

– И вы использовали эти старые легенды в своих книгах?

Он из деликатности назвал ее брошюры книгами.

– О да, конечно. Но с другой стороны, в каждой старой семье Саванны вам могут рассказать такие истории.

– Да, но только без тех глубоких знаний, которые вложили в них вы. – Уэллстоун поерзал на стуле. – Мне очень повезло встретить вас, Дейзи, и перенять от вас все ваши выдающиеся познания.

От этих слов улыбка Дейзи увяла, но затем щеки ее снова порозовели.

– Ну... не совсем так. Знаете, прямо сейчас в нашем городе снимается документальный фильм.

Именно за этим Уэллстоун и пришел, но притворился удивленным:

– Фильм?

– Да. Он называется «Американские города, населенные призраками» или что-то в этом роде.

– О боже мой! – начал Уэллстоун.

– Что такое? – тут же забеспокоилась Дейзи.

– Кто... снимает этот фильм?

– Интернет-компания... – Она подняла глаза к потолку, выискивая на нем название. – Самая крупная. «Нетфликс».

– А кто режиссер?

– Барклай Бэттс.

– Барклай Бэттс? Кажется, я что-то о нем слышал. – Разумеется, он слышал. Бэттс выступал истцом в самом сложном судебном процессе о клевете из всех, через которые Уэллстоуну пришлось пройти. – Думаю, он ухватится за вас. То есть при вашей репутации, ваших знаниях было бы глупо этого не сделать.

– Ну да, он действительно обратился ко мне, – призналась Дейзи.

– Этого я и боялся. То есть я хотел сказать, что очень рад за вас. Только обидно за мой проект.

Уэллстоун произнес это с таким видом, как будто его интерес к ней угас. И даже потянулся за портфелем, сделав вид, что собрался уходить.

– Он заходил два дня назад, наговорил много приятного и пригласил на съемки. Но когда я пришла туда сегодня прямо с утра, мне дали только прочитать несколько строк из моих книг, как голос за кадром.

– И это все? – с притворным удивлением спросил Уэллстоун.

Дейзи кивнула.

– Не могу понять, почему Бэттс не захотел снимать вас. То есть при вашей компетентности...

Он неодобрительно покачал головой. Естественно, это пожилое напудренное создание перед объективом Бэттсу было совершенно ни к чему.

– Вот и я тоже удивляюсь, – сказала Дейзи с уязвленной ноткой в голосе.

Уэллстоун продолжал медленно покачивать головой.

– Вам следует быть осторожнее. Сдается мне, что он хочет воспользоваться вашими исследованиями, не отдав вам должного.

Осознав возможность такого неожиданного поворота, Дейзи застыла.

– А он может так поступить?

– Боюсь, что именно такими вещами эти документалисты и известны.

Заканчивая фразу, Уэллстоун пожал плечами. А потом вдруг просиял, как будто неприятную мысль сменила более заманчивая, и убрал руку с портфеля.

– Но... знаете что? Может быть, именно это нам и нужно.

– О чем это вы? – спросила Дейзи.

Она даже не заметила, что он сказал «нам», настолько естественно у него получилось.

– Полагаю, вы проведете еще какое-то время на съемочной площадке.

Дейзи ответила согласным кивком.

– Это означает, что вы получите доступ за сцену. И это может принести огромную пользу нашей книге. Вместе мы сумеем провести читателя за кулисы, показать, как создается фильм. Покажем, как они пытаются обнаружить присутствие призраков.

Дейзи опять закивала – сначала медленно, затем с энтузиазмом:

– Да. Да! – Вдруг она запнулась. – Но они что-то говорили насчет соглашения о конфиденциальности.

Уэллстоун поднял указательный палец:

– Вообще никаких проблем. Вы будете моим тайным источником. Никто даже не узнает.

Он видел, как крутятся шестеренки в голове Дейзи. А потом она улыбнулась с таким смышленным и даже лукавым выражением, на какое Уэллстоун вообще не считал ее способной. «Благослови, Боже, южных красавиц», – подумал он.

– Хорошо, – сказала она, покраснев так, будто соглашалась вступить в связь с посторонним мужчиной. – Я могла бы узнать побольше о деле Саваннского вампира.

Уэллстоун вздрогнул. Вампира? Это что-то новенькое. Быстро справившись с удивлением, он равнодушно спросил:

– Вы сказали «саваннского вампира»?

– О да! Совсем как в тех историях, что рассказывала нам перед сном мисс Белинда. Одна из них была о Саваннском вампире. Понимаете, после этих двух убийств Бэттс решил, что он вернулся.

– Саваннский вампир, – повторил Уэллстоун.

Это же чистое золото! Значит, Бэттс собирается раскрутить эти убийства в бредовую историю о вампире, орудующем в Саванне. Ну конечно же, он так и сделает.

– Дейзи Файетт, я уверен, что этот вампир должен стать главной темой нашего следующего разговора. Узнайте как можно больше, когда попадете на съемочную площадку, а потом мы встретимся снова.

«А ты, дорогой Барклай, – с удовлетворением подумал он, когда они чокнулись стаканами в приглушенном свете гостиной, – получишь от меня фитиль в задницу. Тебе понравится».

Капитан Аланна Делаплейн вместе с сержантом-детективом из отдела по расследованию убийств Бенни Шелдрейком шла по Чатем-сквер. Припарковаться у дальней стороны площади и пройти пешком оказалось проще, чем пытаться объехать ее. В парке мигали проблесковые маячки, суетились эксперты-криминалисты при полном параде и в голубых перчатках.

Двадцать минут назад нанятый мэрией садовник сообщил об ужасной находке – и вот уже закурился с лязгом весь механизм полицейского расследования.

За двадцать лет службы в департаменте полиции Саванны Делаплейн насмотрелась всяких паранормальных, как их принято называть, фокусов. В мире хватает чудачков, якобы обладающих особыми силами, и большая часть из них, похоже, прошла через Саванну. Возможно, это была очередная афера, какой-то шутник, решивший нажиться на истории с Саваннским вампиром. С другой стороны, два человека мертвы и кто-то высосал у них всю кровь – это вам не фокус. И преступник тоже не дурак, чтобы оставлять на месте преступления рядом с жертвой драгоценные маленькие улики.

Делаплейн и Шелдрейк подошли к двум полицейским, натягивавшим оградительную ленту, пока остальные пытались сдержать толпу.

– Сержант Ролло, где садовник, который нам позвонил? – спросила Делаплейн у одного из копов, остановившись возле ленты.

– Вот он, капитан.

Она обернулась и увидела на соседней скамейке мужчину в синем рабочем комбинезоне, обхватившего себя за плечи. Рядом с ним сидел полицейский в форме. Делаплейн и Шелдрейк подошли ближе.

– Привет, – сказала она.

Садовник поднял голову. Это был пожилой чернокожий с седыми волосами, глубокими морщинами и испуганным взглядом. Делаплейн немного удивилась его потрясенному виду. В конце концов, это был всего лишь отрезанный палец.

– Я капитан Делаплейн. Можно, я присяду и задам вам пару вопросов?

Как только она села, полицейский сразу встал. Шелдрейк занял место с другого края, включил диктофон и положил на скамейку.

– Вы не против? – спросила Делаплейн, кивнув на диктофон.

Чернокожий мужчина покачал головой.

– Позвольте спросить, как вас зовут?

– Гилберт Джонсон.

– Спасибо, Гилберт.

Делаплейн постаралась придать голосу побольше доброжелательности. Она не раз слышала, что выглядит со стороны холодной и грозной.

– Расскажите мне с самого начала, что с вами случилось. Своими словами.

Джонсон кивнул.

– Я удобрял землю возле живой изгороди. – Он повел головой в ту сторону, где собрались криминалисты. – Там было много окурков, и я решил их собрать. А потом увидел палец. Я торопился и сначала подумал, что это тоже окурков, ведь он был совсем черный. Но потом по запаху сообразил, что это такое. И сразу выбросил его. А потом увидел волосы.

– Какие волосы?

Этого не было в коротком предварительном рапорте, который получила Делаплейн.

– Словно с кого-то сняли скальп. Длинный скрученный лоскут кожи с волосами. И на нем была кровь. – Он замолчал, тяжело вздохнул и добавил: – Много крови.

– Ничего, ничего, успокойтесь. – Она подождала, пока он возьмет себя в руки, и спросила: – И что же вы сделали дальше?

– Я задним ходом выбрался из кустов и позвонил в «девять-один-один».

Делаплейн посмотрела за оградительную ленту, туда, где криминалисты прочесывали кусты.

– А куда делись окурки?

– Я бросил их в мешок для мусора.

– Они были одной марки или разных?

– Не знаю, не заметил.

– А где этот мешок?

Он показал на бесформенный черный мешок, лежавший рядом с живой изгородью.

– Проследите, чтобы его приобщили к вещественным доказательствам, – сказала Делаплейн Шелдрейку.

Детектив кивнул в ответ.

– Еще что-нибудь помните?

– Дальше я просто сидел здесь.

– Спасибо, Гилберт.

Она встала и огляделась. Осмотр места преступления проходил по всем правилам. «Появится ли здесь ФБР?» – подумала она и снова почувствовала раздражение из-за того, что к делу привлекли федералов. Никаких оправданий этому не было. А этот старший агент – какой-то он странный. Сам похож на вампира, бледный, худой, весь в черном. Стоило услышать его голос с медовым нью-орлеанским акцентом представителя высших классов, как по спине мурашки начинали бегать. По опыту общения с людьми подобного типа она знала, что за южными аристократическими замашками часто скрывается закоренелый расизм. Может быть, даже рабовладельческое прошлое семьи.

Второй агент, Колдмун, был совсем другим. Он выглядел стопроцентным федералом: короткая военная стрижка, зеркальные солнечные очки, синий костюм, белая рубашка и до блеска начищенные ботинки. Но у него, во всяком случае, была приятная, мягкая манера говорить.

Лучше, однако, не делать преждевременных и предвзятых выводов. С вмешательством ФБР можно справиться, просто продолжая расследование как ни в чем не бывало. Формально его возглавлял детектив Шелдрейк, и Делаплейн приказала ему связываться с Карраччи и остальными федералами два раза в неделю. Но вести расследование хотела сама. Не то чтобы она не доверяла Шелдрейку, просто дело намечалось громкое, и, когда дерьмо из вентилятора полетит во все стороны – а без этого не обойдется, – она, по крайней мере, будет держать палец на выключателе.

Делаплейн обернулась к Шелдрейку:

– Хочу немного осмотреться. Может быть, вы пока обойдете всех и проверите, как они работают?

– Будет сделано.

Детектив ушел, и вскоре Делаплейн услышала, как он раздает короткие указания.

Прогуливаясь по периметру, она повстречала медэксперта Джорджа Макдаффи. Он нес к машине контейнер-холодильник «Йети» для хранения вещественных доказательств. Трудно было поверить, что этот парень уже получил медицинское образование. Он больше напоминал первогодка из колледжа: худой как жердь, нервный и неуклюжий. Делаплейн еще толком не работала с ним и потому не знала, много ли от него пользы.

– Эй, Джордж, найдется для меня минутка?

– Конечно, капитан.

Он поставил контейнер на багажник автомобиля и повернулся к ней.

– Можно посмотреть? – кивнула она на холодильник.

– Э-э-э... конечно.

Он поднял крышку, и Делаплейн заглянула внутрь. В большой пробирке со льдом лежал палец, рядом, в другой емкости, – тонкий и длинный окровавленный клочок кожи с волосами. Делаплейн мгновенно поняла, что это может быть палец первого трупа, выброшенного течением на берег реки. У него как раз не хватало пальца. А еще была содрана кожа с головы, и форма найденного клочка, вероятно, полностью совпадет с раной. В остальных пробирках оказались тампоны с кровью, кусочки плоти и окровавленной одежды.

– Похоже, это Эллерби, – сказала Делаплейн.

– Да, я тоже так считаю. Как только я доставлю палец и клочок кожи в лабораторию, сразу же сопоставлю с трупом.

– Так, по-вашему, его убили здесь?

– Вероятно. В кустах много пятен крови.

– А что с пальцем? Его отрезали или как?

– Думаю, откусили.

Делаплейн хмыкнула. Потом обернулась и увидела, что к ней направляется Шелдрейк.

Он тоже заглянул в контейнер.

– Этот тот самый парень из «Чандлер-хауса»?

– Угу.

Шелдрейк выпрямился и окинул взглядом окружающие площадь дома.

– Боже всемогущий, не может быть, чтобы никто ничего не слышал!

– Верно, – согласилась Делаплейн. – Эллерби был еще жив в одиннадцать вечера, ведь служащие отеля говорят, что именно в это время он вышел и не вернулся. Совершенно точно известно, что он выходил покурить. Давайте возьмем ДНК с этих окурков и посмотрим, было ли это обычное место, где курил Эллерби. – Она усмехнулась. – Шелдрейк, я нашла большой геморрой для вашей группы. Нужно опросить всех жильцов каждого дома, не слышали ли они что-нибудь между одиннадцатью и двенадцатью прошлой ночью. Скажем, в радиусе трехсот ярдов отсюда.

– Правильно. Но меня чертовски интересует вот что: как труп Эллерби попал отсюда в реку?

– Хороший вопрос. Вероятно, его вытащили на улицу и погрузили в машину. Нам понадобятся собаки сначала здесь, а потом на берегу реки, чтобы понять, где его сбросили в воду.

На дальней стороне огражденного участка поднялся какой-то шум, и Делаплейн увидела, что за полицейский барьер пытается пробиться съемочная группа. Она решительно зашагала к киношникам. Группа была большая: два оператора с камерами (одна на «Стэдикаме»^[14], а другая простая), звукорежиссер и еще несколько человек, суетившихся вокруг низкорослого толстяка с микрофоном и высокого мрачного типа, который нес что-то вроде допотопной бокс-камеры. Видимо, операторы вели съемку. Высокий мужчина вытащил из кофра странный прибор в виде мыльницы и положил его на кусок бархатной ткани.

– Что здесь происходит? – раскатисто проговорила Делаплейн.

– Я пытался им объяснить, капитан, что это место преступления, – ответил полицейский в форме.

– Привет, я Барклай Бэтс, – сказал толстый коротышка с таким видом, будто все обязаны знать, кто он такой.

Камеры продолжали работать. Имя и лицо этого человека казались смутно знакомыми, вот только Делаплейн на фиг не нужно было его вспоминать.

– Прекрасно, мистер Барклай Бэттс, но здесь полицейское ограждение, если вы не заметили.

– Нам просто нужно подойти чуточку ближе, – заявил толстяк. – Мы сделаем несколько фотографий с помощью вот этой перцептивной камеры. Это замечательный прибор, капитан. Понимаете, он способен фиксировать паранормальную активность. Это может принести большую пользу полиции.

Делаплейн уперлась кулаками в бедра и ухмыльнулась:

– Паранормальная активность? Вроде призраков?

– В данном случае, вероятно, вампир.

Услышав такое, она расхохоталась.

– Ах, даже так? Вот что я вам скажу. Сделаете один шаг за ограждение, и я конфискую вашу вампирскую камеру. По нашим сведениям, там может быть бомба. Мы должны будем разобрать ее и проверить, но, понимаете, наши техники случайно могут – опаньки! – и сломать ее при разборке. Но вы можете постоять в сторонке и спокойно настраиваться на ваши вампирские эманации.

Высокий мужчина сурово нахмурился и закрыл объектив крышкой, а Бэттс гаркнул:

– Стоп!

Делаплейн заметила, что молодая женщина с камерой едва сдерживает смех.

Капитан вернулась к своим делам, на ходу покачивая головой:

– Надо же, вампиры!

Хотя от «Чандлер-хауса» до офиса службы медэкспертов было двенадцать кварталов, Пендергаст настоял на том, чтобы идти пешком. Влажность влажностью, но возражать Колдмун не стал. Он провел беспокойную ночь и спал не больше четырех часов. Возможно, огромная кровать с балдахином и выглядела впечатляюще, но она была мягкой, как пастила, и вдобавок Колдмун больше привык спать на голой земле, чем на матрасе размером с «кадиллак-эльдorado» семидесятых годов. В довершение всего, эти портреты и жуткие черные силуэты на стенах, казалось, следили за ним, дожидаясь, когда он уснет. Прогулка по жаре расслабила его мышцы и сдула остатки ночной паутины. И что еще лучше, Монтгомери-стрит оказалась коммерческой улицей с небольшим скоплением скромных, строгих зданий, скорее всего административных. Ни тебе отвратительных особняков вокруг, ни плетей испанского мха.

Пендергаст вышагивал рядом. Молчаливый силуэт в неизменном черном костюме. Он сделал лишь одну уступку южному солнцу: надел солнцезащитные очки «Персол» в черепаховой оправе и с темными, как его одежда, линзами. Если агентам и полагался автомобиль, то Колдмун не заметил никаких его следов и сейчас лениво гадал, выделит ли им что-нибудь Пикетт, или же Пендергаст и покупку машины тоже возьмет на себя.

Кстати, о Пикетте: Колдмун даже мельком не видел босса со вчерашнего дня, когда тот высадил их у дома Оуэнса-Томаса. Неужели Пикетт и впрямь вернулся в Нью-Йорк? «Он показывает, что разрешает нам вести расследование так, как мы сочтем нужным», – сказал Пендергаст. Вот будет забавно, если напарник окажется прав!

Подходя к административному комплексу округа, Колдмун заметил, что улица выглядит не совсем так, как минуту назад. На Монтгомери-стрит въехали два фургона без номерных знаков и большой частный автобус с затемненными окнами. Колдмун взглянул на часы: восемь тридцать пять. Интересно, почему Пендергасту вдруг приспичило выйти пораньше?

– Встреча назначена на девять, – сказал он. – Решили выпить чашечку кофе?

– Нет, – ответил Пендергаст, чуть прибавив шагу.

Они шли через площадь к административному комплексу, когда двери фургонов и автобуса одновременно отворились и наружу выплеснулась пестрая компания: молодые люди и девушки в наушниках и с планшетами, здоровяк с переносным прожектором и еще один парень, разматывающий змею аудиошнура. Откуда-то послышалось глухое рычание генератора, а затем из автобуса вышел воистину странный персонаж: мужчина ростом не больше пяти футов в круглых черных очках, бледно-бордовой шелковой рубашке и дорогой на вид соломенной шляпе с широченными полями. На мгновение он снял шляпу и оглянулся, продемонстрировав абсолютно лысый череп, заблестевший под утренним солнцем.

Мужчина прекратил неторопливый осмотр площади, заметив Пендергаста и Колдмуна. Снова надев шляпу, он направился прямо к агентам, срезая угол так, чтобы перехватить их у входа в здание. За ним из автобуса вышла высокая привлекательная женщина в сопровождении еще троих мужчин. Один нес «Стэдикам», другой тащил звуковой пульт и направленный микрофон, третий держал в руках большую видеокамеру. Похоже, это была какая-то съемочная группа, и она приближалась.

Однако Пендергаст, вместо того чтобы проскочить мимо, чуть изменил направление и замедлил шаг. В результате группа догнала его у широкого кирпичного крыльца перед стеклянной дверью с надписью: «Служба судебно-медицинской экспертизы округа».

– Прошу прощения! – сказал коротышка, снова снимая шляпу.

Для такого роста у него был на удивление глубокий голос. И что-то в нем казалось знакомым.

Пендергаст начал подниматься по ступенькам.

– Я прошу прощения! – повторил лысый, и только тогда Пендергаст остановился и обернулся.

– Да?

– Вы медэксперт?

– Надеюсь, что нет.

– Но вы работаете в службе? – невозмутимо продолжил коротышка.

– Нет.

Колдмун шагнул вперед, чтобы послать наглеца ко всем чертям, но рука Пендергаста мягко придержала его. Вдалеке показались другие автомобили и фургоны с логотипами интернет-компаний на бортах. Столпившиеся перед агентами люди тоже их заметили и выстроились в цепь, создав что-то вроде защитного барьера вокруг своей добычи.

– Поднеси камеру ближе, дорогой, – сказал толстяк оператору, стоявшему позади него, а затем снова повернулся к Пендергасту. – Меня зовут Барклай Бэттс.

«Так вот кто это такой!» – подумал Колдмун.

Этот человек вел одну из еженедельных развлекательно-новостных передач, что выходили по воскресным вечерам. И Колдмун видел его время от времени в скандальных документальных фильмах, обливающих грязью знаменитостей.

Пендергаст никак не отреагировал на его имя, и на лице Бэттса мелькнуло раздражение.

– Я снимаю документальный сериал о странных событиях городской истории. «Саванна – город демонов». Можно спросить, какова ваша роль в расследовании убийства?

Воздух наполнился ожиданием. Колдмуну было очень интересно, какую нелепую отговорку придумает Пендергаст, чтобы избавиться от этого паразита. Мало что его напарник ненавидел больше, чем общение с прессой.

– Я специальный агент Федерального бюро расследований Пендергаст, а это мой напарник, специальный агент Колдмун.

И на случай, если кто-то усомнится в его словах, Пендергаст показал удостоверение и жетон прямо в камеру.

К большому недовольству Колдмуна, лицо Бэттса превратилось в маску восторга. Глаза за круглыми стеклами очков засверкали.

– Кроме шуток? Агент ФБР? Значит, федералы заинтересовались недавними убийствами?

Пендергаст кивнул со сдержанно-серьезным видом:

– Да, заинтересовались.

Колдмун посмотрел на часы. Какого черта? Они пришли раньше времени, когда офис еще не открыли, их зажали в угол, и вот теперь Пендергаст остановился поговорить с этим придурком. Колдмун снова

попытался вмешаться, но опять почувствовал, как та же рука его удерживает.

Бэттс разве что не потирал руки от радости. Наверняка он пришел сюда в надежде перехватить какого-нибудь медэксперта, но Пендергаст оказался для него ничуть не менее ценной добычей.

– Можно задать вам пару вопросов?

– Под запись?

– Да, конечно. Для документального фильма.

Пендергаст посмотрел на камеру, словно проверяя, работает ли она. Камера работала. Тогда он прочистил горло и сложил руки на груди, поверх строгого черного костюма.

– Я к вашим услугам, мистер Бэттс, – сказал он.

Венди Гэннон, оператор-постановщик, стояла чуть в стороне от съемочной группы и следила за сигналом с камеры, снимающей беседу с агентом ФБР. Это была неожиданная находка, они планировали ухватить за бороду медэксперта Джорджа Мак-как-то-там прямо в его логове. Знай она заранее об этой встрече, вела бы съемку сама. Но Крейгу можно доверять, он отснимет хороший материал без дилетантских панорамных планов и наездов камеры. Она посмотрела на небо, потом снова на Бэттса и агента ФБР, мысленно выстраивая кадр. Черный костюм мог нарушить баланс белого, и Гэннон прошептала указания в свою гарнитуру. Крейг поднял большой палец и снова сосредоточился на агенте.

– Не могли бы вы рассказать, что уже выяснилось в ходе расследования? – спросил Бэттс самым располагающим тоном, который приберегал исключительно для кинозвезд и чиновников высокого ранга.

– Непременно, – ответил агент.

Как его фамилия? Пендергаст? Гэннон обернулась к помощнику режиссера Марти и по гарнитуре попросила его раздобыть всю доступную информацию об этом человеке, и как можно быстрее. Нужно удостовериться, что они не берут интервью у какого-то шутника, прикинувшемуся федералом. Этот парень совсем не был похож на агента, но, с другой стороны, она не так уж много знала о ФБР. В траурном костюме он смотрелся странновато и держался слишком покладисто для сотрудника спецслужбы. Но его удостоверение выглядело как настоящее. А вот стоявший рядом с ним атлетического вида мужчина очень даже походил на статую, отштампованную на фабрике в Куантико^[15].

Гэннон огляделась, проверяя, сумеет ли ее группа придержать других журналистов, пока Бэттс не добьется своего. Он был опытным репортером и рассчитывал все сделать быстро. Павел снимал фон на «Стэдикам» одновременно, а не во вторую очередь, как обычно, потому что интервью было импровизированным. И это даст Гэннон необходимую свободу при монтаже. Она проверила уровень звука и

осталась довольна. Потом снова посмотрела на небо. Свет немного тепловат, но ничего страшного. В этом особом интервью главное не тон, а содержание.

Она вернулась к разговору, идущему полным ходом.

Странно, но такой первоклассный специалист, как Бэттс, похоже, ни на шаг не продвинулся вперед.

– Так что конкретно вам удалось раскопать?

– Ничего, – ответил агент с аристократическим южным акцентом, идеально подходящим жителю Джорджии.

– Вы не раскопали ничего? – озадаченно переспросил Бэттс.

– Ничего.

– Но ведь произошло убийство, правильно?

– Определенно, – согласился агент самым доброжелательным тоном. – На самом деле даже два.

– Простите, – продолжил Бэттс, – но раз уж вы уверены, что это убийство, то как же вы могли ничего не раскопать?

– Но тело не было закопано, правда одежда больше походила на лоскутки. Не знаю, откуда вы взяли, что оно было закопано.

– Но... я же не...

Бэттс умолк, сбитый с толку, что с ним случалось крайне редко. Потом глубоко вздохнул:

– Давайте попробуем еще раз.

Он оглянулся на оператора, словно хлопнув невидимой хлопушкой перед новым дублем.

– Почему вызвали ФБР?

– Куда вызвали?

– На убийства.

– Какие убийства?

– Которые недавно произошли.

– Вы хотели сказать «произошли здесь»?

– Да, разумеется.

– В Саванне?

– Да.

– Вам следовало бы выразаться точнее.

Пауза.

– Убийства с высосанной из тел кровью, как сделал бы вампир.

Вот какие убийства, сэр!

– Я спросил, потому что за последнее время в Саванне произошло не одно убийство. С радостью помог бы вам, но не могу отвечать на вопросы, сформулированные недостаточно четко.

Агент произнес это с легким упреком, как сказал бы разочарованный учитель начальной школы любимому ученику. Гэннон заметила, как шея Бэттса слегка покраснела прямо над воротником сшитой на заказ шелковой рубашки.

– Ну а теперь, когда мы выяснили, о каких убийствах идет речь, что вы можете мне сообщить о них? – спросил Бэттс, повысив голос.

– О котором из них?

Бэттс помолчал, успокоился и сказал:

– Давайте начнем с первого убийства.

– С первого убийства? – повторил агент ФБР, прекрасно имитируя глубокий носовой голос Бэттса. – Ох, боюсь, что немногим смогу вам помочь. Простите.

– Почему? – коротко поинтересовался Бэттс.

– Я еще не видел первый труп. Поэтому я и здесь. То есть не в Саванне, понимаете? В этом здании.

С губ Бэттса сорвался тихий сдавленный звук.

– Ну хорошо. А что вы можете сказать о втором трупе?

– Это был мужчина.

– Нам так и говорили.

– Он был мертв, как я и подозревал. Готов подтвердить это, потому что сам осматривал тело.

– А нельзя ли поподробнее? Как высосали кровь?

– Из этого мужчины?

– Да-да! Из этого мужчины!

Бэттс окончательно потерял свою хваленую выдержку.

– Итак, тело не было закопано. Возвращаясь к вашему недавнему вопросу.

Бэттс нетерпеливо ждал продолжения.

– Признаюсь, мистер... Баттс, правильно?

– Бэттс.

– Ох, простите. Признаюсь, мистер Бэттс, я не вполне понимаю, какая именно дополнительная информация вас устроит. Жертвой был мужчина. Тело найдено вчера. Причина смерти еще не установлена.

Надеюсь, этого вполне достаточно, чтобы удовлетворить представителя вашей... профессии?

И тут Пендергаст окинул окружающих взглядом не слишком дружелюбным, как заметила Гэннон.

– Нет, недостаточно, – сказал Бэттс. – Почему привлекли ФБР?

Блуждающий взгляд Пендергаста вернулся к режиссеру, агент повел рукой в сторону камер, микрофонов и прочего оборудования.

– ФБР часто расследует убийства. Вы представляете какой-то общегородской или, скорее, районный новостной канал?

Раздраженный Бэттс вздохнул так шумно, что дрогнули стрелки на индикаторах звука.

– Я снимаю... руковожу съемками документального фильма «Саванна – город демонов». Так вот, мистер Пендергаст, кое-кто утверждает, что это работа Саваннского вампира. Можете дать какой-нибудь комментарий?

– А почему вы спрашиваете?

– Агент ФБР – если, конечно, вы и вправду агент – должен понимать, что нам необходимы подробности. Люди встревожены, им нужны ответы. Они имеют право знать истину.

Гэннон решила, что агента разозлит это ханжеское заявление, и приготовилась к худшему. Но если что и случилось, то прямо противоположное. Лицо Пендергаста приняло задумчивое, чуть ли не философское выражение, и он опять заговорил самым покладистым тоном.

– Мистер Бэттс, – сказал он медовым голосом, – сознательно или нет, но вы своим вопросом попали в самую точку. «„Что есть истина?“ – насмешливо спросил Пилат и не стал дожидаться ответа»^[16]. Если бы я знал, какую истину вы ищете, то приложил бы все силы, чтобы помочь вам. Но похоже на то, уж простите за прямоту, что ни один ответ не принесет вам удовлетворения. Более того, любое утверждение, любая истина, которой я поделюсь с вами, повлечет только новые вопросы. Я взываю к моему коллеге-агенту и к вашему собственному окружению. Вопреки моим самым искренним намерениям в разговоре с вами я *auribus teneo lupum*^[17], как писал Теренций в неподражаемом и нетленном «Формионе». Вы читали «Формиона»? Нет? Ну что ж, боюсь, такое встречается слишком часто в наше время. И все же, несмотря на недостаточность ваших познаний,

особенно прискорбных для человека, именующего себя журналистом, я, как слуга общества, буду стоять на этих ступеньках, *hic manebimus optime*^[18], пока не объясню вам, что я...

В этот момент в офисе позади агентов вспыхнул свет, и женщина в форме открыла входную дверь. Гэннон взглянула на часы: девять.

Внезапно человек, назвавшийся Пендергастом, развернулся, быстрым лисьим прыжком подскочил к двери и проскользнул внутрь. Второй агент поспешил за ним.

Бэттс оглянулся на камеры.

– Стоп! Стоп! – завопил он. – Не надо записывать это дерьмо!

Затем режиссер посмотрел на Гэннон:

– Пошевеливайся, черт возьми, мы должны пробраться туда и поговорить с этим медэкспертом. Быстрее!

Он метнулся вперед, поднимаясь по тем ступенькам, где мгновением раньше стояли агенты, и попытался рвануть дверь на себя. Но Пендергаст удерживал ее, словно железным запором.

– Наша шутливая беседа отвлекла меня, мистер Бэттс, – сказал он сквозь стекло с тонкой улыбкой на губах. – Но боюсь, что мне пора на встречу с медэкспертом. – Он бросил взгляд на часы. – Встреча начнется через шестьдесят секунд. А представители прессы – даже в самом широком понимании этого слова – на нее не приглашены.

И женщина в форме по его сигналу проворно заперла дверь.

Гэннон смотрела, как три силуэта исчезают в глубине офиса. На крыльце мгновение стояла наэлектризованная тишина, а затем Бэттс, одураченный и озлобленный, разразился такой бранью, что его голос, отраженный от зданий, заполнил всю площадь и подтолкнул стрелки индикаторов звука в красную зону.

– Вот они, джентльмены.

Медэксперт Макдаффи провел Пендергаста и Колдмуна в лабораторию и махнул рукой в сторону двух обнаженных трупов, лежавших на медицинских каталках в центре ярко освещенной комнаты. Невероятно бледные обескровленные тела казались инопланетянами или восковыми манекенами. Колдмун попытался отодвинуться подальше – эта часть работы привлекала его меньше всего. А Пендергаст шагнул вперед с энтузиазмом голодного человека, оказавшегося у шведского стола. Этот парень не переставал удивлять. Колдмун уже было решил, что Пендергаст сошел с ума, охотно и даже увлеченно ввязавшись в разговор со съемочной группой... но вскоре понял, что напарник просто тянул время, чтобы попасть к медэксперту раньше их. Или просто потешался над ними.

Пендергаст вглядывался в первый труп, сцепив руки за спиной и склонившись так низко, как будто собирался его поцеловать. Потом обошел тело кругом, изучая его с еще большим вниманием, и точно так же осмотрел второе. «Во всяком случае, вскрытие уже провели и зашили Y-образный разрез», – подумал Колдмун. Конечно, выглядели они устрашающе, но могло быть и хуже. Много хуже.

Пендергаст выпрямился:

– Агент Колдмун, вы не находите интересным то обстоятельство, что одна жертва пострадала намного больше, чем другая?

Колдмуну пришлось присмотреться. Один труп был в приличной форме, учитывая обстоятельства, но другой – тот, что был найден в реке, – был распухшим и растерзанным, с полудюжиной колотых и точечных ран, порезов, царапин и содранным с головы куском кожи. Правый указательный палец отсутствовал.

– Странно, – пробормотал Колдмун.

– Ничего странного, – возразил Пендергаст.

Колдмун посмотрел на него:

– Что вы хотите этим сказать?

«Господи, лишь бы только не новая лекция!»

– Классическая картина. Убивая первую жертву, преступник еще не обрел свой стиль. Он экспериментирует, ищет свое «я», так сказать. И поскольку это ему в новинку, он нервничает и суетится. Ко времени второго убийства он уже поверил в себя и поэтому действует с большим спокойствием и меньшей, скажем так, неряшливостью.

– Вы думаете, мы имеем дело со становлением серийного убийцы? – спросил Колдмун.

– Не с полной определенностью, нет.

– Может быть, кто-то просто выполняет свою работу... и делает ее все лучше.

Пендергаст поднес к первой жертве цифровую лупу, нацелив ее на одну из точечных ран. Повозился с настройками, сделал несколько скриншотов. Потом перевел лупу на другую похожую рану, а за ней на третью. Наконец поднял голову.

– Агент Колдмун, вас не затруднит взглянуть?

– Я просто ждал своей очереди.

Колдмун подошел, посмотрел в окуляр и увидел странный складчатый разрез, промытый речной водой. Были и другие похожие раны, некоторые были больше, местами была разодрана плоть. При вскрытии каждую из ран рассекли, а потом края разреза вновь скрепили.

– Доктор Макдаффи, – позвал Пендергаст, развернувшись так резко, что медэксперт от неожиданности вздрогнул, – если вас не затруднит, расскажите нам, что вы обнаружили в ранах.

– Да, конечно. Как видите, мы сделали поперечные разрезы, чтобы составить схему расположения и взять образцы для анализа. У первой жертвы можно разглядеть ряд колющих ран, сделанных чем-то вроде троакара. Одни из них глубокие, другие не очень. Могу показать вам схему, если пожелаете. Раны сосредоточены на внутренней и передней части бедра. Я предполагаю – и это единственное разумное объяснение в данных обстоятельствах, – что убийца искал бедренную артерию, но делал это наугад. Последний прокол попал в артерию, через него и была откачана кровь.

– Много крови?

– Вся. Буквально до капли. Сердце перестает биться после потери от трех до четырех литров. Но последние литр или два тоже исчезли, и

это означает, что кровь кто-то откачивал через полую трубку троакара. Очень активно откачивал.

– Как при бальзамировании? – спросил Колдмун.

– Рад, что вы спросили. При бальзамировании иногда используется бедренная вена, а не артерия. Но обычно кровь вытесняют закачиванием жидкости в аорту. Это называется перфузией. А потом бальзамирующий раствор точно так же вытесняет эту жидкость. А в нашем случае требовалось активное откачивание.

– Это мог сделать кто-то имеющий опыт работы бальзамировщиком? – предположил Колдмун.

– У меня мелькнула такая мысль. То же самое оборудование можно перенастроить на откачивание крови вместо вытеснения жидкости. Но с помощью троакара, а не разреза и катетера.

– А другие раны? – спросил Пендергаст.

– Они указывают на борьбу. Судя по виду этих глубоких разрезов, они сделаны непригодным для этого предметом. Возможно, сломанным ножом. Повреждения кожи на голове классифицировать сложнее. Похоже на то, что ее соскребли чем-то твердым и тонким, с большим усилием. Как срезают кожуру с яблока.

Колдмун с трудом проглотил комок в горле. На завтрак он ел яблочные дольки с овсянкой.

– Наконец обратите внимание на отсутствие указательного пальца правой руки. Его грубо отсекли, я бы даже сказал откусили. Как вы, наверное, уже знаете, его недавно нашли в парке возле отеля, в котором работал убитый.

Пендергаст кивнул.

– Можно на него взглянуть?

– К сожалению, он уже отослан в лабораторию ДНК. На нем обнаружена засохшая слюна.

– Слюна? – повторил Пендергаст. – Прекрасно. Когда будут получены результаты?

– Через сорок восемь часов.

Еще один кивок.

«Когда его вернут, я покажу вам другой палец», – подумал Колдмун, все еще борясь с тошнотой.

– Хочу показать вам кое-что еще, – сказал Макдаффи и подозвал ассистента.

Вдвоем они осторожно перевернули тело.

– Обратите внимание в дополнение к сломанным ребрам на эти глубокие симметричные гематомы по обе стороны позвоночника от ушиба и надрыва паравертебральных мышц^[19]. Особенно больших ромбовидных. Крайне необычно.

Пендергаст тщательно изучил отметины с помощью цифровой лупы. Колдмун только отмахнулся от приглашения посмотреть самому.

Затем медэксперт пустился в долгое перечисление медицинских подробностей, отмеченных при вскрытии, включая содержимое желудка, незначительное количество алкоголя и тетрагидроканнабинола^[20] в тканях и так далее. Колдмун многого не понял, но все это не показалось ему особенно важным.

– Давайте перейдем ко второму телу, – предложил Пендергаст.

Этот труп Колдмун уже видел во дворе за домом Оуэнса-Томаса, и выглядел он значительно свежее. Ему ведь не пришлось плавать полдня в теплой воде, слава тебе господи!

– Заметьте, что здесь только одна точечная рана, – сказал Макдаффи. – На этот раз убийца попал прямо в бедренную артерию. Кровь опять полностью выкачана. Мы обнаружили вокруг раны что-то похожее на слюну, или слизь... или, может быть, какую-то смазку. И снова провели анализ ДНК и химического состава.

Пендергаст долго осматривал рану.

– Обратите внимание, здесь тоже есть синяки и царапины, – продолжил Макдаффи. – Но ничего похожего на первый труп. Этого убили гораздо более умело – во всяком случае, если судить по малому количеству признаков борьбы.

Медэксперт кивнул ассистенту, и они перевернули тело. Колдмун сразу же заметил точно такие же симметричные гематомы на равном удалении от позвоночника.

– Похоже на то, что тело – оба тела – зажали в клещи или тиски. С такой силой, что у трупов надорваны мышцы и сломаны ребра.

Пендергаст водил цифровой лупой туда-сюда, осматривая гематомы. В лаборатории повисла тишина. Наконец он выпрямился и поднял сверкающие глаза на медэксперта.

– Одни из самых необычных повреждений, которые мне приходилось наблюдать на трупе.

– Мы тоже озадачены. Оба тела, как вы знаете, были перемещены. Первое перевезли с площади к реке, а это больше трех миль по прямой.

– Вы хотите сказать, что характер травм указывает на участие в убийстве более чем одного человека?

– Со всей определенностью. И в убийстве, и в перевозке. По меньшей мере двое или трое, а может быть, и больше. Вторую жертву тоже переместили. Хотя на данную минуту мы можем только строить предположения о действительном месте убийства. Почти уверен, что эти отметки оставлены каким-то механизмом – бульдозером, автопогрузчиком или иной строительной машиной, которая подняла тело и перевезла в другую точку. Я в недоумении.

Пендергаст помолчал немного и заговорил снова:

– Думаю, мистер Макдаффи, что нам следует держать наше общее недоумение при себе. Возможно, вы уже видели шумную толпу журналистов и операторов снаружи?

– Да, видел.

– Чем меньше информации они получают, тем лучше. Я говорю об этом, потому что вы, несомненно, скоро столкнетесь с ними, как уже пришлось мне.

Макдаффи кивнул, и глаза его округлились при мысли о таком неприятном противостоянии.

– Они ничего от меня не узнают. Предоставлю разговор с ними капитану.

– Вот и прекрасно.

Пендергаст снова повернулся к трупам, и Колдмун заметил, как сверкнули серебром и невероятным напряжением его глаза.

Макдаффи показал посетителям запасной выход, который благополучно вывел их в тихий переулок. Колдмун набрал полную грудь влажного воздуха, радуясь, что избавился от вони антисептиков в лаборатории.

– Вы, случайно, не ходите в церковь? – спросил Пендергаст.

– Нет, если иметь в виду ваше понимание этих слов.

– Но может быть, ради дела вы пойдете на компромисс? Я ценю ваше общество.

Колдмун вздохнул:

– Раз уж вы заговорили о деле, какое отношение имеет к нему посещение церкви? Если только вы не собираетесь обратиться ко мне.

– Обратиться? Это вряд ли осуществимо. Возможно, вы заметили татуировку на запястье нашего доброго доктора Кобба?

– Да. Похожа на знак участия в боевых действиях. Вот уж не подумал бы, что этот старикашка – ветеран войны.

– Это не воинский знак. Это герб одного древнего аристократического рода. А именно рода Батори из венгерского региона^[21] Трансильвания.

– Трансильвания? Как в «Дракуле»?

Пендергаст кивнул:

– Три стилизованных клыка, расположенных горизонтально. В полном варианте герба вокруг них дракон, кусающий себя за хвост. – (Колдмун понял, что Пендергаст с радостью затянет этот разговор хоть до бесконечности.) – В четырнадцатом веке этот герб был пожалован воину Витусу, убившему болотного дракона, который наводил страх на окрестности замка Эчед.

– Молодчина! Я слышал, что болотные драконы хуже всех прочих.

– Среди потомков Витуса была графиня Елизавета Батори из Эчеда, жившая в шестнадцатом веке. Она удостоилась чести попасть в Книгу рекордов Гиннеса.

– За что?

– Как самый деятельный серийный убийца – женщина. Говорят, она погубила больше шестисот пятидесяти девушек, по большей части

девственниц, чтобы искупаться в их крови и этим сохранить свою красоту. Ее прозвали Кровавой Графиней.

– Боже милостивый!

– Так вот, сидя в приятной прохладе гостиной дома Оуэнса-Томаса, я спрашивал себя: зачем нужна степенному историку доктору Коббу такая татуировка?

– Может быть, он потомок Батори?

– Нет. Как я вам уже рассказывал, сразу после нашего ухода он едва ли не бегом направился к дому вдовы Калпеппер. Доктора Кобба явно обеспокоило наше появление, и он решил посоветоваться с ней. Я проследил за ним, и, когда он вышел, сам нанес миссис Калпеппер короткий визит.

– Под каким предлогом?

– Как свидетель Иеговы. И прежде чем меня возмутительным образом вытолкали вон, успел добиться своей цели. Я заметил на запястье миссис Калпеппер точно такую же татуировку.

– Правда? Похоже на какую-то секту.

– Именно так.

Колдмун помолчал немного.

– Секте могла понадобиться кровь для ритуалов... Если они собирались пойти по стопам Батори. Много крови.

– Совершенно верно.

– И вы считаете, что все это дерьмо творится в той самой церкви, что купила вдовушка?

– Надеюсь, что так.

– Надеетесь? – невольно рассмеялся Колдмун. – Правда? Вы – и надеетесь?

– Мой дорогой Колдмун, я действительно надеюсь раскрыть дело и тем спасти жизнь будущим жертвам.

– Тоже верно. Когда мы собираемся навестить сектантов?

– Сегодня в полночь. Это будет для них сюрпризом. А я тем временем получу ордер и подготовлю облаву. Мы ведь должны взять их с поличным, чтобы им было уже не отмыться. Прошу прощения за двусмысленность.

– А почему вы так уверены, что они соберутся именно сегодня ночью?

– Потому что завтра годовщина ужасной смерти Елизаветы Батори в темнице замка. Конечно же, они должны отметить это событие каким-то ритуалом... возможно, даже кровавым.

Констанс Грин сидела в кафе «Суони» отеля «Чандлер-хаус», потягивая чай бао чжун и любуясь очаровательным маленьким парком по ту сторону Вест-Гордон-стрит. Зал кафе был длинным и узким, одну стену почти полностью занимало окно из рифленого стекла, выходящее на Чатем-сквер.

Саванна пришлась по вкусу Констанс, особенно после слишком уж современной Флориды, где тропический рай сталкивался с суматохой мегаполиса. Пусть даже здесь недавно случились убийства, Саванна оставалась элегантным городом, свикшимся с собственным прошлым – не с ужасной историей рабства и угнетения, а с простой жизнью, чтением Троллопа^[22] и прогулками по парку, каждое дерево в котором сажали с мыслями о том, как оно украсит пейзаж сто лет спустя. Здесь не кинулись сносить все подряд в приступе архитектурного вандализма пятидесятых и шестидесятых, а сохранили связь с прошлым, что перекликалось с особенным отношением к далеким временам самой Констанс.

Завтрак в «Чандлер-хаусе» подавали с восьми до десяти утра. Констанс пришла без четверти девять и выбрала столик в дальнем конце зала. Оттуда, сидя спиной к стене, она могла незаметно наблюдать как за посетителями, так и за происходящим на улице и на площади. Забавно, что пара гостей, вероятно туристов, попыталась спросить у Констанс дорогу. Наверное, приняли ее за местную или даже за служащую отеля в старинной одежде.

Она заказала яйцо пашот с пикантным соусом и кресс-салатом, а также бао чжун. Посетителей обслуживали две официантки, одна молодая, а другая среднего возраста. Поскольку работы было мало, они стояли в глубине зала. Незадолго до десяти утра Констанс отодвинула в сторону недоеденное яйцо и заказала булочку со взбитыми сливками и черносмородиновым джемом. К двадцати минутам одиннадцатого в зале осталась одна Констанс, погруженная в разгадывание кроссворда. Булочка лежала нетронутой, а две официантки, чья смена подходила к концу, болтали между собой.

Глядя в окно на проезжавшие машины, Констанс прислушивалась к пересудам официанток. Они говорили вполголоса, но не настолько тихо, чтобы Констанс не смогла разобрать. Она с самым будничным видом записывала антикварным золотым карандашом имена и подробности личной жизни служащих отеля в квадратики кроссворда. А через четверть часа ухитрилась смахнуть со стола блюдце со сливками.

– Ох, простите! – сказала она официанткам, бросившимся наводить порядок.

Пока они вытирали пол и скатерть свежими салфетками, Констанс поднялась, забрызгав при этом остатками сливок черную юбку одной официантки и рукав другой. Констанс опять принялась извиняться, порываясь помочь им почистить одежду.

– Сядьте вот сюда, напротив меня, а я принесу еще салфеток.

– Ох, мэм, нам это запрещено, – сказала старшая женщина, вытирая тыльную сторону ладони о крахмаленный фартук.

– Чепуха, – ответила Констанс, чуть ли не силой усаживая их на стулья. – Я даже и не подумаю никуда уходить, пока все не исправлю.

Обе официантки сели, все еще протестуя, но без прежней настойчивости и не так искренне. А Констанс, уже не казавшаяся такой неуклюжей, как мгновением раньше, принесла целую стопку матерчатых салфеток и кувшин с ледяной водой.

– Давайте берите салфетки, сколько нужно, – сказала она, старательно копируя манеру разговора других посетителей.

– Но, мэм, – возразила младшая официантка, – будут неприятности, если мистер Дринкман...

– Если он придет, я просто переговорю с ним, и никаких неприятностей не будет.

У официантки заблестели глаза.

– О, так вы из важных гостей?

Констанс отмахнулась с улыбкой, ничего не говоря, но давая понять очень многое. Беседа продолжалась, и Констанс, вовремя бросаясь нужными именами – спасибо кроссворду, – скоро уже запросто называла официанток Хелен и Джоан.

– Не буду вас задерживать, – сказала она после окончания уборки. – Я понимаю, сколько у вас, должно быть, работы теперь,

когда утонул Пат Эллерби... Не говоря уж о потрясении от всего этого. И еще полиция каждого допрашивала.

– И не говорите, такое положение, и все это попало в ящик, – энергично кивая, сказала Хелен.

– Только между нами, как, по-вашему, мистер Дринкман справится? – спросила Констанс. – Пат мало что мне про него рассказывал.

– Так вы были знакомы с мистером Эллерби? – удивилась младшая, Джоан.

Констанс кивнула с самым скорбным видом.

– Мистер Дринкман очень старается, – объяснила Джоан. – Но у него и своей работы по горло, а тут надо быстро войти в курс дела. Мистер Эллерби был необщительным и почти не рассказывал, как все это вертится. Особенно о том, что связано с ней.

– С ней?

Джоан подняла глаза к потолку:

– Мисс Фрост. Он ее... поддерживал как мог.

– Скорее уж это она удерживала его при себе как могла, – возразила Хелен, капнув воды на салфетку, чтобы в последний раз промокнуть рукав. – Тут такой пожар начался, должна вам сказать. Некоторые постояльцы так перепугались, что сразу съехали. Зато сбежались другие, как муравьи на пикник, особенно когда снова заговорили о вампире.

Официантки обменялись многозначительными взглядами.

– И только мистер Дринкман даже задницу от стула не оторвал. Вы уж извините меня, мэм.

– Я слышала, что Пата Эллерби не было целый день, и только потом нашли его труп, – сказала Констанс.

Официантки закивали.

– Он и раньше выходил покурить на площадь, но всегда в разное время. А частенько просто исчезал. Раз – и нету, – щелкнула пальцами Хелен. – Только что читал газету с финансовыми новостями, а через мгновение уже заперся в своей комнате.

– В какой комнате? – заинтересовалась Констанс.

– У него была комната под лестницей, – объяснила Джоан. – Он там торговал акциями и всякими такими вещами. «Игра на бирже» – вот как он это называл. Это была его страсть, точно говорю. И... – Она

помолчала и продолжила: – Да, я думаю, он чертовски в этом наловчился.

– Как вы узнали?

– В последние месяцы он стал кое-что покупать. Новую машину – «кинг-ранч», ни больше ни меньше. И роскошные часы.

– Джоан! – с укоризной сказала Хелен.

– А вы не подумали, что это могут быть подарки мисс Фрост?

– Она не из тех, кто разбрасывается подарками, – ответила Хелен.

– Но ведь Эллерби был одним из ее любимчиков? – спросила Констанс.

– Он был единственным ее любимчиком, – поправила ее Джоан. – Но даже с ним она не сдерживала свой нрав. Да что там, всего несколько дней назад она появилась вечером в вестибюле прямо из пустоты. В первый раз за последний год, а то и два. И направилась напрямиком в подлестничный кабинет Эллерби, только его там не было. И боже упаси вас услышать, как они потом ругались, когда он вернулся! Как будто перебили целую лавку фарфора.

От этих воспоминаний глаза официантки заискрились злорадством.

– Когда это случилось? – словно между делом поинтересовалась Констанс.

– Сейчас скажу... – Джоан задумалась на мгновение. – Это было за день до исчезновения мистера Эллерби. Или нет... за два.

Констанс решила, что Фрост рассердилась из-за того, что он снимал пенки с клиентов, обворовывая отель.

– Но до ее появления в вестибюле вы считали, что она слишком слаба, чтобы покидать свои комнаты?

Официантки снова переглянулись.

– Да, нам так говорили, – ответила Хелен. – Особенно последнюю пару лет.

Что-то в вопросе Констанс заставило официантку, несмотря на всю ее болтливость, тщательно подбирать слова.

– Она больна?

– Нет, она какая-то... сумасбродная. И чем старше становилась, тем больше зависела от мистера Эллерби. Он заказывал для нее еду, организовывал уборку комнат и смену постельного белья, приводил

врачей. Приходил к ней и читал стихи или слушал, как она играет на пианино. Классику.

– Притом, что они недавно поругались, – заметила Констанс.

– Это можно объяснить тем... ну, вроде как «милые бранятся...». – Джоан понизила голос. – Кое у кого здесь возникли по этому поводу разные дурацкие мысли. А теперь, когда он умер, она совсем подавлена.

– Еду мы просто оставляем у двери, – подхватила Хелен. – Внутри она никого не впускает. И ни у кого нет ключей от черной лестницы.

И прежде чем Констанс успела задать новый вопрос, Джоан добавила:

– Никто и не захочет к ней заходить. Это может быть... опасно.

Решив, что это шутка, Констанс вежливо хихикнула. Но быстро превратила смешок в кашель, прикрыв рот салфеткой, потому что ни одна из официанток даже не улыбнулась.

В дверях вдруг возник Дринкман, и разговор тотчас прервался. Официантки вскочили и принялись собирать грязные салфетки и посуду со стола. Констанс проводила их взглядом, когда они юркнули в боковую дверь, ведущую на кухню. Потом снова посмотрела на Чатемсквер, по-кошачьи полуприкрыла фиалковые глаза, такие загадочные в лучшие времена, и лишь изредка моргала, сидя совершенно неподвижно в лучах позднего утреннего солнца.

– Вот здесь ее и повесили, – звучным голосом произнес Грумс, хозяин дома, и показал дрожащим пальцем на темную деревянную балку в коридоре мансарды. – Кучер затянул петлю на шее бедной девушки, перебросил веревку через балку и тянул за нее, пока жертва не перестала брыкаться и извиваться.

Он замолчал, и в его мертвенно-бледном лице промелькнуло что-то жуткое.

– Даже сейчас еще видно, как врезалась веревка в дерево.

Венди Гэннон, наблюдая по двум экранам своего пульта за съемкой маленького спектакля, невольно отметила, что Грумс идеально подходит для этого фильма. Из него получился превосходный гид по сверхъестественному, и, без всяких сомнений, он немало поработал над своей внешностью: поношенный костюм на размер больше его тощей фигуры шести футов и шести дюймов ростом, седые волосы мочалкой и ввалившиеся глаза. Гэннон подозревала, что эффект усиливает разумная толика косметики тут и там. А этот человек явно разбирался в том, как создать нужную атмосферу, судя по тому, как он протестовал, когда осветитель пытался установить прожекторы в тусклом интерьере здания. Понятно, как населенный призраками дом Монтгомери стал одной из главных достопримечательностей Саванны.

– С тех самых пор, – закончил Грумс, – как только пробьет полночь, это и происходит.

Гид указал длинным паучьим пальцем на балку, и Гэннон шепотом велела оператору второй камеры увеличить кадр со следом веревки на дереве.

Она оглянулась на Мюллера. Наклонив голову, он с непроницаемым выражением лица слушал рассказ гида об убийстве. Двести лет назад здешний кучер обручился со служанкой. И все шло хорошо, пока этот мерзкий тип не вообразил, что невеста ему изменяет. Рассвирепев от ревности, он ворвался в ее спальню в мансарде, накинул петлю девушке на шею, вытащил ее в коридор

и повесил на выступающей балке. А потом вернулся в свою комнату, лег на кровать и перерезал себе горло. И не один раз, а дважды.

Грумс взял паузу, театрально вдохнул полную грудь воздуха и приподнял кустистые брови.

– Не каждую ночь, разумеется, но довольно часто. Десятки свидетелей могут подтвердить, что слышали ужасные звуки убийства. Все показания совпадают. Начинается каждый раз с приглушенного крика, который быстро стихает; затем следует звук перетаскиваемого по коридору тела; потом слышен стук тяжелой веревки, переброшенной через балку, и безошибочно узнаваемое шуршание скользящей вверх петли. После слышно, как раскачивается веревка под аккомпанемент сдавленных хрипов. А потом... – Грумс снова выдержал паузу. – Потом пройдет несколько минут, и вы услышите тяжелые, медлительные шаги по коридору, стук открывающейся и закрывающейся двери, скрип кроватных пружин... и вдруг различите влажное бульканье из перерезанного острой бритвой до самого шейного позвонка человеческого горла.

Гэннон идеально записала это заученное выступление на обе камеры, и Бэттс приказал закончить съемку. Он выглядел очень возбужденным и довольно потирал толстые руки.

– Потрясающе! Просто потрясающе! Герхард, ваш выход!

Мюллер понимающе кивнул. Он открыл большой жесткий кофр, который сам же и затащил на верхний этаж. Внутри, в пенопластовых гнездах, лежали его инструменты.

– Снимайте их! – приказал операторам Бэттс.

– Нет, – резко возразил Мюллер. – Я ведь вам уже объяснял, мистер Бэттс. Я не разрешаю снимать инструменты, когда они находятся внутри футляра. Вы можете фотографировать только используемое оборудование.

– Ну хорошо, – раздраженно ответил Бэттс.

Гэннон придержала камеры, пока Мюллер доставал из кофра допотопный осциллограф с круглым экраном, камеру в чехле, серебряный прут, расходящийся на конце буквой Y, как лоза лозоходца, и пластинку темно-дымчатого полупрозрачного камня, вероятно обсидиана. Мюллер разложил все это на полоске черного бархата и кивнул Бэттсу, разрешая съемку. Гэннон, в свою очередь, подала знак операторам.

Бэттс вошел в кадр с освещенным снизу бледным лицом.

– Уже почти полночь – время, когда, как говорят, призраки кучера и горничной заново проходят путь к своей ужасной кончине. Доктор Герхард Мюллер уже установил свои высокочувствительные приборы и инструменты, одни из которых относятся к периоду Средневековья, а другие – его собственные изобретения. Это оборудование поможет нам обнаружить то, что специалисты называют спиритуальными турбуленциям, то есть призраков и другие паранормальные силы. Полночь, наблюдения начинаются. У вас все готово, доктор Мюллер?

– Да, – ответил тот.

Наступила тишина. Наконец Гэннон легонько подтолкнула локтем Бэттса.

– Вместе с нами, – продолжил Бэттс, – сюда пришла хорошо известная в Саванне историк сверхъестественного миссис Дейзи Файетт.

Камера повернулась к грузной пожилой женщине, стоявшей рядом с Мюллером. Бэттс поморщился. Он собирался разрешить этой некиногеничной особе несколько слов за кадром, но Гэннон убедила его, что появление местного «историка» – короткое и единственное – придаст фильму больше достоверности. К тому же она была так напудрена, что сама по себе выглядела пугающе.

Миссис Файетт шагнула вперед и заговорила на удивление музыкальным голосом:

– Историки полагают, что в доме Монтгомери чаще всех прочих мест в Саванне появляются призраки. По мнению ученых, это связано с ужасной жестокостью произошедших здесь событий. Эти двое несчастных созданий, как преступник, так и его жертва, в сущности, оказались пойманы в повторяющийся цикл посмертия. В спиритуальном мире времени не существует, и неприкаянные души могут оставаться в этой воронке, или водовороте, столетиями...

– И могут превратиться в вампиров? – спросил Бэттс. – Как Саваннский вампир?

Женщина замолчала, сбитая с толку неожиданным вмешательством.

– Даже не знаю. Саваннский вампир – это совершенно иная легенда...

– Хорошо, достаточно, – сказал Бэттс и повернулся к Гэннон. – Мы смонтируем все позже.

Гэннон мысленно пометила себе проследить, чтобы Бэттс вовсе не выбросил этот эпизод при монтаже.

– На меня, через пять секунд, – сказал ведущий, снова изобразив улыбку, как только камеры ожили и качнулись в его сторону, и продолжил, не потрудившись поблагодарить миссис Файетт: – А сейчас доктор Мюллер направит всю необычайную мощь своего оборудования на то самое место, где произошло убийство, и в то самое время, когда оно случилось, чтобы обнаружить и при определенной доле удачи сфотографировать спиритуальные возмущения.

По включившемуся экрану осциллографа лениво побежали зеленые синусоиды. Мюллер обеими руками поднял серебряную лозу, сверкнувшую зеркальной полировкой. Обе камеры следили за каждым его движением, пока он медленно обходил площадку под изношенной балкой. Старинные напольные часы в дальнем конце коридора пробили полночь.

Опустилась тишина. Даже Гэннон, уверенная в том, что все это чепуха, ощутила легкий озноб. От дубля к дублю свет в помещении все больше тускнел и рассеивался. Старый прием, еще времен целлулоидной пленки, но до сих пор эффектный. Обстановка тоже была атмосфернее некуда: уродливая викторианская мебель, потрескавшиеся зеркала и потертые ковры. Грумс и Файетт стояли поодаль, наблюдая за происходящим. Файетт, явно обиженная тем, как бесцеремонно ее прервали, похоже, посылала кому-то эсэмэску.

Бой часов отразился от стен и затих вдалеке. Опять наступило безмолвие. Мюллер расхаживал туда-сюда по коридору, словно караульный. Через десять минут он остановился, отложил свою лозу и взял обсидиановую пластину. Поднес к лицу и смотрел сквозь нее то в одну сторону, то в другую, казалось, целую вечность, пока наконец не положил ее обратно на черный бархат.

– Ну как? – спросил Бэттс. – Что вы обнаружили? Теперь будете фотографировать?

Вместо ответа Мюллер лишь попросил:

– Отведите меня в комнату, где кучер перерезал себе горло.

– Сюда, пожалуйста, – сказал Грумс.

Мюллер поднял лозу и обсидиан, ассистенты взяли осветительные приборы, и все вместе отправились следом за хозяином дома в маленькую спальню в дальнем конце коридора. Камеры продолжали работать. Спальня была тесной и скудно обставленной. Мюллер приготовил свои инструменты, и действие продолжилось. Он снова медленно прошелся с серебряной лозой по комнате и с особенным вниманием склонился над кроватью. Потом осмотрел комнату сквозь кусочек обсидиана, разрешив и Гэннон недолгую съемку через пластинку, которая сделала все вокруг тусклым, размытым и отчасти призрачным. «Да, Мюллер знает свою работу», – подумала Гэннон.

Еще пятнадцать минут прошло в молчании, а камеры всё работали. Гэннон сожгла чертову тучу гигабайт, и монтировать фильм будет теперь мучительно больно. Но она не могла рисковать, опасаясь что-то пропустить.

Наконец Мюллер остановился и с долгим вздохом повернулся к съемочной группе.

Бэттс подошел к нему:

– Доктор Мюллер, мы сгораем от нетерпения узнать, что вы обнаружили. Расскажите нам скорее!

Мюллер поднял глаза:

– Ничего.

– Ничего? Что значит «ничего»?

– В этом доме нет привидений, – ответил Мюллер. – Я не обнаружил никаких турбуленций. Здесь ничего нет.

– Как это так? – возмутился хозяин дома, срываясь на крик. – У нас есть свидетели, десятки свидетелей за многие годы, и все они пережили встречу с призраками!

– Может быть, мы неправильно выбрали ночь? – предположил Бэттс. – И призраки просто были... э-э-э... пассивны?

– Выбор ночи не имеет значения, – мрачно ответил Мюллер. – Здесь ничего нет. Даже если призраки никак не проявляют себя, возмущения можно измерить. Но мои приборы не зафиксировали никакой спиритуальной турбуленции. Если здесь и были духи, они давно исчезли. Это просто пустой дом – быть может, приманка для туристов, но ничего больше.

– Стоп! Стоп! – прокричал Бэттс и набросился с яростными упреками на Мюллера. – За каким чертом вам все это понадобилось,

Герхард? Это же самый богатый привидениями дом во всей проклятой Саванне! И что мне теперь делать с этим бесполезным материалом?

Побагровевший Грумс одобрительно закивал.

– Может быть, проблема не в доме, а в ваших фокусах-покусах? – с презрением показал он на оборудование Мюллера. – Призраки здесь есть, просто вы их не нашли!

Мюллер бросил на него испепеляющий взгляд, но ничего не ответил. Он вернулся в коридор и принялся укладывать свои инструменты в кофр. Позабытая всеми Дейзи Файетт попыталась что-то сказать, но Бэттс лишь отмахнулся от нее, как от назойливой мухи.

– Выведите ее отсюда, – велел он одному из ассистентов.

Бэттс повернулся к охотнику за привидениями и сказал, стараясь не повышать голос:

– Послушайте, Герхард. Мы потратили немало труда и средств, чтобы все устроить. Это превосходный дом с привидениями. Не согласитесь ли вы попробовать еще раз и сделать так, чтобы ваше оборудование работало?

Мюллер выпрямился и ответил ледяным тоном:

– Мое оборудование работает.

– Ради всего святого, Мюллер, постарайтесь, чтобы оно работало лучше!

Мюллер впился взглядом в Бэттса:

– То, чем я занимаюсь, не цирковое представление. Это серьезное дело. Это наука. – Он помолчал и продолжил: – Вы еще обрадуетесь, что у вас есть только что снятый материал, мистер Бэттс. Потому что, когда мы найдем что-нибудь в другом месте, на что я очень рассчитываю, наша неудача здесь только добавит убедительности этому открытию.

Бэттс внезапно притих. А через мгновение в уголки его губ прокралась едва заметная улыбка.

– Я понял, что вы задумали, Герхард. Приношу свои извинения.

Мюллер коротко кивнул.

Бэттс оглянулся на Гэннон:

– Работаем!

Гэннон дала сигнал продолжать съемку, и Бэттс с серьезным лицом повернулся к камерам:

– Как вы только что убедились, обнаружить присутствие сверхъестественного – непростое дело, требующее деликатности и научного подхода. Призраки не появляются по нашему капризу. Доктор Мюллер ничего здесь не нашел, и, учитывая его репутацию, это означает, что здесь ничего и нет.

– Ничего нет? – возмущенно выкрикнул Грумс. – Всем известно, что это самый лучший дом с привидениями в Саванне.

– Скоро всем станет известно, – спокойно ответил Бэттс, – что это просто приманка для туристов, и ничего больше. Мошенничество, разоблаченное доктором Мюллером.

– Да как вы смеете! – вознегодовал хозяин дома. – Уберите от меня свои камеры!

Он в ярости показал на камеры, которые, конечно же, продолжали работать, снимая его лицо крупным планом.

– Это клевета! Я подам на вас в суд!

Но Гэннон не прекращала съемку. Господи, это были бесценные кадры! Она восхитилась тому, как ловко Бэттс выкрутился из очевидной неудачи. И в который уже раз задумалась, не окажется ли в конечном итоге фокусы Мюллера чем-то стоящим.

Церковь находилась в двадцати минутах ходьбы. Несмотря на поздний час, по улицам и площадям толпами разгуливали туристы и подвыпившие студенты колледжей, рестораны светились огнями, а в барах было не продохнуть. Церковь стояла за чертой старого, построенного еще до Гражданской войны города, на границе с бедными районами, далеко не такими веселыми. Это было неприметное здание из бурого кирпича с потеками на стенах и местами осыпавшейся шиферной черепицей. Маленькую парковку перед ней заполнили дорогие автомобили: «мазерати», «БМВ» и «ауди». Все окна первого этажа были заколочены досками. Ордера у Пендергаста не было, но Колдмун подозревал, что он не собирается действовать обычными примитивными методами и вламываться через переднюю дверь.

Они свернули за угол Би-роуд, многолюдной даже в полночь, и осмотрели здание с тыльной стороны. Там располагалась маленькая ризница, а пристройка к церкви, окна которой тоже были заколочены, служила скромным жилищем священника. Перепрыгнув через низкие чугунные перила, Пендергаст бросился к задней двери пристройки. Колдмун последовал за ним. Сверкающий новый замок казался неуместным на потемневшей от времени дубовой двери. Пендергаст достал из кармана пиджака набор отмычек в кожаном мешочке, повозился с ними немного, и замок поддался.

Пендергаст приложил ухо к двери, а потом медленно приоткрыл ее. Хорошо смазанные петли даже не скрипнули.

Агенты проскользнули в темную прихожую, закрыли дверь, и сумрак сменился непроглядной тьмой. Пендергаст осветил вокруг маленьким фонариком-ручкой. Слева от прихожей виднелась крохотная невзрачная гостиная, справа – столовая. Впереди была еще одна дверь, ведущая прямо в церковь. Пендергаст подошел к ней и снова приложил ухо, потом махнул рукой Колдмуну, и тот тоже прислушался.

За дверью пульсировали голоса: монотонное ритуальное пение то нарастало, то стихало.

Они отодвинулись от двери.

– А капелла, – пробормотал Колдмун. – Замечательно.

– Обычно из ректории^[23] в храм ведут две двери, – прошептал в ответ Пендергаст. – Одна – для выхода священника к пастве, а другая – для личных целей. Давайте ее и поищем.

Через столовую они прошли в маленькую кухню. Луч фонарика осветил большую пластиковую бутылку на столе, наполненную какой-то жидкостью. Пендергаст снял с полки стакан, поставил к бутылке и повернул кран.

Хлынула густая красная струя.

– Обосраться и не жить! – сказал Колдмун и невольно попятился.

Пендергаст достал пробирку, обмакнул тампон в стакан с кровью, положил в пробирку, закрыл ее и сунул обратно в карман пиджака. Затем подошел к двери в дальнем конце кухни и повернул ручку: не заперто.

Дверь чуть приоткрылась, и пение зазвучало громче. Сквозь щель пробивался красноватый свет. Пендергаст постоял у двери, а потом жестом пригласил взглянуть и Колдмуна.

За дверью находилась ризница, а еще дальше – апсида церкви. Там, где обычно стоял алтарь, теперь возвышался помост, и по нему ходили по кругу с полдюжины обнаженных людей. Они пели, подняв над головами руки... руки, смоченные кровью. По большей части это были пожилые толстые люди, лысые мужчины и женщины с обесцвеченными перекисью водорода волосами... по крайней мере, на голове. В центре круга была изображена пентаграмма с таинственными символами, нанесенными мелом на ее лучах. По импровизированной сцене бродила женщина, тоже обнаженная и вся в крови. На шее у нее висело зловещего вида монисто с демоническими ликами на штампованных золотых бляшках. В руке она держала медный горшок, время от времени опуская в него кисточку и обрызгивая ею танцоров, словно круглой шваброй. Колдмуну показалось, что горшок наполнен кровью.

Позади помоста в тускло-багровом свете сидели немногочисленные зрители приблизительно того же возраста. Когда пение зазвучало громче, они тоже сбросили с себя одежды, собрались в группы по двое-трое и принялись обнимать и ласкать друг друга, продолжая наблюдать за ритуалом.

Пендергаст отступил от двери, а вслед за ним и Колдмун.

– Это сатанинский обряд? – спросил Колдмун, почувствовав приступ тошноты.

– Что-то в этом роде, – ответил Пендергаст с отвращением в голосе.

В отраженном красноватом свете лицо его имело разочарованный, чтобы не сказать обескураженный вид.

– Разве вы не этого ожидали? – удивился Колдмун. – Похоже на то, что оргия начнется с минуты на минуту.

– Боюсь, что я просчитался. – Пендергаст помолчал и продолжил: – Эти люди просто... дилетанты.

– Дилетанты? Лично мне это кажется чертовски серьезным.

В тот же миг пение внезапно стихло. Пендергаст кинулся к двери, посмотрел в щелку и обернулся к Колдмуну.

– Быстро ко мне! Она идет сюда.

Они спрятались в темный стенной шкаф, оставив дверцу приоткрытой. Через мгновение в комнату вошла женщина с горшком, в темноте повозилась с краном, а потом тем же путем вернулась в церковь. Очевидно, она снова наполнила горшок кровью.

И тут послышался стук в парадную дверь церкви, а следом за ним голос, усиленный мегафоном:

– ФБР! У нас ордер на обыск! Откройте! Это ФБР!

– Самое время, – мрачно заметил Пендергаст.

Через секунду раздался грохот полицейского тарана, потом еще раз, с ним смешались испуганные крики зрителей и участников ритуала. Парадная дверь распахнулась, едва не сорвавшись с петель, и агенты хлынули внутрь.

– ФБР! – снова проорал человек с мегафоном, и Колдмун узнал голос агента Карраччи. – Все на пол! На пол, мать вашу! Быстрее! Держите руки на виду!

Одновременно с этими словами Пендергаст широко раскрыл дверь и прошел через ризницу в церковь. Колдмун не отставал. Обнаженные мужчины и женщины поспешили выполнить приказ и разлеглись на полу среди пятен крови. Агенты развернулись веером с оружием наготове, проверяя, все ли находящиеся в церкви безоружны и не собирается ли кто-нибудь оказать сопротивление.

– Чисто! – крикнул кто-то.

Много времени на обыск агентам не потребовалось. Пендергаст проводил их на кухню, где они конфисковали бутылку с кровью, а также маски, костюмы, капюшоны, чаши, фаллоимитаторы и прочий нелепый или даже непристойный хлам. Пендергаст наблюдал за ними, недовольно поджав губы.

Арестовывать никого не стали. Завершив обыск, агенты ФБР разрешили всем подняться на ноги. Потом под лучами фонариков, высвечивающих грузные тела пристыженных псевдодионисийцев, их выстроили в шеренгу и переписали данные. Для секты сатанистов они вели себя на удивление послушно: одни плакали от страха, другие умоляли не предавать огласке их имена. Только у доктора Кобба хватило духу заявить, что это была bona fide^[24] религиозная церемония, что действия ФБР грубо попрали его свободу вероисповедания и что утром он первым делом позвонит своему адвокату. Его протесты нарочито оставили без внимания. Колдмун решил, что получил больше удовольствия от первой встречи с Коббом в музее, когда директор был полностью одет.

Наконец Карраччи коротко распорядился:

– Ладно, выметайтесь отсюда, к чертям собачьим!

В безумном порыве болтающихся грудей и подскакивающих мужских достоинств группа сектантов распалась на части, разбежалась по углам церкви, похватила одежду, а потом помчалась к машинам. Под визг шин парковочная площадка мгновенно опустела. После короткого совещания с Карраччи Пендергаст и Колдмун вышли из церкви через заднюю дверь.

– Плохо, что их не задержали, – сказал Колдмун.

– Только зря потратили бы время.

– В каком смысле? Вы думаете, дело уже раскрыто?

– Я могу думать что угодно, только не это, – ответил Пендергаст с вытянувшимся лицом. – Боюсь, что я крупно просчитался.

– Просчитался? Вы заметили татуировку, установили связь, нашли церковь. В моем понимании, это быстрый сбор информации, а не просчет.

– Слишком быстрый. Я не послушался собственного совета и начал рассуждать слишком рано.

Его слова показались Колдмуну смешными.

– Да ладно вам! Вы же видели эту кровь.

– Готов поставить любые деньги на то, что это кровь животных. Но важнее другое: увидев парковку с дорогими машинами и этот нелепый ритуал, я понял, что здесь совсем иная психодинамика. Дилетанты, играющие в сатанизм. Возможно, они и виновны в жестоком обращении с животными, но не в убийстве. Тот убийца или убийцы, которых мы ищем, действует более скрытно, чем эти... эти жалкие профаны в оккультизме.

Колдмун покачал головой. Дело так быстро переходило из раскрытого в тупиковое и обратно, что голова шла кругом.

– Мой друг, пусть это будет для вас уроком об опасности поспешных выводов, – продолжал Пендергаст. – Г. Л. Менкен^[25] когда-то сказал: «У всякой проблемы всегда есть решение – простое, удобное и, конечно, ошибочное». Это решение было простым, удобным и ошибочным.

– Как скажете. И что нам теперь делать?

– Поищем ответ в каком-нибудь другом месте. Например, в комнате Эллерби.

Спустившись в подвал по истертым каменным ступеням, Пендергаст остановился и огляделся. Его глубоко разочаровал и вчерашний рейд, и собственная роль в нем, но он отбросил на время эти мысли.

В подвале «Чандлер-хауса» стоял характерный запах – запах времени, за неимением лучшего слова, и он очень заинтересовал Пендергаста. Пахло мокрым камнем и пылью с примесью горелой резины и едва уловимой нотки селитры, несомненно оставшейся с тех времен, когда в этом здании располагалась фабрика боеприпасов. Из пороха, свинца и латуни здесь делали патроны 54-го калибра для карабинов Шарпса, так любимых кавалерией конфедератов. «Как же оно вдохновляет, это подобное фуге слияние ощущений прошлого и настоящего!» – подумал Пендергаст.

Был там и еще один специфический запах – толченого грецкого ореха, свойственный токсину престрикуруарину. Пендергаст остановился. Похоже, отель страдал от нашествия крыс, и против них применяли устаревшее средство. Этот дезинсектор был признан неэффективным много лет назад. Лишенные природой рвотного рефлекса, крысы побаиваются незнакомых запахов. Ну да ладно, крысы – не его забота.

От подвала так и веяло затхлостью и запустением. Ряд свисающих с проводов оголенных лампочек уходил вдаль, оставляя углы в полумраке. Даже от подножия лестницы Пендергаст видел, что подвал принял окончательный вид уже после завершения строительства дома: каменный пол то поднимался, то опускался, отмечая места дополнительных земляных работ. Помещения в темных углах были едва различимы: кладовые, заброшенная кухня, что-то вроде посудомойни. Дальнюю часть подвала обмотали желтой лентой и повесили предупреждающий знак: **НЕНАДЕЖНАЯ КОНСТРУКЦИЯ**.

Любитель древности в душе Пендергаста и дальше наслаждался бы изучением этой подземной твердыни, но он пришел сюда по другому делу – обследовать комнату прямо под лестницей в подвал, где Эллерби устроил себе кабинет.

Узнать ее было нетрудно по обшарпанной деревянной двери со вставкой из матового стекла. Пендергаст подергал ручку, но дверь оказалась заперта. Тогда он достал свой набор отмычек и одним быстрым движением гибких пальцев отпер ее без всякого шума.

Комната была маленькая, квадратной формы. У одной из ламп дневного света под потолком не работал дроссель. На длинном столе стояли в ряд три монитора и принтер. Экраны мониторов не светились, но подсоединенные к ним компьютеры были включены, хотя и находились в спящем режиме. На маленьком столе у стены напротив лежали стопки бумаг в папках разного цвета. Именно здесь покойный Патрик Эллерби и полуночищал, приторговывая акциями.

Закрывая за собой дверь, Пендергаст подумал, что «полуночищал» – неточное определение. Судя по словам служащих отеля, Эллерби приходил сюда и ночью и днем, когда как получится. И это странно. У большинства биржевых трейдеров четкое расписание.

Пендергаст уже осмотрел комнату Эллерби на третьем этаже отеля. Там не оказалось ничего необычного, предосудительного или особо интересного. Книги, журналы, одежда, электроника – типичная обстановка для холостяка средних лет. Полагаясь на те сведения, что сообщила ему Констанс, Пендергаст надеялся отыскать что-нибудь способное пролить свет на отношения Эллерби с владелицей отеля, престарелой затворницей, которая не желала говорить ни с кем, включая полицию. Но ничего похожего найти не удалось.

Оглядев стол, Пендергаст обратил внимание на две вещи. Документы на покупку пикапа «Ф-250» в полной комплектации, который стоил чуть больше семидесяти тысяч долларов, и чек в тридцать тысяч долларов на часы «Вашерон Константин» с автоподзаводом из бутика в Майами.

То, какую машину купил себе Эллерби, Пендергаста мало беспокоило, зато не лишенный вкуса выбор часов заслужил его одобрение.

Обе покупки пришлись на последний месяц. Пендергаст представил себе человека, носившего этот бесподобный образец *haute horlogerie*... [26] и разъезжавшего на пикапе. Нелепо, конечно, но матушка говорила ему, что у саваннцев свои причуды. Одну из таких причуд Пендергаст сам наблюдал прошлой ночью. Он просмотрел папки с документами и положил их обратно на стол.

Констанс особенно заинтересовалась хозяйкой отеля, мисс Фрост, и собрала большую коллекцию сплетен о ней. За два дня до смерти Эллерби она спустилась вниз и вовсе не выглядела немощной затворницей... Не говоря уже об ожесточенном споре между ними тем же вечером. В самом деле странно.

Повернувшись к компьютерам, Пендергаст оглядел длинный стол. Потом достал из жилетного кармана фонарик-ручку и опустился на колени перед ближайшим процессором, ощупывая его тыльную сторону кончиками пальцев. Завывания вентилятора и толстый слой пыли на решетке подсказывали, что компьютер выключали очень редко, если выключали вообще.

Пендергаст поднялся и поочередно подошел к каждому компьютеру, шевеля мышками, чтобы разбудить их. На экран тут же выскочило поле пароля – и неудивительно, если учесть, что здесь проводились финансовые операции. Один пароль давал доступ ко всем компьютерам сразу.

Компьютерами займется лаборатория цифровой криминалистики ФБР. А внимание Пендергаста привлекла толстая потрепанная бухгалтерская книга в зеленом тканевом переплете, лежавшая перед мониторами. Он взял книгу и бегло пролистал. Похоже, это был перечень финансовых операций, написанный от руки до фанатизма аккуратным почерком. В каждой записи Эллерби указывал дату и сумму со множеством сокращений и условных знаков. Он вел эту книгу несколько лет с невероятной тщательностью. При определенном везении она может оказаться *magnum opus*^[27] Эллерби – хроникой всех его действий на фондовом рынке. Странно, что он не завел сейфа для своих бумаг, хотя, с другой стороны, деяния Эллерби никого не интересовали вплоть до самой его смерти. Но особенно важным Пендергасту показалось полное отсутствие атмосферы тайны, незаконных операций или мошенничества. Даже замок на двери был самым обычным.

Пролистав бухгалтерскую книгу, Пендергаст добрался до последней записи. Она была сделана восемь дней назад.

За два дня до смерти Эллерби.

Пендергаст просмотрел десяток-другой предыдущих страниц. Управляющий отелем вел активную торговлю акциями каждый день, включая и выходные. Не было видно никаких пропусков, пока

операции внезапно не прекратились. Он еще раз взглянул на последнюю запись, но ничего в ней не указывало на какие-то неприятности. Заполненные строчки просто закончились... и через сорок восемь часов Эллерби не стало.

Положив книгу на место, Пендергаст снова достал фонарик, встал на четвереньки и тщательно осмотрел пол. Потом обследовал нижнюю часть столов, стулья, стены и единственный картотечный шкаф. Взял наугад несколько образцов, но не заметил ничего особо интересного: ни следов крови, ни признаков насилия или борьбы. Все выглядело так, будто Эллерби в последний раз спустился сюда во время перерыва, сделал какие-то дела, потом вышел, закрыв за собой дверь... и отправился навстречу смерти.

Пендергаст открыл дверь, выключил свет и вышел в коридор. Снова посмотрел на ряд голых лампочек, заманивающих в темноту, и начал подниматься по лестнице. Потом достал телефон и вызвал опергруппу ФБР по сбору доказательств – забрать из подвала все следы прибыльного хобби Патрика Эллерби.

На следующее утро, уже под конец завтрака, зазвонил мобильный телефон Пендергаста. Пока он отвечал на звонок, Колдмун угрюмо помешал кофе и сделал глоток. Кофе, разумеется, был отвратительным. Отметив, что Пендергаст долго слушал собеседника, не произнося ни слова, Колдмун тщетно гадал, кто бы это мог быть. Констанс, ограничившись на завтрак только чаем, читала свежий номер «Ланцета». Не самое подходящее чтение за столом, но поступки Констанс перестали удивлять Колдмуна.

Наконец Пендергаст просто сказал «да» и отключил мобильник.

– Кто это был? – спросил Колдмун.

– Наш старый друг, сквайр Пикетт. Сенатор попросил его пригласить нас на пресс-конференцию.

– Пресс-конференцию? Боже милосердный, зачем?

Пендергаст вяло улыбнулся:

– Чтобы поговорить о саваннском вампире, разумеется.

– Вы ведь шутите, да?

– Сенатор – благоразумный человек, – ответил Пендергаст. – Он не хочет ждать, когда все это обрушится ему на голову, и решил сыграть на опережение, воспользовавшись дружескими отношениями с Пикеттом. Слухи о вампире буйно расцветают, и нужно предоставить публике надежную информацию, чтобы пресечь измышления. Вести конференцию поручено капитану Делаплейн. Мэр также примет участие, а мы будем прикрывать спины им обоим.

– Но у нас нет для них надежной информации, – сказал Колдмун. – Если не считать рейда в церковь с голыми сумасшедшими сатанистами, пьющими кровь. Но они сейчас вызывают своих адвокатов.

– Совершенно верно. Однако у нас найдется, из чего слепить маленькую косточку, которую мы бросим толпе.

Колдмун недоверчиво хмыкнул:

– И когда будет эта пресс-конференция?

– Через два часа.

Колдмун едва не подавился кофе.

– Два часа?

– Я же говорю, что сенатор решил сыграть на опережение.

Когда они оба встали из-за стола, Констанс взглянула поверх своего журнала.

– В таком случае маленькой косточки может оказаться недостаточно, – сказала она. – Возможно, вам стоит подумать о берцовой кости. Лучше даже о бедренной.

Колдмун бросил на нее быстрый взгляд, но она уже снова спряталась за журналом.

Под пресс-конференцию выделили парковочную стоянку за полицейским участком, установили там временный помост и обозначили места для фургонов телевизионных новостей с их спутниковыми тарелками. То, что это была торопливая импровизация, бросалось в глаза, однако Колдмуна впечатлила способность Делаплейн так быстро все обустроить. Полицейский в форме раздвинул сигнальные конусы, чтобы пропустить их, и махнул рукой в сторону огражденной парковочной зоны. Пендергаст опять достал свой мобильник и набрал номер.

– А теперь вы кому звоните? – спросил Колдмун.

– Пикетту, – ответил Пендергаст, включая громкую связь. – Он просил предупредить его, когда мы приедем.

Трубку снял помощник Пикетта:

– У него сейчас сенатор Дрейтон, но он ждет вашего звонка. Одну минуту, пожалуйста.

После недолго молчания Колдмун услышал могучий *basso profundo*^[28], сопровождаемый неприятным скрежетом из динамика.

– Не уверен, что ты меня слышишь, Уолт. Это уличное собрание начнется до ужаса скоро, и я не потерплю никаких отклонений. Ты должен быстро разобраться с этим геморроем, потому что...

– Прошу прощения? – прервал его Пендергаст.

Наступила тишина, а потом послышался немного запыхавшийся голос Пикетта:

– Агент Пендергаст, я не могу сейчас говорить с вами. Я перезвоню.

– Да, сэр, – сказал Пендергаст и добавил после паузы: – Кажется, у нас какие-то неполадки со связью, поскольку я только что слышал

другой голос...

– Прекратите! – проговорил Пикетт напряженным тоном, и телефон смолк.

Колдмун посмотрел на Пендергаста и заметил в его глазах непривычный веселый огонек.

– Я правильно понял то, что услышал? Сенатор из Джорджии устроил взбучку Пикетту?

– Это просто трагедия, насколько не умеют некоторые люди пользоваться цифровой техникой, – ответил Пендергаст, по-видимому ничуть не обеспокоенный.

– Не знаю, каким образом, но уверен, что вы сами устроили этот прокол.

– Кто, я? Не может быть.

Похоже, этот сенатор Дрейтон был редкостным говнюком, но Колдмун невольно испытал что-то вроде мрачного удовлетворения оттого, что Пикетту тоже иногда достается на орехи.

Пендергаст уже вышел из машины и зашагал через парковку. Колдмун поспешил за ним.

Вслед за Пендергастом он поднялся на помост, и оба они заняли места по одну сторону от трибуны, а Делаплейн, детектив Шелдрейк и коренастый краснолицый мужчина, которого Колдмун принял за мэра, встали с другой стороны. Пресса сгрудилась вокруг помоста с куда меньшей толкотней и неразберихой, чем ожидал Колдмун. Возможно, сказались южная утонченность и аристократические замашки. Еще он отметил, что этот режиссер-документалист Бэттс, вероятно, пронюхал о конференции раньше всех, так что его группа припарковалась в первом ряду и заняла самое выгодное место, пока площадка постепенно заполнялась другими журналистами, камерами и выносными микрофонами.

Ровно в одиннадцать Делаплейн шагнула к микрофону и громко постучала по нему, призывая к тишине.

– Я капитан Аланна Делаплейн из департамента полиции Саванны, – начала она. – Рада приветствовать вас на нашей пресс-конференции.

Она глубоко вздохнула и продолжила, ее мощный голос эхом отразился от фасадов окрестных зданий. «Громкий голос – не самый плохой способ справиться с прессой», – подумал Колдмун. Делаплейн

выразила сочувствие жертвам и заверила публику, что к расследованию привлечены все ресурсы. Она похвалила работу медэкспертов, высоко оценила помощь ФБР, поблагодарила бригады криминалистов и специалистов из лабораторий и навела на расследование такой лоск, что обескуражила собравшихся журналистов, несомненно жаждавших крови и разногласий. Как будто дело уже раскрыли у них за спиной. О вчерашнем рейде не было сказано ни слова.

Затем на трибуну поднялся мэр и в свою очередь поблагодарил капитана Делаплейн, а также прочих чиновников, о которых Колдмун и слыхом не слыхивал, за блестящую работу по раскрытию дела. Колдмуну стало неловко от таких самовосхвалений. Сам он полагал, что до сих пор не сделано ровным счетом ни черта. Но похоже, вся эта конференция производила обезболивающий эффект, превращая необъяснимую и пугающую ситуацию в нечто почти скучное. Вероятно, так и было задумано.

Наконец мэр представил «отмеченного многими наградами специального агента ФБР Алоизия К. Л. Пендергаста», причем правильно произнес его имя, что, как предположил Колдмун, также объяснялось южными заморочками. После этого мэр отошел в сторону.

Пендергаст вышел к трибуне и сверкнул глазами, оглядывая беспокойную толпу. Через несколько мгновений шум утих. Колдмун отметил, что его напарник обладает такой харизматической аурой, что способен присмирить даже сборище репортеров... По крайней мере, на время.

– Уважаемые дамы и господа, сотрудники прессы, – начал Пендергаст с еще более густым, чем обычно, медовым акцентом. – Конечно же, ФБР с радостью помогает службам правопорядка Саванны расследовать эти недавние убийства.

Он продолжал говорить, гипнотизируя толпу своим звучным голосом и не делясь при этом практически никакой информацией. Закончив выступление, он отступил назад, а его место снова заняла Делаплейн, чтобы ответить на вопросы. Тут же вскинулся лес рук, включая и руку Бэттса.

Делаплейн указала на женщину в толпе:

– Мисс О'Рейли, Дабл-ю-ти-о-си?

– У вас есть какие-то зацепки?

– Да, есть. По понятным причинам я не могу о них рассказать, но мы работаем в нескольких перспективных направлениях. Мистер Буджум, «Реджистер»?

– Капитан, существует ли опасность новых убийств? И если так, то не могли бы вы дать людям совет, как от нее уберечься?

– Мы вчетверо увеличили присутствие сил правопорядка в историческом центре, – ответила Делаплейн. – И я хочу попросить жителей не гулять по городу ночью, и в особенности не злоупотреблять спиртным, что всегда превращает человека в легкую добычу.

Последний совет пресса встретила громким смехом.

– Мисс Локателль, Дабл-ю-эйч-эй-эф?

– Капитан, что вы можете сказать о рейде в церковь на Би-роуд? Принес ли он какие-то результаты?

Делаплейн поджала губы.

– Если вы спрашиваете об операции ФБР, то департамент полиции Саванны не имеет к ней никакого отношения. Передаю слово специальному агенту Пендергасту для... э-э-э... разъяснений.

Пендергаст шагнул вперед.

– Боюсь, что это был тупик. В ритуале задействовали кровь животных, а не человека.

– Каких животных?

– Очевидно, уток.

Эта подробность вызвала новый прилив смеха.

– Не обнаружено никакой связи с текущим делом, не выявлено также существенных нарушений закона со стороны... мм... прихожан, а потому их имена не будут преданы огласке.

Он снова уступил место Делаплейн, которая так же легко справилась с еще несколькими вопросами, подчеркнуто не обращая внимания на Бэттса. Тот размахивал руками, раздражаясь все сильнее из-за того, что его не замечают. Наконец он просто выкрикнул свой вопрос:

– Капитан, как вы прокомментируете мнения о том, что в этих убийствах удивительно много общего с легендой о Саваннском вампире?

Делаплейн строго посмотрела на него.

– Вы сказали «вампир»? – переспросила она снисходительным тоном, каким обычно разговаривают с ребенком. – Мистер...

– Бэттс. Барклай Бэттс, ведущий...

– Мистер Бэттс, если вы спрашиваете меня, не думаем ли мы, что эти убийства совершил вампир, то я отвечу... одну секундочку... нет.

Еще одна волна хохота всколыхнула толпу.

– Однако, – продолжила Делаплейн, – это мог совершить человек или люди с нездоровой тягой к Саванне... и ее легендам. Инцидент на Би-роуд – лучшее тому подтверждение.

– Как откачали кровь жертв? – не отставал Бэттс. – И с какой целью?

– Мы убеждены, что использовался инструмент, носящий название троакар, нечто вроде длинной полый иглы. Он был введен в бедренную артерию. Но с какой целью это было сделано, мы пока не имеем ни малейшего представления.

Делаплейн повернулась к другим желающим задать вопрос, но Бэттс не унимался:

– Это правда, что кровь была выкачана до... последней капли?

Капитан подняла брови, едва не просверлив его взглядом.

– Ни одной капли не осталось. Мы выясняем, как это можно было сделать.

И, не оставляя Бэттсу возможности еще что-то сказать, она обратилась к следующему:

– Мистер Уэллстоун?

Импозантный мужчина с сединой на висках в безукоризненном костюме и очках в роговой оправе кивнул в знак признательности.

– У меня вопрос к специальному агенту Пендергасту, – произнес он, по-аристократически растягивая слова. – Агент Пендергаст, насколько я понимаю, вы один из ведущих экспертов ФБР по отклонениям в психике преступников. В особенности серийных убийц. Вам не кажется, что наш преступник как раз такой серийный убийца с отклонениями?

В наступившей тишине толпа ожидала ответа Пендергаста.

– Серийный убийца? – сказал наконец он. – Может быть. С отклонениями? Возможно, и нет.

Он помолчал.

– Не исключено, что мы имеем дело с проявлением определенного рода нормальной психики с отклонениями не столько от нормы, сколько от наших представлений о ней.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Уэллстоун.

«Воистину», – подумал Колдмун.

Но Пендергаст ничего к этому не добавил, и капитан Делаплейн завершила пресс-конференцию.

Шлепая по грязи, капитан Аланна Делаплейн прихлопнула комара и вполголоса выругалась. Впереди нее хлюпал по илистому берегу реки, пробиваясь сквозь заросли, кинолог Борис Стробрабридж. Такого длинного языка, как у его огромного блаухаунда Твиста, Делаплейн никогда не видела. Стробрабридж прицепил поводок мощного пса к ремню на поясе, чтобы держать руки свободными и раздвигать перед собой ветки. Позади шумели машины, пересекая реку по автомобильному мосту Виктория, но деревья и кусты росли так плотно, что Делаплейн не видела самого пролета. Здесь, на болотистых берегах острова Сильван, нетрудно было поверить, что находишься где-нибудь на чертовой Амазонке с непроходимыми джунглями и завывающими москитами. Огромный пес лениво принюхивался, больше интересуясь прибитым к берегу мусором, чем запахами, связанными с убийством Эллерби.

Тело должно было как-то попасть в реку, и его вполне могли сбросить с моста, но это казалось маловероятным. Движение по межштатной трассе 80 не прекращалось ни днем ни ночью. Пришлось бы протаскать труп по аварийной полосе и перебросить через высокий цементный отбойник. Слишком много времени, слишком много шансов, что тебя заметят. Делаплейн представила, что тело просто столкнули в воду, но тогда, судя по месту, где его нашли, это могло произойти на любом участке берега. Она не очень-то понимала, как пес сумеет учуять какой-нибудь другой запах, кроме вони болотного газа и ила, поднимающейся от реки. Но Стробрабридж, похоже, не считал, что с этим возникнут трудности.

Кинолог вдруг резко вскрикнул и попытался оттащить пса, забравшегося мордой в пакет из Макдоналдса с полусгнившим картофелем фри и надкусанным бургером.

– Нельзя, Твист! Брось!

Стробрабридж натянул поводок, но пес рвался заглотив как можно больше отвратительного месива. Кинолог попытался отбросить пакет, но добился лишь того, что бургер вывалился наружу вместе с извивающимися червями.

– Да оттащите же своего чертова пса! – велела Делаплейн.

Идея представлялась ей все более и более безнадежной. Они уже прочесали кладбищенскую сторону реки, но безуспешно, а теперь приближались к тому месту, где был найден труп. Если и здесь не удастся взять след, продолжать не имеет смысла, потому что тело не могло плыть против течения.

Может быть, пес просто ни на что не годен. На площади он не смог даже проследить маршрут трупа Эллерби с того места, где его убили, судя по найденному пальцу и клочку кожи, до ближайшей улицы. Делаплейн предположила, что тело несли вдвоем и поэтому никакого запаха не осталось. Что само по себе уже ценная информация.

– Ищи! – снова скомандовал Стробридж, отбросив ногой червивый бургер и помахав перед носом пса лоскутком одежды с запахом Эллерби.

Впереди лес уступил место заросшему болоту с илистым берегом. На дальнем его конце проплывавшие мимо на лодке люди и нашли труп. Это был конечный пункт поисков. И слава тебе господи, потому что за солончаком зеленой стеной поднимались джунгли куда хуже тех, сквозь которые Делаплейн только что продиралась.

– У того леса повернем обратно, – сказала она плетущемуся следом Шелдрейку.

– Для меня и этого слишком много, – ответил тот, прихлопнув очередную мошку.

На лице и шее у него уже проступили уродливые красные волдыри.

Трава на болоте была высотой по пояс. Поднялся ветер, сдув насекомых и подарив долгожданное спасение от удушливой влажности. И тут Твист наконец-то взял след. Поразительно, как изменилось при этом все поведение собаки, как неуклюжий пес вдруг подобрался, натянул поводок и опустил морду к земле, каким цепким стал его взгляд.

– Почуял запах, – объявил Стробридж и так очевидную вещь.

– Хорошо, хорошо, – сказала ему Делаплейн.

Дело пошло на лад.

Твист рвался с поводка и тащил за собой Стробриджа. Кинолог был щедушным мужчиной, а Твист – очень крупной собакой, и

выглядело все довольно комично.

Они быстро продвигались по траве, ветер становился все сильнее. Шелдрейк, этот жалкий пожиратель канноли^[29], семенил следом, сопя и стараясь не отставать. И тогда, впервые за все время, Твист гавкнул, потом еще раз, и его мрачный лай разнесся над рекой.

– Он и вправду что-то учуял! – тяжело дыша, сказал Стробиридж, а пес все тащил и тащил его за ремень.

Они прошли вдоль вогнутой береговой линии. В нескольких сотнях ярдов впереди показалась ограждающая лента, которой медэксперты отметили место, где было найдено тело.

– Твист! К ноге! К ноге, я сказал!

Пес рвался вперед, дергая Стробириджа, словно марионетку, при каждом прыжке.

– Успокойся, Твист! – крикнул кинолог, но пес не послушался и снова залаял – долгим, могучим грудным лаем.

Стробиридж ухватился обеими руками за поводок и потянул на себя. Но пес увлекся погоней, и это была настоящая потеха – смотреть, как Стробиридж с воплями ковыляет за ним, пытаясь не отстать.

– Плохой пес! К ноге! Что за дьявол в тебя вселился?

Твист неистово лаял, из пасти разлеталась слюна, язык длиною в добрый фут раскачивался из стороны в сторону при каждом прыжке. Он тащил и тащил Стробириджа к густой стене зелени за тем местом, где нашли Эллерби.

– Ко мне! Сидеть!

Никакие команды не действовали, и через мгновение случилось то, чего Делаплейн давно уже ожидала. Стробиридж потерял равновесие и упал в высокую траву. Но пес по-прежнему мчался вперед, таща его за собой. Снова ухватившись обеими руками за поводок, Стробиридж отстегнул его от пояса, и блауханд с бешеным лаем помчался быстрее пули к полосе леса.

– Будь ты проклят! – прошипел Стробиридж, вставая и отряхиваясь. – Прежде с ним никогда такого не случалось.

Твист в тот же миг нырнул в кусты и исчез в глубине леса. Теперь его лай звучал приглушенно.

– И что дальше? – спросила Делаплейн, оглянувшись на Шелдрейка, который пыхтел и отдувался, пробиваясь сквозь высокую траву.

– Идем за ним. Честно говоря, его надо бы отдать на повторное обучение.

– Еще бы.

Лай постепенно слабел, но сделался выше тоном.

Когда он достиг истерического тембра, Стробрридж сказал:

– Он точно что-то нашел.

Они пошли дальше, но тут пес замолчал. Стробрридж остановился и прислушался.

– Почему он затих?

Кинолог покачал головой:

– Не знаю.

Они еще несколько минут плелись по болотной траве, пока не вышли к опушке леса. Затем прорвались сквозь завесу кустарника и углубились в чащу. Жара внезапно усилилась, снова появились насекомые. Стробрридж уллучил минутку и взял телефон.

– Думаете, он ответит? – раздраженно поинтересовалась Делаплейн.

– У Твиста на ошейнике есть GPS-модуль. Он просто покажет, где сейчас мой пес.

Стробрридж повозился с каким-то телефонным приложением, а потом двинулся вперед. Разумеется, в самую густую часть леса.

– Сюда, – сказал он.

– Я бы не отказалась от проводника с мачете, – призналась Делаплейн, продираясь сквозь заросли пальметто. Шелдрейк в ответ лишь ворчливо выругался.

В лесу стояла абсолютная тишина. Даже птицы перестали петь. Странно, но через минуту-другую исчезли и насекомые, а пальметто уступили место виргинским дубам, таким древним и настолько обросшим мхом, что казалось, будто идешь сквозь занавеси.

Спустя добрых десять минут борьбы с ними Делаплейн разглядела впереди луч света, пробившийся сквозь зеленый полумрак. Поляна. Стробрридж прибавил шагу, продолжая то и дело заглядывать в телефон.

– Твист! – крикнул он. – Интересно, датчик показывает, что он должен быть прямо передо мной. Твист! Ко мне, мальчик!

Раздвинув особенно толстый заслон мха, они внезапно оказались на небольшой песчаной поляне. Делаплейн остановилась. Что-то

лежало на освещенном солнцем песке почти у самых ее ног. Она не сразу поняла, что это было: собачья голова с длинным языком.

Остальная часть валялась в двадцати футах, обвитая кольцами кишок, из которых торчали лишь кусочки сгнившего и плохо переваренного картофеля фри.

Тем же вечером в четверть одиннадцатого Констанс поднялась по широкой центральной лестнице «Чандлер-хауса». Ковры в отеле выглядели великолепно – переплетенные золотые стебли аканта на алом насыщенном фоне. Но даже если бы ступени были деревянными, ее отточенные долгой практикой шаги не произвели бы никакого шума.

Она остановилась на площадке четвертого этажа и огляделась. Направо от нее короткий коридор, пройдя мимо полудюжины номеров, упирался в стену. Налево он тянулся довольно долго, прежде чем повернуть за угол.

Хотя здание отеля было пятиэтажным, лестница заканчивалась на четвертом этаже. Констанс стояла неподвижно, размышляя о том, где может скрываться лестница на пятый.

Последний час она провела в номере, представлявшем собой анфиладу комнат, которые она делила с Пендергастом. Колдмун был изгнан на третий этаж из-за того, что варил отвратительный и, несомненно, канцерогенный кофе и не желал отказываться от этой привычки. Констанс заинтересовалась легендой о Саваннском вампире и отправилась на поиски информации в библиотеку отеля. Собрание было невелико, но оказалось весьма занимательным. Отметив нужные книги, Констанс решила удовлетворить теперь любопытство другого рода и поднялась, этаж за этажом, до четвертого... но дальше пробраться не смогла.

Оглядывая коридор, она невольно восхитилась любовью, вкусом и средствами, вложенными в реставрацию здания. Маленькие фарфоровые светильники, рельефные обои, гравюры со сценами охоты и пейзажами создавали все вместе особое очарование довоенной эпохи, каким-то волшебным образом казавшейся совсем недавней. Констанс ощутила во всем этом чуть ли маниакально заботливую руку.

Она тихо двинулась вдоль коридора.

Все, что она выяснила о Фелисити Фрост, только подогревало любопытство. Никто толком ничего не знал о ее прошлом или семье, за исключением того, что это были состоятельные люди.

Осторожными расспросами Констанс собрала кое-какие сведения. Когда в девяностых годах Фрост превратила дом в отель, она управлялась со всем практически в одиночку. Она любила носить трость с перламутровой рукоятью и каждое воскресенье надевала шляпу с вуалью, хотя никогда не посещала церковь. В те дни Фрост можно было назвать кем угодно, только не затворницей. Язык у нее был подвешен хорошо, за словом в карман она не лезла. Когда ее расспрашивали о прошлом или ее «предках», она с радостью просвещала всех желающих. Только истории эти были разные и становились все более вычурными и неправдоподобными с каждым пересказом. Ее прадедушка сколотил состояние на торговле мехами, а сама она выросла в *réservé indienne*^[30] в Квебеке. Она потомок единственного сына Бонни и Клайда, рожденного тайно, который, повзрослев, вложил награбленное родителями добро в молодую компанию под названием IBM. В годы своей непутевой юности она угнала самолет, летевший на Кубу, а потом скрылась с целым чемоданом контрабандных драгоценных камней. Она была внучкой русской великой княгини Анастасии, вовсе не убитой большевиками в 1918 году в Екатеринбурге, а сбежавшей в леса Карпат, прихватив с собой три яйца Фаберже. Постепенно люди устали оттого, что их дурачат, и прекратили расспросы. Но любопытство и сплетни не утихали никогда.

Видимо, около десяти лет назад, когда мисс Фрост уже было далеко за семьдесят, ее подкосило какое-то возрастное заболевание. По общему убеждению, оно сказалось не только на телесном, но и на умственном здоровье, потому что поведение мисс Фрост, и прежде эксцентричное, стало совсем загадочным. Она отстранилась от каждодневных забот об отеле, все сильнее попадая в зависимость от управляющего Эллерби, и уже не вникала в детали. Проводя все больше времени в своих комнатах на пятом этаже, мисс Фрост постепенно превращалась в затворницу, пока окончательно не заточила себя в них. Запретила доступ на верхний этаж всем, кроме нескольких избранных горничных и Эллерби. Несмотря на развивающуюся слабость, время от времени с ней случались припадки внезапного гнева. Горничные могли заходить к ней дважды в неделю, чтобы навести порядок и сменить белье, но должны были строго придерживаться расписания, и мисс Фрост никогда не присутствовала

в той комнате, где проводилась уборка. Кроме горничных, приходило к ней дозволялось только личному врачу, доктору Пируму, и Патрику Эллерби, к тому моменту уже ставшему неофициальным хозяином отеля, который навещал ее по вечерам. Иногда из ее комнат до поздней ночи звучала фортепианная музыка.

Вот и все, что удалось узнать Констанс в ходе осторожных, но настойчивых поисков. Она подумывала, не попросить ли Алоизия покопаться в базе данных ФБР, но вдруг засомневалась. История женщины, отгородившейся от всего мира и проводившей время в одиночестве, оказалась созвучна самой Констанс. Кроме того, она опасалась разрушить зимним ветром правды этот восхитительный антураж южной готики со слухами и перешептыванием.

Разумеется, в этих разговорах присутствовали и домыслы по поводу отношений между мисс Фрост и Эллерби. Половина слухов утверждала, что пожилая леди вовсе не так слаба, как хочет показать, и что она убила молодого любовника во время ссоры. Несомненно, чем старше она становилась, тем сильнее не одобряла побочный интерес Эллерби к фондовому рынку. Но Констанс отбросила самую фривольную версию как слишком очевидную, чтобы оказаться правдой. Ее больше увлекала мысль о том, что Фелисити Уинтроп Фрост, чувствуя, как силы, здоровье и умственные способности покидают ее, погребла себя в роскошных апартаментах, словно некая современная мисс Хэвишем^[31].

Констанс уже почти достигла поворота коридора, но остановилась у двери по правую сторону от себя. Как и все прочие, дверь была закрыта. Но кое в чем она отличалась – на ней не было номера, и древесина казалась на вид плотнее и крепче, чем у других. Ручка тоже была особенная – старомодная, из полированной бронзы, с причудливым замком. И находилась эта дверь чуть поодаль от других. Констанс молча разглядывала ее, и вдруг ей послышалось, будто бы сверху доносится фортепианная музыка, темная и насыщенная. Возможно, это был Брамс. Констанс уже почти прикоснулась к дверной ручке, когда из глубины коридора послышалось:

– Ох, мисс!

Констанс трудно было напугать, но сейчас ее застали врасплох. Со змеиной быстротой она обернулась на голос, а рука, только что

тянувшаяся к двери, метнулась к карману юбки, где лежал старинный итальянский стилет.

Горничная только что вышла из-за угла, держа в руках большое серебряное блюдо со стальными колпаками на нем – вероятно, заказ в номер. Констанс была так поглощена музыкой, что не услышала приближения девушки. Но стремительность, с которой она обернулась, так напугала горничную, что та попятилась и едва не уронила поднос.

– Туда нельзя заходить, мисс! – проговорила она чуть дрожащим голосом. – Эта дверь ведет в апартаменты мисс Фрост.

Констанс ничего не ответила и медленно опустила руку.

– Уже больше десяти... она может проснуться с минуты на минуту, – продолжала горничная. – Прошу прощения, но ее нельзя тревожить.

– Конечно нет, – спокойно согласилась Констанс. – Просто я заблудилась. Вы не подскажете, где находится библиотека отеля?

– На первом этаже, комната сто четыре.

– Спасибо.

Горничная присела в реверансе – с подносом в руках это получилось немного неловко – и прошла мимо Констанс. Потом постучала в дверь, пропала за ней и через минуту появилась уже с пустыми руками, если не считать зажатой в кулаке банкноты. Она снова разминулась с Констанс, нервно улыбнувшись, и исчезла из виду за углом коридора, где находился служебный лифт.

Констанс еще минуту-другую постояла на месте, глядя сначала вслед горничной, а потом – на дверь без номера. Наконец она развернулась, по-кошачьи бесшумно направилась по коридору туда, откуда пришла, и спустилась по лестнице.

Агент Колдмун стоял на краю поляны, утреннее солнце пробивалось сквозь туман, что поднимался над укутанными в мох деревьями. «Сколько же тут накрутили ленты!» – подумал Колдмун. Полиция явно переусердствовала с совершенно бесполезной работой, публика все равно не смогла бы сюда пробраться. Местный отдел по расследованию убийств и куча медэкспертов из Джорджии обследовали место преступления всю ночь при свете прожекторов. Специалисты из департамента полиции устроили здесь весьма убедительное шоу: фотографировали, собирали образцы, прочесывали грунт в поисках любой зацепки. Следом за ними появились медэксперт Макдаффи и судебный ветеринар, чтобы осмотреть труп *in situ* ^[32].

Колдмун предусмотрительно занял позицию с наветренной стороны от мертвого пса. Ночь была теплой и влажной, так что ему не хотелось рисковать. Картина и без запаха была преотвратной.

– Любопытно, – пробормотал Пендергаст. – Крайне любопытно.

Колдмун не стал уточнять, что именно показалось напарнику любопытным, даже если тот и обращался лично к нему, что вряд ли.

– Полагаю, теперь наша очередь, агент Колдмун, – сказал Пендергаст. – Пошли?

Он поднырнул под ленту, а за ним и Колдмун. Слава богу, не пришлось надевать парадный костюм: было только восемь утра, но пекло уже немилосердно. А вот напарник был в льняном костюме и зеленых резиновых сапогах. Черт знает, как он ухитрялся сохранить одежду безупречно чистой, пробираясь сквозь заросли и шлепая по илу вдоль берега реки.

Колдмун приотстал. Дохлые собаки – это не его конек, и он только обрадуется, если кто-то возьмет дело на себя. Пендергаст же, наоборот, рвался в бой, как всегда, когда рядом оказывался труп, человеческий или чей-то еще. Он направился прямо к отрезанной собачьей голове, опустился на колени и натянул нитриловые перчатки. Потом достал лупу и приступил к осмотру.

– «Клянусь Юпитером, Ватсон!» ^[33] – пробурчал Колдмун.

Если Пендергаст и услышал его, то не подал виду. Он приподнял собачий язык, повернул обратной стороной, обтер его тампоном, затем так же обтер клыки и поместил оба тампона в пробирку. Достал еще одну пробирку и быстро собрал другие образцы. Тем временем медэксперт и ветеринар обследовали собачьи останки в двадцати футах дальше.

Пендергаст осмотрел жестоко разодранную шею пса.

– Агент Колдмун?

Колдмун подошел. Пендергаст показал на торчавшие наружу позвонки, отмахнулся от мухи и вместе с напарником склонился над кровавой кашей.

– Не желаете? – спросил он, протягивая Колдмуну лупу.

Колдмун не желал, но все равно посмотрел. Кончик позвонка откололся, спинной мозг тоже был разорван.

– Похоже, тут понадобилась немалая сила.

– Именно так. Кто-то мог бы предположить, что голова отрезана, но стоит внимательно осмотреть плоть вот здесь и здесь, – Пендергаст ткнул тампоном в шейные мускулы, – а также поврежденный позвонок, и сразу станет ясно, что голову оторвали. Видите?

– Точно, – ответил Колдмун. – Вижу.

Пендергаст встал.

– Пойдемте поглядим на другие части тела.

Они подошли к медэксперту и ветеринару, все еще сидевшим на корточках перед собачьими останками. Пендергаст так тщательно осматривал тело, чуть ли не прижимая лупу к быстро разлагающейся плоти, раздвигая края раны и собирая там образцы, что Колдмун в конце концов отвернулся. Он только молил Господа, чтобы его не попросили еще что-нибудь обследовать.

– Итак, – сказал Пендергаст, выпрямляясь, – каковы ваши выводы, доктор Макдаффи?

Медэксперт, с самого начала возбужденный, занервничал еще сильнее. И Колдмун понял причину, когда заметил капитана Делаплейн, с недовольным лицом размашисто шагавшую со стороны болота.

– Полагаюсь на мнение моего коллеги-ветеринара доктора Суареза.

Молодой худощавый ветеринар по сравнению с излишне чувствительным Макдаффи казался невозмутимым.

– Ну что ж, если бы мы не стояли сейчас посреди болота, я бы сказал, что пса сбил грузовик. Каждый заметит признаки травмы, значительные внутренние повреждения и сломанные кости.

Рассказывая это, он помахивал окровавленным скальпелем, которым собирал образцы тканей.

– Любопытно, – проговорил Пендергаст.

Делаплейн встала у них за спиной, скрестив руки на груди и внимательно слушая.

– Итак, поскольку его не мог задавить «петербилт», я думаю, что пса жестоко избили, возможно бейсбольной битой или ломом, а потом прирезали и распотрошили. Может быть, использовали обух и лезвие топора по очереди. Мы узнаем больше, когда отвезем останки в лабораторию.

– Доктор Суарез, – сказал Пендергаст, – боюсь, что вам придется пересмотреть свои выводы.

Суарез приподнял брови:

– Это почему же?

– Описанное вами избиение пса потребовало бы много времени. Но его убили мгновенно.

– Агент Пендергаст, даже не имея медицинской практики, вы не могли не отметить, насколько обширны эти повреждения. Просто невозможно, чтобы они возникли в одно мгновение... Если только, как я уже говорил, пса не сбил грузовик. – Он развел руками и улыбнулся. – Но... здесь, в лесу?

– Я ценю ваши наблюдения, доктор Суарез. Однако, по словам всех опрошенных, пса убили так быстро, что он не проронил ни звука. До этого пес истерически лаял... а потом вдруг замолчал. У него был ошейник с GPS, который нашли через несколько минут после того, как лай прекратился.

– Тогда это все дьявольски загадочно, – сказал Суарез. – Посмотрите на факты: у пса переломаны кости, множество внутренних повреждений, он разодран на части каким-нибудь крюком или тесаком. Взгляните на эти рваные раны на брюхе и место отсечения головы. Ни одного ровного, четкого разреза – все зверски разодрано.

– Вижу, – ответил Пендергаст. – Но свидетели так же четко показывают, что появились на поляне буквально через несколько мгновений после того, как пес перестал лаять. И здесь не было ни одного человека, ни одного существа. Тот, кто напал на пса, успел скрыться.

Ветеринар усмехнулся:

– Я с радостью выслушаю вашу теорию, агент Пендергаст.

Пендергаст не ответил. Что-то увиденное возле реки отвлекло его внимание. Он направился туда и вскоре исчез за деревьями.

Суarez покачал головой:

– Странный гусь. Никогда еще не видел таких агентов ФБР.

– И не увидите, – раздраженно бросил Колдмун. – Он лучший из всех.

Недолгое молчание прервала капитан Делаплейн:

– Если вы просите теорий, то у меня есть одна. Мы имеем дело с преступником, убившим двух людей и забравшим их кровь. Теперь он выпотрошил пса. Есть только одно объяснение этому: перед нами маньяк, такой сильный, что может разорвать собаку на куски. Вопрос: зачем? – Она обернулась к Колдмуну. – У вас в базе данных нет чего-то похожего?

Колдмун встал и стащил перчатки.

– В девяностых годах была одна история в России, когда банда убивала бездомных, ночевавших в парках Москвы, забирала их кровь и продавала на черном рынке. Но очевидно, это совсем другой случай.

Делаплейн нахмурилась:

– Нам нужен прорыв в этом деле, и как можно скорее. Старший сенатор от Джорджии вышел на тропу войны. По крайней мере, так мне сказали. – Она сверкнула глазами, оглядывая всех. – Ну ладно, погрузите то, что осталось от собаки, в пакеты для улики и отвезите их в лабораторию для дальнейших анализов. Здесь мы сделали все, что могли.

В этот момент у Колдмуна затрещал передатчик.

– Агент Колдмун? – прозвучал голос Пендергаста. – Прошу вас подойти к берегу. И приведите с собой остальных.

Делаплейн обернулась:

– Это ваш напарник?

– Да.

– Чего он хочет?

– Не знаю.

Колдмун пошел на голос, а следом за ним Делаплейн, Шелдрейк, медэксперт и ветеринар. Оставив позади поляну, они двинулись сквозь заросли к реке.

– Сюда, – донесся слабый голос.

Деревья расступились, и за ними показалась поросшая болотной травой дамба, выходящая к илистой отмели вдоль реки. Пендергаст стоял по колено в грязи в десяти ярдах от насыпи. Поразительно, но резиновые сапоги сохранили безупречную чистоту его кремового костюма. Пендергаст что-то фотографировал.

– Позаботьтесь о том, чтобы никто не затоптал отпечаток, вот здесь, прямо передо мной. – Он показал на потревоженную поверхность ила. – Уверен, что это очень важно.

Колдмун посмотрел туда, куда он показывал. В грязи было большое неровное углубление, как будто что-то произошло по ее поверхности, оставив неясный, сбивающий с толку след.

– Что это? – крикнула Делаплейн, стоявшая рядом с Колдмуном. – И почему это важно?

– Потому что когда вы подойдете ближе, то увидите слева от меня маленький клочок окровавленной шерсти... который, если не ошибаюсь, вырван со спины нашего несчастного блаухаунда.

– Это очень странно, – взволнованно повторял Макдаффи по пути в маленький конференц-зал рядом с лабораторией судмедэкспертизы. – Очень странно. Доктор Кумар сейчас вам обо всем расскажет.

Колдмун и все остальные расселись вокруг центрального стола.

Доктор Кумар, невысокий смуглый мужчина с оживленным лицом, открыл кейс и раздал каждому по тоненькой папке. Колдмун раскрыл свою. Это была пояснительная записка, за которой следовало множество непонятных лабораторных отчетов, изобилующих формулами. Колдмун быстро захлопнул папку, но заметил, что сидевший рядом с ним Пендергаст поглощен изучением этих документов. Уж не была ли химия еще одним из его неожиданных талантов? Вполне возможно.

– Итак, – начал Макдаффи, то сжимая, то разжимая руки, – доктор Кумар хочет рассказать нам о... веществе, извлеченном для анализа из тел обеих жертв.

Доктор Кумар кивнул и обвел сидевших за столом цепким взглядом.

– Как уже говорил Джордж, это действительно очень странно. Подробности можно найти в папках, но я попытаюсь объяснить на обычном английском.

– Спасибо, доктор Кумар, – сказал Пендергаст.

– Вещество, найденное у обеих жертв, – это смесь органических молекул, каждая из которых весьма необычна. Возьмем для примера одно соединение, составляющее больше пятидесяти процентов образца. Это очень крупный и сложный органический полимер: длинная молекулярная цепочка с углеводородным ядром и боковыми группами серы, азота, железа и, что особенно странно, серебра. Это вещество не содержится ни в одном живом организме.

Его слова повисли в воздухе, только глаза Пендергаста заблестели.

– Не могли бы вы рассказать подробнее, доктор Кумар?

– Могу. По крайней мере, немного. Мы называем этот класс соединений сереброорганическими. Они образуются при связи серебра

с углеродом, но не входят в химический состав живых организмов по причине их токсичности.

– Откуда же тогда они берутся? – удивился Колдмун.

– Я убежден, что это искусственно созданные соединения. Ничего похожего в природе не встречается. Для их создания нужен опытный химик и лаборатория с высококласным оборудованием. – Он помолчал немного. – На самом деле я еще не имел дела с такими соединениями. Это какое-то сумасшествие, откровенно говоря.

– Что оно должно делать? – спросил Колдмун.

– Не уверен, что понял ваш вопрос, – ответил Кумар.

– Я хотел сказать, его же зачем-то создали, правильно? Чтобы служить какой-то цели. Так какова же эта цель?

– Ага, это очень хороший вопрос. – Он опять помолчал. – Понятия не имею, что это за цель.

– Уверен, это что-то жирное и скользкое, – сказал Колдмун. – И его нашли около точечных ран, нанесенных жертвам. А оно не может быть смазкой?

– Возможно. Но зачем применять его как смазку, когда в любой аптеке продаются более простые составы? Нет. Правда, я рад бы сказать вам больше, но мы едва смогли провести анализ соединения. И до сих пор работаем над внутренним строением. Полное исследование займет не один месяц.

– А другие соединения, найденные в образце? – спросил Пендергаст. – Какой у них состав?

– Такой же странный. Все они органические, сложные и не похожи на те, что мы обычно встречаем в природе или в производстве, медицине и химическом синтезе. Многие из них содержат металлы – мы называем их металлоорганическими. В первую очередь платину и золото.

– Золото? – недоверчиво переспросил Колдмун. – Много?

– Ничтожное количество. Золото образует с углеродом самые разные карбидные соединения. Но опять же ничего подобного мы не видим в природе, потому что такие соединения токсичны... и нестабильны.

– Есть ли у вас соображения, какая компания могла бы произвести подобные соединения?

– Понятия не имею, кто бы это мог сделать и как. Это действительно нужно выяснить.

– И мы выясним, – тихо проговорил Пендергаст, перевел взгляд на Макдаффи, и тот заметно вздрогнул. – А что с тем клочком шерсти, который мы нашли в иле сегодня утром?

– Он точно вырван у пса, – ответил медэксперт.

– А сам отпечаток?

– Наши криминалисты сделали слепок. Они пытаются выяснить, что оставило это след, но он слишком размыт, чтобы сказать что-то определенное.

Пендергаст откинулся на спинку стула, сложил ладони домиком и полуприкрыл глаза.

– Следовательно, они сосредоточились не на той проблеме.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Макдаффи.

– Что могло оставить этот отпечаток – не самый важный вопрос.

– Какой же вопрос важнее?

– Как оно его оставило. Задумайтесь, пожалуйста, о том, что он оставлен на илистой отмели в десяти футах от берега и к нему не ведут никакие другие следы.

В зале стало совсем тихо.

Пендергаст встал и взял в руки папку.

– Благодарю вас, доктор Кумар, за ваше сообщение. Мы с напарником изучим его с большим интересом.

И они оба вышли из зала.

– Очень увлекательно, – сказал Пендергаст, покидая здание. – Но абсолютно ничего не объясняет.

– Так как же был сделан отпечаток? – спросил Колдмун.

Но Пендергаст уже погрузился в раздумья и ничего не ответил.

Фрэнсис Уэллстоун-младший сидел на банкетке в дальнем углу «Лафита» – одного из старейших ресторанов Саванны, неподалеку от Уоррен-сквер. Он всегда обедал в полдень, а когда работа не позволяла поехать дома, старался перекусить на скорую руку, без вина или коктейля, и непременно *solus*^[34]. Быть писателем и исследователем – тяжелый труд. У фрилансера нет босса, который будет тебя подгонять и проверять, где ты находишься. Так просто – выпить немного мартини, и пусть вечер уплывает вслед за днем. Уэллстоун много раз видел, как это случалось с другими писателями, но дал себе слово, что с ним такого никогда не произойдет.

Как назло, метрдотель «Лафита» оказался ненасытным читателем документальной прозы и узнал его. Хоть Уэллстоуну и не хотелось признаваться в этом, но было чрезвычайно приятно. С великим почтением его проводили к лучшему столику, а затем метрдотель неожиданно вернулся с бутылкой вина из Шатонёф-дю-Пап. Уэллстоун поначалу решил отказаться, но заметил, что это «Бокастель»: королевский подарок, одно из его любимых красных вин долины Роны. В такой ситуации у него не осталось иного выбора, кроме как выпить один бокал. Только один. Возможно, будет хамством с его стороны прихватить с собой бутылку, но управляющий проявит себя еще большим хамом, если отберет ее. Таким образом, Уэллстоун сможет поработать до вечера, а потом, после легкого ужина, вознаградить себя оставшимся вином.

Но все вышло иначе. Официант, откупорив бутылку, тут же перелил вино в графин, и прощайте планы принести бутылку домой. Но вино было превосходным: с насыщенным, почти жестким вкусом. Пока Уэллстоун изучал меню, только что осушенный бокал снова наполнили. Что за беда? Почему бы и не устроить себе выходной? Он заказал улитку *à la Bordelaise*^[35], а затем, войдя во вкус, еще и устрицы «Рокфеллер», которыми славился «Лафит». Покончив с обоими блюдами и тремя бокалами вина, он ощутил неприятную сытость и тревожное урчание в животе, а вместе с ними – чувство вины и разочарования. В конце концов оказалось, что идея была не из лучших.

Что он вообще здесь делает? Книга почти закончена, и это прекрасный репортаж. У него хватает дополнительного материала, чтобы составить пролог и эпилог. Господи, книга и так станет сокрушительным обвинением для шарлатанов, спекулирующих на паранормальных явлениях, и ему вовсе не нужно это последнее разоблачение, чтобы завершить книгу.

Он провел – потратил – почти пять дней. Даже эта как будто свалившаяся с неба история о вампирах не стоила свеч. Возможно, он обманывал сам себя, считая, что она достойна того, чтобы потратить на нее время. Несомненно, подзадорила Уэллстоуна и новость о том, что его заклятый враг Барклай Бэттс будет снимать здесь документальный фильм... Да еще и этот возмутительный судебный иск Бэттса. Он не должен был допустить, чтобы эмоции замутили его разум. Сегодня вечером Уэллстоун встретится с Дейзи и выяснит, есть ли у нее серьезный компромат на Бэттса. А если нет, можно сворачиваться, поставить точку и отправляться на север, в Бостон, чтобы добавить последние штрихи в рукопись перед отсылкой в издательство. Его размышления прервал официант, снова наполнивший бокал. Что ж, ему вовсе не обязательно это пить.

Но тут открылась парадная дверь, и в зал вошел не кто иной, как Барклай Бэттс, в сопровождении ведущего оператора и полудюжины прихлебателей. Черт бы его побрал! Уэллстоун потянулся за десертным меню, чтобы прикрыться им, но понял, что меню уже унесли, когда он заказывал эспрессо. Раз так, он допьет вино и уйдет.

Он поднес бокал к губам.

Громкий голос Бэттса и резкий смех растревожили сдержанную атмосферу ресторана. Многие посетители поворачивали голову вслед проходившей компании. Уэллстоун вдруг сообразил, что разместиться они могут только за столом с диваном вдоль стены... и свободным оставался лишь один такой стол, прямо напротив него.

Он привстал, собираясь помахать рукой, отказываясь от кофе и требуя счет, но в этот момент, когда другой официант рассаживал Бэттса и компанию под какофонию звона и дребезга, подошел в сопровождении метрдотеля его собственный официант с подносом, накрытым серебряным колпаком.

Не успел Уэллстоун хоть что-то возразить, как они поставили перед ним поднос, метрдотель скинул крышку и показал белый

горшочек с колышущейся над ним, словно ядерный гриб, желтоватой массой.

– Et voilà! – сказал метрдотель, опуская на стол соусницу. – Раз уж месье Уэллстоун не заказал десерт, мы взяли на себя смелость приготовить для него это блюдо. Soufflé a l’orange^[36] с наилучшими пожеланиями от «Лафита».

И опять Уэллстоун ничего не успел сказать, прежде чем метрдотель скovyрнул двумя большими сервировочными ложками вершину суфле, положил на тарелку, искусно опрыскал горячим соусом и отодвинул соусницу в сторону. Остатки суфле тут же осели ниже края горшочка.

Официант и метрдотель с гордым видом отступили на шаг, и Уэллстоуну не оставалось ничего другого, кроме как пробормотать слова благодарности.

– Пахнет вкусно! – заявил один из молодчиков за столом Бэттса.

Они уже расселись и теперь разворачивали салфетки и изучали огромные меню.

Уэллстоун не смотрел в их сторону. Ему нужно было съесть десерт так быстро, как только позволяли правила приличия, и уйти, пока смех и разговоры за соседним столом не испортили ему обед. День был убит. Вся эта поездка оказалась напрасной тратой времени. Он может завтра поутру отправиться в Бостон, если захочет, и закончить книгу в иных, более цветастых выражениях. Но первым делом... Он всегда носил в кейсе пару своих книг и сделал мысленную пометку, что нужно надписать одну из них метрдотелю с особенным глубокомыслием.

Он поднес полную ложку десерта ко рту, но в этот момент за столом напротив прозвучал гнусавый смех Бэттса.

– Так-так! Смотрите, кто это там! Сам Хорас Грили!^[37] Опять наткнулся на судебный процесс, Фрэнки?

Волна смеха окатила Уэллстоуна, его стол и десерт. Он опустил ложку и поднял бокал вина.

– Барклай Бэттс! – произнес он странно ослабшим от выпитого вина голосом. – Так вот откуда запах! Кто-то принес сюда собачье дерьмо с улицы.

Бэттс добродушно рассмеялся.

– А все-таки, что ты здесь делаешь? Неужели в Нью-Йорке и Бостоне настолько перевелись извращенцы и подонки, что тебе некого больше шантажировать?

Это едкое замечание, конечно же, относилось к его первой книге «Преступный умысел». Уэллстоун сделал еще один большой глоток. Задирать Бэттса было одно удовольствие. Уэллстоун не видел причин миндальничать с этим человеком.

– Спасибо на добром слове, но и за соседним столом подонков хватает, – заявил он, приободренный вином.

Бэттс снова рассмеялся, но уже не так весело.

– Может быть, я говорю с другим Фрэнсисом Уэллстоуном? Мне казалось, вся твоя крутизна остается в книгах, а с живыми людьми ты малость трусоват. Только не рассказывай, что отрастил яйца.

Уэллстоун осушил бокал.

– Вернулся бы ты лучше к своим лизоблюдам и подпевалам. Они хотя бы будут смеяться над твоими по-подростковому туповатыми попытками сострить. Ты напомнил мне очаровательное описание С. Дж. Перельмана: «Под его лбом, отдаленно напоминающим лоб Пилтдаунского человека, виднелись маленькие пороссячьи глазки, в которых попеременно светились то жадность, то похоть»^[38].

– Ну, тогда... – задохнулся от возмущения Бэттс, потрясенный, но уже готовящийся к новому выпад.

– Когда это «тогда»? – передразнил Уэллстоун напыщенный театральный возглас Бэттса. (Выпитое вино заткнуло рот его внутреннему дорожному инспектору.) – Не тогда ли, когда ты снимал свой «Колодец»? Там все-таки нашелся чей-то труп?

Так назывался проект, с которым Бэттс нянчился в позапрошлом году. Путешествуя по округу Датчесс, он наслушался рассказов о фермере, убивавшем бродяг и автостопщиков, а потом сбрасывавшем их тела в колодец. Бэттс принял эти слухи за правду, хотя местные власти в них не верили и даже не стали проводить расследование. Он взял ферму в аренду, набрал денег для специального телевизионного шоу в прямом эфире, собираясь раскопать колодец и обнаружить следы гнусных преступлений. Но так ничего и не нашел. Бэттс был посрамлен, и его карьеру отбросило на несколько лет назад. Поговаривали, что он запрещает вспоминать об этом проекте в своем присутствии.

– Полегче, Фрэнки, мой мальчик! – сказал Бэттс.

Уэллстоун с возрастающим триумфом понял, что Бэттс теряет хладнокровие.

– Ну так кому из нас нужно отрастить яйца? – с царственным пьяным презрением спросил Уэллстоун, сидя в безопасном отдалении на своей банкетке. – Ты не сможешь засудить меня за слова, что я бросаю тебе в лицо, потому что это правда.

Он совсем расхрабрился, увидев, как лицо Бэттса потемнело от злости, и продолжил саркастическим тоном:

– Но не беспокойся. Когда я опубликую рецензию на твой проект «Колодец», она будет очень короткой, чтобы не перегружать твою младенческую способность к концентрации. Хочешь услышать, что я напишу? – Он неловко наклонился к кожаному изгибу банкетки. – Всего два слова: «Хранилище Аль-Капоне»^[39].

При упоминании самого нелепого специального репортажа, когда-либо показанного по телевидению, Бэттс отложил салфетку и поднялся на ноги. Движения его были медлительны, поэтому Уэллстоун не почувствовал угрозы... пока продюсер не опрокинул на него соусницу и не облил теплым *сrème anglaise*^[40] рубашку, галстук и брюки, особенно старательно украсив отвратительной петлей его промежность. На мгновение Уэллстоун замер как громом пораженный, но только на одно мгновение. Он рванулся к Бэттсу, но тот с грубым хохотом отскочил в сторону. Мускулистый молодчик из его свиты вскочил и отразил атаку Уэллстоуна выброшенной вперед раскрытой ладонью, и писатель наполовину перекатился, наполовину кувыркнулся обратно к своей банкетке, упав поперек стола, который тут же развалился под его тяжестью. Оказавшись на полу и еще не успев осознать всю унижительность произошедшего, Уэллстоун почувствовал, как мерзко пахнувший ковер прижался к его носу, перевернутая тарелка с суфле накрыла затылок, а ее содержимое липкой теплой струей растеклось по спине.

Вернувшись после ланча, финансовый консультант Федерального бюро расследований Клиффорд Мазолино обнаружил, что его ожидает новое задание, доставленное курьером из Джорджии. Сопроводительное письмо было подписано специальным агентом Пендергастом.

Мазолино уселся за стол в полуподвальном кабинете без окон и вытер бумажным полотенцем руки, жирные от только что съеденного гиро. Он всегда держал под рукой рулон, поскольку был тучным и рыхлым и обильно потел. «Пендергаст, Пендергаст...» Фамилия казалась смутно знакомой, но связанной с чем-то неприятным. Вскрыв письмо, он внезапно понял причину: тот безумный эпизод, случившийся много лет назад в Нью-Йоркском музее естественной истории, когда перебили кучу людей и, если ему не изменяет память, замели следы. А специальный агент Пендергаст был как-то к этому причастен и... И Мазолино вдруг вспомнил призрачный облик этого человека. Сам он, на тот момент еще новичок в Нью-Йорке, только начинавший карьеру финансового эксперта ФБР, помогал разобраться со счетами музея после этой кровавой бани. И они обнаружили крупное мошенничество, связанное с пожертвованиями. Это было первое дело Мазолино, и он хорошо справился с работой. Просто отлично. Горячие были денечки.

С тех пор минуло десять лет. И вот теперь пришло письмо от Пендергаста. Изящный почерк, индиговые чернила.

Дорогой мистер Мазолино!

Надеюсь застать Вас в добром здравии. На прилагаемых к письму жестких дисках находятся записи о тысячах финансовых операций. Не окажете ли Вы мне любезность просмотреть их на предмет чего-либо необычного или незаконного, включая инсайдерские сделки, отмывание денег и мошенничество, но не ограничиваясь этим?

Данные взяты из компьютера недавно скончавшегося управляющего отелом в Саванне по фамилии Эллерби, который торговал акциями и опционами в свободное от работы время. Похоже на то, что он в конечном итоге заработал недурные деньги. Нам хотелось бы знать, как он это сделал.

Искренне Ваш

специальный агент Пендергаст.

Писать от руки – это довольно оригинально. Неужели у этого парня нет компьютера? Но само предложение было достаточно простым и обычным, ничем не отличаясь от того, что Мазолино за эти десять лет проделывал тысячу раз.

Он подключил первый диск, проверил на вирусы и вредоносные программы, убедился, что все чисто, а затем скопировал содержимое на свой мощный, изолированный от Сети «Мак про», изготовленный по его заказу, с 28-ядерным процессором «Интел», полутора терабайтами оперативной памяти, двумя видеокартами «Радеон Про Вега II Duo», четырехтерабайтовым накопителем и графическим ускорителем «Афтербёрнер». Это был принципиально новый монстр, обошедшийся ФБР в пятьдесят тысяч – знак того, насколько ценен Мазолино для организации.

Просматривая файлы, Мазолино обратил внимание: Эллерби не зашифровал данные. Довольно прозрачный намек на то, что парень работал легально. Разумеется, это мало что говорило: даже самые бесчестные, грязные сделки нередко совершались легально. Это главная причина, почему Мазолино сам не занимался инвестициями. Меньше всего ему хотелось стать еще одним растяпой. Если бы мелкие инвесторы знали, как большие парни ежедневно выжимают из них соки, они бы никогда больше не пытались вкладывать деньги.

Мазолино открыл один из торговых счетов и просмотрел, чтобы иметь общее представление. Эллерби торговал на Нью-Йоркском фондовом рынке по промышленному индексу Доу – Джонса. На первый взгляд работал он честно, от своего имени, а не через офшорные структуры или компании с ограниченной ответственностью. Мазолино отметил малые размеры и короткий срок

сделок. Почти все они проворачивались меньше чем за час. Но в итоге этот парень как-то заработал чертову прорву денег.

Мазолино просматривал сделки одну за другой. Каждая в отдельности не приносила большой куш, но вместе они складывались в значительную сумму. Опционы приносили дополнительную прибыль. Присмотревшись внимательнее, Мазолино понял, что не большинство, а абсолютно все сделки Эллерби оказывались выгодными.

Просто немыслимо! Такого просто не могло быть! Значит, он все-таки нарушал закон, где-то здесь должно скрываться мошенничество.

Углубившись в детали, отмечая даты и время, Мазолино был поражен еще раз. Он вернулся назад и обнаружил сотни еще более быстрых сделок, совершенных за минуту или даже меньше. Но это не была компьютеризованная высокоскоростная торговля, Эллерби все делал вручную и онлайн. Мазолино вызвал данные по изменениям биржевых котировок за последнее время, сопоставил их с каждой сделкой и испытал новое потрясение. Эллерби проводил сделки накануне резкого скачка акций, каждый раз получая небольшую, но сладкую прибыль. Это был верный признак работы алгоритмической торговой программы... Но такая программа должна стоить миллиарды, потому что она ни разу не ошиблась.

Нет, этого не может быть. Конечно же, здесь есть что-то противозаконное. Операции наверняка привязаны к какому-то источнику, инсайдерскому потоку информации, вероятно из торгового отдела крупного инвестиционного банка, где знают, в какое время банк собирается продавать или покупать крупные пакеты акций.

Мазолино медленно, с облегчением выдохнул. Значит, это все-таки обычная инсайдерская схема. И пусть этот Эллерби был всего лишь управляющим отделом, но действовал он, как какой-нибудь тунеядец-айтишник из вспомогательного офиса... Только ему не хватило ума скрыть свои грязные сделки на фоне повышенной рыночной активности. В этот момент Мазолино немного забеспокоился, но решил, что дело будет нетрудным. Нужно только определить, какой инвестиционный банк продавал большие пакеты акций в то время, когда были проведены сделки, и дальше плясать от этого.

Закончив изучать операции прежних лет, он переместил фокус внимания ближе к настоящему времени. И вскоре заметил, что в последние недели характер торговли резко изменился. Эллерби начал заключать более крупные сделки, которые приносили большую прибыль и занимали большее время – иногда целый час.

У Мазолино были кое-какие программы собственного изготовления, и он запустил одну из них, чтобы сравнить сделки Эллерби с продажами пакетов акций крупными банками.

Никаких совпадений.

Это было странно. Как и то, что все акции были из промышленного индекса Доу – Джонса.

Мазолино решил сравнить временные отметки каждой сделки с изменениями котировок в целом. Эллерби проводил операции в период высокой нестабильности и получал выгоду от небольших колебаний, которые иногда продолжались считанные секунды. Как такое возможно? Сделки всегда заключались перед скачком акций. Небольшим, но достаточным, чтобы заработать на нем деньги. Хотя в последние три недели прибыль увеличилась в разы.

Непонятно. Это была классическая схема, когда кто-то получает рекомендации от инсайдера, имеющего доступ к частной информации, например от влиятельного финансового аналитика или обозревателя.

Мазолино загрузил свою базу данных, объединяющую информацию из тысяч таких источников, и сопоставил со сделками Эллерби.

Ничего. Никаких совпадений.

И это уже было чертовски странно.

Быть может, сделки строились на получении предварительных сведений, таких как отчет компании о доходах или лицензирование лекарств, еще не опубликованных, но уже известных какому-то инсайдеру. У Мазолино была и такая программа для сравнения новостей, связанных с этими акциями.

И опять работа прошла впустую.

Мазолино проверил сделки Эллерби, используя весь свой цифровой арсенал, сопоставляя операции с внешними событиями: сообщениями о слиянии фирм, судебными архивами, отчетами о доходах, изменениями в стоимости сырья, политическими новостями и

множеством других событий, способных резко изменить котировки... Но так и не обнаружил никакой закономерности.

Тогда он проверил, кто покупал или продавал эти акции до или после сделок Эллерби. Если этот парень был лично знаком с тем, кто приобретал и перепродавал крупные пакеты акций, то мог получать прибыль с последующих крупных сделок.

И снова ничего не всплыло. Никаких сбросов и приобретений крупных пакетов акций, никаких инсайдерских операций с руководителями компаний. Похоже, Эллерби просто предугадывал падение котировок и закупал акции, а потом перепродавал с прибылью. Сделки были быстрыми, простыми и ничем не примечательными – и каждая из них приносила деньги. Он мог бы получить гораздо большую прибыль, купив и придержав некоторые из этих акций. Но он не делал этого. Сделки были быстрыми, простыми и неприметными... но, черт побери, каждая из них приносила деньги.

Продвинувшись вперед во времени, Мазолино отыскал перелом, случившийся за три недели до конца. Это было заметно по каждому счету. Сделки стали крупнее, доходнее и занимали больше времени.

Четыре часа спустя, когда Мазолино совсем изошел потом и разбросал по полу мокрые бумажные полотенца, он наконец отключил дрожащей рукой систему. Было всего два часа дня, но он решил отправиться домой пораньше и выпить крепкого мартини.

Эллерби торговал акциями год за годом, используя все мыслимые финансовые инструменты, работая по всей карте мира: совершал те самые мелкие сделки, приносящие скромную прибыль. Каждая из них была законной или хотя бы казалась таковой. Мазолино мог придумать только один ответ: этот парень был биржевым гением, равного которому мир еще не видел. Учитывая короткие сроки и большое количество сделок, он должен был разработать какие-то невероятно мощные математические алгоритмы, которые отслеживали ситуацию на рынках и соответственно реагировали. Такой алгоритм, никогда не ошибающийся и всегда приносящий прибыль, стал бы для Уолл-стрит святым Граалем. Но даже самая мощная и хитроумная программа не могла работать со стопроцентной точностью. Это просто невозможно, принимая во внимание случайные колебания рынка. Но на дисках были только записи операций... и ни намек на то, как эти сделки

готовились и проводились, никаких признаков алгоритмической программы.

В конце концов Эллерби скопил ценных бумаг на сумму приблизительно в триста миллионов долларов. Управляющий отелом. Триста миллионов. Причем двести миллионов он заработал всего за три последние недели.

Боже всемогущий! Мазолино срочно нужно было выпить мартини!

Фрэнсис Уэллстоун-младший в новом костюме и со свежим галстуком сидел в том же самом кресле почтенного возраста, в той же самой гостиной с видом на Вест-Оглтроп-авеню, памятном еще по первому визиту. Были, однако, и заметные отличия: дело происходило не утром, а в седьмом часу вечера; ему подали не лимонад, а сладкий чай; и хозяйка мисс Дейзи Файетт была не в таком благодушном настроении, как при первой встрече.

– Вы хотите сказать, что он просто прервал ваше выступление? – спросил Уэллстоун, придав голосу нотку удивления и симпатии.

Дейзи кивнула, лавандовые волосы недовольно колыхнулись, облачко пудры взвилось вверх и снова осело.

– Я только начала говорить о том, почему дом Монтгомери населен призраками, о завихрениях спиритуального эфира, вызванных убийством и суицидом, как он перебил меня. На полуслове... перед всеми, кто там был, и к тому же при работающей камере!

– Я слышал, что у Бэттса репутация человека, с которым непросто работать. Но оскорбить без всякой необходимости того, кто ему помогает?..

Уэллстоун покачал головой, испытывая одновременно тайное удовлетворение оттого, что не он один был унижен болтливым, выжившим из ума продюсером.

Он уже неплохо изучил Саванну, ее историю, легенды и тайны. В том мире южной элегантности и благоспристойности, что окружал Дейзи, к бестактным манерам Бэттса отнеслись бы иначе, и, не будь достопочтенный мистер Файетт уже давно в могиле, он мог бы вызвать продюсера на дуэль за такое оскорбление. Возможно, старинные обычаи и не были таким уж варварством.

С другой стороны, именно на возмущение Дейзи Уэллстоун как раз и надеялся. Когда его собственная ярость из-за конфуза в «Лафите» улеглась, он снова начал мыслить стратегически. Дейзи теперь наверняка готова стать полезным информатором, инсайдерским источником, так сказать.

– Я сам побывал вчера в доме Монтомери, – продолжил Уэллстоун, отхлебнув чая со льдом. – И считаю, что это одно из самых захватывающих мест, какие я когда-либо посещал. И спиритуально неуравновешенных, – поспешно добавил он. – В особенности после того, как прочитал вашу... э-э-э... книгу.

– Спасибо, – ответила Дейзи.

Он чуть было не сказал «брошюру», но вовремя спохватился. Поцокав еще немного языком, Уэллстоун перешел к делу:

– На самом деле меня удивило, что Бэттс не проявил особого интереса к призракам дома Монтомери. Я думал, что именно такие места он и должен снимать в своем фильме.

– О нет, он проявил, – возразила Дейзи. – Это тот, второй, сказал, что там нет призраков.

– Второй? – повторил Уэллстоун, хотя прекрасно понимал, о ком идет речь.

Дейзи кивнула:

– Мюллер. Тот, у кого есть специальное оборудование.

– И Мюллер не заинтересовался?

Дейзи помедлила с ответом.

– Нет... не совсем так. Он сказал, что его приборы не засекали ни одного следа активности призраков.

Уэллстоун покачал головой:

– Быть такого не может! Мы с вами оба доподлинно знаем, что этот дом населен призраками. Я подозреваю...

Он помолчал для большего театрального эффекта.

– Что вы подозреваете?

– Что этот Мюллер – шарлатан. Должно быть, вы уже сталкивались с такими. Когда кто-то утверждает, что разбирается в науке о сверхъестественном, а на самом деле просто лицедей и самозванец.

– Конечно сталкивалась! Они постоянно встречаются, когда изучаешь паранормальные явления.

– Не удивлюсь, если сам этот фильм окажется нелепым фарсом.

Дейзи с чопорным видом сделала глоток чая.

– Я бы ни капли не удивилась.

– Но... что произошло, после того как Мюллер не обнаружил призраков?

– Бэттс попросил Мюллера сделать так, чтобы его приборы «работали лучше». – Она чуть заметно усмехнулась с тем ехидным выражением лица, которое Уэллстоун помнил еще по первой встрече. – А Мюллер ответил, что, если здесь ничего не обнаружить, зрители скорее поверят, когда они что-нибудь найдут.

Уэллстоун сочувственно закивал. Эта женщина может оказаться золотой жилой информации о Бэттсе и Мюллере.

Дейзи вдруг оживилась:

– И тогда я вспомнила!

– О чем?

– Какая же я глупая, что забыла об этом! Боже, память уже не та, что прежде.

Дейзи встала и прошлась по гостиной. А через мгновение вернулась, прошуршав колготками.

– Когда меня перебил Бэттс, я стояла в сторонке, ошеломленная, если можно так выразиться, и вдруг вспомнила, как вы просили меня заглянуть за кулисы.

– Совершенно верно, – подтвердил Уэллстоун.

– И мне удалось сделать несколько снимков.

– Что?

Вышло куда лучше, чем ожидал Уэллстоун. Он хотел было попросить ее о таких тайных снимках, но решил, что это слишком рискованно. Но она сама проявила инициативу.

– Конечно, у меня же есть камера в телефоне.

Она вытащила сотовый телефон последней модели и показала ему. Потом долго пыталась включить, пока не поняла, что держит его вверх ногами. Перевернула, потыкала пальцем по экрану и наконец торжествующе прошептала:

– Вы говорили, что вам нужна информация, вот я и сфотографировала, притворяясь, будто отсылаю эсэмэску. Вот! – Она протянула ему телефон.

Уэллстоун взял его, но увидел только черный экран. Провел по нему пальцем, и появилось расплывчатое темное изображение. За ним еще одно.

– Я еще не очень хорошо управляюсь с ним, – виновато проговорила Дейзи.

Уэллстоун прокрутил еще с десяток размытых снимков с плохой фокусировкой. Дальше камера, видимо, сама адаптировалась к обстановке. Он увидел темный коридор, двух операторов, шарлатана Бэттса... и какую-то тряпку на полу, на которой были разложены диковинные приборы и приспособления. Рядом стоял предмет, хорошо знакомый Уэллстоуну за долгие годы работы как на телестудиях, так и за их пределами: жесткий футляр с пенопластовыми гнездами вроде тех, в которых фотографы и звукооператоры хранят аппаратуру. Уэллстоун увеличил изображение и разглядел в этих гнездах другие предметы: кусок серебра в форме молнии, какое-то измерительное устройство, большую камеру ящичного типа, помятый крест, осциллограф и осколок закопченного стекла.

Это и были хваленые «приборы» Мюллера.

– Я сфотографировала его черный кофр с оборудованием, – сказала Дейзи. – Мюллер не разрешил снимать его в раскрытом виде, только само оборудование во время работы.

Уэллстоун внезапно понял, что сжимает телефон до боли в пальцах.

– Дейзи, эти снимки – чистое золото.

Пожилая дама посмотрела на него так, будто он только что подарил ей жемчужное ожерелье.

– Правда?

– Правда. Двадцать четыре карата золота. Эти снимки оборудования мне очень пригодятся.

Он замолчал.

Воспоминания об унижении во время обеда были еще слишком свежи... Но они же давали стимул продолжить расследование и все-таки написать главу о Бэттсе и его фальшивых приборах. Теперь уж он точно не вернется в Бостон, пока не получит компромат на мошенника Бэттса.

Уэллстоун собирался увеличить эти фото и тщательно изучить каждую деталь в уверенности, что где-то там скрыт ключ к разоблачению шарлатана. Например, эта большая камера в футляре – он уже видел ее в руках Мюллера.

– Не могли бы вы еще раз посетить съемочную площадку?

Благодарный взгляд Дейзи превратился в немного встревоженный.

– Но... как я им объясню, зачем пришла?

– Предложите свои услуги еще раз, но не для съемок... просто помощь в исследованиях, понимаете? Вы же столько всего знаете. И конечно же, у вас много знакомых среди местных жителей, а у Бэтса их нет. Уверен, что вы сможете убедительно объяснить, почему должны и впредь ему помогать. Они не говорили, куда отправятся дальше, закончив с домом Монтгомери?

– Было что-то насчет съемок, связанных с Саваннским вампиром.

– Превосходно! Как только я подготовлюсь, сразу позвоню вам. – Он помедлил. – Знаете, если вы сумеете еще чем-нибудь помочь мне, то, возможно, мне придется назвать вас своим соавтором.

Она зарделась от смущения.

Он помахал перед ней телефоном.

– Вы не возражаете, если я пошлю эти фотографии на свой телефон?

– Нисколько не возражаю, – ответила она, вставая. – А вы не против, если я подогрею ваш чай?

В первое мгновение Уэллстоун не понял вопроса. Затем увидел, как Дейзи подошла к буфету и вернулась с бутылкой «Вудфорд резерв».

– Ух ты! Спасибо, Дейзи! – Он достал из кармана свой телефон и откинулся в кресле. – С удовольствием. С большим удовольствием.

Тоби Мэннинг взобрался на чугунную кованую решетку и попытался перебросить ногу через острые зубцы, но зацепился брючиной и под громкий треск рвущейся ткани свалился по другую сторону ограды. Не то чтобы он сильно пострадал, просто его немного встряхнуло. Его приятель Брок Кастис расхохотался при виде этого зрелища.

– Еще раз так плюхнешься на задницу, и половина мертвецов вылезет из могил и покажет тебе средний палец, – сказал он.

– Лучше бы помог мне встать, ушлепок, – сказал Тоби.

Все еще смеясь, Брок протянул руку и помог приятелю встать. Тоби взглянул на свои джинсы и увидел двухдюймовую прореху.

– Вот черт!

Он раздраженно смахнул с себя листья и грязь, а потом огляделся.

– Жутковатое место.

В ночном небе висела полная луна. Ключья стелющегося тумана плыли среди кривых дубов и призрачных силуэтов могильных камней. Брок унял смех и вытащил из кармана пинту ликера «Южный комфорт».

– На, глотни.

Тоби схватил бутылку, сделал пару основательных глотков и только потом вернул ее обратно. Внутри растеклось приятное тепло, и настроение сразу улучшилось.

– Могила должна быть в самом конце, у реки, – сказал он.

– Показывай, засранец.

Тоби вытащил мобильник, к счастью не пострадавший при падении, и включил подсветку. Слабый огонек осветил гравийную дорожку, уходящую в туманную тьму кладбища Бонавентура. Тоби поежился:

– Дай еще разок глотнуть.

Брок протянул ему бутылку. Тоби осушил ее и передал приятелю. Брок с мрачным видом уставился на пустую посудину.

– Ты высосал весь «Южный комфорт», – сказал он и бросил бутылку через плечо.

Послышался звон разбитого о могильный камень стекла, и Тоби поморщился.

– Три очка! – ухмыльнулся Брок, доставая еще одну пинту. – Ты уж поаккуратнее с этой.

Он открутил крышку, и оба отхлебнули еще.

Затем они двинулись по тропинке между рядами поросших мхом кряжистых деревьев, гравий хрустел под ногами. Прежде Тоби не приходилось видеть так богато украшенные могилы: миниатюрные греческие храмы, мраморные ангелы, огромные обелиски, кресты, урны и мраморные плиты. Возле увитого плющом пня стояла статуя маленькой девочки из белого светящегося мрамора с самым печальным лицом, какое только можно представить. На подножии было выгравировано имя: «Грейси».

Брок внезапно остановился.

– Посмотри на нее. Знаешь, почему она такая грустная?

– Нет, – ответил Тоби.

– Твою ж мать, да потому что она мертвая!

Он залился смехом и поплелся дальше по тропинке, выписывая кренделя.

– Бог ты мой, – пробормотал Тоби, покачал головой и пошел следом, уже начиная сомневаться, что это была удачная затея.

Они оказались в глубине кладбища. Тоби молча шел в том направлении, которое ему было указано: дойти до конца, у самой реки повернуть направо, отсчитать три аллеи и опять взять вправо. Там и будет нужная могила, чуть дальше по тропинке.

Или все-таки четыре аллеи?

– Повтори, что написано на статуе, которую мы ищем? – спросил Брок.

– «Девушка-птица».

– Девушка-птица? Что означает эта фигня?

– Она держит в руках две поилки для птиц. Такая картинка была на обложке той знаменитой книги.

– Ну и что тут особенного?

– Интересно, вот и все.

Тоби помолчал и добавил:

– Нам необязательно это искать. Можем просто обойти вокруг.

Дорожка заканчивалась т-образным перекрестком, а дальше стеной стояли деревья. Туман сгустился, и Тоби показалось, будто бы пахнуло илом. Должно быть, река уже близко.

– Вот куда нам надо, – сказал он.

Они направились в самую отдаленную часть кладбища: небольшие надгробия, заросшие сорняками участки и вазы с искусственными цветами, многие из которых опрокинулись, просыпав дары скорби. Тоби это было только на руку: меньше шансов столкнуться со зрителем или, того хуже, с копом.

– Ты уверен, что знаешь, куда идти? – спросил Брок.

– Ага.

Они снова передали друг другу бутылку. Луна скрылась за облаками. Телефонная подсветка едва пробивала мрак.

– Думаешь, мы увидим ду-у-ухов? – насмешливо протянул Брок.

Третья дорожка, почти незаметная в траве, плутала между рядами надгробий к еще сильнее заросшей части кладбища.

– Вот она, – сказал Тоби с уверенностью, которой на самом деле не испытывал.

Идти по дорожке было непросто. Приходилось переступать через поваленные надгробия. «Девушка-птица» должна была стоять справа, но ничего похожего вокруг они не видели: только потрескавшиеся могильные камни.

– Признайся, что мы заблудились, – сказал Брок.

Тоби не ответил и пошел дальше. Кладбище было огромным, но он надеялся, что сможет найти выход.

Они подошли к покрытому лишайником мраморному надгробию, увенчанному крылатым ангелом с поднятой рукой.

– Слушай, я уже видел этого зомби-ангела, – заявил Брок. – Самое место, чтобы облегчить пузырь, чувак.

– Господи, это же кладбище, здесь нельзя...

Но Брок уже от души опрыскал ангела.

– Мы заблудились, – повторил он, управившись с делами. – И ты это знаешь.

Тоби пожал плечами, понимая, что выпивка сделала свое дело.

– Совершенно.

Брок рассмеялся:

– Который час, мать твою?

Тоби посмотрел на телефон и на мгновение ослеп от подсветки.
– Три одиннадцать.

Брок сделал еще один большой глоток «Южного комфорта» и запел, держа бутылку перед губами, словно микрофон:

Разрешите представиться,
Я богат, у меня есть вкус^[41].

Он гримасничал и пританцовывал между могилами, изображая Мика Джаггера, и его пьяные крики уплывали в темноту. Внезапно Брок остановился:

– Ты слышал?

Тоби промолчал. Он тоже слышал что-то похожее на шум ветра в кронах деревьев и уловил слабый запах горелой резины. Но никакого ветра он не ощутил. Воздух был неподвижен, как мертвец. Тоби поднял телефон со все еще включенной подсветкой и огляделся. Ничего. Брок позади него опять запел.

И тут Тоби снова услышал это, точнее, почувствовал. Воздух задрожал и зашевелился. Песня Брока внезапно стихла. Тоби обернулся, но приятель куда-то пропал.

– Брок, где ты?

Ответа не было. Тоби ждал затаив дыхание. И вот из темноты прилетел звон разбитой бутылки.

– Брок! – позвал Тоби и шагнул назад.

Кровь стучала в ушах, внезапно стало по-настоящему страшно.

– Хватит, чувак, это уже не смешно!

Он рыскал туда-сюда, вытянув перед собой телефон с подсветкой, прощупывая темноту. Но не видел ничего, кроме клубящегося тумана.

Он отшатнулся и взмахнул рукой с телефоном.

– Кто здесь?

Пустота. Должно быть, это просто дуновение теплого ночного ветра, и ничего вещественного.

– Брок! – крикнул он.

А потом услышал что-то вроде всплеска, и мощный порыв горячего воздуха, уже не просто ветерок, хлынул ему в лицо. Сильнее завоняло горелой резиной, а еще то ли блевотиной, то ли грязными

носками. Тоби закричал, попятился и развернулся, готовый пуститься наутек. Он почувствовал, как кошмарный ветер снова пронесся над ним, влажный и ужасно зловонный, он споткнулся о расколотое надгробие и упал. Телефон выскользнул из руки и пропал в темноте. Тоби тяжело поднялся на ноги. Где же этот телефон? Он огляделся, но не увидел ничего, тьма накрыла его сырым плащом. По щеке скользнуло что-то такое, с чем ему еще не приходилось сталкиваться, и с криком он бросился бежать вслепую, продираясь сквозь кусты, падая и снова поднимаясь, задыхаясь и всхлипывая, но темная твердыня старого кладбища поглощала его истошные крики.

В начале четвертого утра Констанс Грин снова бесшумно поднялась по лестнице отеля на четвертый этаж, остановилась на верхней площадке и оглядела устланный коврами коридор. Все двери были закрыты, все обитатели, очевидно, спали.

За исключением, может быть, одной.

Стоя абсолютно неподвижно, Констанс всматривалась в дремлющую роскошь коридора.

Не так давно она уже стояла на этом самом месте, но ее попросили уйти. И теперь она невольно спрашивала себя, почему снова оказалась здесь.

Этот вопрос не выходил у нее из головы с тех пор, как она приняла решение вернуться... приняла, почти не осознавая этого.

Констанс понимала себя лучше, чем любой другой человек на земле. Необычайно долгая жизнь дала ей время разобраться в своих побуждениях и желаниях. И она сознавала, что есть несколько причин, заставивших ее прийти сюда. Во-первых, из-за Пендергаста. Удивительно, но сам он даже не попытался поговорить с пожилой хозяйкой отеля. Только прослушал беседу полиции с мисс Фрост, если это можно назвать беседой, потому что все свелось к шести вопросам и ответам через закрытую дверь. Ответы эти не дали ничего, лишь подчеркнули, что мисс Фрост нечего рассказать следствию. Пендергаст нашел бы способ очаровать ее до такой степени, что она открыла бы дверь. Было очевидно, что хозяйка отеля его заинтересовала. Глупо было бы полагать, что она сама убила Эллерби, но мисс Фрост хорошо его знала, и между ними разгорелся жаркий спор за два дня до гибели управляющего.

И все-таки каждый раз, когда разговор заходил о Фелисити Уинтроп Фрост, Пендергаст лишь кивал... и многозначительно смотрел на Констанс, которой не понадобилось долго размышлять, чтобы понять, что задача сблизиться с затворницей поручена ей.

Таинственное прошлое и почтенный возраст этой леди не могли не заинтриговать Констанс. Как и появившиеся дикие слухи, будто бы она была вампиршей и поддерживала жизнь за счет выпитой у людей

крови. Поиски в Сети не дали никаких упоминаний об этой женщине раньше тысяча девятьсот семьдесят второго года. Констанс поделилась этим фактом с Пендергастом, но тот сухо ответил, что, возможно, ей стоит однажды чудесным летним вечером попить чаю вместе с мисс Фрост.

Ноги словно бы сами понесли Констанс к двери без номера справа по коридору. «Никто и не захочет к ней заходить. Это может быть... опасно». Возможно, официантка, которая это сказала, тоже подогревает рассказы о вампирше. Богатая эксцентричная особа притягивает к себе сплетни, как магнит – железные опилки.

Подойдя к двери, Констанс замедлила шаг. «Уже больше десяти, – объясняла ей испуганная горничная. – Она может проснуться с минуты на минуту». Еще одна нагнетательница слухов о вампирше.

Стоя за дверью, Констанс снова услышала музыку, доносившуюся сверху: тихую, романтическую, печальную... Ноктюрны Шопена.

Она бросила взгляд в одну сторону коридора, затем в другую. Нигде ни души. Констанс быстро повернула ручку. Дверь, к ее удивлению, оказалась не заперта. Констанс открыла ее, проскользнула внутрь и тихо закрыла за собой.

Она оказалась на узкой темной лестнице, слабый свет пробивался лишь из-под двери на верхней площадке. Теперь музыка зазвучала громче. Привыкшая к темноте, Констанс ничуть не испугалась. Она постояла немного, пока не смогла отчетливо разглядеть ступени, покрытые великолепным персидским ковром. Потом начала подниматься к фортепианному кресендо наверху и уловила странную смесь ароматов: сандалового дерева, нафталина и за всем этим – нотку экзотических духов.

С предельной осторожностью Констанс поднималась ступенька за ступенькой, пока не добралась до верхней площадки. И тут музыка внезапно стихла.

Как странно. Констанс могла передвигаться бесшумнее любой кошки. Неужели пожилая дама расслышала ее шаги?

«Это может быть... опасно».

Свет, пробивавшийся из-под двери, погас.

Внезапно оставшись в полной темноте, Констанс вспомнила испуг горничной, встреченной возле двери на пятый этаж. Нет, не просто испуг, это был ужас. Может быть, горничная больше боялась не

того, что Констанс потревожит пожилую даму... а того, что случится с Констанс, если она поднимется?

В это мгновение дверь перед Констанс со скрипом отворилась, и над ней угрожающе нависла черная фигура на черном фоне.

Бертрам Ингерсолл ослабил галстук, опустив узел примерно на два дюйма, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и отлепил воротник от потной шеи. Даже не глядя на часы, он мог сказать, что сейчас по меньшей мере три часа ночи. Когда они вошли в «Чиппевахолл» в девять вечера, Бертрам надеялся, что жара и духота спадут к моменту ухода. Но надежды не оправдались.

– Посмотри, Берт, какой прекрасный образец вон там, на углу! – сказала его жена Агнес, пересекая вместе с мужем Ист-Джонс-стрит. – Неоготика с четкими элементами георгианского стиля. Только взгляни на эту шатровую крышу!

Ингерсолл хмыкнул и сделал вид, что смотрит вверх. Слыша ее восторженные возгласы, можно было подумать, что она отыскала какую-то чертовски редкую птицу с двумя клювами и тремя задницами, а не просто еще один обветшалый особняк.

Они пошли дальше в южном направлении по Хебершем-стрит, но Агнес схватила его за руку.

– А вот еще! – чуть ли не шепотом проговорила она. – Какой причудливый образец с элементами эпохи Регентства! Вообрази: поставить такой фриз на ионические колонны! Никогда не видела фронтона с таким... Подожди, дорогой, я должна это сфотографировать.

Ингерсолл сдержал раздраженный вздох и терпеливо ждал, когда жена выудит из сумочки мобильный телефон. «Удачи тебе – сделать посреди ночи хороший снимок», – подумал он.

Имея за плечами тридцать один год совместной жизни, он должен был понимать, во что ввязывался. Их интересы никогда особо не совпадали, а со временем лишь расходились все дальше. В довершение всего это проклятое лекарство от эректильной дисфункции, которое он недавно начал принимать, вообще никак не действовало.

Много лет назад они договорились, что каждый их отпуск будет продолжаться две недели. Одна неделя для него, а другая – для нее. Этот отпуск не стал исключением. Он провел фантастическую неделю в Хилтон-Хеде. Днем играл в гольф на тридцати шести лунках, а по

вечерам зависал в загородном клубе. Агнес прохлаждалась у бассейна, почитывая детективы Дороти Сэйерс. Они встречались только за завтраком и обедом. Нужно отдать ей должное: она ни на что не жаловалась.

Но теперь пришло время расплачиваться: недельная конференция Южного архитектурного общества. Лекции начинались в девять вечера, и Агнес настояла, чтобы в столь поздний час он ее сопровождал. Это был сущий ад: профессора и архитекторы без конца разглагольствовали о самых незначительных подробностях, а за всем этим неизбежно следовал коктейльный фуршет, который не заканчивался раньше двух ночи. А то и позже, как вышло сегодня. По профессии Ингерсолл был страховым статистиком, и архитектура казалась ему скучной и недоступной. Он двадцать лет проходил на работу через вестибюль бирмингемского центра искусств – одного из самых известных образцов архитектуры ар-деко за пределами Нью-Йорка – и ни разу даже не поднял глаз. За каким чертом ему знать, как вырезали эти дурацкие оконные проемы? Лишь бы само здание не обрушилось.

Агнес без умолку болтала и вытягивала шею, пока они не прошли еще один квартал и дорогу им не преградила обсаженная деревьями площадь.

– Вот и она, – сказала Агнес. – Уайтфилд-сквер. Думаю, нам нужно повернуть направо.

– Налево, – проворчал Ингерсолл.

Они повернули налево. Облака проносились по небу, заслоняя разбухшую луну. Позади, на площади, порыв ветра зашуршал листвой деревьев.

– Дорогой, ты не будешь сердиться, если мы останемся еще на один день? – спросила Агнес. – Сегодня после лекции доктор Блэк сказал, что в этой части Саванны самые интересные здания всего исторического центра. Он даже написал мне с полдюжины адресов.

Ингерсолл едва не сказал, что скорее отсосет у Сатаны, чем останется здесь еще на день, но вовремя остановил себя. Агнес никогда не ругалась с ним по-настоящему, просто неделю-другую не разговаривала. Он ведь выдержал эти шесть дней, глупо будет пустить все насмарку.

Скривив губы в усмешке, он повернулся к жене:

– Еще один день? Я думал, что...

Она внезапно остановилась.

Что случилось, Ингерсолл не смог объяснить даже полиции, когда у него брали показания. Потому что это был какой-то абсурд. Налетел еще один порыв ветра, только особенный, ни на что не похожий, густой, глубокий и какой-то... угнетающий. Он обдал их ужасным запахом, и тут Ингерсолла охватил невыразимый ужас, как будто где-то над ним затаилось жуткое невидимое существо. А потом пришла черед звуков: липкий хлюпающий хлопок по ногам, резкий крик Агнес, непередаваемо чуждый стук, от которого холод пробирал до самых костей... и потом Ингерсолл упал, растянувшись на чем-то мягком, лежавшем на тротуаре, и далеко не сразу сообразил, что это было еще теплое мертвое тело.

Усталая, раздраженная, все еще в укусах мошкары после вчерашней экскурсии, капитан Делаплейн совсем не обрадовалась, когда ее подняли в половину четвертого утра. И вот такая картина открылась ей на месте происшествия: на кирпичном тротуаре лежал лицом вверх труп молодого человека в джинсах и футболке. Команда криминалистов устанавливала прожекторы, а Макдаффи со своим ассистентом склонились над телом. Чуть в стороне Шелдрейк опрашивал семейную пару, обнаружившую труп. Голос мужчины срывался и дрожал, женщина тихо всхлипывала. Делаплейн невольно посочувствовала им, но необходимость получить информацию взяла верх. Нужно было выжать из свидетелей как можно больше прямо сейчас, пока воспоминания еще свежи.

Щелчком включились прожекторы, проявив пугающую мраморную белизну кожи покойника. Голубые глаза, широко открытые от изумления, неподвижно смотрели в небо, конечности были вывернуты, словно побывали на дыбе для пыток. Макдаффи отошел в сторону, криминалисты рванулись вперед и принялись за работу.

Делаплейн помахала Макдаффи рукой.

– Что тут у нас?

– Та же история, – ответил он. – Трояк или толстая игла в бедренной артерии, та же самая жирная смазка, кровь откачана полностью. Температура тела почти нормальная. Думаю, этот парень умер меньше получаса назад. Голова разбита, но это, похоже, посмертные повреждения.

– Как вы это установили?

– Никаких кровоподтеков... Потому что крови в нем уже не было.

Делаплейн покачала головой:

– Как именно разбита?

– Необходимо тщательно осмотреть труп в лаборатории. Но я успел заметить на тротуаре клочок кожи с волосами с того места, куда пришелся удар. Возможно, жертва упала с большой высоты.

Делаплейн посмотрела вверх. Над улицей возвышался трехэтажный кирпичный дом, выкрашенный в серый цвет, но с белой

окантовкой. Все окна были закрыты, плоскую крышу ограждал парапет. В окне наверху только что зажегся свет, и Делаплейн разглядела за занавеской контуры человека, наблюдавшего за всей этой суматохой.

– Сам прыгнул или его сбросили? – спросила она.

Макдаффи кивнул:

– Если он действительно упал, то его сбросили уже мертвого.

– Есть что-то еще?

– Этот человек был в состоянии опьянения. Сильный запах спиртного, хотя определить содержание алкоголя в крови будет непросто, потому что крови не осталось. Но есть другие способы. – (Она кивнула.) – И на его рубашке остались свежие следы рвоты.

– Хорошо, спасибо. Пойду поговорю со свидетелями.

Вид у супружеской пары был весьма подавленный. Они сидели на скамейке, а Шелдрейк опрашивал их и заносил ответы в блокнот. Делаплейн достала телефон и включила приложение звукозаписи.

– Я капитан Делаплейн, полиция Саванны. Не возражаете, если я задам вам несколько вопросов? Я буду записывать, на всякий случай предупреждаю.

Мужчина молча кивнул.

– Вы видели, что здесь произошло? – спросила Делаплейн.

Ни он, ни его супруга не ответили, и ей пришлось повторить вопрос отдельно для него.

– Мистер Ингерсолл?

Мужчина средних лет совершенно заурядной внешности, одетый в легкую куртку с отложным воротником, покачал головой:

– Не могу объяснить. Я почувствовал... ветер, а на тротуаре что-то появилось, а потом... я об это споткнулся. Там было...

Он вздрогнул и замолчал.

– Что там было?

– Что-то прикоснулось ко мне, что-то ужасное. Какое-то существо.

– На что оно было похоже?

– Понятия не имею.

– Это был человек? – спросила Делаплейн, изо всех сил стараясь, чтобы в ее голосе не прозвучало нетерпение.

– Нет, не человек. Существо...

– Животное?

– Не знаю, как начать... чтобы описать его.

Он закрыл лицо руками.

Делаплейн повернулась к его жене:

– Миссис Ингерсолл, вы кого-нибудь видели?

Она покачала головой, едва сдерживая рыдания.

– Не могло ли что-то упасть сверху?

Еще одно неуверенное покачивание головой.

Пользы от них обоих было немного... во всяком случае, сейчас.

– Спасибо, – сказала им Делаплейн. – Завтра мы побеседуем с вами подробнее, поэтому, пожалуйста, никуда не уезжайте. – Она протянула им визитку. – Отдохните, успокойтесь. Патрульный Рудд проследит, чтобы вы спокойно добрались до отеля.

Она махнула рукой Шелдрейку, и они отошли в сторону.

– Нашли удостоверение личности в его бумажнике, – доложил Шелдрейк. – Брок Кастис, девятнадцать лет, студент Обернского университета. Он где-то выпивал, а это значит, с ним были и другие. Нужно их разыскать.

– Господи, ну почему они не отправились в Джексонвилл поблехать на пляже, как все нормальные люди?

Делаплейн заметила призрачный силуэт на самом краю места преступления. Черный костюм придавал этому человеку бесплотный вид, так же как его руки и лицо. С ним был кто-то еще. Оба они неподвижно стояли поодаль.

– Не оборачивайся, – предупредила Делаплейн, – но здесь этот Гомес Аддамс со своим подручным.

Команда криминалистов пронумеровала те места на тротуаре, где были найдены вещественные доказательства. Делаплейн понаблюдала за ними и снова повернулась к Шелдрейку.

– Нужно опросить каждого – каждого, кто хоть как-то с этим связан. Чету Ингерсолл, всех, кто выпивал с этим парнем, бармена, который их обслуживал. – Она показала на человека в окне соседнего дома. – И его тоже. Жду вас ровно в одиннадцать утра в полицейском участке. Сможете собрать все это для меня?

– Надеюсь, что да, капитан.

Она задумалась на мгновение.

– И пригласите федералов. Нам ни к чему ныть *ex post facto* ^[42].

– Будет сделано.

Делаплейн еще раз взглянула на призрачного агента ФБР, который как раз указывал напарнику на высокий белый дом в викторианском стиле по ту сторону Уайтфилд-сквер и говорил, представьте себе, о том, какое чудесное вино он имел счастье попробовать там. Взглянула, покачала головой и покинула место преступления.

Столкнувшись со столь внезапно нависшей над ней черной угрозой, Констанс отпрыгнула, инстинктивно выхватила старинный стилет, с которым никогда не расставалась, и приняла стойку из *raganza corta* – итальянской борьбы на ножах. И только потом сообразила, что перед ней не великан, а пожилая женщина, тень которой увеличивала лампа от «Тиффани». В одной руке она держала трость, а в другой – пистолет. Женщина отступила на шаг, и лампа отбросила безумную тень на оловянные панели потолка.

Какое-то мгновение они смотрели друг на друга, а потом пожилая женщина проговорила сварливым голосом:

- Ну же, или убей меня, или убери свою игрушку.
- Тогда у вас будет преимущество, – ответила Констанс.
- Ты про это? – спросила женщина, отводя в сторону сверкнувший на миг вороненый ствол пистолета. – Он не заряжен.

Констанс не шевельнулась. Тогда женщина подняла флажок предохранителя, извлекла магазин и неожиданно бросила его Констанс. Та поймала его левой рукой и убедилась, что в нем действительно нет пуль. Потом выпрямилась, убрала кинжал и положила магазин на консоль. Теперь Констанс могла лучше рассмотреть женщину. Одетая в элегантное, отороченное шелком юката^[43], хозяйка смотрела на Констанс взглядом, в котором было что-то среднее между раздражением и весельем.

- Часть моей коллекции, – объяснила она.
- Смертоносного оружия?
- Промышленного дизайна. Я вижу особую красоту в этом союзе формы и предназначения. Другие коллекционируют картины, а я собираю авторучки, кофеварки, старинные шифровальные машины... и оружие. Слишком много, чтобы можно было все показать.

Она сделала шаг вперед, взяла магазин, вставила его обратно в рукоятку и перевела предохранитель в боевое положение.

- Эта модель известна как «черная вдова», – сказала она, подняв пистолет, чтобы Констанс могла им восхититься. – И несмотря на

дешевую бакелитовую рукоять, я считаю ее самой привлекательной из всех «парабеллумов».

Она подошла к буфету, взяла потрепанную книгу в мягкой обложке и положила на нее пистолет. Констанс заметила, что каждый шаг причиняет ей боль, которую невозможно скрыть. За спиной женщины был виден ряд роскошно обставленных смежных комнат с книжными полками, старинными гобеленами на стенах, искусно обшитых панелями из розового дерева и с лепниной под потолком. Повсюду были расставлены складные решетчатые ширмы бёбу из рисовой бумаги. Сёдзи^[44] с замысловатым рисунком разделяло комнаты на части. Вдоль одной из стен тянулась галерея окон высотой почти от пола до потолка. За ними располагался балкон, едва различимый в полумраке.

Женщина обернулась:

– Вы, должно быть, Констанс Грин?

Удивленная Констанс ничего не ответила.

– Вы остановились в номере Джульетт Гордон Лоу^[45] вместе с этим агентом ФБР, наделавшим столько шума. – Женщина насмешливо посмотрела на Констанс. – Думаете, раз я такая старая и немощная, то не знаю, что творится в моем отеле?

После секундной паузы Констанс сказала:

– Думаю, в данной ситуации уместно было бы ответить так: вы ставите меня в неловкое положение, мэм.

Женщина рассмеялась и пошла дальше. Хотя в комнате стояли диваны и кресла с подголовниками, она не предложила Констанс сесть.

– Я так понимаю, что он послал вас сюда, чтобы женскими хитростями выведать все, что мне известно о недавних безобразиях.

Констанс покачала головой:

– Мне просто любопытно. Я пришла сюда не из-за мистера Эллерби. – Она намеренно упомянула это имя и заметила, что женщина не сумела сдержать скорбной гримасы, услышав его. – Я пришла, потому что меня заинтересовали слухи о вас.

– Какие слухи? Их много. О том, что я по ночам вылетаю отсюда на метле? Или о том, что я пью кровь первенцев? А может, о том, что я прямой потомок Жилия де Рэ?^[46]

– Нет, о том, что вы, как и я сама, предпочитаете общество хороших книг компании других людей.

Пожилая женщина приподняла брови:

– В самом деле? Необычная привычка для столь юной особы. Отдаю должное смелости, с которой вы пробрались сюда. Не сомневаюсь, что вы слышали все эти ужасы обо мне.

Она помолчала и добавила:

– И ἀργαλέος γὰρ Ὀλύμπιος ἀντιφέρεσθαι^[47].

Констанс невесело улыбнулась:

– Если я и смелая, то во многом благодаря тому, что нас объединяет, συμφορτὴ δ' ἀρετὴ πέλει ἀνδρῶν καὶ μάλα λυγρῶν^[48].

Впервые за все время во взгляде мисс Фрост отразилось удивление.

– Простите меня, – сказала она мгновением позже, – но Regina, iubes renovare dolorem^[49].

– Quisque suos patimur Manis^[50], – процитировала в ответ Констанс.

Наступило долгое молчание.

– Если вы знаете о скорби столько же, сколько знаете о мертвых языках, – снова заговорила мисс Фрост, – то должны понимать, что скорби лучше оставаться в одиночестве.

– Скорби – да, – ответила Констанс. – Но не тому, кто ее испытывает.

– Какой неожиданный поворот для скорби.

Мисс Фрост надолго умолкла. Потом ее отстраненный взгляд снова сосредоточился на Констанс.

– Извините, но не могу предложить вам свое гостеприимство. У меня довольно много дел сегодня вечером.

– Конечно.

Констанс чуть наклонила голову, а затем повернулась к двери.

– Мисс Грин? – послышался голос у нее за спиной.

Она обернулась.

– Не могли бы вы зайти ко мне завтра вечером? На чашечку чая.

– С удовольствием, спасибо.

И когда Констанс, закрыв дверь номера мисс Фрост, спускалась по узкой лестнице, она снова услышала мелодию ноктюрна Шопена.

Колдмун заметил плещущие на тротуар утренние огни кафе и свернул к нему, даже не поинтересовавшись мнением напарника. Было шесть часов утра, но кафе, похоже, уже открылось.

– Мой дорогой Колдмун... – начал Пендергаст.

– Если я не выпью кофе, то умру, – во весь голос заявил Колдмун.

– Хорошо, – согласился Пендергаст. – Мне бы не хотелось получить сегодня еще один труп.

В маленькой закуской с кондиционером все жизнерадостно сияло, пахло кофе и беконом. После ночной духоты и влажности это было настоящим облегчением. Колдмун занял место на одной из банкеток, Пендергаст осторожно сел напротив, осмотрев интерьер и банкетку, в частности, с едва скрываемым пренебрежением. Тут же появилась официантка с пластиковым меню и большим кофейником.

– Налейте, пожалуйста, – попросил Колдмун.

– Надеюсь, это не... э-э-э... эспрессо? – решил уточнить Пендергаст.

Она с усмешкой приподняла кофейник:

– Прости, сладенький, но это именно он.

– А чай?

– Черный или зеленый?

– «Английский завтрак», если вас не затруднит. С молоком и сахаром.

– Ясное дело. Что-нибудь еще, мальчики?

– Мне яичницу с беконом, – заказал Колдмун. – Обжаренную с двух сторон, а еще тосты и картофельные оладьи.

– Оладьи? Наше кафе знаменито кукурузной кашей с маслом, солью и сахаром.

– Нет, – ответил Колдмун. – Оладьи. И чем жирнее, тем лучше.

– У нас не подают жирную пищу, – обиделась официантка.

– Ладно, не важно. Но пусть это будут картофельные оладьи.

Она обожгла его взглядом, а затем повернулась к Пендергасту с куда более приветливым выражением лица, видимо уловив его протяжный акцент.

– А тебе, сладенький? Хорошую порцию курицы с вафлями?

Пендергаст прикрыл глаза и снова открыл.

– Мне больше ничего не нужно, спасибо.

Она отошла, и Колдмун попробовал кофе. Конечно, зерна были не так основательно обжарены, как он любил, но горький напиток пришелся ему по вкусу и подействовал оживляюще.

– Простите, Пендергаст, но я не способен ясно мыслить, не позавтракав и не выпив кофе. – Он помолчал и вдруг спросил: – Курица с вафлями?

– Говорите тише, вы и так произвели не слишком благоприятное впечатление, – сказал Пендергаст и после паузы добавил: – Это южное блюдо. Если даже вы попросите объяснений, то все равно не поймете.

Колдмун покачал головой:

– Звучит несъедобно.

– Тогда, наверное, не стоит рассказывать, что вафли намазывают маслом, жареную курицу вымачивают в соусе, и все это заливают кленовым сиропом.

Колдмун передернул плечами.

Пендергаст дождался, когда официантка принесла ему чай.

– В любом случае этот перерыв дает нам возможность познакомиться с результатами экспертизы биржевого хобби мистера Эллерби.

– Уже?

– Я побеседовал с тем джентльменом, который обследовал жесткие диски. Результаты любопытные, чтобы не сказать больше.

Тарелка с завтраком для Колдмуна прибыла в рекордно короткие сроки, и он набросился на оладьи.

– За три последние недели перед смертью, – продолжил Пендергаст самым обычным тоном, – мистер Эллерби заработал двести миллионов долларов.

Колдмун только что отправил в рот вилку с изрядным куском оладьи и теперь чуть не поперхнулся. Он жевал и жевал, пока наконец не проглотил всё.

– Вы специально подгадали время для этой бомбы. Уверен, что специально, – сказал он, вытирая губы.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Пендергаст.

– Двести миллионов? – повторил Колдмун. – Но как?

– Обычная биржевая торговля. Ограниченная исключительно тридцатью компаниями из промышленного индекса Доу – Джонса. Все достаточно честно, без каких-либо признаков инсайдерских сделок, манипуляций, мошенничества и прочих незаконных действий.

– Как такое возможно?

– Финансовый эксперт, компетенции которого я всецело доверяю, говорит, что за все годы изучения фальшивой бухгалтерии и недобросовестных сделок он не видел ничего подобного. Каждая из сделок этого управляющего отелем выглядит абсолютно законной и открытой. Он никогда не срывал большой куш, но раз за разом получал стабильную прибыль с каждой из тысяч продаж акции или опционов.

– С ума сойти!

– И никогда, – добавил Пендергаст, – ни разу не терял деньги на своих операциях.

– Невероятно!

– Можно подумать и так.

– Вы уверены, что эта... мм... невероятность как-то связана с убийством?

На такие вопросы Пендергаст частенько не отвечал, и на этот раз, как и ожидал Колдмун, ответа тоже не последовало. Поэтому Колдмун продолжил:

– А второй убитый не торговал на бирже?

– Никогда.

– А третий – этот парень из университета, которого нашли на тротуаре, он, скорее всего, тоже не инвестор.

– Я бы крайне удивился, если бы выяснилось обратное.

Колдмун вернулся к оладьям, но ел теперь медленнее, чем раньше. Зачем Пендергасту понадобилось произносить восемь слов, семь из которых были лишними? Одно «правильно» было бы достаточно.

– Значит, – продолжил рассуждать Колдмун, – этот управляющий отелем прямо перед смертью заработал двести миллионов, а остальные двое никогда не играли на бирже... Ну хорошо, если торговля акциями связана с убийством, то в чем эта связь?

Пендергаст ничего не ответил.

Колдмун взял миниатюрную креманку с металлической подставкой, снял крышку и намазал виноградное желе на тост.

– У Эллерби есть наследники? Нам известно, кто получит бабки?
– Его мать, восьмидесятилетняя вдова. Он был ее единственным ребенком.

Колдмун покачал головой:

– Похоже, этот мотив исключается.

– Я бы тоже так сказал.

– А как насчет утреннего убийства? Что там на самом деле произошло? Этого парня сбросили с крыши? Или его зацепило машиной и он отлетел на тротуар? А может, просто избили до смерти? Он и впрямь выглядел ужасно.

– Он лежал бы ближе к дому, если бы упал с крыши, – возразил Пендергаст, – или если бы его оттуда сбросили. По крайней мере, если бы сбросил человек.

Какого черта он это сказал?

– Но из него выкачали всю кровь. Как и из двух других.

Пендергаст только кивнул в ответ.

– Вы думаете, что это вампир, – продолжил Колдмун, засунув кусок бекона в рот. – Так же, как думают все остальные.

Пендергаст с задумчивым видом сделал долгий глоток чая.

– А вы?

– Что? Нет. Вы меня разыгрываете? Конечно же нет. Вампиров не существует.

– А у индейцев лакота нет легенд о вампирах?

Вопрос удивил Колдмуна. Пендергаст редко вспоминал, что его напарник происходит из коренных американцев, не говоря уже о том, чтобы этим интересоваться.

– Да, у лакота есть что-то вроде легенды о вампире. Но это, конечно же, был белый.

– Разумеется.

– Один поселенец отправился в Черные холмы на поиски золота. Он построил хижину в священной долине, осквернив ее. Через год лакота нашли его мертвым в собственной хижине. Он лежал холодный, как камень, а в сердце ему был воткнут серебряный нож. Когда нож вынули, труп потеплел, а лакота испугались и убежали. Потом он начал нападать на людей, убивать и выпивать кровь. Только одним способом можно его остановить – снова воткнуть ему в сердце тот самый нож. Тогда он снова станет холодным и неподвижным. Но не

умрет... не насовсем. Говорят, его тело до сих пор лежит там, в хижине, и ждет, когда кто-нибудь вытащит нож...

И тут его рассказ оборвал нечленораздельный крик снаружи. В окно кафе Колдмун увидел, что по улице, шатаясь, идет молодой человек. Ил и грязь покрывали его от макушки до пят, одежда висела лохмотьями. Он что-то горестно бормотал – вероятно, был пьян или под кайфом.

В мгновение ока Пендергаст оказался на ногах.

– Куда вы? – спросил Колдмун, уже приготовивший вилку к атаке на яичницу. – Парень просто пьян.

Не обращая на него внимания, Пендергаст выскочил на улицу. Колдмун без всякой охоты последовал за ним. Парень остановился и прижался к фонарному столбу, чтобы не упасть. Немногочисленные в столь ранний час прохожие никак на него не реагировали. Очевидно, пьяные по утрам были для Саванны не в диковинку.

Пендергаст подошел к молодому человеку и заговорил успокаивающим тоном, протягивая ему руку. Парень покачнулся, разворачиваясь, но Пендергаст удержал его от падения, ухватив за грязный рукав.

– Я помогу тебе, – услышал Колдмун его голос.

Парень отпустил столб и навалился на Пендергаста.

– Я хочу тебе помочь, – повторил агент.

Парень повернул измазанное грязью лицо к Пендергасту и зашевелил губами. Разобрать слова было трудно, но они повторялись снова и снова, подобно мантре. Глаза парня широко раскрылись. И тут, когда его надтреснутый голос зазвучал громче, Колдмун понял, что он пытается сказать: «Не помочь, не помочь, не помочь, не помочь...»

– Нужно отпить этого парня кофе, – сказал Пендергаст и направился вместе с ним обратно в кафе. – А потом узнаем, что он хотел сказать.

– Зачем? – удивился Колдмун. – Это же просто случайный студент.

– «Случайный»? – повторил Пендергаст с чем-то средним между жалостью и раздражением в голосе. – Мой дорогой Колдмун, разве вы не видите тигриную лапу Обернского университета на его рубашке? Точно такую же носил парень, труп которого недавно нашла полиция.

Он покосился на напарника.

Колдмун мог продолжить сам: «Опытный агент ФБР, несомненно, обязан заметить столь очевидную связь». Он почувствовал, что краснеет.

– Прошу прощения. Так вы думаете...

– Я думаю, мы нашли приятеля и собутыльника жертвы. Уверен, что он скорее испуган, чем пьян.

Колдмун придержал дверь, пока Пендергаст провожал молодого человека к столику.

– Эй, вы все, стойте! – крикнула официантка, свирепо взглянув на них. – Мы не обслуживаем пьяниц и хулиганов.

– Мэм, это официальное дело, – заявил Пендергаст и достал из кармана жетон ФБР.

Официантка и глазом не моргнула:

– Тогда мальчику нужно выпить кофе.

Она забрала чашку с соседнего столика, наполнила ее до краев и поставила перед парнем.

– И чем-нибудь набить желудок. Как насчет тостов с маслом?

– Да, если можно, – сказал Пендергаст и повернулся к незнакомцу. – Здесь вам нечего бояться. Выпейте кофе.

Парень взял чашку трясущимися руками и отпил немного, выплескивая кофе через край.

– Еще.

Он сделал глоток, потом другой. Официантка принесла тарелку с тостами.

– Прекрасно.

Парень взял один ломтик и с жадностью впился в него зубами. Кофе и тосты, казалось, успокоили его. Глаза стали осмысленными, уже не настолько остекленевшими от потрясения и страха.

– А теперь, молодой человек, – сказал Пендергаст, – назовите нам свое имя.

Он испуганно посмотрел на Пендергаста:

– Тоби.

– Тоби?..

– Мэннинг.

– Я специальный агент Пендергаст. А это мой напарник, специальный агент Колдмун. Как вы себя чувствуете?

Судя по его виду, Мэннинг не был способен ответить на этот вопрос.

– Он напомнил мне о «Скачке Пола Ревира»^[51], – сказала официантка из-за стойки. – Крохотный огонек на колокольне.

Свирепый взгляд, который бросил на нее Колдмун, как бы говорил: «Не твоего ума дело». Официантка нахмурилась, поджала губы и скорчила ему ответную гримасу.

– Тоби, вам знаком человек по имени Брок Кастис?

Парень округлил глаза:

– Как?..

– С сожалением должен сообщить, что Брок Кастис найден мертвым сегодня утром.

– Боже мой... На кладбище?

Пендергаст с любопытством посмотрел на него:

– Нет. А на кладбище что-то произошло?

– Э-э-э...

Парень, похоже, не решался рассказать.

Пендергаст понизил голос до успокаивающей медовой интонации:

– Вы должны все мне рассказать, мистер Мэннинг. Что случилось на кладбище?

– Не знаю.

Он глотнул кофе, потом еще раз, проливая капли на стол. Официантка подошла, вытерла стол, долила кофе в чашку и застыла у

него за спиной.

– Как вы попали сюда с кладбища? – спросил Колдмун.

– Я убежал. Кажется. Точно не помню.

– Понятно, – сказал Пендергаст. – Но давайте вернемся к кладбищу. С самого начала. Как вы там оказались?

– Мы перелезли через ворота.

– Зачем вы туда полезли?

– Просто... по приколу, понимаете? Побродить по кладбищу ночью, поглазеть на могилы.

– Посмотреть на что-то конкретное?

– Да, я хотел увидеть «Девушку-птицу».

– Ах вот оно что! Знаменитая «Девушка-птица». Следовательно, мы говорим о кладбище Бонаventura. Полагаю, вы не слышали, что «Девушку-птицу» перенесли на другое место двадцать пять лет назад?

– Нет.

– И что случилось потом?

Мэннинг уставился на недоеденные тосты:

– Вроде бы мы заблудились.

Голос Пендергаста зазвучал еще мягче:

– И?..

– А потом... Я почувствовал что-то странное, что-то вроде горячего ветра за спиной. Как будто что-то... Нет, не могу объяснить... – Он начал срываться на крик. – И Брок... Я услышал, как разбилась бутылка с выпивкой, а Брок пропал и... Не знаю, я просто убежал.

– Значит, вы пили спиртное? – спросил Колдмун.

Услышав эти слова, дерзкая официантка закатила глаза.

– Ага.

– Сейчас вам лучше?

– Ага... – Он помедлил и спросил: – Я вляпался в неприятности?

– Пока нет. Допивайте кофе, и мы пойдем.

– Куда пойдем?

– На кладбище, где это случилось.

Мэннинг вздрогнул:

– Сейчас?

– Разумеется.

– Нет, – сказал Мэннинг. – Ни за что... Пожалуйста... Я не пойду... Ни за что!

Голос Пендергаста внезапно утратил всякое дружелюбие и приобрел ледяную жесткость:

– Вы немедленно отведете нас туда, мистер Мэннинг. В противном случае я обещаю, что неприятности у вас непременно будут.

Через мгновение он уже вышел за дверь, волоча за собой парня, точно на буксире. Колдмун растерянно поморгал, удивляясь тому, как быстро закончился импровизированный допрос, потом встал и шагнул к двери.

– Минуточку!

Он развернулся. Официантка сурово смотрела на него, уперев одну руку в бок, а другой протягивая счет.

– Ох!

Колдмун поглядел на сумму: девятнадцать восемьдесят, молча протянул женщине двадцатку и снова направился к выходу. Уже взявшись за ручку двери, он сообразил, что не оставил чаевых, если не считать двадцати центов. Но спасти положение было уже поздно: Пендергаст к тому времени успел пройти полквартила. Поэтому Колдмун просто выскочил из кафе. Но прежде чем дверь захлопнулась за ним, официантка оставила последнее слово за собой.

– Горе твоей матери, если у нее нет других детей! – крикнула она ему в спину, потрясая двадцаткой, словно знаком позора.

Утреннее солнце заливало кладбище, подсвечивая последние ключья тумана. Смотритель открыл ворота. Колдмун не любил бывать на кладбищах. Мысли об уснувших навеки в земле покойниках вызывали у него клаустрофобию даже на таком большом кладбище, как это, с белыми гравийными дорожками, тянувшимися во все стороны мимо сотен надгробий.

– Итак, мистер Мэннинг, – сказал Пендергаст, – покажите нам, пожалуйста, где произошли эти события.

– Кажется, мы пошли вон туда, – ответил Мэннинг, но не сдвинулся с места, пока Пендергаст не поторопил его.

Лишь тогда молодой человек поплелся по одной из дорожек, двигаясь так, как будто к его ногам были привязаны железные гири.

Никогда еще Колдмун не видел таких вычурных надгробий. В прежние времена индейцы лакота оставляли своих покойников на помостах в кронах деревьев. В Пайн-Ридже, где он вырос, пепел умерших развеивали с вершины горы или холма, чтобы они были ближе к небесам. Колдмуну казалось странным закапывать тела глубоко в землю, когда хочешь, чтобы души поднялись над ней. Но эти гробницы... они были роскошны, огромны и даже великолепны. Может быть, мертвецы считали, что получают более удобное место на небесах, если будут похоронены в богатых могилах? Или дело не в этом, а в стремлении занять более высокое положение даже после смерти?

Они втроем прошли по дорожке почти полмили. Наконец Мэннинг свернул направо, потом еще раз в дальнюю, сильно заросшую часть кладбища, где надгробия были совсем не такими напыщенными, а многие из них пришли в запустение. Здесь Мэннинг запутался, и они переходили с одной дорожки на другую, иногда возвращаясь назад. В нем явно боролись стремление вспомнить и чувство беспокойства.

– Я помню это место, – показал он на надгробие с шагающим ангелом, поднявшим руку к небу.

Надпись на мраморной плите была изъедена временем.

– Здесь мы остановились. Как раз перед тем, как... – Он умолк и с трудом проглотил комок в горле. – Кажется, мы пошли туда.

Он снова двинулся вперед, а затем вдруг остановился.

– Вот то место, где... где это случилось. А потом я убежал. – Он отвел глаза вниз и в сторону. – Я не хочу идти дальше.

– И не нужно, – сказал Пендергаст. – Мы остановимся здесь и не будем никого беспокоить. Вызовем местные власти, и сюда скоро приедет полиция. А пока вы опишете нам как можно подробнее, где стояли вы, а где мистер Кастис... Просто покажите, этого достаточно, и я буду вам искренне благодарен.

Мэннинг дрожал и нервничал, но сумел справиться с собой.

– Хорошо. Я подошел к этому надгробию, – показал он. – А Брукс стоял у меня за спиной. Потом он начал петь и танцевать возле этих могил.

– Что он пел?

– Одну песню «Стоунз».

– «Стоунз»?

– Да, «Сочувствие к дьяволу».

Пендергаст с недоумением посмотрел на напарника. Вспомнив, что Мэннинг хрипел ту же самую мелодию, когда они увидели его впервые, Колдмун пожал плечами, показывая, что это не имеет большого значения. «И не такая ерунда случается».

– Брок был у меня за спиной и вдруг перестал петь. Песня как будто оборвалась.

– А какие-нибудь другие звуки? – спросил Пендергаст. – Предположим, вздох... или крик?

– Нет, ничего. На мгновение стало очень тихо. Но я ощутил какое-то давление, влажный воздух и... и странный запах, похожий на горелую резину. А потом я услышал где-то далеко звон разбитого стекла. Думаю, это была бутылка.

– Насколько далеко?

– Откуда я знаю? – сказал парень, с трудом сохраняя контроль над собой, и с содроганием вздохнул. – Может быть, сто футов. Или двести. Мне не до того было. Я чертовски перепугался. Я пару раз позвал Брока, но он не ответил. А потом... потом раздался хлопок.

– Что это был за хлопок?

– Как будто... кто-то вытряхивал ковер. Медленно и глухо. А потом новая волна или порыв влажного воздуха с тем же отвратительным запахом. Вот тогда я и побежал.

– А откуда пришел этот звук?

– Сверху.

От той простоты, с которой парень это сказал, у Колдмуна похолодело внутри.

– А ощущение давления, влажного воздуха. Оно тоже пришло сверху?

Мэннинг кивнул.

– И вы бежали до самой Саванны? Это ведь около четырех миль.

– Бежал, потом шел и снова бежал. Я плохо помню. Пьяный был и психанул к тому же.

– А почему вы не вызвали помощь по телефону?

– Я его где-то выронил. Светил им вместо фонарика. Наверное, он разбился о надгробие или обо что-нибудь еще, потому что сразу погас.

Со стороны входа послышался вой сирен. Пендергаст достал телефон и объяснил Делаплейн, куда идти. Вскоре Колдмун разглядел, как на аллее тормозят фургон криминалистической службы, несколько автомобилей, а следом за ними и фургон медэкспертов. Им пришлось остановиться в отдалении, но через минуту-другую вся толпа направилась по извилистой дорожке, приближаясь к Пендергасту и Колдмуну.

Первой появилась Делаплейн, возглавляя колонну специалистов, несущих оборудование.

– Происшествие случилось вот на этом участке, – сказал Пендергаст. – Из соображений безопасности следует оцепить площадь в половину акра между двумя дорожками.

Делаплейн распорядилась натянуть ограждающую ленту вокруг участка, а криминалисты переоделись и приступили к работе. Подошедший Шелдрейк кивнул Пендергасту и Колдмуну.

– Не возражаете, если я заберу вашего свидетеля?

– Как вам будет угодно.

Включив диктофоны, Шелдрейк и Делаплейн увели несчастного Мэннинга. Колдмун повернулся к Пендергасту:

– Что вы об этом думаете?

– Я собираюсь немного пройтись и поразмышлять над этой загадкой. Буду признателен, если вы останетесь здесь на случай каких-либо неблагоприятных происшествий.

К этому Колдмун уже привык – точно так же все происходило и на кладбище в Майами.

– Само собой.

Пендергаст ушел, заложив руки за спину, как будто отправился на ежедневную прогулку. Спустя не так уж много времени снова послышался шум. Колдмун обернулся и увидел приближающуюся съемочную группу с камерами и звукозаписывающей аппаратурой. Это был тот самый парень по фамилии Бэттс.

Группа подошла к полицейскому оцеплению, и Бэттс тут же затеял спор с патрульным, остановившим его. Вместе с ним был другой мужчина, высокий и серьезный, которого Колдмун запомнил по той встрече на парковке перед зданием администрации округа. Как его зовут? Мужчина уже раскрыл свой кофр, расстелил на земле кусок бархата и начал выкладывать на него всевозможные диковинные приспособления. Вдали показались и другие представители прессы.

Похоже, слухи уже разлетелись во все стороны.

Колдмун подошел ближе, чтобы в случае необходимости помочь полицейским разобраться с прессой.

Он вспомнил фамилию специалиста по сверхъестественным явлениям: Мюллер. Этот парень достал из бархатного мешочка серебряную лозу и начал обходить с ней полицейское оцепление. Обе камеры нацелились на него.

– Я чувствую, – произнес он глубоким голосом. – Я чувствую... мощную спиритуальную турбуленцию.

Серебряная лоза дрожала и дергалась, как будто по собственной воле.

– Очень мощную.

«Что за куча česlí!» – подумал Колдмун, хотя и отметил невольно, что зрелище было весьма впечатляющим. Полицейские в оцеплении тоже заинтересовались, хотя и трудно было точно сказать, поверили они или нет.

– Здесь случилось что-то злое, – поднялся на тон выше голос Мюллера, когда серебряная штукавина указала на центр огражденного

участка. – Случилось совсем недавно. Очень интенсивная турбуленция!

– Не переходите за черту, сэр! – предупредил один из полицейских.

Серебряная лоза продолжала дрожать и дергаться. Вслед за ней затрясся всем телом и сам мужчина. Камеры приблизились.

– Оно здесь.

Он двинулся к ленте оцепления, но полицейские снова мягко преградили ему дорогу.

– Зло! Это зло! – с горячностью зашептал он.

Подошли еще репортеры, но устроенное Мюллером представление было таким захватывающим, что они тоже остановились посмотреть. Некоторые даже достали блокноты и фотоаппараты, словно именно он, а не место преступления был главной новостью.

И вдруг серебряная лоза вылетела из рук Мюллера, словно кто-то дернул за невидимую ниточку. Это было проделано так ловко, что совсем не показалось Колдмуну трюком. Мюллер сразу обмяк, остановился, глубоко вздохнул и утер пот со лба шелковым платком, как будто вышел из неприятного транса. Он подобрал лозу, вернулся к кофру, вытащил из него большую бокс-камеру и установил на треножник. Потом достал осколок закопченного стекла, при ближайшем рассмотрении оказавшийся кристаллической пластинкой, и завертел головой во все стороны, разглядывая сквозь нее тот участок, который обследовали криминалисты.

– Зло, покажись! – пробормотал он и задрожал.

Один из операторов следил за его движениями, снимая прямо через плечо Мюллера.

Заметив, что Бэттс куда-то пропал, Колдмун огляделся и увидел, что продюсер, воспользовавшись отвлекающим маневром, прокрался сквозь густой кустарник за полицейское оцепление. С ним был и второй оператор, что-то снимавший.

– Эй! – крикнул Колдмун и зашагал к Бэттсу, указывая на него пальцем. – Убирайтесь отсюда! Назад, за ленту!

Несколько полицейских обернулись и побежали за Бэттсом и оператором, но те быстро поднырнули под ленту и скрылись в зарослях.

Колдмун подошел к тому месту, откуда они вели съемку, но не обнаружил там ничего интересного, кроме еще одного древнего мавзолея с незапертой дверью. Зброшенная часть кладбища уходила дальше в кустарник, расколотые надгробия лежали по обеим сторонам дорожки, плохо ухоженной и почти незаметной.

Он вернулся обратно и увидел, как Пендергаст быстрым шагом приближается с совершенно неожиданной стороны.

– Нашли что-нибудь? – спросил Колдмун.

– Ничего.

– Плохо дело.

– Напротив, – ответил Пендергаст, поправляя манжеты. – Как раз это и есть самое поучительное.

Стоявшей за монитором Гэннон казалось, что сюда вызвали половину всей полиции Саванны, чтобы удержать толпу за оцеплением. Было шумно, как в зоопарке, и это никак не вязалось с величественной атмосферой старого кладбища, где заросшие мхом надгробия дремали в ярких пятнах солнечного света под огромными дубами. За ограждающей лентой все еще усердно трудились копы, криминалисты тщательно прочесывали весь участок. Несмотря на суету, Гэннон заметила, что тот странный агент ФБР со своим подпевалой и назойливая капитан полиции куда-то запропали.

Гэннон расставила обоих операторов на выгодные места, чтобы они поймали в кадр все, что только можно. Павел с разных углов снимал на «Стэдикам» весь этот шабаш, а Крейг сосредоточился на Мюллере. Исследователь паранормальных явлений устроил настоящее шоу сначала с серебряной лозой и пластинкой обсидиана, а потом с камерой, которая должна была заснять сверхъестественные сущности. Эта сумасбродная старуха Дейзи тоже крутилась рядом и пыталась попасть в кадр, хотя ее не было в сценарном плане, и Бэттс каждый раз ее отгонял. Массовка вышла замечательная, и она должна была удачно контрастировать с мрачной и жутковатой сценой на кладбище, которую Гэннон надеялась снять во всех подробностях. Раз уж Бэттс переключил внимание на Саваннского вампира, она теперь занималась только съемками этой суеты и отдельных людей. А вечером нужно будет вернуться на кладбище с парочкой дымовых машин.

К ней подошел Бэттс:

– Послушай, какой у меня план. Мюллер говорит, что ему удалось сделать потрясающие, особенные фотографии. А здесь уже собралась пресса, даже из национальных изданий. Отличная возможность для бесплатной рекламы фильма.

Гэннон кивнула.

– Мюллер собирается показать свои фотографии прямо сейчас, когда вокруг столько народа и репортеров. Мы должны заснять все это.

– Фотографии чего?

– Скажет он, как же. Ты же знаешь этого старого осла. Но он уверяет, что получил фотографии «спиритуальных турбуленций».

– Так эта штукавина цифровая?

Гэннон казалось, что снимать привидения нужно на пленку.

– Тебе виднее.

Такой камеры, как у Мюллера, она никогда не видела. Просто прекрасная, с корпусом из красного дерева, сверкающая бронзой и хромом. Судя по тому, как зеваки и репортеры бродили за Мюллером между могилами, словно за Крысоловом, пока он делал что-то вроде снимков с большой экспозицией, намечалось то еще представление.

– Где все произойдет? – спросила Гэннон.

– На открытом участке. Примерно через десять минут.

– Мы будем на месте.

Она связалась по громкой связи с операторами и распорядилась встать по другую сторону площадки: один снимет крупный план, второй – дальний. Репортеры теряли терпение. Пресса всегда голодна до сенсаций, и Мюллер обещал их предоставить. Бэттс вполголоса посоветовался с Мюллером, потом встал на мраморную плиту – вот тебе и уважение к усопшим! – и хлопнул в ладоши. Рядом стоял Мюллер, бережно прижимая к себе камеру.

– Леди и джентльмены! – крикнул Бэттс, водя короткими руками в воздухе. – Леди и джентльмены, прошу внимания!

Разгоряченная толпа рванулась к нему, репортеры пробивались в первые ряды с камерами в руках, микрофоны раскачивались над головами. Гэннон поразились тому, как ловко шеф перетянул внимание прессы на себя и Мюллера.

– Как вы знаете, – продолжал Бэттс, – среди нас находится знаменитый исследователь паранормальных явлений доктор Герхард Мюллер. Похоже на то, что его оборудование зафиксировало здесь необычно активные проявления сверхъестественного. Доктор Мюллер, расскажите нам, что вы обнаружили.

Мюллер, изобразив на лице скромность и сомнение, поднял голову и оглядел толпу, дожидаясь, когда все затихнет. Камеры Гэннон заработали. Полицейские, охраняющие периметр, настороженно наблюдали за всеми.

– Мои инструменты, – начал Мюллер глубоким, звучным голосом, – зарегистрировали мощные паранормальные потоки. – Он

выдержал паузу. – Сильные манифестации зла. – При этих словах толпу накрыло молчание. Они произвели впечатление даже на говорливых репортеров. – И я получил доказательства присутствия сверхъестественного. Они здесь. – Он потряс в воздухе камерой.

– На них можно посмотреть? – выкрикнул кто-то.

Мюллер повернул голову в его сторону:

– Да, разумеется. Это и была моя цель – показать вам фотографии.

Толпа взволнованно зашевелилась. «Как он собирается их показывать? – задумалась Гэннон. – Здесь должно быть не меньше трехсот человек».

– Некоторые люди не доверяют моим трудам, обвиняют меня в манипуляциях с фотоснимками, – заявил Мюллер и поднял над собой камеру. – Но здесь находятся снимки, которые я сделал всего несколько секунд назад. Они покажут вам замечательные вещи, которые невозможно увидеть невооруженным глазом, но я запечатлел их с помощью собственных технологий получения мультиспектральных изображений. Это свежие неотретушированные фотографии. Сейчас вы убедитесь, что это правда, потому что получите возможность изучить их самостоятельно.

Он замолчал и обвел толпу суровым взглядом.

– Я сделаю эти снимки общедоступными, без всяких ограничений в использовании. Перешлю их из своей камеры прямо на ваши сотовые телефоны. Прошу всех убедиться, что у вас работает блютуз, и выбрать в списке устройств «перцептивную камеру». Через тридцать секунд я отправлю вам три изображения.

Он отвернулся и склонился над камерой. Толпа загомонила, каждый нащупал свой мобильный телефон и начал лихорадочно водить пальцем по экрану. Ожидание стало невыносимым. Это был блестящий спектакль, даже больше чем просто спектакль, потому что Мюллер нашел способ превратить зрителей в участников представления. Следя за картинкой, поступающей на монитор с обеих камер, Гэннон не могла нарадоваться на работу операторов.

– Пересылаю, – сказал Мюллер и повернулся к зрителям.

Наступила полная тишина, но, как только снимки появились на экранах телефонов, по толпе, словно ветер, пронеслась бурная волна охов и ахов. Все, включая репортеров, уткнулись в свои телефоны.

Гэннон даже различила чьи-то приглушенные и невнятные испуганные возгласы.

«Что же там такое?» Ей тоже до смерти хотелось взглянуть, но она не могла прервать управление съемкой. Гэннон оглянулась на Бэттса. Тот смотрел в телефон со смесью глубокого облегчения и ужаса на лице. Она вернулась к работе, операторы продолжали снимать реакцию людей.

– Эй, что вы делаете? – услышала Гэннон громкий голос Бэттса и обернулась.

Он быстрым шагом направлялся к той женщине, Дейзи Файетт. Она стояла, наклонившись над открытым кофром Мюллера, но, когда ее окликнули, уронила туда что-то и с виноватым видом выпрямилась.

– Что здесь происходит? – взвился Мюллер. – Зачем вы трогали мои вещи? Alte Drache^[52], как ты посмела к ним прикоснуться?

Дейзи залилась краской, но справилась с собой и холодно ответила:

– Мне было любопытно взглянуть на ваше оборудование. В конце концов, я тоже исследователь паранормальных явлений.

– Вы не имеете права рыться в чужих вещах! – заорал Бэттс, пока Мюллер с покрасневшим от гнева лицом приводил в порядок свой кофр. – Вас вообще не должно быть сегодня на съемочной площадке. Джонни, проводи миссис Файетт подальше отсюда.

Кто-то из съемочной группы увел тщетно отбрыкивающуюся женщину. «Скатертью дорожка», – подумала Гэннон. Файетт была образцом нефотогеничности и всюду совала свой нос, норовя попасть в кадр. Гэннон сама настояла на том, чтобы пригласить ее, надеясь, что взгляд местного жителя станет важным фактором. Но как это нередко случается, люди, которых ты считала дополнительным плюсом, оказываются совсем не созданы для камеры. Миссис Файетт должна была оставаться только голосом за кадром, как с самого начала и предлагал Бэттс.

– Взгляни-ка, – сказал Бэттс, подойдя к Гэннон, и провел пальцем по экрану своего телефона.

Гэннон взяла телефон с огромным интересом. На первой фотографии Мюллера было надгробие с поднявшим руку ангелом. Фигуры криминалистов, стоявших с одной его стороны, оказались размытыми из-за большой экспозиции. А с другой стороны от травы

поднималось облачко тумана, внутри которого виднелся чей-то силуэт. Среди завихрений тумана Гэннон разглядела вытаращенные глаза и костлявую руку, зловеще протянутую в сторону ни о чем не подозревающего криминалиста.

Она пролистнула картинку. Следующий снимок тоже показывал клубящееся облако тумана, побольше размером, но не такое густое. И в самом его центре смутно проступало огромное распухшее лицо с необычайно злобным взглядом. Третье фото оказалось самым лучшим (или худшим) из всех. Демон на нем как будто вылезал прямо из-под земли. Среди травы виднелась голая худющая рука, а за ней – череп с жидкими волосами, пустыми глазницами и оскаленными зубами.

– Мать честная, это потрясающе! – пробормотала она, и сердце ее забилося не хуже тамтама.

Фотографии были невероятно жуткими, но, что еще важнее, они выглядели как настоящие. Очевидно, что это снимали всего несколько секунд назад. Мог ли Мюллер провести какие-то манипуляции внутри камеры, перед тем как разослал изображения? Это казалось невозможным, хотя Гэннон, будучи фотографом, знала чуть ли не бесконечное количество цифровых трюков. В любом случае это вряд ли имеет значение. Снимки великолепны, а как Мюллер получил их, никого не касается.

Она вернула телефон Бэттсу:

– Мы получим фантастические кадры для фильма.

– Никаких сомнений. Их будет гораздо больше.

– Но... где же вампир? – больше в шутку, чем всерьез, поинтересовалась она.

– Вампира здесь нет, – ответил вместо Бэттса подошедший Мюллер. – Но он может быть где-то поблизости. Мы видели демонических существ, потревоженных его недавним проходом. Как буи подпрыгивают в кильватерной струе большого корабля.

– Так вы считаете, что сможете получить изображение самого вампира? – спросил Бэттс.

– Если вы доставите меня в нужное место и в нужное время, то да.

– Превосходно! – воскликнул Бэттс и похлопал исследователя по спине, что явно не доставило Мюллеру удовольствия.

– А что-то более конкретное вы можете рассказать? – спросила капитан Делаплейн.

Тоби Мэннинг покачал головой. Он успел вымыть лицо и руки с той поры, когда Делаплейн в первый раз увидела его на кладбище, но одежда была все такой же грязной. Правда, взгляд прояснился, а сам парень немного успокоился. «Не так уж удивительно, – подумала она. – За последние несколько часов его столько раз просили рассказать о событиях, приведших к гибели друга, что это превратилось в рутину».

Делаплейн подождала минуту-другую, наблюдая за Мэннингом, потом оглянулась на Бенни Шелдрейка и двух агентов ФБР, сидевших за небольшим столом. Пендергаст чуть заметно кивнул.

– Ладно, – сказала она и выключила диктофон. – Спасибо за помощь. Можете идти. Мы подвезем вас до дома. Отдохните немного, хорошо? Но никуда не уезжайте, потому что мы опять вызовем вас в ближайшие дни.

Мэннинг кивнул, поднялся, украдкой взглянул на Пендергаста и поплелся к двери.

Делаплейн сверилась с написанным от руки столбиком имен и вычеркнула Мэннинга.

– Остались только Ингерсоллы. Они ожидают снаружи.

– Прекрасно.

Делаплейн мысленно вздохнула. Это была обязательная процедура – опрос всех потенциальных свидетелей вчерашнего ночного безобразия. Они уже поговорили с женщиной, живущей напротив мини-отеля Ингерсоллов, барменом из забегаловки, где накачались спиртным Тоби и Брок, смотрителем кладбища и горсткой других людей. Интервью были короткими и, к несчастью, не прибавили никаких веских показаний к тому, что и так уже было известно.

Делаплейн позвонила дежурному офицеру и попросила подвезти Мэннинга.

– И пригласите Ингерсоллов, – добавила она.

Через минуту в дверь постучали, и семейная пара вошла в комнату в сопровождении дежурного. Супруги сели на стулья перед столом Делаплейн. Лицо Агнес как будто окаменело, несомненно, она еще не оправилась от потрясения этой чередой неприятных событий, а ее муж Бертрам выглядел раздраженным, чуть ли даже не рассерженным, словно Сизиф, получивший назначение на новую, еще более высокую гору.

– Мистер и миссис Ингерсолл, – сказала Делаплейн отрывистым и твердым профессиональным тоном. – Спасибо вам за то, что пришли.

– Не за что, – машинально пробормотала женщина, а ее муж промолчал.

– Я буду записывать наш разговор, – предупредила Делаплейн, снова включив диктофон. – Вы даете разрешение?

– Без проблем, – ответил мистер Ингерсолл.

Соблюдая формальности, Делаплейн назвала дату и время, перечислила имена присутствующих, а затем перешла к вопросам.

– Понимаю, как вам, должно быть, тяжело, но прошу еще раз пройтись вместе со мной по тем событиям, что привели к обнаружению трупа. Шаг за шагом. И пожалуйста, не спешите, не пропускайте даже самых мелких подробностей, которые вы вспомнили уже после того, как дали первые показания.

Пара еще мгновение молчала. Наконец женщина начала рассказывать тихим срывающимся голосом. Ее история почти слово в слово повторяла ту, которую Делаплейн уже слышала: как они брели по пустым улицам, услышали внезапный шорох и ощутили какое-то неуловимое движение, потом ее муж споткнулся о тело и упал, а она в смятении позвонила в «девять-один-один». Ее супруг морщился, когда она упоминала некоторые детали, но продолжал молчать.

История постепенно подошла к концу и завершилась несколькими наблюдениями, о которых Агнес Ингерсолл вспомнила уже по ходу рассказа. На комнату опустилась тишина. Делаплейн следовала своей обычной стратегии, заставляя свидетелей немного поволноваться перед разговором. Частенько у них под гнетом тишины всплывали в памяти еще какие-то подробности. Но тут, к ее удивлению, заговорил Пендергаст:

– Миссис Ингерсолл, не могли бы вы сказать, как быстро вы набрали «девять-один-один», после того как ваш муж упал на

мостовую?

За годы работы Делаплейн научилась сохранять нейтральное выражение лица даже при таких банальных вопросах. Однако она заметила, как Колдмун скосил глаза на напарника.

Женщина помолчала, обдумывая ответ.

– Мм... ну, значит... Бертрам упал и, как я уже говорила, вскрикнул, ударившись о мостовую, а я опустилась на колени рядом с ним, чтобы проверить, все ли в порядке. Понимаете, все это произошло так быстро, как будто за долю секунды.

– И все-таки, сколько прошло времени, прежде чем вы позвонили? – настаивал Пендергаст. – Десять секунд? Пятнадцать?

Муж, кажется, хотел что-то возразить, но супруга ответила первой:

– Я увидела, что он шевелится, но не могла понять, сильно ли ему досталось, потому что было довольно темно. Потом я увидела... другое тело. Бертрам застонал... И в этот момент я полезла в сумочку. – Она помолчала, борясь с сомнениями. – Пятнадцать секунд.

– Пятнадцать, – повторил Пендергаст. – С того момента, когда ваш супруг споткнулся о тело и упал, до того, когда вы вызвали помощь?

– Да, – немного неуверенно сказала она, а затем подтвердила уже решительнее: – Да.

– Очень хорошо. Простите, что заставляю вас вернуться к этим неприятным событиям, но... скажите, как вам показалось, то тело, о которое запнулся ваш супруг, лежало на месте?

Женщина растерянно переводила взгляд с Пендергаста на мужа и обратно.

– Не понимаю.

– Было ли это тело *in situ*, на тротуаре? Или, может быть, у вас возникло ощущение какого-то движения непосредственно перед тем, как... э-э-э... произошел инцидент? Например, этот человек упал сверху, прыгнул или был сброшен.

– Нет, – выдохнула она.

– А вы, мистер Ингерсолл? – спросил Пендергаст.

Глаза Ингерсолла покраснели, но он лишь покачал головой в ответ.

– Благодарю вас, – сказал Пендергаст, снова показывая Делаплейн взглядом, что у него больше нет вопросов.

Шелдрейк уточнил еще два-три незначительных момента, а потом Делаплейн отпустила супругов с обычным в таких случаях предупреждением. Как только дверь закрылась, она обернулась к Пендергасту:

– Могу я спросить, откуда у вас такой интерес к времени вызова «девять-один-один»?

– Разумеется. И я с радостью вам отвечу... сразу после того, как вы свяжетесь со своим специалистом по сотовым телефонам.

Еще одно несуразное требование Пендергаста.

– Не уверена, что у него уже есть результаты.

– Но все же попытайтесь, если вас не затруднит.

– Хорошо.

Делаплейн набрала внутренний номер и включила громкую связь стационарного телефона.

– Ригли слушает, – прозвучал голос из динамика.

– Ригли? Это Аланна.

– О, привет, капитан.

– Чем порадуешь?

– На самом деле я сам собирался тебе позвонить, – ответил бесплотный голос. – Так получилось, что мне вообще не пришлось возиться с микрокодом. Как только я узнал местоположение, модель телефона и внутренний идентификатор GPS, то первым делом проверил вышки сотовой связи в этом районе. Просто на всякий случай. И мне сразу повезло. У этого парня был очень старый телефон, и он гораздо чаще, чем современные модели, посылал импульсы в Сеть с включенной подсветкой или компасом. Какой-то планировавшийся Институтом инженеров электротехники и электроники стандарт, который в итоге так и не был внедрен. Короче говоря, он точно посылал импульсы в Сеть. Разумеется, новые телефоны переходят в спящий режим куда быстрее, чтобы сберечь энергию, но этот...

– Все это очень увлекательно, Ригли, но нельзя ли перейти к делу.

– Отмечено тринадцать импульсов с интервалом в шестьдесят секунд. Первый был в три ноль две, последний – в три четырнадцать.

– Прошу прощения, – вмешался Пендергаст, – но какое точное время было у последнего импульса?

– Я же сказал, три четырнадцать, – повторил техник.

– С вашего позволения, я просил назвать точное время.

– Что же вы сразу не сказали? – послышался саркастичный ответ. – Три часа четырнадцать минут сорок и семьдесят одна сотая секунды. Три, четырнадцать, сорок, семьдесят один. Я бы назвал и миллисекунды, но, к сожалению, сигнал Эй-эн-ай/Эй-эл-ай нельзя...

– Достаточно Ригли, – перебила его Делаплейн, с трудом сдерживая улыбку. – Ты отлично поработал.

Она повесила трубку и обернулась к Пендергасту:

– Я не совсем понимаю, к чему вы клоните.

– Еще одно одолжение, пожалуйста, – попросил Пендергаст медовым голосом. – Не могли бы вы позвонить диспетчеру и узнать, когда миссис Ингерсолл вызвала «девять-один-один»?

– Дайте угадаю. С точностью до секунды?

– Если вас не затруднит.

Пришлось сделать еще два звонка, пять минут ждать доступа к записям, и только после этого Делаплейн повесила трубку.

– Три восемнадцать, – объявила она. – И нет, они не смогли назвать сотые доли секунды.

– Ничего страшного, спасибо, – сказал Пендергаст, в своей обычной манере проводя пальцем одной руки по ногтям другой. – Если допустить, что в обоих случаях время зафиксировано точно... достаточно точно для нашей цели.

– И какая же у нас цель?

Делаплейн перехватила взгляд Колдмуна, и он ухмыльнулся.

– Чтобы обеспечить допустимую погрешность в дальнейших расчетах. Молодой человек по фамилии Мэннинг уронил телефон, когда бросился бежать от того, кто напал на его друга. Это означает, что нападение произошло в три часа четырнадцать минут и приблизительно сорок секунд. Нам также известно, что миссис Ингерсолл вызвала «девять-один-один» в три часа восемнадцать минут, менее четырех минут спустя. Это означает, что именно в это время Брука Кастиса и уронили.

– Что за чертовщина? – заерзал за столом Колдмун, внезапно осознав всю безумность хронологии событий.

– Уронили? – удивилась Делаплейн.

– Дорогие коллеги, взгляните на факты! Повреждения тела и показания очевидцев ясно говорят, что этот Кастис просто упал на

тротуар за мгновение до того, как Ингерсолл споткнулся об него. Все предполагали, что Кастис упал из окна или с крыши. Но дело, очевидно, было не так.

– А как? – спросила Делаплейн.

– Видите ли, кладбище Бонаventura, где на Кастиса напали, находится почти в четырех милях от Тейлор-стрит, где наш приятель Ингерсолл споткнулся о тело Кастиса. Принимая во внимание узость городских улиц, интенсивное движение и географические препятствия между этими двумя точками, приходим к выводу, что это расстояние невозможно проехать быстрее чем за шестнадцать минут. Я проверил все варианты маршрута. Но Кастис, точнее говоря, его труп проделал этот путь всего за четыре минуты. Поэтому я и сказал, что его уронили, капитан. Единственное возможное объяснение: он перенесся из одной точки в другую по воздуху... Или, скорее, его перенесли.

– Перенесли? – недоверчиво повысила голос Делаплейн, но уже через миг ее лицо озарило понимание. – О черт!

– Еще бисквит? – спросила Фелисити Фрост, протягивая тарелку с шоколадным десертом.

– Нет, спасибо, – ответила Констанс и вытерла губы камчатой салфеткой.

– Вот дьявол! Значит, теперь и я не смогу взять еще один, – с притворным раздражением сказала Фрост.

Она поставила тарелку обратно на серебряный поднос, что стоял на чайном столике между ними. Констанс отметила фарфоровый сервиз «Хэвиленд Лимож», строгий, но изысканный. «С другой стороны, – подумала она, – такова и сама Фрост: старая и неприметная, но скрывающая куда больше, чем мог бы предположить поверхностный наблюдатель».

В начале дня Фрост прислала Констанс приглашение на чай к девяти вечера. Констанс согласилась и вот уже больше часа провела в обществе пожилой дамы. Мисс Фрост оказалась прекрасной собеседницей, сведущей во многих вопросах, и особенно в антиквариате. Она показала Констанс три комнаты своей мансарды: библиотеку-музей, музыкальную комнату и гостиную, где они теперь и сидели. Очевидно, были и другие комнаты, но Фрост не пригласила гостью осмотреть их, а Констанс не настаивала. Но и этих трех хватило, чтобы получить представление об интересах и личности Фрост. Здесь было много прекрасного: первые издания полузабытых писателей девятнадцатого века; «Стейнвэй» модель О тысяча девятьсот двадцать третьего года, последнего, когда выпускался этот рояль; и впечатляющая коллекция живописи от акварелей Джона Марина до нескольких офортов из цикла «Темницы» Пиранези. Правда, ковры были не ручного плетения и не из Кашана или Исфахана, как в особняке Пендергаста на Риверсайд-драйв, а мебельный гарнитур – не подлинный Дункан Файф^[53], а лишь копия, но сделанная со вкусом. Все говорило о том, что Фрост собирала эту красоту со знанием дела, несмотря на отнюдь не безграничные возможности.

Забавно, что в дополнение к коллекциям пистолетов и ручек здесь был и миниатюрный музей шифровальных машин и предметов раннего периода развития вычислительной техники. Как объяснила сама Фрост, в больших витринных шкафах хранились советское шифровальное устройство «Фиалка М-125», прибор «Энигма», набор шестеренок разностной машины Чарльза Бэббиджа, реле и рычажный переключатель «Гарвард Марк I» и пара печатных плат легендарного суперкомпьютера «Крэй-1». Исключительные познания хозяйки в этой области так впечатлили Констанс, что она невольно задумалась о том, не связаны ли они с загадочным прошлым мисс Фрост, каким бы оно ни было на самом деле.

– Уже почти одиннадцать, – сказала Фрост, взглянув на напольные часы у дальней стены.

Она сидела напротив Констанс на кушетке с изголовьем. При ней была та самая верная компаньонка – потрепанная книга в мягкой обложке, которую Констанс заметила в прошлое посещение.

– Думаю, пришло время для чего-нибудь покрепче чая, верно?

Констанс напомнила себе, что хозяйка ведет ночной образ жизни, и поэтому коктейли ей подают часов на шесть позже.

– Как пожелаете.

– Я бы не отказалась. В мои годы у меня остался практически единственный порок – самолечение.

Она с усилием встала и подошла к буфету, уставленному разнообразными бутылками.

– Не хотите отведать со мной... э-э-э... «зеленой феи»?

– Нет, спасибо, – ответила Констанс чуточку резче, чем собиралась.

– Тогда выберите яд по своему вкусу.

– Кампари с содовой, пожалуйста, если найдется.

– Найдется. Вы и глазом не успеете моргнуть.

Пожилая дама провозилась с минуту и вернулась с двумя бокалами в руках. Одна жидкость была розовой, другая – молочно-зеленой.

– *Votre santé!*^[54] – подняла Фрост свой бокал за Констанс.

Они молча выпили.

– Кампари, – проговорила Фрост. – Любопытный выбор для ваших лет.

– Возможно, я бы сказала то же самое и про абсент.

– Может быть. Но он был запрещен законом еще до того, как я родилась.

– Его запретили в тысяча девятьсот пятнадцатом году^[55], – заметила Констанс.

– Верю вам на слово. В любом случае полынь, похоже, со мной согласна. Как кто-то сказал, «яд определяет доза».

Пожилая дама откинулась назад и, приподняв брови, посмотрела на Констанс, а та уже собралась было сказать: «Парацельс», но передумала и оглянулась на музыкальную комнату.

– Хочу отдать должное вашему искусству игры на фортепиано. Вчера ночью вы исполняли мой любимый ноктюрн.

– Мой тоже, – ответила Фрост и сделала еще глоток. – А вы сами играете?

Констанс кивнула:

– Да, но больше на клавесине.

Фрост улыбнулась:

– И превосходно, вне всякого сомнения. Но мне казалось, что особа с вашим темпераментом предпочла бы инструмент с большей динамикой.

– Как раз для этого и служит верхняя клавиатура, – возразила Констанс.

Фрост опять улыбнулась и допила бокал.

– Несомненно. В следующий раз я приглашу вас на ужин. У меня здесь скромный винный погреб. Не такие вина, к которым вы, полагаю, привыкли, но вполне достойные. – Она снова лукаво посмотрела на Констанс. – Вы ведь привыкли к тонким винам, правильно? И ваш клавесин, я уверена, самого высшего качества. А ваш сникерсни^[56] – редкий антиквариат.

– Благодарю вас, – ответила Констанс, стараясь сдержать растущее раздражение. – Однако сомневаюсь, чтобы мой клинок был намного большей редкостью, чем тот «люгер», который вы наставили на меня вчера вечером.

Фрост равнодушно махнула рукой:

– Вино я упомянула только потому, что мы говорили о музыке. Чем старше я становлюсь, тем больше сужу о композиторах в терминах оценки вин. Моцарт напоминает мне сотерн «Шато д'Икем»,

сладкий и шелковистый, но более сложный, чем кажется поначалу. Бетховен похож на пти сира. Вино грубое, резкое и жесткое, но, один раз попробовав его, никогда уже не забудешь. А Скарлатти... – Она рассмеялась. – Скарлатти ближе к дешевому просекко, бурлящему пузырьками, от которых щекочет в носу.

– А Брамс? – спросила Констанс, не желая показаться невежливой, хотя ее и задела уничижительная оценка ее любимого Скарлатти.

– О, Брамс! Он как... лучшее бароло.

Фрост поднялась и направилась к буфету за новой порцией абсента. Констанс воспользовалась тем, что хозяйка повернулась спиной, потянулась к книге, лежавшей на хозяйском столике, и быстро пролистала ее.

Когда Фрост разбавила пользующийся дурной славой напиток, поднесла бокал к губам, чтобы попробовать, а затем повернулась к Констанс, та уже сидела на своем месте.

– Уверена, что вы и сами замечали за собой эту странность: чем старше становишься, тем яснее чувствуешь, что застряла в бесконечном цикле с постусловием.

– Простите, что?

Эта фраза: «Уверена, что вы и сами замечали» – заставила Констанс насторожиться.

Фрост улыбнулась:

– Во мне заговорил старый программист.

Это уже была прямая отсылка к прошлому Фрост. Констанс осознала, что ходить и дальше вокруг да около становится бессмысленно. Она помолчала, набрала в грудь воздуха и сказала:

– Мне бы хотелось побольше услышать о старом программисте.

Фрост рассмеялась, низко, хрипло и насмешливо, но искренне.

– Вот мы наконец к этому и пришли.

– К чему?

– К реальной причине вашего визита.

– Вы сами меня пригласили.

Хозяйка нетерпеливо отмахнулась от ее слов:

– Какая насмешка! Я надеялась, что вы окажетесь другой.

– Другой?

– Что вас больше интересует поддержание разговора, а не мое прошлое.

– Ваше прошлое вызывает интерес лишь потому, что вы окружили его такой тайной.

Однако пожилая дама, похоже, не слышала ее. Она смотрела мимо Констанс в какую-то неопределенную точку.

– Я верила, что однажды это может случиться, – вздохнула Фрост.

Больше она ничего не сказала, и Констанс решила подтолкнуть ее к продолжению разговора:

– Что именно?

– Что появится кто-нибудь настолько проницательный, чтобы переиграть меня в моей же собственной игре. Лет десять-двадцать назад такая пикировка показалась бы мне занятной... и даже вдохновляющей. Но я устала... устала и состарилась.

Ее взгляд вернулся к Констанс. Наклонившись вперед, она подняла бокал, осушила его и поставила обратно на чайный столик.

– Раз так, давайте покончим с этой игрой.

Странная нотка в ее голосе обеспокоила Констанс. Пожилая дама преподнесла сюрприз, оказавшись куда более бойкой и здравомыслящей, чем она ожидала.

– Вот как мы поступим, – продолжила Фрост. – Вы проницательное существо. Сделайте какое-нибудь предположение обо мне, которое, как вам кажется, может быть правдой. Если я признаю, что так и есть, вы сможете предположить что-то еще. Но если ваша догадка окажется ошибочной, наши роли поменяются и я получу право высказаться о вас на тех же условиях. Согласны?

Констанс не спешила с ответом. У нее возникло смутное ощущение, будто ее переиграли в шахматной партии. Но через мгновение она все же кивнула.

Пожилая дама откинулась назад.

– Приступайте.

– Хорошо, – ответила Констанс и задумалась. – Вам очень нравился Патрик Эллерби.

Фрост недовольно поцокала языком, словно сказанное не было достойным первого хода.

– Правда.

– Но он был своенравен. Разочаровал и даже предал вас.

По лицу хозяйки пробежала тень, но она все же кивнула:

– Правда.

Констанс взяла паузу. Она не хотела испытывать терпение Фрост банальными наблюдениями, но гадать вслепую было еще опаснее.

– По крайней мере однажды вы полностью изменили свою жизнь.

Настала очередь Фрост взять паузу.

– Правда.

– В каком-то смысле ваша натура не признает законов. Обычные правила на вас не распространяются.

Фрост помедлила и слегка покраснела.

– Правда.

– У вас глубокие научные познания, особенно в математике, физике и программировании.

– Правда.

Констанс продолжила прощупывать ее, опираясь на собственное прошлое.

– У вас было сложное детство.

– Ложь! – торжествующе рассмеялась Фрост. – Мое детство было тихим и непримечательным, большое вам спасибо.

– А где вы выросли?

– Нет уж, теперь моя очередь! – Мисс Фрост уселась поудобнее на кушетке.

И опять что-то в ее тоне встревожило Констанс.

– Даю вам фору. Я сделаю только одно предположение о вас. Если я ошибусь, вы победили. Но если окажусь права... тогда уж вам придется давать объяснения. Готовы?

Констанс кивнула, напряженно ожидая вопроса.

– Вы старше, чем кажется, – сказала мисс Фрост. – И разница не в неделях, месяцах или годах... а гораздо, гораздо больше.

Констанс промолчала.

– Не желаете отвечать? – язвительно поинтересовалась пожилая дама. – Или, может быть, удивляетесь, как я догадалась? Но я просто поняла, догадки тут ни при чем. Поначалу я решила, что это причуды моего воображения. Прежде всего, как могли ваши познания оказаться столь же глубокими, как мои, если не глубже, хотя я собирала их восемь десятков лет? И тогда я начала вставлять в наш разговор мелкие ловушки. «Силки для куликов»^[57], как выразился Шекспир.

– Какие ловушки? – спросила Констанс, делая все возможное, чтобы голос оставался ровным.

– Вы не только назвали, в каком году запретили абсент, но и поняли, что означает «зеленая фея», хотя это выражение не используют уже сотню лет. В вашей речи много архаичных слов. Даже фразы вы строите так, как это делали в девятнадцатом веке, и вам знакомо слово «сникерсни». Вы опознали, кто изготовил мою мебель и написал мои картины, хотя и не назвали имена вслух, но я видела выражение вашего лица. Вы как орешки щелкали цитаты на латыни и древнегреческом. – Пожилая дама чуть наклонилась вперед. – Никто не смог бы впитать в себя все эти знания за двадцать с небольшим лет. Но на самом деле, дорогая моя, вас выдали глаза.

– А что с ними не так?

– Это не глаза молодой женщины. Они могли быть только у старухи – могли быть у меня, разве что в них отражаются еще более глубокие переживания. Это глаза... сфинкса.

Констанс не нашлась с ответом.

– Итак, – продолжила мисс Фрост, – я заинтригована. Очарована. Восхищена. Меня интересует механизм. Я хочу понять, как вы это сделали.

Внезапно Констанс вскочила на ноги.

– Вы сдаетесь, мисс Грин? – спросила Фрост. – Мы еще так много можем узнать... друг о друге.

Констанс замерла, а затем медленно села обратно.

– Вы задолжали мне один ответ, моя дорогая, – напомнила Фрост.

– Ответ будет... – Констанс на мгновение умолкла. – Правда.

Пожилая дама округлила глаза:

– Неужели? – (Больше Констанс не решилась ничего добавить.) – Продолжайте. Как я уже сказала, меня интересует механизм. – (Единственным ответом ей было молчание.) – Это было бы только справедливо...

– Моя жизнь длится неестественно долго в результате научного эксперимента... проведенного больше ста лет назад.

Это было сказано абсолютно бесстрастным тоном. Глаза Фрост сделались еще больше. Она напоминала медиума, неожиданно узнавшего, что его фальшивый хрустальный шар и в самом деле обладает магическими свойствами.

– Боже милостивый! – воскликнула она, а затем, снова собравшись с мыслями, спросила: – И вы благодарны тому, кто сделал вам этот подарок?

– Врач, продливший мне жизнь, погубил мою сестру, совершенствуя эксперимент. Со мной он добился... больших успехов.

Сказав это, Констанс снова встала, еще более резко, чем прежде, повернулась и вышла из покоев мисс Фрост.

– В итоге мы имеем дешевый балаган, – объявила Делаплейн своей группе, собравшейся в конференц-зале департамента полиции Саванны.

Шелдрейк сидел рядом с ней, а Колдмун и Пендергаст скромно устроились сзади.

– Вы все видели или слышали, что произошло на кладбище, – добавила она. – И наверняка смотрели сегодня утром национальные новости с теми снимками призраков, что крутят сейчас по всем каналам. Нам необходимо показать какой-то результат, ребята.

«Есть в этих фото что-то дьявольски настораживающее, – думал Колдмун. – Интересно, как этому немцу, Мюллеру, удалось мошенничество такого высокого уровня? Есть допустить, что они фальшивые». Он застал начало устроенного Мюллером цирка с конями, а потом Пендергаст утащил его прочь. А теперь Колдмун жалел, что они не задержались.

Делаплейн вкратце изложила ход расследования, делая пометки на лекционной доске. Затем Шелдрейк пару минут рассказывал про необычные и противоречивые подробности, бегло упомянув и способ перемещения тела жертвы с места нападения на место обнаружения.

Уже под самый конец у дверей началась какая-то суеда. Колдмун оглянулся. В зал вошла группа мужчин в темных костюмах во главе со своим боссом в темных очках. «То ли политик, то ли мафиози», – подумал Колдмун, наблюдая за тем, как неизвестный шагал по залу, словно по собственному дому. Следом из дверей появилась съемочная группа, но не те придурки, что снимали документальный фильм. Видимо, их притащили с собой люди босса.

Делаплейн взглянула на вошедшего и произнесла не слишком приветливым тоном:

– Добро пожаловать, сенатор!

– Надеюсь, не помешал? – сказал он и обернулся к сотрудникам полиции с сияющей улыбкой.

Таких белых и ровных зубов Колдмуну видеть еще не приходилось. Сенатор щеголял искусственным загаром,

пересаженными волосами и, как предположил Колдмун, подтяжкой лица. Сложен он был как футбольный линейный защитник, и дорогой костюм грозил вот-вот разойтись по швам. Вылитый красавчик-киногерой, лет под пятьдесят. Его внешность портила только паутинка сосудов на носу.

– Я пришел сюда на правах старшего сенатора, чтобы предложить помощь в раскрытии этого гнусного дела. Я всеми силами, на все сто процентов поддерживаю местные силы правопорядка, – заявил он, с улыбкой оглянувшись на камеру, а затем снова обратился к Делаплейн: – Как продвигается расследование, капитан?

– Мы как раз закончили совещание по новым данным в этом деле, – ответила она.

– А в нем есть новые данные?

– Мы работаем в нескольких направлениях, – спокойно объяснила Делаплейн.

– Рад это слышать, потому что меня оно, естественно, беспокоит, – сказал сенатор и добавил после паузы: – Как вам известно, завтра вечером я провожу митинг в Форсайт-парке.

– Мы прекрасно это знаем, сенатор, потому что обеспечиваем его безопасность.

– Вот-вот, это самое главное: безопасность. Я знаю, что вы днем и ночью работаете над этим делом, но теперь история стала известна всей стране, не в самом выгодном свете выставляя наш город и наш штат. Нам необходимо увидеть реальный прогресс в решении вопроса, причем до начала митинга. Я понятно выразился, леди и джентльмены?

Колдмун отметил, что рядовые сотрудники саваннской полиции не в восторге от вторжения сенатора на совещание. Зал наполнила холодная тишина.

– Я просто хотел сказать, что вы можете рассчитывать на мою поддержку, – продолжил сенатор, повысив голос. – Я заверю Вашингтон, что мы бросим все наши силы на раскрытие этих отвратительных убийств. Так что, капитан, если вам что-то понадобится, просто позвоните и дайте мне знать. Мы вам поможем, обещаю.

– Спасибо, сенатор.

– Вам спасибо. Леди и джентльмены из сил правопорядка, да благословит вас всех Бог!

Он коротко взмахнул рукой, и оператор перестал снимать. Улыбка сенатора мгновенно исчезла. Он повернулся и со всей своей свитой направился к двери. Но внезапно изменил маршрут, шагнув туда, где сидели Пендергаст и Колдмун.

– Джентльмены, могу я переговорить с вами на свежем воздухе?

Пендергаст без лишних слов поднялся, Колдмун последовал за ним. Они вышли из полицейского участка на припекаемую солнцем парковку. Черный внедорожник сенатора в нарушение всех правил стоял перед самым зданием вместе с другими служебными машинами.

Сенатор обернулся к Пендергасту:

– Значит, вы и есть те двое агентов, которых Пикетт назначил на это дело.

Он оглядел сначала одного, потом другого.

– Вы, должно быть, агент Пендергаст. – (Пендергаст наклонил голову.) – Мне сказали, что вы лучший. Что вы всегда раскрываете преступления. Что во всем Бюро нет более ловкого агента, который справился бы с таким сложным делом.

Пендергаст молчал с непроницаемым выражением лица.

– Откровенно говоря, все, что я до сих пор увидел, не более чем пшик. Ни арестов, ни версий, вообще ничего. Ах да, за исключением облавы в церкви, где престарелые свингеры купались в утиной крови. И что же я вижу сегодня в утренних новостях? Фотографии призраков, превратившие Саванну в посмешище для всей страны. «Саваннский вампир»... Господи ты боже мой! Могу я спросить, агент Пендергаст, чем вы с вашим напарником занимались последние десять дней или около того?

– Вы можете спросить, – ответил Пендергаст.

Дрейтон ждал продолжения, но Пендергаст, вероятно, не собирался ничего добавлять.

Сенатор шагнул ближе:

– Позвольте мне кое-что вам объяснить, Пендергаст. Вы слышали, что я говорил. Завтра состоится решающий для моего переизбрания митинг. Нельзя допустить, чтобы ему что-то помешало или сказалось на посещаемости. Я не могу отчитать вас и вашего напарника за то, что дело не продвинулось ни на шаг. По правде говоря, у вас слишком

низкий уровень, до которого мне не опуститься. Но ваш босс Пикетт, заверивший меня, что вы справитесь с этим делом, певший вам дифирамбы и покрывавший вас... Его ведь выдвигали на должность старшего помощника директора. Заметьте, я использовал прошедшее время.

У Колдмуна вскипела кровь. Пикетт не очень-то ему нравился, но Колдмун был предан Бюро и почувствовал себя глубоко оскорбленным угрозами этого продажного политика. А Пендергаст все молчал.

– Вы поняли меня, Пендергаст?

– Разумеется.

Это было уже слишком.

– Очень огорчительно слышать, сенатор, что ваша перевыборная кампания проходит не так гладко, – сказал Колдмун.

Маленькие, прищуренные, полные ярости глазки Дрейтона обратились на него.

– Ах ты, наглец! Может быть, я все-таки смогу что-нибудь сделать, чтобы раздавить такую букашку, как ты?

– Попробуйте, – ответил Колдмун.

Дрейтон ухмыльнулся, оскалив ровный ряд белоснежных зубов.

– Вы оба еще узнаете, что значит грубить действующему сенатору Соединенных Штатов, это я вам точно говорю.

– Если вы еще будете действующим после этих выборов, – напомнил Колдмун.

– О, поверьте мне, вас зальют дерьмом гораздо раньше, агент... – Он сделал паузу, поднес к глазам бейдж, висевший на шнурке на шее Колдмуна, и снова выпустил его. – Агент Колдмун.

Потом щелкнул пальцами у себя над головой и отвернулся. По этому сигналу все его миньоны бросились к внедорожнику. Кто-то открыл дверцу, помогая ему забраться внутрь, остальные набились в другие машины.

Колдмун попытался успокоиться, сделав несколько размеренных вдохов, затем оглянулся на Пендергаста, но выражение лица напарника оставалось таким же отстраненным и невозмутимым, как всегда.

– Тоже мне, граф Дундук, – проворчал Колдмун, наблюдая за тем, как кортеж, включив мигалки, выезжает с парковки.

– Вам стоило бы познакомиться с моим другом лейтенантом д’Агостой из нью-йоркской полиции, – мягко заметил Пендергаст. – У него тоже замечательная коллекция экспрессивных выражений.

– И я еще сдерживался, – сказал Колдмун, глядя вслед уезжающим машинам. – Знаете, этому парню пошло бы только на пользу, если бы его ударило молнией.

– Всеу свое время, агент Колдмун.

Колдмун резко, как на шарнирах, повернулся к Пендергасту:

– Что это значит?

– Такой высокомерный и самовлюбленный человек непременно сам организует собственное крушение.

– А если не организует? – спросил Колдмун.

– Тогда я устрою так, чтобы он попался en dasha belle^[58].

– Простите, что?

– Это довольно вульгарное выражение. Позвольте мне пояснить его так: вас, вероятно, назвали Армстронгом, потому что один из ваших предков якобы убил генерала Кастера^[59], правильно?

– Без всяких там «якобы».

– Как вам будет угодно. Суть в следующем: если сквайр Дрейтон сам не обесчестит свое имя, я лично прослежу за тем, чтобы он повстречал свою собственную Литл-Бигхорн.

Он не стал развивать эту мысль.

Уэллстоун сидел за столиком у окна в баре недавно открывшегося отеля «Телфэйр-сквер» и потягивал содовую с лаймом. Было около десяти, период затишья между давкой желающих выпить в обеденный перерыв и грядущим ночным столпотворением. Сам Уэллстоун, конечно же, остановился не здесь, а снял номер в «Марриотт риверфронт», но этот бар был самым удобным местом наблюдения за его целью, по ту сторону Стейт-стрит.

Довольно экстравагантный отель «Йе Слип» исповедовал некий обветшалый богемный шик. Очевидно, это здание пережило не одно поколение гостиничного бизнеса: из-под свежей краски на фасаде проглядывало пентименто^[60] увенчанного красной короной логотипа «Бест Вестерн», а козырек удивительно напоминал «большую вывеску» винтажного «Холидей инн».

К столику подошел официант:

– Что-нибудь еще, сэр? Может быть, немного повесить октановое число?

– Я храню верность содовой, спасибо.

На какое-то время Уэллстоун зарекся пить спиртное, в особенности красное вино.

Он смотрел через улицу, ожидая, когда официант принесет ему новый напиток. Когда Уэллстоун узнал, что Барклай Бэттс с подручными поселился в «Йе Слип», то первым делом почувствовал презрение. Неужели этому нищоброду не по карману устроить своих людей на набережной? Но сейчас, сидя напротив отеля, Уэллстоун уловил некий смысл в безумии Бэттса. Как объяснил официант, номера там старые и очень большие, вполне подходящие для жаждущих выпивки и удовольствий молодых туристов с ограниченными средствами. Это означало, что Бэттс мог позволить себе снять много номеров и разместить в них свою команду, а управляющий при этом не станет возмущаться их ослиным ревом и воплями.

У отеля было и еще одно преимущество... во всяком случае, для Уэллстоуна. На внутренней парковке как раз меняли покрытие, ее перегородили и оставили без освещения. Она тянулась влево до конца

квартала и была, разумеется, пустынна. В этом крыле отеля Бэттс и забронировал номера, все на первом этаже.

И пятым со стороны улицы было окно Герхарда Мюллера.

Чтобы выяснить это, Уэллстоуну не понадобились долгие поиски и наблюдения. Положение оказалось лучшим, чем он рассчитывал. Казавшиеся поначалу непродуманными планы превратились в нечто вполне выполнимое. Очень даже выполнимое.

Он не добился ничего и даже отступил на шаг в разоблачении Баркляя Бэттса после недавнего изгнания Дейзи Файетт со съемок. Звериная хитрость, которую он угадывал под внешним лоском «южной красавицы», в конце концов подвела его. И теперь благодаря мошенничеству на кладбище работа Бэттса освещается еще активнее. В обычном состоянии Уэллстоун просто вернулся бы в Бостон и не стал бы тратить время на этого шарлатана. Но он все еще ощущал теплоту *crème anglaise*, стекающего по шее под смех Бэттса. И надо же, какая ирония! Именно унижение Дейзи, переданное во всех достойных сожаления подробностях, и подсказало ему, как можно изменить ситуацию в свою пользу.

Перечисляя с прерывистым дыханием все несправедливости, причиненные ей Бэттсом и компанией, Дейзи описала, как Мюллер сделал фотографии с помощью специальной камеры и через блютус переслал их толпе репортеров и зевак. Покинув Дейзи с расплывчатыми обещаниями возмездия, Уэллстоун тут же отправился в туристическое гетто на Бэй-стрит, где остановилось большинство репортеров, и сумел заполучить в свои руки копии снимков Мюллера. Все три запечатлели вполне обычные объекты: криминалиста, надгробие с мраморным ангелом и еще одну разбитую могильную плиту. Но каждая картина совмещалась со зловещими видениями, нечеткими, но все равно пугающими: тянущаяся к кому-то костлявая рука, огромное жуткое лицо и покрытый клочковатыми волосами череп, вылезавший из-под земли вслед за кистью с кривыми когтями.

Именно эти слова – «совмещалась» и «нечеткие» – убедили Уэллстоуна в том, что он раскусил замысел Мюллера. Очевидно, это были настоящие фотографии, сделанные в реальном времени. В конце концов, «доктор» не мог заранее знать с полной определенностью, что будет фотографировать на кладбище. Это означает, что внутри его

камеры есть какое-то устройство для, по сути, цифрового наложения кадров.

Именно так и должно быть. Камера, о которой Мюллер столь заботился, содержит устройство для манипуляций с теми фотографиями, которые она делает, и наложения на них призрачных изображений. «Это возможно только в том случае, – рассуждал Уэллстоун, – если в камере уже хранится целый набор таких изображений, подготовленных Мюллером. И все, что ему нужно, это сделать настоящее фото, а потом наложить на него подходящее изображение из базы зловещих картинок, ждущих своего часа». Уэллстоун предположил, что Мюллер с помощью видеоискателя совмещает два кадра самым правдоподобным образом. А затем, нажав на кнопку, делает фотографию, а какой-то алгоритм внутри камеры смешивает эти два уровня в окончательный снимок... чтобы переслать его доверчивым простакам.

Но как именно это работает? Может быть, внутри камеры установлен флеш-накопитель, куда предварительно загружены фальшивые фотографии призраков, готовые к наложению? Почти наверняка так и есть. Если Уэллстоуну удастся стащить эту флешку с банком поддельных изображений, он сможет выставить Мюллера мошенником... а заодно и Бэттса как соучастника аферы.

Значит, нужно заполучить камеру. И способ, которым Уэллстоун собирался это сделать, можно было расценить как взлом и проникновение. Но он отшел в сторону дурные мысли. Получится настоящее журналистское расследование – на уровне «Документов Пентагона» и Глубокой Глотки^[61].

Входная дверь «Йе Слип» открылась, и на улицу вышел тот громила-кроманьонец, который оттащил Уэллстоуна от Бэттса в ресторане. Следом появился молодой человек неряшливого вида, известный Уэллстоуну как ассистент по исследованиям в группе Бэттса. Дальше друг за другом шагали привлекательная женщина-оператор, старый пердун Бэттс собственной персоной, а за ним – Deo gratias^[62] – и сам Мюллер. Уэллстоун отметил, что шарлатан не прихватил с собой свой кофр.

Значит, он оставил камеру в номере. На это Уэллстоун и рассчитывал.

К свите присоединились еще люди. Все они потоптались немного возле входа, а потом направились по Стейт-стрит в сторону Барнард-стрит.

Уэллстоун встал, оставив нетронутым бокал с содовой, бросил на стол двадцатку и быстро двинулся через вестибюль к выходу на улицу. Как всегда, жара и влажность набросились неожиданно, окутав его, словно мокрое одеяло Компании Гудзонова залива^[63]. Фонарей было немного, особенно на противоположной стороне улицы, где на парковке заново укладывали мостовую. Уэллстоун на миг разглядел съемочную группу, сворачивающую на Барнард-стрит, а затем она скрылась из виду.

Он перешел через улицу быстро, но осторожно, чтобы не вызвать лишнего любопытства и подозрений. Все было продумано до мелочей, но это еще не означало, что можно попусту терять время.

Пройдя вдоль фасада «Йе Слип», он поднырнул под шлагбаум у дальнего края и свернул на парковку. Темнело все быстрее. Уэллстоун остановился, убедился, что вокруг никого нет и камеры безопасности не направлены в эту сторону. За исключением кое-какой дорожно-строительной техники, он был один, практически незаметный в темноте.

Быстро шагая вдоль стены, он отсчитывал окна, пока не добрался до номера Мюллера. Попытался заглянуть внутрь, но шторы были плотно задернуты. Уэллстоун достал из кармана латексные перчатки и приложил пальцы к оконной раме, ощупывая нижний край.

Снаружи она не открывалась, чему удивляться не стоило. Но, благодарение Богу, это был не частенько встречающийся в современных отелях герметичный иллюминатор, за которым чувствуешь себя рыбой в аквариуме. Уэллстоун извлек из кармана стамеску с узким полотном и молоток с резиновым бойком. Вставив стамеску в щель между рамой и подоконником, он тихонько постучал молотком – раз, другой, третий, пока кончик стамески не застрял в узком зазоре. Затем взялся за полотно стамески и надавил вверх – сначала осторожно, а дальше все сильнее. Он не хотел разбивать стекло, если удастся обойтись без этого. Иначе пришлось бы перейти к плану Б, инсценируя неудачное ограбление. Но везение не покинуло Уэллстоуна. Окно оказалось не заперто, оно поползло вверх легко и бесшумно.

Он поднял створку на два фута, а потом обернулся и еще раз провел рекогносцировку. Вокруг была полная темнота, и в любом случае ближайший человек сидел в машине возле фонарного столба за два квартала отсюда. Держась рукой за подоконник, Уэллстоун быстро перекинул одну ногу, потом другую и скользнул за шторы, которые тут же расправились за ним. Закрывать окно не было смысла, он не собирался надолго здесь задерживаться.

Включив на фонарике ближний свет, он осмотрел комнату. И ощутил волну адреналина, увидев на полу возле кровати кофр Мюллера, который ни с чем невозможно было перепутать. Сомнения отпали: номером Уэллстоун не ошибся. Снимки Дейзи показывали, что кофр застегивался на молнию и закрывался на защелку. Уэллстоун быстро подошел к двери и проверил запоры. Кроме обычной для отелей ручки, дверь также закрывалась и на цепочку, и на засов. Цепочку он трогать не стал – это выдало бы его с головой, но, слегка задвинув засов за край дверного косяка, он сможет выгадать дополнительное время, не вызывая никаких подозрений. Вероятно, ничего такого не понадобится, но Уэллстоун был не из тех, кто полагается на авось.

Он вернулся к кофру возле кровати. Не выключая фонарик, положил его на стол и с разных сторон сделал несколько снимков кофра Мюллера на свой телефон. Потом поднял футляр и бережно положил в изножье кровати. Кофр оказался на удивление тяжелым. Уэллстоун расстегнул молнию, дернул защелку, и она открылась! Он снял короткое видео с содержимым кофра, вытаскивая предметы один за другим и поворачивая то одной, то другой стороной перед камерой телефона. Большую часть этого барахла он, благодаря Дейзи, уже видел, но при близком рассмотрении предметы казались еще более фальшивыми. Особенно серебряная лоза, судя по весу, сделанная из алюминия, а также закопченное стекло, имитирующее обсидиан.

А вот и камера. Она плотно сидела в пенопластовом гнезде в дальнем углу кофра. По-прежнему не снимая перчаток, Уэллстоун поднял ее и очень аккуратно опустил на кровать. Именно она и делала кофр таким тяжелым, именно за ней Уэллстоун и пришел сюда – за инструментом возмездия.

Он передвинул фонарик и осторожно провел рукой по граням прибора, напоминающего старую бокс-камеру «Хассельблад 500С»,

только больше размером и с деревянной инкрустацией. Регулировка фокуса и экспозиции выглядела стандартной, но были и другие кнопки без каких-либо обозначений. К старинной крышке была прикреплена маленькая металлическая коробочка – скорее всего, модуль блютуз, о котором рассказывала Дейзи.

Но не время таращить глаза, нужно выяснить, как Мюллер провернул свою аферу. Уэллстоун скользнул пальцами по бокам камеры, пытаясь понять, как она открывается, но при этом не оставить следов взлома. Проклятье, это все равно что открывать китайскую шкатулку!.. И тут вдруг раздался щелчок, и крышка подпрыгнула. Должно быть, он случайно нажал на скрытый фиксатор. Удача все еще была при нем.

Уэллстоун снова поправил фонарик и осторожно приподнял крышку. Внутри камера оказалась еще сложнее, чем он ожидал: пара печатных плат, что-то похожее на чипы оперативной памяти и микропроцессор в дополнение к обычным внутренностям камеры формата шесть на шесть. Но как ни старался Уэллстоун, он никак не мог отыскать жесткий диск или флеш-накопитель, хотя и понимал, что они должны быть где-то внутри. В кармане его пиджака лежало устройство для клонирования дисков, способное создать побитовое изображение за десять минут, а также двухтерабайтовая флешка. Но что от них толку, если ты не можешь отыскать этот чертов диск?

Бормоча проклятия, он взял фонарик и склонился над прибором, чтобы взглянуть поближе. Ни жесткого диска, ни внешних накопителей для хранения данных...

И в этот момент Уэллстоун заметил под ленточным кабелем ряд одинаковых черных чипов размером с ноготь и толщиной с причастную облатку. На каждом был крохотный ярлычок с надписью на немецком языке. Какого черта все это означает?

Он присмотрелся к ярлычкам: «GEISTER», «HEXEN», «DÄMONEN», «SKELETTE».

И тут Уэллстоуна озарило. Эти маленькие одинаковые чипы были автономными картами памяти вроде тех, что можно найти в домашних камерах наблюдения. Каждая из них содержала фальшивые цифровые изображения. Познаний Уэллстоуна в немецком хватило, чтобы перевести выведенные от руки надписи на ярлычках. «Geister» – духи. «Hexen» – ведьмы. «Dämonen» – демоны. «Skelette» – скелеты. Этот

сукин сын делал снимок, а потом с помощью своей камеры подбирал нужное фальшивое изображение из миниатюрной галереи и накладывал его на полученную фотографию. Все догадки Уэллстоуна подтверждались.

Значит, никакого жесткого диска в камере нет, но это даже к лучшему. Можно просто взять пару чипов – он бы выбрал те, что у дальнего края, и тогда Мюллер, вероятно, даже не сразу это заметит. И тратить время на копирование тоже не придется. Уэллстоун отодвинул ленточный кабель и запустил пальцы внутрь устройства, собираясь вытащить два последних чипа в ряду.

Но все оказалось не так просто, как он ожидал. Чипы удерживала на месте стальная планка, которая проходила поверх всего ряда и зацеплялась за внутреннюю стенку корпуса. Приподнять планку не составило бы труда, но она словно бы приросла к чипам, и Уэллстоун никак не мог разобраться, в чем там...

Внезапно из коридора за дверью послышался шум.

Уэллстоун узнал ворчливый голос Бэттса, и у него похолодело сердце.

– Это не может подождать?

– Я не хочу оставлять ее без присмотра, – прозвучал голос Мюллера.

Удивленный и встревоженный, Уэллстоун замер, склонившись над кроватью. Что теперь делать?

– Давайте скорее! – недовольно крикнул Бэттс, ничуть не беспокоясь о том, что разбудит все крыло отеля.

– Eine Minute! – раздраженно ответил Мюллер и добавил уже тише: – Die dumme Ames geben mir keine Ruhe^[64].

Голос прозвучал прямо из-за двери. Уэллстоун дернул упрямую планку сначала осторожно, а потом со всей силы. Она не поддавалась.

Послышался щелчок открывающегося замка, потом скрежет наполовину задвинутого засова, не дающего двери открыться. Выбора у Уэллстоуна не было. Он не мог забрать камеру целиком и не решался разбить ее. Достав телефон, он сделал серию торопливых снимков содержимого камеры.

Дверь снова заскрежетала.

– Dieser verfluchte Schlüsseloch!^[65] – донеслось снаружи.

С быстротой молнии Уэллстоун положил камеру обратно в пенопластовое гнездо; закрыл, защелкнул и застегнул кофр; поставил на пол; разгладил покрывало на кровати; положил телефон в карман; проверил, на месте ли все его снаряжение: фонарик, молоток, стамеска, клонирующее устройство и накопитель; затем попятился к окну, пока не коснулся спиной шторы; и все это время не сводил глаз с двери.

– Герхард! – нетерпеливо крикнул Бэттс, пародируя немецкий акцент Мюллера. – Шевели своей schweinehund^[66] задницей!

– Halt deine Fresse!^[67] – огрызнулся в ответ Мюллер, со всей мочи толкнув дверь.

На этот раз засов соскользнул, и дверь распахнулась. Но к этому времени окно за шторами бесшумно закрылось. А когда Мюллер включил свет, Уэллстоун уже затрусил по темной парковке от Стейт-стрит к Броутон-стрит. Только теперь он не молчал, как тогда, когда приближался к номеру Мюллера, а бормотал себе под нос:

– Черт! Черт! Черт! Черт!..

Пендергаст сидел на обрамленном ажурными чугунными перилами балконе «Чандлер-хауса», что тянулся вдоль всего второго этажа. Внизу сновали по тротуару группы туристов. От невидимого с балкона оживленного потока машин поднимался шум, временами сопровождаемый гудками клаксонов и скрипом тормозов. Круглый столик, за которым сидел Пендергаст, как и перила, тоже был сделан из чугуна. На нем, рядом со свежим номером «Медицинского журнала Новой Англии», стояла бутылка кальвадоса и три бокала. Два из них были пусты. Неподвижный, как у статуи, взгляд агента был устремлен куда-то вдаль. Больше никого на балконе не было. Пендергаст снял номер из нескольких комнат, и если бы даже кто-нибудь появился на своей части балкона, то никак не смог бы потревожить его недопустимо близким присутствием.

Дверь со скрипом отворилась, и на балконе появилась Констанс.

– Bonsoir^[68], – сказал Пендергаст.

– Подкинуть свои три су к твоим размышлениям? – спросила она, садясь рядом с ним.

– Я разглядывал chiaroscuro^[69], что огни отеля создают на нашем балконе.

– Эффект напоминает мне кружевные салфетки, которые мы вырезали в детстве.

Пендергаст встал, налил ей порцию кальвадоса и взял свой бокал.

– Не сомневаюсь, что ты горишь желанием услышать, чем закончилась моя вторая беседа с grande dame^[70] с верхнего этажа, – произнесла Констанс, беря свой.

– Больше всего на свете.

– Я провела с ней не один час, но не могу поручиться за ценность полученных сведений... разве что для заполнения пробелов в нарисованном тобой триптихе.

– Ты льстишь мне, дорогая. Моя мысленная схема Саванны и ее преступлений – в лучшем случае диптих.

Констанс отпила немного кальвадоса.

– Как я уже говорила, Фрост – весьма необычная женщина, но она явно не кровососущий паразит, как убеждены некоторые из служащих отеля. Она напустила на себя зловещий вид, чтобы ее оставили в покое. Должно быть, в молодые годы Фрост казалась постояльцам и прислуге стихийным бедствием. Но и теперь она не настолько одряхлела, как хочет показать, и ум ее остается тонким. Она не утратила ни крупницы воспоминаний, ее познания глубоки. – Констанс на мгновение замолчала. – Во время второй нашей встречи она каким-то образом интуитивно поняла, что я старше, чем можно предположить по моей внешности.

Брови Пендергаста взлетели вверх.

– Как она к этому пришла?

Констанс никак не решалась ответить.

– Алоизий, она сказала мне, что... – Констанс запнулась и резко покачала головой, чуть растрепав коротко стриженные волосы. – Это несущественно, честное слово. Поговорим об этом позже, в свободное время.

– Ты рассказала ей свою историю?

– Необходимый минимум, чтобы вызвать ее на откровенность. Но она все равно отказалась посвятить меня в подробности своей жизни до Саванны. Могу только утверждать, что Фрост весьма сведуща в литературе, философии, истории и науке. Она очень огорчена смертью Эллерби. Сердита на него за непослушание... Но при этом, вероятно, ощущает свою ответственность.

– За что именно? – пробормотал Пендергаст.

– Пока неясно. Я могу только предполагать.

По улице внизу прогрехотал большой фургон, и чугунные перила балкона слегка задрожали.

– Сделай одолжение, предположи!

– Хорошо, только, пожалуйста, не порицай мою логику и не требуй подтверждений.

– Я никогда не позволил бы себе такой назойливости.

Констанс сдержала улыбку, вглядываясь в темноту Чатем-сквер.

– По сути, у меня три соображения. Первое: хотя Фрост прибыла в Саванну с большими деньгами, происходит она не из богатой семьи. Я убеждена, что ее детство было счастливым, но бедным. Второе: как бы ни скорбела она об ушедшем Эллерби – мы не касались вопроса,

насколько близкими были их отношения, – но я уловила еще более глубокую эмоциональную связь с кем-то другим, из далекого прошлого. Много лет назад Фрост потеряла или бросила кого-то и теперь, в старости, горько сожалеет об этом. И третье: я чувствую, что она несет бремя вины, которое проявляется в печали... и страхе.

– Вины за смерть Эллерби?

– Нет, за то, что она сделала задолго до этого. Эта боль остается ее спутницей все эти годы... и становится все острее.

Пендергаст задумчиво отпил из бокала.

– Очень интересно, Констанс.

Она опять засомневалась, рассказывать ли дальше.

– И еще одно. – (Он опустил бокал.) – У Фрост есть одна книга, очень потрепанная, которую она держит при себе почти постоянно. Разумеется, меня это заинтересовало. Я воспользовалась случаем и изучила ее.

Пендергаст подался вперед:

– И?..

– Это была «Антология Спун-Ривер»^[71].

– Эдгара Ли Мастерса?

Пендергаст откинулся назад, заметно разочарованный.

– Понимаю, это отнюдь не «Кантос» Эзры Паунда. Но поэзию можно любить больше за вызываемые ею чувства, чем за ее качество.

Пендергаст махнул рукой, признавая ее правоту.

– Как бы то ни было, – продолжала Констанс, – на первой странице я обнаружила посвящение, которое, как мне кажется, должно тебя заинтересовать. Оно взято не из самой книги. Вот что там написано:

А. Р. от З. К.

Для меня ты всегда будешь «тем великим социальным кочевником, рыщущим на задворках послушного, напуганного порядка».

Берри-Пэтч. 22.04.72.

Пендергаст попросил Констанс повторить посвящение.

– И кто автор этого высказывания? – спросил он. – Мне оно незнакомо.

– Я погуглила и нашла его у французского философа Мишеля Фуко. Но оно немного изменено. В оригинале звучало так: «Лиризм маргинальности может черпать вдохновение в образе „человека вне закона“, великого социального кочевника, рыщущего на задворках послушного, напуганного порядка»^[72].

Пендергаст подтянул к себе бутылку кальвадоса и начал медленно поворачивать ее, круг за кругом, погруженный в раздумья.

– Как ты полагаешь, что это означает? – наконец спросил он.

– Я полагаю, что А. Р. – преступник. И успешный.

Он поставил бутылку на стол.

– И кто же это?

Констанс тихо, мягко рассмеялась:

– Готова держать пари, что А. Р. – это она. По крайней мере, для З.

К.

Пендергаст оставил бутылку в покое:

– Соглашусь. Как и с тем, что она была преступницей.

– И достойной восхищения преступницей... по крайней мере, для

З. К.

– Верно. А теперь позволь рассказать тебе кое-что интересное. Недавно ты говорила, что не смогла отыскать следов ее существования до тысяча девятьсот семьдесят второго года. Это меня заинтриговало. Я прогулялся по лучшим базам данных ФБР и выяснил, что Фелисити Уинтроп Фрост умерла в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году. – Констанс приподняла брови. – Она умерла в двенадцатилетнем возрасте и была похоронена на кладбище в Пуйаллапе, пригороде Сиэтла.

– Как странно, – сказала Констанс. – И что это означает?

– Очень просто. Наша хозяйка присвоила чужую личность. В те времена, когда Администрация социального обеспечения еще не компьютеризировала свои записи, снабдив каждую смерть перекрестными ссылками, это было совсем не сложно. Находишь покойника приблизительно твоего возраста, берешь номер его карты социального обеспечения и получаешь по ней водительские права на его или ее имя. После этого ты можешь заявить, что потерял свидетельство о рождении, и тебе выдадут дубликат. А дубликат

поможет получить паспорт, счет в банке и любые другие официальные документы, какие только понадобятся.

– Так вот почему я не нашла ничего о ней до тысяча девятьсот семьдесят второго года!

– Именно так. В этом году она присвоила чужое имя и тогда же получила книгу. Вероятно, это был прощальный подарок, когда она решила покончить с прежней жизнью и стать другим человеком.

Он помолчал и добавил:

– Отличная работа, Констанс. Поздравляю тебя.

– Ты сам внес основной вклад.

– Ты нарядила елку, а я только прикрепил звезду.

– Но я все еще не уверена, сможет ли эта информация помочь нашему расследованию.

– Информация подобна электричеству, она обеспечивает свет, позволяющий нам увидеть дорогу вперед.

– Кто это сказал? – спросила Констанс.

– Я.

Констанс допила кальвадос, поставила бокал на стол, отодвинула стул и поднялась.

– Тогда, если не возражаешь, я полежу час-другой в своей ванне с когтистыми ножками.

Пендергаст встал, не говоря ни слова, привлек ее к себе и поцеловал на ночь. Когда их губы разъединились, она на мгновение замерла в нерешительности, а затем снова прильнула к нему, обвив его шею руками. Их губы снова встретились, в этот раз на более продолжительное время. Наконец Пендергаст очень мягко высвободился из ее объятий. Констанс разомкнула руки и отступила назад.

– Значит, все так, как я и думала, – сказала она необычно тихим и сухим голосом.

– Дорогая моя Констанс... – начал Пендергаст, но она прижала палец к его губам.

– Прошу тебя, Алоизий, не говори больше ничего.

Она слабо улыбнулась, тем же самым пальцем откинула со лба непослушную прядь волос цвета красного дерева и вышла через французские двери.

Пендергаст сел на место, и взгляд его снова устремился вдаль. Просидел неподвижно пять минут, потом десять. В конце концов он с озабоченным вздохом достал из кармана сотовый телефон, активировал браузер и занялся поиском.

Сорок пять минут спустя на балконе появился агент Колдмун, войдя в ту же дверь, через которую вышла Констанс. Он осмотрел вечернюю панораму и сказал:

– Красиво. Очень красиво. Интересно, как так получилось, что у вас есть балкон, а у меня нет?

– У вас тоже был, – ответил Пендергаст. – Но боюсь, что пристрастие к пережаренному кофе лишило вас этой привилегии. Садитесь, пожалуйста.

Колдмун сел на неудобный чугунный стул. По крайней мере, вид был приятный, и в кои-то веки дул ночной ветерок, сухой и освежающий. Колдмун заметил бутылку кальвадоса и пустой бокал.

– Вы не против? – спросил он, наливая себе изрядную порцию.

– Вовсе нет, если вы примете во внимание, что в этом бокале чистый кальвадос за сорок долларов, а не мятный шнапс.

Колдмун рассмеялся.

– Как дела? – спросил он и глотнул от души.

– Хочу поставить вас в известность, что в скором времени мы уезжаем.

Колдмун никогда не пробовал кальвадос, и ему понравилось, как смягчает слабый яблочный привкус остроту бренди.

– О! Вы раскрыли дело, сидя здесь?

– Наше расследование принимает новое направление. Мы летим в Портленд.

Колдмун едва не закашлялся, подавившись кальвадосом.

– В Портленд? То есть в Орегон?

– Правильно. Нам нужно выехать из отеля через час, если мы собираемся успеть на последний ночной самолет из Атланты.

– Но... это же Западное побережье!

– Ваши познания в географии меня поражают.

Прежде чем Колдмун успел ответить, Пендергаст продолжил:

– Я представляю, что вы можете мне возразить. Позвольте заверить вас, что я не предложил бы вам это путешествие, если бы не считал его абсолютно необходимым. Мы уедем всего на один день.

– А как же расследование здесь? – спросил Колдмун. – Мы и так в критическом положении. А тут еще этот сукин сын Дрейтон! Он уже поднял вой из-за того, что мы до сих пор не арестовали подозреваемого.

– Пусть говорит что хочет.

– А как насчет вампира? – не без ехидства поинтересовался Колдмун. – За каким чертом нам сдалась эта поездка? В чем ее цель?

– Убежден, что мы достигли той точки в расследовании, когда должны вернуться назад во времени, чтобы можно было дальше двигаться вперед.

– Вы опять говорите загадками, – сказал Колдмун, допив кальвадос. – Мы ведь равноправные партнеры, вы не забыли?

Пендергаст наклонился к нему:

– Вот почему мы должны отправиться в это путешествие, партнер.

Он продолжал говорить. Тихим голосом, короткими предложениями. Слушая его, Колдмун сначала выругался на языке лакота, затем по-английски... и наконец затих, пока Пендергаст снова не откинулся на спинку стула.

– Хорошо, *kemosabe*^[73], – произнес Колдмун после долгого молчания. – Это какая-то безумная чушь, но я пробыл с вами достаточно долго, чтобы не отмахиваться от этой идеи. Я поеду с вами борт-стрелком. Но при двух условиях. Первое: если после этой небольшой вылазки мы получим отдачу, вы примете удар на себя.

– Согласен.

– И второе. Орегон не так уж далеко от Колорадо. Я не могу пообещать, что, оказавшись на Западе, удержусь от желания отправиться в Денвер, где меня ждет настоящая работа.

– Я буду учитывать такую возможность.

– Раз так, я лучше пойду собирать вещи, – сказал Колдмун, вставая.

– Армстронг?

При звуках своего имени Колдмун невольно обернулся:

– Да?

– *Pilámaya*^[74].

– Не за что.

И Колдмун исчез за дверью.

Следующие двенадцать часов пролетели для Колдмуна в сплошном тумане. Сначала лихорадочные сборы, затем «Убер» до аэропорта Саванна/Хилтон-Хед, дальше был тряский, но милосердно короткий рейс на винтовом самолете в Атланту и торопливый переход через весь огромный аэропорт к самолету в Портленд. Жетон Пендергаста расчищал им дорогу, и они успели за несколько минут до взлета. Снова оказавшись в воздухе, Колдмун, вопреки собственным благим намерениям, заказал две водки с тоником. Он проснулся с головной болью уже в Орегоне и проследовал за Пендергастом в агентство проката автомобилей. Сам занял пассажирское место, а Пендергаст сел за руль джипа «вранглер». Колдмун отметил этот редкий случай, когда Пендергаст исполнял обязанности водителя. Он понял, что старший агент все спланировал заранее, без труда решив проблемы с транспортом и устранив все препятствия.

В четыре часа утра, когда автомобиль мчался на север от Портленда под морозящим дождем, Колдмун снова заснул.

Он проснулся под свинцовым небом, с затекшими до ломоты мышцами. Посмотрел на часы, вычел разницу во времени и понял, что сейчас шесть часов утра. Пендергаст вел машину по извилистой дороге, прижимающейся к горам. Колдмун выпрямился и протер как мог затуманенное стекло. За окном виднелась дикая местность: гора за горой с укутанными низкими облаками вершинами. Лес казался бесконечным, лохматые ситхинские ели, западные белые сосны, горные тсуги и с десятков других видов деревьев. По крайней мере, Колдмун теперь был на западе. Он приоткрыл окно и вдохнул свежий горный воздух. На востоке Колдмун страдал всей душой.

Пендергаст, не отрывая взгляда от дороги, протянул ему большую термокружку с черным кофе. Сообразив, что Пендергаст останавливался для заправки, пока сам он спал, Колдмун взял кружку и пробормотал слова благодарности. На вкус кофе оказался почти таким, как он ожидал, но, во всяком случае, был теплым.

В полном молчании они петляли по лабиринту холмов и невысоких гор еще минут двадцать. Узкая дорога была вся в выбоинах.

Навстречу попались лишь две-три машины. Изредка их автомобиль проезжал мимо домов и притулившихся возле съездов на грунтовую дорогу трейлеров, один раз промелькнуло озеро с молочной фермой на опушке леса, все остальное время вокруг был только туман, смутные очертания гор и однообразно-темная зелень леса.

Пендергаст свернул на ведущее к северу шоссе с указателем «Региональная дорога 21». Кофе согрел Колдмуна изнутри, но тут к нему подкрался внезапный приступ клаустрофобии. Он вырос в Дакоте, где такие деревья встречаются настолько редко, что каждое имеет собственное имя. Правда, с тех пор Колдмун повидал мир. Только за два последних расследования вместе с Пендергастом он побывал в снегах Мэна, на пляжах Майами и в болотистых низинах Эверглейдса. Но эта местность была совсем другой. Здесь... здесь было столько проклятых деревьев, которые росли очень густо и нависали над дорогой так, что казалось, будто едешь по тоннелю. Куда их вообще черти занесли? Колдмун достал мобильный телефон и попытался включить GPS, но сигнала не было. Он импульсивно потянулся к бардачку и достал карту штатов Вашингтон и Орегон. Повертел ее и так и эдак. Отыскал гору Сент-Хеленс – господи, оставалось только надеяться, что они направлялись не туда, но вермишелины дорог расползались по сложенной карте в таком беспорядке, что Колдмун никак не мог отыскать среди них трассу 21. Наконец он сдался.

Пендергаст свернул с дороги на небольшую стоянку с деревянной табличкой «Тропа на Козьи скалы», а потом оглянулся на Колдмуна.

– Где мы сейчас? – спросил Колдмун.

– Штат Вашингтон. Приблизительно в двадцати милях от вулкана Маунт-Адамс.

Колдмун обдумал эту информацию и сказал:

– Отлично. Просто великолепно. А... это где?

– Уже близко к дому того человека, о котором я вам рассказывал, того самого, с кем мы хотим встретиться. Доктора Зефраима Куинси.

– Тому, кто живет в такой глуши, ни к чему называться доктором. Лучше за доктором послать.

Вместо ответа агент ФБР тронулся дальше на север по трассе 21. Примерно через две мили они проехали крохотный выцветший указатель «ОЗЕРО ВАЛУПТ», и Пендергаст снова сбросил скорость.

Прищурившись, Колдмун разглядел сквозь туман озеро, окруженное вездесущим лесом. Вода была почти черной. На дальнем берегу, за рощицей, расположилась ферма с сараем, хлевом и таким маленьким участком ровной земли, что на нем трудно было хоть что-нибудь вырастить. Дальше снова высились горы.

Пендергаст помолчал, а затем взял с заднего сиденья мягкую сумку. К удивлению Колдмуна, он достал оттуда зеркальную камеру. Колдмун, немного разбирающийся в фотоаппаратах, опознал в ней новейшую модель – «Лейка СЗ». Снова потянувшись к сумке, Пендергаст извлек и объектив: асферический «Лейка-Суммикрон-С», разумеется. Одна эта стекляшка потянула бы на восемь-девять штук, если бы вам посчастливилось отыскать такую.

– А вы не могли взять с собой камеру подороже? – поинтересовался Колдмун. – Чем плох ваш сотовый телефон, например?

– В данном случае главное – это качество. А сейчас прошу вас немного помолчать: я хочу добиться нужной степени боке^[75].

– Вы хотите получить премию в области фотографии?

– Если только попутно. Моя главная цель – вызвать максимально возможную ностальгию.

Пендергаст установил объектив, навел камеру на ферму за озером, сосредоточился и снял несколько выверенных планов с различным фокусным расстоянием. Потом положил камеру обратно в сумку, пересек мост через дальний конец озера, заглушил двигатель и пустил машину вниз по склону от дороги к ферме. Они остановились рядом с хлевом. Пендергаст бесшумно вышел и осторожно закрыл дверцу. Колдмун понял намек и поступил так же.

За хлевом стоял двухэтажный дом. Когда-то это было симпатичное здание в колониальном стиле «пять на четыре с крыльцом», выглядевшее неуместным среди сараев и других пристроек. Но время обошлось с ним немилосердно: пристройки пришли в запустение, а сам дом не красили по меньшей мере десятков лет. Ставни на втором этаже были открыты.

Тишина раннего утра окутала дом, от озера за пристройками поднимался туман.

Пендергаст подал знак, и они подкрались к хлеву. В темноте Колдмун разглядел какие-то механизмы, по большей части

незнакомые. Еще здесь был сеновал и что-то вроде стойла с доильным аппаратом, давно заброшенного.

– Так что мы здесь ищем?

– Как же это называется? Ловим рыбу в мутной воде. Это наш единственный шанс закончить расследование.

Однако ничего интересного там, похоже, не было. Они вышли через открытую дверь в дальнем конце сарая, и Пендергаст остановился на мгновение, изучая обстановку, а потом направился к дому. Колдмун шел рядом с ним. Они вместе поднялись по ступенькам, и Колдмун инстинктивно прижался спиной к стене, когда Пендергаст позвонил в колокольчик.

Ответа не было, и Пендергаст позвонил снова, громко постучал и дернул колокольчик в третий раз. Наконец Колдмун различил внутри какое-то шевеление. Минуту спустя дверь приоткрылась, и на пороге появился старик в кальсонах, с седыми волосами и бородой. Не будь он таким худым, вполне мог бы сойти за Санта-Клауса. В руке он держал «Ремингтон-870», направленный дулом в пол.

– Что за шум? – спросил он. – Вы заболели?

– Нет, благодарю вас, со мной все хорошо, – ответил Пендергаст.

– Тогда за каким чертом вы тревожите меня в семь утра?

Глаза старика раздраженно искрились, а ствол ружья приподнялся на двадцать градусов.

Пендергаст предъявил удостоверение и жетон еще до того, как ствол замер.

– Мы только хотели задать вам пару вопросов, доктор Куинси.

Старик обдумал его слова, затем пожал плечами и посторонился. Пендергаст вошел, а вслед за ним и Колдмун. Хозяин повел их по короткому коридору в комнату, прежде, вероятно, служившую смотровым кабинетом, со старыми журналами и висевшими на стенах медицинскими схемами средневекового вида. В отличие от всего остального дома эта комната содержалась в порядке и чистоте. Здесь стояли письменный и смотровой стол, а также два стула для посетителей. Куинси устроился за столом и предложил агентам сесть.

– Я бы угостил вас кофе, но сейчас чертовски рано, – сказал хозяин, отодвигая к краю стола стопку медицинских журналов.

Экономность его движений дала Колдмуну понять, что в пору своего расцвета это был сильный, крепкий мужчина.

– Мы благодарны, что вы позволили нам войти, – начал Пендергаст.

– Вы говорили, что ко мне пара вопросов, – ответил доктор Куинси. – Ловлю на слове.

Пендергаст взмахнул рукой, показывая, что этого будет достаточно.

– Когда я позвонил в дверь, вы предложили мне медицинскую помощь. Значит, вы еще практикуете?

Хозяин рассмеялся:

– Ну и что, по-вашему, я должен ответить представителям закона?

– А если бы я не был представителем закона, а пришел к вам с крючком для рыбной ловли, застрявшим в большом пальце? Что бы вы тогда сделали?

Хозяин обдумал и этот вопрос.

– Ну что ж, учитывая то, что здесь ходят только местные, я бы вытащил крючок, зашил палец, если потребуется, смазал бетадином и, поскольку срок моей хирургической лицензии истек пятнадцать лет назад, попросил впредь быть осторожнее на рыбалке.

Он снова рассмеялся, и Пендергаст чуть улыбнулся в ответ.

– Это был очень взвешенный ответ, и будем считать, доктор, что я не слышал ни единого слова. К тому же меня больше интересуют ваши воспоминания, чем настоящее.

– В самом деле? – сказал старик. – И почему же двух агентов ФБР так интересуют мои воспоминания?

– Потому что у нас много ниточек, и мы надеемся с вашей помощью сплести их вместе. Итак, я кое-что выяснил о вашем прошлом и прошу вас подать мне знак, если я в чем-нибудь ошибусь. Пятьдесят лет назад или около того вы поступили в Медицинскую школу Вашингтонского университета – на тот момент она была единственной в штате.

Доктор молча кивнул.

– Ваша семья держала здесь ферму: малина, молочные продукты, яблоки, индейки. Ваша мать умерла, когда вы учились в колледже. Вы были единственным ребенком в семье, поэтому за фермой присматривал отец, а вы поступили в Медицинскую школу. Пока все правильно?

– Если вы пишете мою биографию, добавьте героическое военное прошлое и высадку на Луну, – сказал старик.

Однако Колдмун заметил, что доктор насторожился, когда Пендергаст начал задавать вопросы.

– На самом деле слова о героическом прошлом не так уж и далеки от истины, – продолжал Пендергаст. – Ведь когда ваш отец получил тяжелую травму и больше не мог работать, вы вернулись домой. Ферма оказалась заложена, и у вас не было никакой возможности оплачивать дальнейшее обучение.

Доктор Куинси ничего не ответил.

– Вы сделали все, что было в ваших силах. Но травма отца означала, что вы должны бросить медицину и заняться фермой. – Пендергаст остановился. – Все по-прежнему верно?

– Вы больше рассказываете сами, чем спрашиваете, – заметил доктор. – И уже задали больше пары вопросов. Переходите к делу.

– Что меня удивляет, доктор, так это то, как вы выкрутились из такого отчаянного положения: бросили Медицинскую школу, управлялись с фермой в одиночку, пытаясь удержать ее на плаву, но в итоге все-таки закончили обучение и ординатуру по ортопедической хирургии, наняли работника, чтобы помогать с фермой, превратили ее в процветающее еще почти сорок лет предприятие и даже расплатились с долгами, занимаясь одновременно успешной хирургической практикой в Такоме.

– Вы же биограф, – сказал доктор. – Думаю, вам просто нужно взять да и выяснить все это.

– Биограф не может работать без источников. Я могу сделать кое-какие уточнения, если это поможет. Нас интересует не ваша удача как таковая. Нам важнее узнать о той, с кем вы познакомились много лет назад. С той, кто, как и вы, ценил поэзию. С женщиной, имеющей, или правильнее будет сказать имевшей, инициалы А. Р.

Старик дернулся, словно от удара электротоком. Колдмуну оставалось только восхититься тем, как быстро он взял себя в руки.

– Мы приехали не затем, чтобы арестовать вас... или эту женщину. Я предлагаю простой обмен информацией. Полагаю, вы догадываетесь, что я хочу знать. И я знаю, как вы жаждете услышать, быть может вопреки собственной воле, ту информацию об А. Р., которую я собираюсь вам предложить.

Старик ничего не ответил, но Колдмун прямо-таки видел, как вращаются шестеренки в его голове.

– Информацию, – повторил наконец доктор.

– Совершенно верно.

Доктор снова помолчал, а потом спросил:

– Что именно вам хотелось бы знать об этой женщине?

– Чем больше света вы сможете пролить, тем лучше.

– Я не стану этого делать, – тихо и хрипло проговорил Куинси. – Я дал обещание и не хочу его нарушать... сколько бы лет ни прошло с тех пор.

На этот раз промолчал Пендергаст.

В конце концов доктор нетерпеливо заерзал на стуле.

– Так женщина, о которой вы говорите... она еще жива?

Пендергаст утвердительно наклонил голову.

По лицу доктора пробежала череда противоречивых чувств, прежде чем он справился с собой:

– И где она теперь может быть?

Пендергаст усмехнулся:

– Так как насчет обмена информацией?

– Я дал обещание, – после долгого молчания ответил доктор.

Пендергаст поднялся.

– Раз так, боюсь, нам не о чем больше разговаривать. Идемте, агент Колдмун.

– Подождите!

Пендергаст остановился, обернулся.

– Доктор, – сказал он мягким, дружеским тоном, – я искренне ценю вашу верность данному обещанию. Но речь идет о событиях почти полувековой давности. По правде говоря, вы и эта дама приближаетесь к закату жизни. Если у вас и есть какая-то надежда узнать, где она теперь и что с ней, то только сейчас.

– Начинайте первым, – сказал доктор.

Пендергаст пристально посмотрел на него:

– Она владеет отелем в Саванне, штат Джорджия. Но у нее нет большего богатства, чем подаренная вами книга.

Доктор залился краской и провел дрожащей рукой по седым волосам.

– «Для меня, – процитировал Пендергаст, – ты всегда будешь „тем великим социальным кочевником, рыщущим на задворках послушного, напуганного порядка“».

Эффект от этих слов оказался еще более глубоким. Доктор отчаянно пытался сохранить самообладание.

– Она сама показала вам это?

– Не преднамеренно, – ответил Пендергаст и очень мягко добавил: – Итак, доктор, теперь ваша очередь.

Куинси достал хлопчатобумажный платок, обтер им лицо и снова положил в карман.

– Я нашел ее на берегу озера. Она упала и... очень сильно разбилась.

– Вы спасли ей жизнь?

Старик кивнул.

– Я забрал ее к себе и ухаживал за ней до полного выздоровления.

– А какая травма у нее была?

– Сложный смещенный перелом правой бедренной кости.

– Дама до сих пор прихрамывает.

– Я сделал все, что мог, учитывая... э-э-э... обстоятельства.

– Вы любили ее?

Этот вопрос прозвучал как гром среди ясного неба не только для доктора, но и для Колдмуна, но привел к нужному результату: после длительной осады защита старика рухнула под неожиданным ударом. Он осел в кресле с почти неразличимым кивком.

– Мы любили друг друга. Очень сильно.

– Но она ушла. Почему?

Старик покачал головой.

– Позвольте, я помогу вам: у нее были серьезные неприятности, она совершила преступление. Чтобы защитить себя и вас, она присвоила чужое имя. А потом исчезла из вашей жизни.

Куинси кивнул.

– Что это было за преступление?

Наступило долгое молчание.

– Она что-то украла.

– Должно быть, что-то довольно ценное.

– Думаю, да. Но главным преступлением была не сама кража, а то, как она это украла.

– И что же это было?

– То ли компьютер, то ли какое-то другое устройство, спрятанное в кейсе. Она говорила, что это принесет ей целое состояние.

– Как это действовало?

– Она не объяснила, если не считать туманных намеков. Что-то связанное со временем.

– Со временем?

– Однажды она сделала странное замечание о течении времени. Это все, что я знаю.

– Но как она совершила кражу?

– Простите, но я не стану отвечать на этот вопрос. В нем сама суть моего обещания. Если я расскажу вам, ФБР вцепится в нас обоих мертвой хваткой. И наверняка отправит за решетку.

Пендергаст вздохнул.

– В таком случае у меня больше нет вопросов, – сказал он и подал знак Колдмуну, что пришло время откланяться.

– Подождите! – снова прокричал доктор как раз в тот момент, когда Пендергаст уже собирался встать. – Вы так и не назвали мне ее новое имя.

Пендергаст заинтересованно посмотрел на него:

– А вы не назвали старое.

Старик нахмурился и снова выпрямился в кресле. В слезящихся глазах сверкнуло упрямство.

– Теперь ваша очередь начинать первым, – сказал Пендергаст.

Побелевшие костяшки пальцев Куинси вцепились в подлокотники кресла. Колдмун видел его внутреннюю борьбу.

– Алисия Райм, – выдавил он наконец.

– Теперь ее имя – Фелисити Уинтроп Фрост. Отель, которым она владеет в Саванне, называется «Чандлер-хаус». Превосходное заведение. А сама она очень сильная женщина, хотя и немного хрупкая... и совсем одинокая.

Помедлив немного, Куинси кивнул:

– Не сомневаюсь.

Пендергаст поднялся и направился к двери в сопровождении Колдмуна, но внезапно остановился.

– Еще одно, – сказал он. – Могло ли случиться так, что она использовала свой загадочный прибор, чтобы оплатить ваши долги и

обучение в Медицинской школе?

– Понятия не имею, – ответил Куинси. – Я и так рассказал слишком много. Думаю, самое время попрощаться... прямо сейчас.

На том все и кончилось. Колдмун вышел из дома вслед за Пендергастом, спустился по ступенькам и вернулся к ожидавшей их машине. И все это время доктор Куинси стоял на пороге в нижнем белье, молча и неподвижно, с выражением безграничной печали на морщинистом лице.

Гэннон прекрасно понимала, что рано или поздно услышит недовольный голос из комнаты в дальнем конце коридора, где Бэттс просматривал отснятый за день материал. У нее уже было что сказать в ответ, но она понимала: лучше дать начальству сначала высказать его мудрые идеи, чем сразу лезть со своими.

– Гэннон! – услышала она. – Гэннон, ты на месте?

Она прошла по коридору в монтажную. Мюллер мрачным привидением сидел на стуле рядом с Бэттсом.

– Заходи, – махнул рукой Бэттс. – Взгляни-ка на это.

Гэннон встала позади них. Экран компьютера показывал последние вчерашние записи.

– Здорово! – сказал Бэттс. – Прекрасные ракурсы. Ты попала в яблочко.

Гэннон невольно покраснела. Обычно Бэттс был скуп на похвалы.

– Мюллер, вы тоже хорошо получились. Правда ведь? Надеюсь, вы довольны?

Мюллер утвердительно наклонил голову, сохраняя хмурое выражение лица. Он никогда не выглядел довольным, но Гэннон догадывалась, что это просто часть его образа.

– Но вот в чем проблема, – продолжил Бэттс. – У нас есть эти кадры с Мюллером, есть сцена с безумной толпой и прессой – всё в лучшем виде. Но знаешь, чего не хватает?

Она прекрасно это знала, но все равно сказала:

– Нет.

– У нас нет пробирающихся до дрожи кадров безлюдного кладбища. Нам не хватает атмосферы. Нам нужно показать, как Мюллер в одиночку обследует место обитания призраков. Это нельзя снять при свете дня и с толпой вокруг. Понимаешь, о чем я?

– Согласна.

– Хорошо. А теперь посмотри сюда.

Он нажал кнопку, и на экране появились отснятые на «Стэдикам» Павла кадры с полицейскими, осматривающими место преступления среди заброшенных могил.

Бэттс остановил видео.

– Вот. Видишь, позади них, за теми кустами? Я побывал там. Видно плохо, но дальше есть еще могилы. И мавзолей с приоткрытой дверью. Точно сказать трудно, но похоже, что она слетела с петель. Возможно, нам удастся забраться туда и заснять изнутри.

– Я вижу.

– Хорошо. Вот там мы и будем снимать. Принесем прожекторы с фильтрами, дымовую машину и сделаем все как надо. Посмотрим, не получится ли у нас засечь еще какую-нибудь нечистую силу, то есть настоящее зло вроде вампиров... Если ты понимаешь, к чему я клоню.

Мюллер помрачнел еще больше.

– Но на молодого человека напали не среди этих заросших кустами гробниц. И мощные сверхъестественные проявления я зафиксировал тоже не там.

– Это не важно. То есть важно, конечно, но... святые угодники, это же кладбище! Там полно всяких духов, верно? А нам нужен хороший фон заброшенного кладбища после заката. Гэннон включит генератор, напустит тумана. В слабом косом освещении все будет смотреться круто. Правда ведь, Гэннон?

– Точно.

– Ну, что скажете, Герхард?

– Я попробую. Когда вы собираетесь туда поехать?

– Когда? Как только сядет солнце, разумеется.

Автомобиль выехал с фермы в чернильный лабиринт гор. Колдмун обернулся к Пендергасту:

- Интересные дела.
- Больше всего в этой истории меня заинтриговала травма, – сказал Пендергаст.
- Сломанная нога? А почему?
- Подумайте сами. Как она оказалась неведомо где, в полном одиночестве и со сломанной ногой?
- Может быть, упала с горы.
- Может быть, а может, и нет.

Пендергаст притормозил у развилки – опять без каких-либо указателей – и после секундного раздумья выбрал левую дорогу.

- Что вы думаете о нашем приятеле?
- Потерянная душа. Восемьдесят с хвостиком, а он все еще сохнет по этой женщине, не может выбросить ее из головы. Должно быть, в те времена она была просто огонь.

Дальше они ехали в тишине, пока не повернули на шоссе 141 – еще одну захолустную дорогу, но, по крайней мере, более проходимую. Полчаса спустя она влилась в трассу I-84, ведущую к Портленду. При виде широкого открытого пространства впереди и гор, отступавших в зеркале заднего вида, Колдмун немного расслабился.

– Честно говоря, – сказал он, – я так и не уяснил, как вы нашли этого человека и какая тут связь с убийствами.

– Я старался избежать долгих объяснений тогда, в Саванне, чтобы вы проверили сделанные мной предположения и скороспелые выводы. Я выяснил, что Фрост приобрела новые документы в районе кладбища Пуйаллапа, штат Вашингтон. Если учесть, что та книга, которую видела Констанс, скорее всего, была прощальным подарком от возлюбленного, то можно с большой долей уверенности предположить, что она жила в этой местности... И тогда я вдруг понял, что Берри-Пэтч – это не какое-то тайное место свиданий, а город. Или, учитывая крайне малое число жителей, населенный пункт, как принято говорить в штате Вашингтон.

- Не заметил там никакого города.
- Кучка домов и почтовое отделение. Население – восемьдесят пять человек.
- Совсем как в «Крошке Абнере»^[76], – заметил Колдмун.
- По крайней мере, для меня это оказалось истинным благословением: в городе нашелся только один житель с инициалами З. К.
- Как по-вашему, старик соберется ее навестить?
- Представляю, какая титаническая борьба сейчас происходит в его душе как раз по этому поводу.
- Но я так и не услышал, какая здесь связь с убийствами. В Саванне вы меня по этому вопросу тоже недостаточно просветили.
- Давайте рассмотрим факты: у Фрост были самые близкие отношения с Эллерби; за два дня до его убийства между ними произошла ссора; она отказалась помогать полиции; по отелю распространяются слухи – совершенно нелепые – о том, что она вампир; посвящение в книге позволяет предположить, что некогда она совершила преступление; наконец, она присвоила чужое имя. И хотя все это ничего не доказывает, интуиция говорит мне, что она каким-то образом связана с убийствами.
- И вы хотя бы чуть-чуть приблизились к пониманию этой связи? Пендергаст не ответил.
- А теперь куда? Я вижу, что мы не возвращаемся в аэропорт.
- Еще одна остановка, мой друг, – сказал Пендергаст, включив сигнал поворота перед съездом с трассы. – Обещаю вам, что скоро мы сядем на рейс до Атланты, а к позднему ужину будем в нашем отеле. Съезд вел к городку Корбетт в окрестностях Портленда.
- Что мы будем здесь делать? – спросил Колдмун.
- Почтальон, который обслуживал Берри-Пэтч в начале семидесятых, умер двадцать лет назад. Жена помогала ему, пока он не вышел на пенсию. Потом она снова вышла замуж, овдовела во второй раз и теперь живет в пансионате для престарелых «Ривервью». – Пендергаст помолчал и продолжил: – Я убежден, что Берри-Пэтч, как и другие глухие городки, включая Спун-Ривер, изобилует или изобиловал прежде местными сплетнями.

Интернат для престарелых «Ривервью» стоял на холме, недалеко от поворота на Корбетт-Хилл-роуд. Снаружи здание напоминало начальную школу. Колдмун был крайне невысокого мнения о таких интернатах, но из него открывался красивый вид на реку Колумбия, а внутри все сияло чистотой. Каждый обитатель, судя по всему, имел отдельную комнату. Фейт Мэтэни^[77], дважды овдовевшей помощнице почтальона, было девяносто лет, и она страдала деменцией с тельцами Леви, которая обычно проявляется в более медленной, чем при болезни Альцгеймера, потере памяти. Пожилая женщина уверяла, что не помнит ничего интересного со времени повторного замужества. Однако Пендергаст был так мил и обходителен, что в итоге она рассказала столько историй из жизни в Берри-Пэтч, что Колдмуну с трудом удавалось не терять нить.

Фейт Мэтэни с теплотой вспоминала Куинси. Этот молодой красивый врач практиковал в Такоме, но почти всегда на выходные возвращался на ферму. Особенно его любили за то, что Куинси вместе с отцом, разводящим индеек, каждый год жертвовал птиц для большого обеда на День благодарения, когда все восемьдесят пять жителей Берри-Пэтч садились за праздничный стол в комнате для собраний пресвитерианской церкви. – Тут женщина нахмурилась. – Кроме одного года, когда он не пришел на обед. Очень странно. Люди говорили, что это все из-за отца, лежавшего в больнице.

– А какой это был год? – спросил Пендергаст.

– Тысяча девятьсот семьдесят первый, – вспомнила женщина.

Она была уверена, что не ошиблась, потому что именно в тот год во время грозы ветром повалило дерево на здание школы, а кобыла Дотсонов утонула в озере Валупт.

Пендергаст сдержал слово: не прошло и часа, как они заняли места первого класса в самолете, который должен был доставить их в Атланту к семи вечера. По дороге из Корбетта в «Портленд Интернешнл» Пендергаст молчал, что вполне устраивало Колдмуна, не расположенного к разговорам. Когда стюардессы закрыли двери самолета и приступили к обычному предвзлетному ритуалу, рука Пендергаста мягко легла на плечо Колдмуна.

– Армстронг, я собираюсь потратить время полета на медитацию и был бы признателен, если бы вы проследили за тем, чтобы меня не

беспокоили.

– Хорошо. Я и сам надеюсь немного вздремнуть.

Колдмун догадывался, что Пендергаст называет «медитацией». Он уже наблюдал однажды за этим странным ментальным упражнением в заметном снежном отеле в Мэне. Однако, отвернувшись, он почувствовал, что Пендергаст все еще смотрит на него.

– Хочу кое-чем с вами поделиться, – сказал Пендергаст. – Если вы поищите в Интернете сведения о некоем Д. Б. Купере, это может пролить дополнительный свет на цель нашего путешествия. Думаю, его история покажется вам интересной.

– Д. Б. Купер?

Трудно сказать почему, но Колдмуну было знакомо это имя.

– Да. На самом деле его звали Дэн Купер, но пресса ошибочно называла его в своих репортажах Д. Б. Купером, и прозвище с тех пор так и сохранилось за ним.

– С каких именно пор?

– Фактически с кануна Дня благодарения тысяча девятьсот семьдесят первого года.

Пендергаст откинулся на сиденье, сложил руки на груди, словно египетская мумия, и прикрыл глаза.

Автобус избирательного штаба проехал через полицейское ограждение на Дрейтон-стрит. Сенатор Буфорд Дрейтон почувствовал прилив гордости за славную историю своей семьи. Дрейтоны происходили от самих отцов-основателей, предок сенатора подписывал «Статьи конфедерации»^[78]. Важную роль сыграли Дрейтоны и в войне с северной агрессией^[79]. Не стоило удивляться, что одна из улиц Саванны названа в их честь. По этой причине сенатор и выбрал Форсайт-парк для стартового митинга своей избирательной кампании: хотел напомнить избирателям о том, как преданно служила стране его семья, о том, как сражались Дрейтоны за правое дело... О чем свидетельствовал величественный монумент в Форсайт-парке.

Зашипев тормозами, автобус остановился. Сенатор Дрейтон вышел из обшитого деревом личного отсека в задней части салона. Его начальник секретариата, заместитель по связям с общественностью и руководитель предвыборного штаба сидели вокруг стола в центральном отсеке и обсуждали стратегию избирательной кампании. Все дружно встали при появлении Дрейтона.

– Я хочу лично проверить, как идет подготовка, – сказал он.

– Да, сенатор, – ответил руководитель предвыборного штаба.

Он помог сенатору спуститься по ступенькам. Дрейтон остановился на окраине парка и огляделся. Люди уже начали собираться на Ист-Парк-авеню: огромная толпа сторонников, многие из которых носили сине-красные кепки со слоганом его избирательной кампании: «ОСТАВАЙСЯ С ДРЕЙТОНОМ», другие держали в руках транспаранты с тем же призывом, третьи облачились в красно-белосиние цвета^[80]. Отдаленный гул толпы радовал сердце Дрейтона.

Он посмотрел на часы. Половина шестого вечера. Митинг назначен на восемь, но Дрейтон, как обычно, начнет в девять: он отлично знал, что ожидание, когда его сторонники возбужденно переговариваются между собой, подогреет энергию зрителей, доведя ее до верхней точки. Во всяком случае, на политических митингах именно так и бывает. Прогноз погоды обещал местами грозы, но с

вероятностью всего в двадцать процентов. Пока что небо было ясным, и на первый взгляд все шло хорошо.

На дальнем краю большой лужайки у подножия монумента погибшим в Гражданской войне конфедератам возвели помост, задрапированный в цвета флага Джорджии. На обширном пространстве перед ним расположили тысячи стульев, оставив достаточно свободного места на лужайках позади и по обеим сторонам на случай, если соберется больше народа, чем планировалось.

Дрейтон направился к сцене и вдруг заметил, что стулья расставлены не так, как ему бы хотелось.

– Эй, вы!

Свернув с дороги, он подошел к коренастому мужчине, который, судя по всему, был бригадиром.

Мужчина обернулся с раздраженным выражением лица, тут же изменившимся, как только он увидел, кто его зовет.

– Послушайте, это вы здесь ответственный? – спросил Дрейтон.

– За расстановку стульев – да, сенатор.

– Тогда почему они стоят так криво?

– Виноват, сенатор.

– Выпрямите линию. Я хочу, чтобы они стояли четко и ровно, а не как попало, словно шеренга новобранцев в учебном лагере.

Он захохотал и оглянулся на своих помощников, которые тоже рассмеялись.

– Наведите порядок.

– Да, сенатор, сию минуту.

Бригадир кивнул и убежал, размахивая руками и покрикивая на рабочих, которые распаковывали и расставляли стулья. Дрейтон проследил за тем, как выравнивают ряды. Черт возьми, если бы они сразу установили все как надо, не пришлось бы ничего переделывать!

Он подошел к помосту и поднялся по ступенькам. Посреди сцены стояла так же задрапированная трибуна с двадцатью одним флагом на заднем плане. Наверху установили два огромных экрана, которые будут проецировать загорелое улыбающееся лицо Дрейтона для дальней части толпы. Сейчас они показывали фотографию Дрейтона, выступающего в сенате, и все тот же лозунг: «ДЖОРДЖИЯ, ОСТАВАЙСЯ С ДРЕЙТОНОМ!»

Инженерная служба наводила последние штрихи, растягивая во все стороны кабели звуковой системы – двух башенных динамиков «Голос театра», мощности которых хватило бы для рок-концерта. У дальнего края сцены сержант полиции разговаривал с группой из приблизительно тридцати патрульных – вероятно, проводил инструктаж.

Дрейтон повернулся к начальнику канцелярии:

– А где же капитан?

– Вы говорите о Делаплейн? – уточнил тот. – Я ее не видел.

Дрейтон спустился по ступенькам к сержанту, тут же оборвавшему разговор.

– Добро пожаловать, сенатор, – сказал сержант. – Похоже, сегодня будет грандиозный вечер.

– Да, может быть, – ответил Дрейтон. – Где ваш капитан?

– Ее здесь нет.

– Я вижу, что ее здесь нет, сержант... – сенатор присмотрелся к его жетону, – ...сержант Адайр. Но мне хотелось бы знать, почему ее здесь нет.

– Полагаю, что она занята тем делом, но мы держим все под контролем, могу вас уверить.

– А я все равно не уверен. Старший офицер должен находиться здесь и наблюдать за ситуацией. Сейчас это самая важная задача для сил правопорядка во всей Саванне. Так почему же ее здесь нет?

– Я выясню, сенатор, если пожелаете.

– Да, пожелаю, господи прости!

Сержант Адайр достал рацию и вызвал штаб-квартиру. Дрейтон расслышал, как диспетчер ответил, что Делаплейн недоступна.

– Мэм, – сказал сержант, – здесь сенатор Дрейтон, и он хочет... э-э-э... узнать, почему она не наблюдает за порядком на митинге лично.

Их болтовня вывела Дрейтона из себя.

– Лучше я сам все объясню, – сказал он Адайру. – Дайте мне вашу чертову рацию.

Покрасневший сержант предупредил диспетчера, и Дрейтон взял рацию.

– Это сенатор Дрейтон. Я хочу переговорить с капитаном, срочно.

После затянувшейся паузы его наконец соединили.

– Капитан, меня удивляет, почему вы не здесь и не следите за порядком на митинге. Неужели вы не понимаете, что всегда существует угроза акций протеста или даже насилия? Я вложил в этот митинг почти полмиллиона.

– Сенатор, позвольте вас заверить, что безопасность обеспечивают более сотни полицейских. Мы установили портативные сканеры на шести пропускных пунктах. У нас всё под контролем.

Дрейтон нетерпеливо выслушал холодный ответ капитана.

– Откуда вам знать, если вас здесь нет? Я хочу, чтобы вы были здесь, вам понятно?

– Хорошо, – сказала Делаплейн после недолгого молчания. – Я приеду через полчаса, чтобы проверить меры безопасности. Но уверяю вас еще раз: нет никаких причин для беспокойства.

– Капитан, я не могу представить, что может быть важнее обеспечения порядка на крупнейшем за год политическом митинге в Саванне.

– Я скоро буду, сенатор. А что касается вашего вопроса, то мы ведем сложное расследование убийства – то самое, которым вы лично так интересовались.

– А кто виноват, что оно до сих пор не раскрыто?

Капитан отключилась. Дрейтон передал рацию сержанту и обернулся к начальнику секретариата.

– Я думал, у вас все под контролем.

– Да, сэр. Все будет в порядке, сэр.

– Боже мой, что за сборище недоумков! Идем обратно к автобусу. Гример уже должна прийти, а мне еще нужно подготовиться.

Дрейтон забрался в автобус как раз в тот момент, когда пришли визажистка и две ее помощницы со всем своим оборудованием.

– Поднимайтесь, – сказал сенатор. – Вперед и с песней!

В автобусе установили переносной гримерный столик с креслом. Дрейтон осторожно сел в него, подпернув брюки, чтобы не смялись стрелки, и положил голову на подголовник.

– Обратите особое внимание на нос и глаза, – сказал он визажистке. – Сделайте так, чтобы не было видно сосудов. Камеры будут снимать с разных сторон при ярком свете прожекторов, так что проследите, чтобы грим продержался не меньше двух часов.

– Конечно, сенатор.

Он прикрыл глаза, пока визажистка работала над его лицом – замазывала сосудистую сетку и темные круги под глазами, разглаживала морщины и тонировала пигментные пятна.

Сенатор постарался расслабиться и больше думать о предстоящем выступлении, а не о хитрожом клоуне-конкуренте, который, как показывали опросы, вылез вперед. Этот митинг должен пресечь все его потуги на корню. В мыслях Дрейтон уже слышал одобрителный рев толпы, видел море сияющих лиц, реющие над ними транспаранты и себя самого, выходящего на сцену под звуки оркестра. Такие моменты всегда были для него самыми волнующими.

В семь тридцать вечера Пендергаст позвал Констанс, и она вошла к нему в спальню через дверь, соединявшую два их люкса. Комната была чистой и аскетичной, как всегда выглядели покои Пендергаста. Он наверняка попросил убрать те предметы мебели и украшения, которые посчитал слишком вызывающими.

– Констанс? – сказал Пендергаст. – Подойди сюда, пожалуйста.

Голос доносился из-за двери в дальней стене спальни. Констанс знала, что он сам выбрал себе этот номер, потому что в нем была дополнительная комната. Служащие отеля уверяли, будто бы в свое время там находилось снайперское гнездо, из которого стреляли в приближающихся янки. Констанс пересекла спальню и с любопытством заглянула в дальнюю комнату.

Пендергаст превратил ее в своего рода личный командный пункт. Выкрашенные очень темной охрой стены с единственным узким окном придавали правдоподобия истории о снайпере. Крохотная комнатка была завалена книгами: по местной истории, астрофизике, суевериям Восточной Европы и дюжине других вопросов, казалось бы ничем между собой не связанных. На стене висели карты Саванны, старинные и новые, с помеченными маркером объектами. Констанс понятия не имела, когда и где Пендергаст раздобыл все это.

Но больше всего ее потряс вид самого Пендергаста. Покрасневшие веки, еще более бледная, чем обычно, кожа. Он был напряжен и очень взволнован. Пендергаст сидел за столом, и винтажная лампа «Эмералит» отбрасывала на груды книг и карт абсентовое пятно света. Несмотря на беспорядок в комнате, на самом столе стояла только бутылка «Лагавулина» и наполненный до половины стакан, а рядом лежала упаковка таблеток. Это тоже встревожило Констанс, как и поведение Пендергаста.

– Садись, пожалуйста, – сказал он.

Она села напротив него.

Пендергаст наклонился к ней:

– Надеюсь, ты простишь меня, дорогая Констанс, если моя просьба покажется тебе бестактной. Нам нужно действовать быстро. Я

сложил вместе кусочки пазла, но некоторые из них сомнительны, а другие не совсем подходят. И здесь мне нужна твоя помощь. Если я все правильно понимаю, все ответы может дать только Фрост. И только ты способна добиться их от нее.

– Скорее всего, Фрост еще спит. Обычно она встает к десяти вечера.

– Возможно, тебе придется ее разбудить. Ты ведь теперь на дружеской ноге с этой пожилой дамой, стала ее наперсницей.

– Я бы не стала называть себя наперсницей.

– Но ты же чувствуешь определенную общность с ней, правильно?

– Да, можно сказать и так.

– И она тоже это чувствует?

Констанс кивнула, а затем на мгновение засомневалась. Пендергаст всем своим видом выражал решимость и нетерпение, и все же она должна была это сказать.

– Алоизий, общность... это еще не все.

– А что же еще?

– Она знает, что я... не такая, какой кажусь.

– Ты уже говорила об этом.

– Она сказала, что у меня такие же глаза, как у нее, только еще старше. Сидя там, разговаривая с ней... я видела себя на том диване в окружении пыльных книг, ведущую дневник, который никто никогда не прочитает. – Она вдруг подалась вперед и наклонилась через стол. – Алоизий, правда в том, что я уже была этой женщиной. Все те десятилетия, на которые доктор Ленг искусственно продлевал мою жизнь, удерживая в том особняке, я была Фелисити Фрост... запертой в молодом теле вместо дряхлого. А теперь Ленг мертв, и я старею с обычной скоростью...

Она замолчала и откинулась назад.

– Значит, я обречена прожить это дважды? Я уже состарилась. Неужели ты не видишь?

– Вижу, Констанс. Я мог бы сказать, что понимаю. Но никто, никто не может в полной мере прочувствовать благословение – проклятие – такой жизни. Все пережитые тобой ужасы, все проведенные в одиночестве годы... это бремя, о котором ты никогда не просила. И тяжесть которого, увы, никто, кроме тебя, не может понять.

Констанс сидела и молча смотрела на него.

– Однако ты столько рассказала, нашептала мне, что я знаю твою историю почти так же хорошо, как ты сама. Твоя жизнь иная, чем у Фелисити Фрост. У тебя есть я.

– У меня есть ты, – отдаленным эхом повторила она.

– Констанс, – снова заговорил Пендергаст, – я не знаю, как...

– Может быть, ты и не знаешь, – перебила она его. – Зато знаю я. Так что давай вернемся к причине, по которой ты меня позвал.

– Моя дорогая Констанс...

– Тебе опять нужна моя помощь. Так что это за вопросы, задать которые ей могу только я?

Пендергаст помедлил, затем посмотрел ей в глаза и не стал продолжать. Вместо этого он достал из жилетного кармана сложенный листок, похожий на бланк авиакомпании.

– Четыре вопроса.

Констанс начала разворачивать листок, но Пендергаст накрыл ее ладонь своей.

– Сначала Фрост может попытаться соврать, – в конце концов, большую часть жизни она провела во лжи. Но нужно заставить ее понять, что то, чем она занималась все эти годы, грозит уничтожить Саванну. Если будет необходимо, покажи ей вот это. – Он вытащил из кармана несколько фотографий фермы на краю озера с умело выбранной композицией.

– Какая идиллия! – сказала Констанс.

Она развернула листок, прочитала его раз, другой и с недоверием подняла голову.

– Эти вопросы... они безумны. Ты в самом деле...

– Я понимаю, как это выглядит, – оборвал ее Пендергаст. – Но если я не ошибся, Фрост они безумными не покажутся.

Взяв Констанс за другую руку, он говорил тихо и настойчиво несколько минут подряд. Замешательство Констанс все росло и росло, пока не обернулось полным ошеломлением. Очевидно, ее опекуна терзала всепоглощающая загадка. Рука, накрывшая ее ладонь, казалась просто ледяной.

– Будь с ней помягче, насколько возможно, – продолжал Пендергаст. – Но эти вопросы нужно задать властно... И ты не должна покидать ее комнату, пока не уверишься, что она сказала правду.

– Это не похоже на рецепт укрепления общности, – заметила Констанс.

– Эти ответы важнее любой общности! – взорвался раздражением и нетерпением Пендергаст, а затем отвернулся, впервые на памяти Констанс густо покраснев.

Констанс сама высвободила руку, которую он никак не желал отпускать, и тут же встала.

– Я сделаю все, что в моих силах.

– Я не могу просить о большем, – ответил Пендергаст после паузы. – Просто обещаю тебе, что...

Не дожидаясь конца фразы, Констанс повернулась и вышла из маленькой комнаты. Через мгновение ее каблучки простучали по мраморному полу прихожей, открылась и захлопнулась дверь, а затем осталась одна тишина.

Сгущались сумерки. Уэллстоун сидел в машине возле трехэтажного кирпичного склада, в котором Бэттс и его съемочная группа арендовали верхний этаж. Неожиданно он осознал, что приехал сюда, не имея никаких планов, никакой цели, только под влиянием тлеющей ненависти, смешанной с чувством разочарования и унижения. Этот сукин сын каждый раз переигрывал его, но не потому, что был таким уж умным, а за счет низкого коварства прирожденного бандита.

Склад был очаровательным старым зданием – насколько может быть очаровательным склад – в исторической части Саванны за полдюжины кварталов от «Йе Слип». Как это мило, что Бэттс мог позволить себе и спальные номера, и оборудованную студию. Уэллстоуна раздражала сама мысль о том, что Бэттс добился такого уровня финансирования, да и любого финансирования вообще. Печальное подтверждение того, как наивны люди, как их невежество, недостаток образования и доверчивость позволяют циничным мошенникам загрести деньги лопатой.

Мысли о Бэттсе вызвали в памяти ощущение растекающегося по шее суфле, а эти воспоминания привели к новой волне возмущения. Если бы только он добыл карты памяти с фальшивыми, заранее загруженными изображениями, то покончил бы с Бэттсом раз и навсегда. А заодно и выставил Мюллера шарлатаном, каковым тот на самом деле и был. Просто невероятно, как быстро обрели популярность эти три якобы демона с фотографий, которые Мюллер разослал по блютусу прессе. Если бы Уэллстоун мог доказать, что они фальшивые, если бы мог предъявить карты памяти с жуткими изображениями до того, как Мюллер совместил их с только что отснятыми снимками, это открыло бы ему дорогу на все утренние шоу Америки.

Не стоило удивляться тому, что Файетт опростоволосилась. Разумеется, так и должно было случиться. Однако и его собственный, так тщательно продуманный план заполучить камеру Мюллера тоже провалился. Уэллстоун не представлял, как и когда может

представиться еще одна такая возможность. У него не осталось никаких вариантов.

Горькие размышления Уэллстоуна прервала группа людей, вышедшая из здания. Бэттс и Мюллер были среди них. Они разместились в припаркованных у входа двух белых фургонах – на этот раз от «Убер». Возможно, они собрались куда-то на съемки. Самодовольные лица Бэттса и Мюллера лишь обострили в Уэллстоуне чувства стыда и озлобления. Эти карты памяти были его билетом в будущее, и они находились сейчас так близко – Мюллер нес свой кофр, – что Уэллстоун мог бы дотянуться до них. Неужели он угодил в типичную ловушку, когда журналист оказывается лично вовлеченным в историю, которую рассказывает?

Из склада вышла еще одна группа во главе с симпатичной женщиной-оператором. Они тащили камеры и оборудование. Тот мускулистый мерзавец, который толкнул Уэллстоуна в ресторане, погрузил все во второй фургон и захлопнул дверцу. Смеясь и болтая, они забрались в машину.

Любопытство Уэллстоуна возросло еще больше. Бэттс едет снимать. Но почему ночью? Зачем такая спешка? Ничего похожего на новое убийство в городе не произошло... По крайней мере, Уэллстоун о таком не слышал.

Почти не раздумывая, он завел двигатель. Фургоны под визг колес рванули с места. Через мгновение машина Уэллстоуна отъехала от тротуара и двинулась следом.

Уэллстоун ехал за фургонами по узким улицам Саванны, объезжая полицейские ограждения, вызванные каким-то политическим митингом, пока все три машины не добрались до свободной Скидэвей-роуд. Он догадывался, что съемочная группа направляется на кладбище, и через пару минут фургоны действительно свернули на Бонаventura-роуд и заехали на парковку кладбищенского центра обслуживания. Уэллстоун проехал мимо каменных ворот и остановился в соседнем переулке. Он взял свой «Кэнон» с двухсотмиллиметровым телескопическим объективом и пешком вернулся ко входу. Фургоны уже покинули парковку и теперь медленно продвигались по гравийным дорожкам вглубь кладбища. Они исчезли за дубами, но Уэллстоуна это не беспокоило: он не сомневался, что Бэттс направляется на то же самое место, что и раньше, – туда, где пропал мальчишка.

Был чудесный вечер, угасающий солнечный свет бросал длинные тени на немые надгробия. Но Уэллстоун пребывал не в том настроении, чтобы наслаждаться покоем. Это был его последний шанс. Он собирался охотиться за этими негодьями, пока не добудет данные, разоблачающие мошенников.

Кладбище было обширным, и он прошел почти полмили, прежде чем снова увидел фургоны. Они стояли там, где и ожидал Уэллстоун, – у дальнего конца аллеи в старой части кладбища. Он осторожно приблизился. Ни туристов, ни прочих посетителей он не заметил. Кладбище казалось пустынным. Обычно его закрывали с заходом солнца, но Бэттс, вероятно, добился разрешения на ночные съемки.

Подойдя еще ближе, Уэллстоун понял, что ни в фургонах, ни вокруг них никого нет. Ограждающие ленты уже сняли с места преступления, и в этом уголке кладбища снова царили безлюдье и запустение. Но где же Бэттс и его группа? Уэллстоун заметил ангела с поднятой рукой на надгробии, возле которого все и случилось, но и там тоже никого не было видно.

Он остановился и прислушался. И на этот раз различил в сгустившейся тишине доносящиеся из зарослей позади ангела слабые

голоса. Прячась среди надгробий и выглядывая из-за них, он подкрался ближе и понял, что съемочная группа углубилась в заброшенную часть кладбища. Наконец Уэллстоун добрался до места, откуда четко видел всю группу. Они деловито устанавливали прожекторы и генератор возле древнего, увитого лианами мавзолея с приоткрытой дверью. Генератор уже работал. А вот и шарлатан Мюллер: кофр открыт, черный бархат расстелен на земле, а на нем разложены фальшивые инструменты.

Уэллстоун с камерой в руках устроился за большим надгробием и с нетерпением ждал. Мошенники считали, что они одни на всем кладбище и поэтому могли почувствовать себя свободнее, не скрывая свои махинации. Фотоаппарат «Кэнон Р5» с телеобъективом 200 миллиметров f/2 был способен заснять практически все даже при слабом освещении. И всегда оставался шанс на то, что они изменят план и хотя бы на недолгое время оставят камеру Мюллера без охраны. Если так и выйдет, на этот раз Уэллстоун просто схватит проклятый прибор и убежит... а уже потом придумает какое-нибудь оправдание.

Золотые лучи солнца погасли в кронах деревьев, и на кладбище опустились сумерки. Съемки начались. Очевидно, снимали только общий план кладбища. Мюллер все еще возился со своим оборудованием. Бэттс вместе с громилой толкали дверь мавзолея, чтобы раскрыть пошире. Потом постучали молотком по петлям, попытались сдвинуть дверь ломом – какое гнусное нарушение покоя усопших! Произнесенные вполголоса проклятия эхом отражались от могильных камней. Дверь никак не поддавалась.

Не добившись успеха, они вдвоем направились дальше в заросли, а другие члены группы остались снимать общий план. Уэллстоун поднялся на ноги и с камерой в руке пошел за парочкой, держась на благоразумном расстоянии. Он сделал петлю вокруг и подобрался еще ближе, потому что прятаться в густом кустарнике было намного легче. Надгробия здесь выглядели еще более древними и неухоженными, многие были опрокинуты и расколоты. Сквозь листву Уэллстоун увидел несуразно огромный полуразрушенный мавзолей. Он был построен в готическом стиле, окружен кованой чугунной оградой с острыми пиками наверху, ворота были открыты. Бронзовая дверь, некогда закрывавшая вход в сооружение, лежала на земле, а на ее месте зиял темнотой прямоугольный проем. Мавзолей казался

запущенным даже по меркам этой обветшалой части кладбища. Гранитные стены потрескались, покрылись потеками и пятнами лишайника. Фасад зарос плющом. По обе стороны мавзолея, высоко от земли, были окна, которые вместо стекол были закрыты бронзовыми решетками. Когда-то площадку перед входом украшали мраморные вазы, но они разбились, и осколки их валялись на земле.

Бэттс и громила поднырнули под завесу лиан, зашли в мавзолей, и внутри замерцали их фонарики. Через несколько минут они вышли с довольным видом и двинулись туда, где работала съемочная группа.

Очевидно, работа над общим планом уже завершилась. Бэттс с энтузиазмом рассказал о найденном месте для съемок, а потом распорядился сворачиваться и переходить на новый объект.

С поразительной сноровкой группа разобрала оборудование и перенесла вглубь кладбища. Бэттс показывал дорогу. Дойдя до старого мавзолея, они включили генератор и принялись заново расставлять прожекторы на треногах, а сумерки к тому времени уже сменились пурпурной темнотой. Верзила установил за надгробиями по обе стороны от мавзолея какие-то агрегаты. Уэллстоун пытался угадать, для чего они предназначены, пока из них не повалил дым. Плывущие по воздуху полосы тумана выглядели на удивление реалистично, а при косом освещении расцветали так, будто источник света находился внутри их. Эффект был одновременно и театральным, и зловещим.

Уэллстоун снял несколько кадров и короткое видео, фиксируя превращение обычного, хотя и жутковатого пейзажа заброшенного кладбища в кадры из фильма ужасов. Хотя это и не было доказательством мошенничества, но определенно вызывало ощущение намеренной манипуляции.

Затем группа начала подготовку к съемкам Мюллера. Женщина-оператор разразилась потоком указаний по освещению и работе дымовых машин, а Бэттс с Мюллером разбирали сцену, которую собирались снимать. Режиссер показывал шарлатану, где встать, куда идти и что делать.

И вот съемочную площадку приготовили. Мюллер достал свою серебряную лозу и принялся, держа ее трясущимися руками, бродить туда-сюда перед работающей камерой, а вокруг клубился туман. Лоза словно взбесилась и настойчиво тянула Мюллера к открытой двери.

– Там прячется что-то злое! – расслышал Уэллстоун причитания Мюллера. – *Sehr teuflisch!*^[81] Зло, зло! В склепе!

Уэллстоун чуть ли не с дрожью ликования заснял всю эту сцену на видео, позаботившись о том, чтобы были видны и прожекторы, и дымовые машины, и направляющие жесты Бэттса, и распоряжения оператора. Хотя Мюллер и демонстрировал свою независимость, это, вне всякого сомнения, была постановка от начала и до конца. Мюллер установил свою камеру и сделал несколько снимков, наверняка таких же фальшивых, как и прежние. В этот момент Уэллстоун понял, что ему не нужны даже карты памяти, отснятого материала достаточно, чтобы показать, что все это сплошная бутафория. Возможно, тот самый сюжет, которого ему так недоставало, сам пришел к нему в руки. Интерес и волнение Уэллстоуна подскочили до небес, когда он понял, что Бэттс собирается сделать второй дубль, а потом третий, снимая одну и ту же сцену несколько раз. Если это не доказательство мошенничества, то что же тогда?

Третьим дублем Бэттс остался доволен. Но он не приказал сворачивать оборудование, а собрал вокруг себя всю группу и велел готовиться к другим съемкам. Похоже, они должны были проходить внутри мавзолея. Ведущий оператор с помощниками перенесли прожекторы ближе к внешней стене и подняли повыше на треногах, чтобы свет попадал в мавзолей через зарешеченные окна.

Уэллстоун сменил позицию, чтобы лучше видеть. Свет, проникающий сквозь решетки, отбрасывал на внутренние стены гробницы безумную мозаику теней. Очень эффектно. Он сделал еще несколько фото и видео, пока группа Бэттса готовилась к съемкам.

Начался второй сеанс. Мюллер сделал вид, что лоза тянет его в мавзолей. Его руки дергались и дрожали. Остановившись в дверях, Мюллер густым звучным голосом объявил: «Зло! Зло!» – и лоза подпрыгнула в его цепких пальцах. Они сделали четыре дубля, но, разумеется, в умелых руках монтажера все будет выглядеть плавно и убедительно. Впрочем, это уже не имело значения. Уэллстоун получил неопровержимые доказательства, явные улики. Он запечатлел процесс изготовления паранормального фарша. Это будет не просто вершина его книги. Этот материал можно демонстрировать на телевидении либо в лекционном зале просто для того, чтобы показать, как создаются фальшивки. Более того, из него может получиться отличный

документальный фильм о мошенниках, спекулирующих на вере людей в сверхъестественное.

Интересно, оценит ли Бэттс эту иронию?

Съемочная группа в третий раз переставила оборудование, еще ближе к мавзолею. Размотав силовую кабель, они внесли прожекторы прямо внутрь. Дымовые машины придвинули к двери, чтобы закачивать туман в зияющую дыру. Опустилась темная ночь, луна скрылась за облаками. Задул холодный ветер. Уэллстоун удивился, как вся группа уместилась в маленьком каменном мавзолее. Но когда свет внутри потускнел, он с удивлением понял, что там, вероятно, был второй уровень с проходом, ведущим в гораздо более просторное помещение внизу. Вот почему Бэттс был так доволен: он словно бы получил готовую декорацию к своей бутафорской постановке.

Когда вся группа скрылась внутри, Уэллстоун торопливо пробрался между деревьями и прижался к дальней стене мавзолея. Очевидно, именно здесь должен произойти главный обман. Именно здесь Мюллер и его жульническая камера сфотографируют мнимого вампира или кого-то еще, чье изображение он заранее подготовил для сегодняшних ночных съемок.

Встав на цыпочки и заглядывая в окно под неудобным углом, Уэллстоун начал снимать на видео то, что происходило внутри.

Колдмун очнулся от кошмара, в котором были огромные деревья, тобоганы^[82] и лесорубы в клетчатых рубашках, гонявшиеся за ним с топорами. Чья-то рука осторожно трясла его за плечо. Колдмун наполовину проснулся – господи, как же он устал! – и обрадовался, что все это было во сне. В золотых лучах солнца вырисовался чрезвычайно привлекательный женский силуэт и мягко ткнул в него пальцем. Может быть, он просто нырнул из одного сна в совершенно иной?

Но силуэт не желал оставлять его в покое, и Колдмун со стоном и невнятными проклятиями окончательно проснулся. В полутьме он узнал в разбудившей его сильфиде Констанс Грин.

– Да? – прохрипел он.

– Вы нужны Пендергасту, – прозвучало в ответ ее контральто. – Мы оба нужны.

Колдмун взглянул на часы:

– Прямо сейчас? Я только что дважды пролетел через всю страну ради этого парня.

– Пожалуйста, одевайтесь и спускайтесь в библиотеку отеля.

Колдмун сел и тут же со стоном повалился обратно на подушку.

– Если вы появитесь там через пять минут, – сказала Констанс, – и в относительно пристойном виде, я приготовлю вам рејúта са́ра^[83].

– Так, как я люблю?

– Ради всего святого, нет, конечно.

Она повернулась и, шурша дорогим шелком, вышла из комнаты.

Десять минут спустя Колдмун, одетый и вполне бодрый, вошел в библиотеку «Чандлер-хауса»: узкую и длинную комнату с окнами на Тейлор-стрит. Книжные шкафы тянулись вдоль всей стены, кое-где стояли столики и удобные кресла для чтения. Пендергаст и Констанс сидели в самом углу. Они перетаскили туда диван и два кресла от других столов и устроили что-то вроде оборонительной позиции. Колдмун подошел и сел в кресло. Как и обещала Констанс, на столе стоял большой кувшин кофе и чашки с блюдцами. Не говоря ни слова,

Колдмун наполнил свою чашку и опасно сделал глоток. Потом поставил чашку на стол и поглубже устроился в кресле.

Пендергаст сидел напротив, осунувшийся и бледный до такой степени, что легко мог стать подходящей кандидатурой для отлавливающей монстров аппаратуры Мюллера.

– Я хочу рассказать вам одну историю, – начал он.

– О, чудненько! – не без сарказма ответил Колдмун.

Он посмотрел в «Википедии» статью о Д. Б. Купере и действительно неплохо развлекся, но совершенно не понял, как это знаменитое нераскрытое дело может быть связано с нынешними убийствами... Хотя и уловил две-три возможные связи с недавней поездкой на Запад.

– Каждому из вас известна своя часть этой истории, – продолжил Пендергаст. – Но оба вы не знаете ее целиком. Наша поездка прояснила ее половину. Вторая половина – заслуга Констанс. Я дал ей очень сложное поручение... И она его выполнила.

– Что это было за поручение? – поинтересовался Колдмун.

– Задать владелице «Чандлер-хауса» четыре вопроса.

«Четыре вопроса?» Колдмун оглянулся на Констанс. Она сидела на диване рядом с Пендергастом совершенно тихо и подчеркнуто безучастно. Колдмун по личному опыту знал, что это дурной знак, и постарался незаметно отодвинуть свое кресло от дивана.

– Я расскажу историю, воссозданную при помощи Констанс с максимально возможной точностью. Время здесь имеет решающее значение.

Пендергаст перевел дыхание.

– Чуть больше пятидесяти лет назад молодая женщина по имени Алисия Райм получила работу конструктора в авиакосмическом комплексе «Боинг» в Портленде, штат Орегон. Она была блестящим инженером, и ее перевели из чикагского представительства в центр передовых технологий. Это было секретное предприятие, мало чем отличавшееся от «Сканк уоркс» «Локхида». Его инженеры разрабатывали новые направления в авиастроении. С тысяча девятьсот семидесятого года они сделали ряд важных шагов в создании систем дистанционного управления и в использовании новых подходов к повышению безопасности полетов. На тот момент Райм была единственной женщиной-инженером в «Боинге».

Вскоре Райм поняла, что старшие инженеры отдела крадут ее разработки и присваивают все заслуги себе. Учитывая ее недостаточный стаж и тот факт, что она – увы! – была женщиной, начальство заняло круговую оборону и закрыло глаза на то, что происходит. Прошло не так уж много времени, прежде чем увлеченность Райм сменилась разочарованием и даже обидой.

К тому времени она сблизилась с одним пожилым инженером, работавшим с передовыми технологиями. Когда-то он был восходящей звездой, но постепенно его идеи становились трудновыполнимыми, а потом и вовсе неосуществимыми, и поэтому их все чаще критиковали или, хуже того, отвергали. Ко времени встречи с Райм такое отношение вынудило его работать в одиночку, ни с кем не делаясь результатами. Он давно овдовел, у него не осталось родных, с кем можно было бы поговорить. Его столько раз высмеивали, что он теперь держал свои проекты в секрете, запирая в сейф, когда уходил с работы.

Неудивительно, что между ним и Алисией Райм, двумя отверженными в своем отделе, завязалась дружба. В конце концов пожилой инженер поделился с ней секретом своей работы.

Он решил разработать программное обеспечение, способное смоделировать поведение человека. Его подход был ошеломляюще нетрадиционным, с использованием куда более продвинутого языка программирования, чем те, что основаны на обработке списков. Целью работы было предсказание с помощью искусственного интеллекта поведения пилота в той или иной ситуации. Если бы программа смогла это сделать хотя бы с минутным опережением, она стала бы чрезвычайно действенным инструментом предотвращения ошибок пилота.

Увы, все его усилия создать предсказывающую программу закончились провалом. Миром управляет хаос, и человеческое поведение – предмет слишком сложный.

Пендергаст помолчал, дав возможность своему замечанию осесть в головах немногочисленных слушателей, а затем продолжил:

– Но этот инженер был настоящим научным гением, не готовым к тому, чтобы признать поражение. Отказавшись от мысли использовать искусственный интеллект, он пришел к другой идее – предвидению, основанному на эффекте кота Шрёдингера и теории множества миров

физика Хью Эверетта, предложенной им в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году.

– При чем здесь этот чертов кот? – перебил его Колдмун.

– Выкиньте кота из головы. Теория множества миров – это феномен квантовой механики, который гласит, что все возможные миры физически реализованы в бесчисленных вселенных, параллельных нашей собственной.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Меня это не удивляет. Важно то, что этот пожилой джентльмен добился успеха и построил прибор, использующий квантовый эффект для предсказания будущего.

Колдмун замотал головой.

– Пойду-ка я лучше спать, – заявил он.

– Не спешите. Думаю, оставшаяся часть истории покажется вам достойной потраченного времени. Прибор этого инженера использовал квантовую механику очень оригинальным, очень практическим способом. Большинство физиков проводят время в размышлениях и теоретизировании, а он действительно что-то создал.

– И эта штука может видеть будущее, – хмыкнул Колдмун. – Конечно может.

– *Modicae fidei!*^[84] – раздраженно сказала Констанс. – Сидите тихо и, может быть, что-нибудь поймете.

Возникла короткая неловкая пауза. Колдмун налил себе еще кофе и решил, как просила Констанс, держать свои мысли при себе.

Пендергаст сцепил пальцы:

– Многомировая интерпретация утверждает, что мы живем в мультивселенной – месте, где все возможные результаты любого действия случаются одновременно. Кот Шрёдингера жив в одном мире, но умер в другом.

– Опять этот кот, – проворчал Колдмун.

– Или более прозаично: в нашей вселенной мы спокойно беседуем друг с другом. А в другой, но параллельной нашей вы встали и пошли спать. В третьей же потолок прогнул и обрушился на наши головы. И так далее, до бесконечности.

Он остановился, словно ожидая новых возражений Колдмуна. Затем, не дождавшись ни слова, оглянулся на Констанс и продолжил:

– События во вселенных, параллельных нашей, не всегда отличаются настолько драматически. Физики убеждены, что вселенные, больше похожие на нашу, находятся ближе к нам в квантовом потоке времени. Согласно теории бран эти вселенные расположены в многомерном пространстве слоями, рядом друг с другом, подобно мембранам. Так близко, что иногда соприкасаются и тем самым открывают окно или портал между собой.

Нашему пожилому инженеру удалось, используя описанные мной принципы, создать прибор, способный открыть такое окно и заглянуть в соседнюю вселенную, очень-очень близкую к нашей, за исключением того, что она находится на чуть иной временной линии. Прибор не может увидеть наше будущее. Он заглядывает во вселенную, почти идентичную нашей, но на минуту вперед.

– Бред какой-то! – сказал Колдмун.

– Уверяю вас, что это основательно продуманная теория, которую разделяет большинство физиков.

– Много ли толку с того, что заглянешь на минуту в будущее? – спросил Колдмун.

– Это все меняет, как вы сейчас убедитесь.

Колдмун умолк, и Пендергаст продолжил рассказ:

– Итак, наш пожилой инженер создал прототип прибора. Этой дополнительной минуты было бы достаточно, чтобы предупредить пилота о катастрофических событиях: разряде молнии, экстремальной турбулентности или отказе двигателя. Однако инженер устал от насмешек коллег. Ему нужна была эффектная демонстрация возможностей прибора, которую оценили бы все без исключения. Лучше всего для этого подходила фондовая биржа на Уолл-стрит. Прибор мог показать, сколько будут стоить акции минутой позже. Необязательно быть специалистом в области ракетостроения, чтобы понять ценность такого устройства.

Старик доверился Алисии Райм и рассказал ей, что собирается принести свой маленький, помещающийся в кейсе прибор в главное управление в Сиэтле, чтобы продемонстрировать его работу президенту и совету директоров в выходные после Дня благодарения.

Райм считала преступлением отдавать такой прибор «Боингу», учитывая то, как корпорация обошлась с ними обоими. Она попыталась убедить инженера сохранить изобретение для себя. Тогда

они смогут бросить работу и зарабатывать деньги с помощью этого устройства. Но инженер был непреклонен: прибор принадлежит «Боингу», он был создан в рабочее время и так далее. Они жестоко разругались. Райм возненавидела корпорацию и видела в этом приборе путь к свободе, хотя и не имела на него никаких прав. Но ее пожилой приятель ни разу не позволил ей опробовать устройство и даже не показал чертежи. А теперь они перестали общаться. И он постоянно держал прибор и чертежи либо при себе, либо в сейфе.

Райм знала, что он собирается лететь из Портленда в Сиэтл рейсом триста пять «Норд-вест ориент» и возьмет с собой в салон кейс с прибором. Она также выяснила, что на этом маршруте используют «Боинг 727–100». Это ключевой момент нашей истории, потому что Райм была детально знакома с устройством этого самолета. В частности, ей было известно, что три его двигателя расположены необычно высоко в хвостовой части фюзеляжа. Он был способен летать на меньшей высоте и с меньшей скоростью, чем любой другой коммерческий реактивный самолет, не опасаясь, что двигатель может заглохнуть. Но еще более важной и практически уникальной особенностью «Боинга 727–100» была возможность выпускать кормовой трап во время полета с помощью рычага в хвостовом отсеке, который невозможно заблокировать из кабины пилота. Эту особенность держали в секрете даже от членов экипажа на коммерческих рейсах. Однако для инженеров корпорации она не была тайной.

Совет директоров собирался в Сиэтле двадцать седьмого ноября тысяча девятьсот семьдесят первого года – в субботу после Дня благодарения. Накануне, в пятницу, Райм разругалась с ведущим инженером из-за того, что он присвоил ее чертежи. В результате ей приказали освободить рабочий стол до конца дня, что она и сделала. И никто больше не видел Алисию Райм... За исключением одного фермера-дефис-врача, с которым мы повстречались в лесной глуши штата Вашингтон.

– Но, черт побери, как же вам удалось во всем этом разобраться? – изумился Колдмун.

– С помощью четырех вопросов, как вы сейчас убедитесь.

Пендергаст чуть сдвинулся в кресле, облокотился на стол и посмотрел на Колдмуна.

– Вы все еще намерены отправиться спать, напарник?

Гэннон установила прожекторы и поставила двух своих операторов в разных углах мавзолея, чтобы они случайно не засняли один другого. Осмотревшись, она ощутила невольный трепет. Даже в Голливуде не смогли бы сделать лучшую декорацию. Вдоль двух стен располагались закрытые мраморные ниши, на дверях которых были вырезаны имена и даты, а также короткие эпитафии на английском или латыни. Часть дверей пострадала от вандалов и времени. Из нескольких ниш даже вываливались кости, а на полу валялся настоящий человеческий череп, уставившийся в потолок с застывшим в безмолвном крике оскалом. Из другой ниши свисала рука скелета с нитями сухожилий, облаченная в полуистлевший шелковый рукав с кружевами. Костяной палец украшало золотое кольцо. Это была мечта режиссера. Но в то же время Гэннон стало не по себе от мысли, что эти останки когда-то были живыми людьми, что это не разрисованный гипсовый реквизит со съемочной площадки. Почему никто не заботился об этих старых могилах и они оказались в таком пугающем запустении?

Центральная часть склепа была открыта и вела к широкому проходу в задней стене. Деревянные двери, которые когда-то его закрывали, очевидно, сгнили, а затем были разбиты и сорваны с петель вандалами, а щепки разлетелись по всему полу. Лестница за дверью вела на нижний уровень со стенами из тесаных каменных блоков и сводчатым потолком, с которого свисали тонкие известняковые сталактиты. В отраженном свете Гэннон разглядела новые ниши, также разрушенные вандалами. Она содрогнулась.

Оторвав взгляд от дверного проема, она обернулась к Грегору.

– Передвинь дымовую машину вот туда, – попросила она.

Она терпеть не могла этого крупного мускулистого парня. Он делал все, что она ему говорила, но демонстративно медленно и неохотно. Разумеется, и дымовую машину он поднял с недовольной миной.

– Скажи точнее, куда поставить? – спросил он измученным тоном, как будто получил слишком расплывчатое указание, понять которое

просто невозможно.

– Прямо в угол, где ее не будет видно, – сказала Гэннон.

Ей еще не случалось оказываться на съемочной площадке, где не было бы хотя бы одного мудака. Но она никогда не поддавалась на провокации – даже подонков-сексистов. В этот раз уродов собралось сверх всякой меры, но их уравнивало удовольствие находиться в Саванне и наблюдать за эффективной работой Бэттса и талантом Мюллера, каждый из которых прекрасно понимал, что делает, – пусть даже это была фальсификация.

– Грегор, – сказала она, – установи «Лум кьюб»^[85] возле дальней стены, примерно в трех футах над землей.

Не проронив ни слова, он перенес фонарь, подсоединил его к кабелю и включил. Гэннон критически изучила результат. Свет снизу придавал сцене жутковатый вид в духе Лона Чейни^[86] – очень эффективно, если не переусердствовать.

Бэттс приступил к следующей сцене с Мюллером. Камеры заработали, и Мюллер вошел в дверной проем мавзолея, пробивающийся фоновым пятном сквозь туман за его спиной. Серебряная лоза дергалась в руках.

– Зло! – произнес он зычным голосом. – Великое зло скрыто...

К концу фразы он почти перешел на шепот. Снова очень эффективно. Гэннон оглянулась: операторы ухватили момент, как всегда.

– Первый, дай медленную панораму, – пробормотала она в гарнитуру.

Крейг сделал панорамную съемку, задержавшись на руке скелета и черепе на полу. Великолепно!

– Второй, крупный план лица.

«Стэдикам» Павла приблизил дергающееся лицо Мюллера с выкаченными неподвижными глазами. Лоза по-прежнему дрожала и вдруг медленно начала поворачиваться вниз – в сторону двери и лестницы за ней.

– Внизу! – срывающимся шепотом произнес Мюллер. – Внизу!

В течение нескольких последних минут рассказа Пендергаста, по мере того как все прочитанное Колдмуном о Д. Б. Купере складывалось воедино в его голове, он становился все более увлеченным... и все более недоверчивым.

– Так вы утверждаете, что эта Алисия Райм и была Д. Б. Купером? – спросил он. – Тем самым угонщиком, которого так и не нашли, а преступление так и не раскрыли?

– Bravo! – Пендергаст обернулся к своей воспитаннице. – А не подбодрить ли нам этого мужчину маленьким глотком «Лагавулина»?

– Почему бы и нет?

Колдмун заметил, что при всей кажущейся бесстрастности, Констанс как будто бы излучала непривычную холодность... и к нему самому, и к Пендергасту. Он с благодарностью принял протянутую ему щедрую порцию скотча. А Пендергаст тем временем наполнил второй стакан для Констанс, а третий – для себя.

Пендергаст снова поерзал, устраиваясь поудобнее.

– Может быть, вы уже поймали нить, агент Колдмун, и теперь расскажете нам, куда она ведет?

Почувствовав некоторую снисходительность в голосе Пендергаста, он хотел было отказаться, но история была такой экстравагантной и интригующей, а концы с концами сходились так стремительно, что Колдмун не смог устоять.

– Хорошо, давайте разбираться. Райм добилась увольнения из «Боинга», и поэтому ее исчезновение не вызвало никаких подозрений. Она забронировала билет на тот же рейс, переодевшись мужчиной, чтобы пожилой инженер ее не узнал. И назвалась Дэном Купером в расчете сбить со следа будущее расследование.

– Правильно, – сказал Пендергаст. – В те годы можно было без труда забронировать место по вымышленному имени.

– Это произошло в среду, за день до Дня благодарения. После взлета он... то есть она... показала стюардессе кейс с бутафорской бомбой, а потом написала записку с требованием двухсот тысяч долларов. Идея была в том, чтобы все выглядело как банальный угон

самолета, отвлекая внимания от ее истинной цели. Она попросила два полных комплекта гражданских парашютов, основной и запасной.

Пендергаст кивнул:

– Это было сделано, для того чтобы убедиться, что парашюты не повреждены, а второй комплект подразумевал, что она намерена взять заложника.

– Правильно. А когда «боинг» приземлился в Сиэтле, она получила выкуп в двести тысяч долларов и парашюты, после чего приказала всем покинуть самолет. Но не разрешила забрать багаж.

– Совершенно верно, – согласился Пендергаст.

– Смотрим дальше... – Колдмун вернулся мыслями к прочитанному ранее. – Купер потребовала, чтобы пилот доставил ее в Мехико, с дозаправкой в Рено. При этом самолет должен был пролететь ночью над обширными труднодоступными лесами. Она отправила весь экипаж в кабину пилота, чтобы никто не мог за ней наблюдать. Потом открыла багажные ящики и забрала нужный кейс.

– Да, – сказал Пендергаст. – После было отмечено, что многие ящики открыты, вещи разбросаны как попало, а некоторые из них так и не удалось найти. Несомненно, она спустила хвостовой трап и выбросила часть багажа, опять же для того, чтобы запутать следствие и скрыть свою истинную цель.

– Правильно. А потом она взяла кейс и прыгнула. – Колдмун покачал головой. – Представьте себе, что вы прыгаете с самолета ночью в такую грозу. Для этого нужно иметь стальные яйца, а ведь она всего лишь женщина.

Пендергаст глотнул немного «Лагавулина».

– Дело Д. Б. Купера – одно из самых долгих в истории ФБР. Его закрыли всего несколько лет назад, так и не раскрыв. Предлагались различные места приземления, было опрошено и отпущено множество подозреваемых. Проводили бесчисленные компьютерные и натурные реконструкции с учетом вращения Земли, скорости ветра, высоты прыжка, но не обнаружили ни тела, ни денег. Много лет спустя на отмели реки Колумбия нашли полусгнившую пачку выданных угонщику купюр. И многие поверили, что он погиб.

Он посмотрел на Колдмуна.

– Если бы вам пришлось оказаться на месте Купера... как бы вы поступили, спрыгнув с того самолета?

Колдмун на мгновение задумался.

– Полученный выкуп тратить нельзя. На этом попались похитители Линдберга^[87]. Он, то есть она должна была понимать, что ФБР заснимет на микропленку или пометит каждую купюру, прежде чем передать ей. Поэтому она разбросала деньги по ветру, чтобы создать впечатление, будто разбилась при приземлении. – Он помолчал. – Следующий момент. Я бы затянул свободное падение, насколько хватило бы смелости. И это вместе с пущенными по ветру деньгами сбило бы со следа любую поисковую группу. К тому же так меньше шансов на то, что кто-нибудь засечет твой парашют.

Колдмун отпил еще немного «Лагавулина», и тогда заговорил Пендергаст:

– В точности так все и произошло... за одним исключением. Что-то пошло не так с парашютом, и она сильно пострадала при приземлении.

– Но не умерла, – добавил Колдмун. – Это очевидно. Доктор Куинси спас ей жизнь.

– Совершенно верно. А теперь мы должны обратиться к Констанс за финальной частью истории. Потому что Констанс узнала ее непосредственно от источника.

– Этот допрос, вероятно, был последним моим разговором с Фелисити Фрост, – произнесла Констанс после короткой паузы.

– Вы хотите сказать, с Алисией Райм, – поправил Колдмун. – Она же Д. Б. Купер.

Пендергаст кивнул:

– Это был первый вопрос, который я попросил Констанс задать Фрост: «Вы Д. Б. Купер?» Как я и рассчитывал, он настолько ее обезоружил, что получить ответы на три остальных вопроса стало намного проще. Констанс?

Она говорила тихо, но быстро, как будто стремилась скорее от этого избавиться.

– Мисс Фрост... Алисия... хорошо разбиралась в авиационном оборудовании. Она понимала, что за угонщиком будут охотиться. Точное время ее прыжка и местоположение самолета невозможно было определить в те годы, когда еще не изобрели GPS. Она прыгнула безлунной грозовой ночью и приземлилась в огромном лесу на границе южного Вашингтона и северного Орегона, в почти

недоступной для любых поисков местности. Поднятые по тревоге военные самолеты не заметили ее, когда преследовали «боинг».

Она рассказала, что, раскрыв основной парашют, принялась разбрасывать деньги, но они приклеились к куполу, и он опал. Тогда она отцепила парашют и воспользовалась запасным. В этом и заключалась ее единственная ошибка: она не заметила, что это учебный парашют, не предназначенный для настоящего прыжка. На таких обычно зашивают клапаны, но она не догадалась проверить. И вот теперь приближалась к земле с нераскрытым парашютом.

К счастью, она взяла с собой нож. У нее хватило самообладания разрезать швы и высвободить учебный парашют. Вытяжной трос сработал, и парашют раскрылся. Но скорость все еще была слишком высокой, когда она упала в воду.

– В воду? – переспросил Колдмун.

– Да, в ручей Валупт, чуть выше водопада. Течение унесло ее через водопад в озеро Валупт, возле Берри-Пэтч. Очнувшись в холодной воде, она сумела доплыть до берега, несмотря на сломанную ногу. Выбралась на галечный берег и потеряла сознание. Здесь ее и нашел утром молодой фермер. Похищенный кейс по-прежнему был привязан стропами к ее боку.

– И этим молодым фермером был Зефраим Куинси, – сказал Колдмун.

Констанс кивнула:

– Тем утром он еще не слышал об угоне самолета. Он жил один в доме. Его отца с тяжелой травмой головы отправили в больницу, где он вскоре и скончался. Куинси изо всех сил старался сохранить ферму. Алисия ничего ему не рассказала и категорически отказалась ехать к врачу. Куинси отвез ее к себе в клинику, произвел репозицию костей и наложил лонгет. В газетах в то утро не появилось новостей об угоне самолета – это произошло слишком поздно накануне вечером. Куинси ухаживал за ней почти целые сутки. Поэтому, кстати говоря, его и не было на традиционном обеде в День благодарения в Берри-Пэтч. На следующее утро, раскрыв свежую газету, оставленную на крыльце, он увидел на первой полосе заголовок и словесный портрет Д. Б. Купера. И понял, что спасенная им женщина в мужской одежде и есть этот Д. Б. Купер.

Через пять минут Куинси вошел в клинику с газетой в руке. Перевязывая ногу пациентки, он упомянул, что обязан известить шерифа, и спросил, не желает ли она что-нибудь сообщить, прежде чем Куинси к нему отправится. Она рассказала ему все... или почти все. Особенно подчеркивая при этом, что никому не хотела причинить вреда и что бомба была ненастоящей. Она умоляла Куинси не выдавать ее и не вызывать шерифа.

Подозреваю, что к этому времени молодой фермер уже влюбился в нее – тот самый случай любви с первого взгляда. Ее мольбы тронули его. На самом деле он и не собирался звонить шерифу – это была просто проверка. Она осталась в его доме, он выхаживал ее. Она тоже в него влюбилась. Они провели несколько счастливых месяцев на этой затерянной в глуши ферме, подобно Тристану и Изольде в лесу Морюа. Никто не знал, что Алисия находится там. Но конечно, это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Поиски шли все ближе, и агенты ФБР не раз навещали Куинси. Д. Б. Купера внесли в список самых разыскиваемых ФБР преступников, и этим делом занимались более двухсот агентов. Она не могла прятаться вечно.

К весне Алисия поправилась настолько, что была готова путешествовать самостоятельно. Она понимала, что если не покинет Куинси сейчас, то не сделает этого уже никогда. Написала ему записку с благодарностями, которую собиралась оставить на кухонном столе, чтобы избежать нелегкой сцены расставания. Однако, к ее удивлению, Куинси обо всем догадался. Он проснулся до восхода солнца, приготовил ей завтрак и даже наполнил рюкзак припасами, которых хватило бы на то, чтобы добраться до границы штата, не рискуя свободой. Он отдал ей те скудные сбережения, что у него были. А еще положил ей в рюкзак свою любимую книгу с дарственной надписью. Она уже отыскала способ получить новые документы и точно знала, что для этого нужно сделать. Оставив ферму, она направилась на соседнее большое кладбище в Пуйаллапе, нашла могилу девушки приблизительно одного с ней года рождения. И присвоила чужую личность.

– Очевидно, что Куинси нравились ее дерзость и отвага, – сказал Пендергаст. – Он даже восхищался ею как мятежницей, человеком вне закона, о чем свидетельствует посвящение: «Ты всегда будешь „тем

великим социальным кочевником, рыщущим на задворках послушного, напуганного порядка“».

– Как вам удалось вытрясти из нее все это? – спросил Колдмун.

– Это сделал второй вопрос Алоизия, который окончательно разрушил ее защиту и заставил все рассказать: «Вы угнали самолет, чтобы похитить кейс с прибором?» Она ответила утвердительно.

Констанс на мгновение задумалась над этим, прежде чем продолжить.

– Под новым именем Фелисити Фрост она отправилась на Средний Запад. Шел тысяча девятьсот семьдесят второй год. В какой-то момент, уже после ухода с фермы, она научилась обращаться с прибором. Ее план, по крайней мере в кратком изложении, был таков: заработать достаточно денег, чтобы достичь независимости. Будущее могло подождать. Она научилась переносить прибор на минуту в будущее и приступила к умеренной и осторожной торговле акциями на Уолл-стрит. Приобретя некоторый опыт, она стала также торговать и опционами, способными приносить бóльшую прибыль. Она не была алчной, но все же сумела накопить за год сумму, необходимую для того, чтобы выкупить из залога ферму Куинси и оплатить последний год его обучения в Медицинской школе Вашингтонского университета... Анонимно, разумеется.

Колдмун не стал спрашивать, обменивались ли они какими-нибудь сообщениями – по взгляду доктора Куинси, жаждущего любой крупицы информации об этой женщине, все и так было ясно.

Прижимая камеру к самой решетке, Уэллстоун снимал на видео всю эту удручающую сцену: дымовые машины, надувательство с серебряной лозой, жульнические съемки бокс-камерой, указания Бэттса перед каждым дублем: «Делай так, не делай так». Уэллстоуна немного коробило их неуважение к смерти. Он обратил внимание на череп, лежавший на полу. Во имя всего святого, это же не какая-то бутафория, а чей-то отец или мать! Но он позаботится о том, чтобы это осквернение стало еще одним гвоздем в крышку гроба и окончательно похоронило репутацию Бэттса.

Решив, что выбрал не самую удобную точку обзора, Уэллстоун незаметно прокрался за угол и скорчился в темноте у передней стены мавзолея, снимая через дверной проем. Он заметил, что бронзовые петли сорваны, причем сорваны недавно, потому что металл в месте слома блестел как новый. На секунду Уэллстоун задумался, кто мог это сделать и зачем: открыть такую тяжелую дверь было непростым делом. Он пожал плечами и вернулся к фальшивому шоу ужасов.

С нового удобного места он разглядел лестницу, ведущую на нижний уровень. Странно, почему такая искусно сделанная гробница оказалась в дальнем конце кладбища, совершенно забытом и неухоженным? Должно быть, она принадлежала какому-то влиятельному саваннскому роду, теперь, несомненно, угасшему. Нужно будет разузнать что-то об этой семье. Это может стать частью разоблачения. Уэллстоун прищурился и посмотрел в объектив, пытаясь прочесть имя на дверце последней ниши. И разглядел не только имя, но и эпитафию под ним:

Хьюитт Ханникатт III

Г. Р. 1810

Г. С. 1910

Так говорит Господь Бог костям сим:

вот, Я введу дух в вас, и оживете^[88].

Все это он тоже зафиксировал на видео.

Съемка в верхнем помещении мавзолея закончилась, Бэттс и Гэннон распорядились перенести все оборудование на нижний уровень. Уэллстоун едва не попался, когда кто-то выскочил наружу, чтобы отмотать еще несколько футов кабеля от генератора. К счастью, ночь выдалась беспросветной, и Уэллстоун успел отскочить в темноту. Он поежился от порывов холодного ветра, шелестевшего невидимой листвой. Шорохи то усиливались, то затихали, словно дыхание призраков. Зачем вообще понадобились два уровня в мавзолее? Ему вспомнился рассказ Говарда Филлипса Лавкрафта об одном парне, работавшем в подвале или в чем-то похожем и провалившемся сквозь пол в какой-то тоннель, прорытый снизу...

Уэллстоун выбросил эти мысли из головы. Даже ему, завзятому скептику, сделалось не по себе.

Воспользовавшись перерывом, он извлек из камеры почти заполненную карту памяти.

Все прожекторы, дымовые машины и прочее оборудование перетасили по лестнице на нижний уровень. Скрытый темнотой, Уэллстоун подождал, пока верхнее помещение не опустеет. Хотя это было рискованно, он понимал, что должен пробраться внутрь, если хочет снимать и дальше. Очевидно, что на нижнем уровне должны произойти важные события, и он не мог ничего пропустить. Сообразив, что если его поймают, то первым делом отберут карту памяти, он переложил ее из кармана в ботинок.

Улучив момент, когда все были заняты делом, он нырнул в дверной проем мавзолея, быстро пересек верхнее помещение и прижался к стене рядом с лестницей, уводящей вниз. Снизу слышался голос Бэттса, объяснявшего Мюллеру, что они теперь будут снимать.

Уэллстоун чуть ли не на животе прокрался к дверному проему, отодвинув человеческий череп, чтобы лучше видеть лестницу. Противный влажный запах поднимался снизу – ничего удивительного, если учесть, что там покоится.

Он поднес камеру к глазу и продолжил снимать.

«Это какое-то безумие», – подумала Гэннон, оглядывая нижний уровень мавзолея. Изначально это было маленькое помещение, мало чем отличающееся от склепа наверху, облицованного мрамором. Стены и потолок из тесаных каменных блоков со временем отсырели и покрылись слизью. Да и в целом нижние ниши выглядели древнее верхних. Вандалы и в самом деле разгулялись: многие ниши были разгромлены, весь пол усыпали обломки мрамора и части скелетов, а также подгнившие клочья одежды, скукоженные женские сапожки с оставшимися внутри костями, чьи-то очки и ссохшаяся голова с длинными, заплетенными в косу светлыми волосами, перехваченными двумя истлевшими лентами.

Но еще больше Гэннон поразило то, что находилось за всем этим. Кто-то снес заднюю стену мавзолея, и за ней открылся проход, вопреки всем ожиданиям ведущий в темноту. Однако это был не законченный тоннель. Казалось, его проковыряли или процарапали из-под земли. С потолка свисали корни, а пол превратился в море грязи. В глубине тоннеля Гэннон различила слабые огоньки, напоминающие светлячков, только неподвижные. Что там была за чертовщина – какие-то светящиеся грибы?

Чем больше Гэннон всматривалась в эту находку, тем более необъяснимой она казалась. Ни один вандал не стал бы тратить время и силы на то, чтобы выкопать такой длинный глубокий тоннель. Может быть, это какое-то незавершенное строительство, первый грубый шаг к расширению мавзолея, чтобы он мог вместить больше умерших? Нет, не похоже. Кроме того, если здесь рыли тоннель, то куда высыпали землю?

– Как-то стремно здесь, – пробормотал оператор первой камеры Крейг в гарнитуру. – Не стоило нам сюда спускаться.

Гэннон не ответила. Она чувствовала тревогу Крейга. Более того, разделяла ее. Даже амбал Грегор и тот выглядел подавленным и сильно потел. Здесь было душно и ужасно воняло.

– Гэннон, ты не уснула? Расставляй прожекторы!

Она обернулась к подошедшему Бэтсу.

– Это просто золотая жила, – сказал он. – Тоннель, например. Как подарок, упавший прямо на колени. Я бы сам не сумел сделать это лучше. То есть хуже. В общем, план у нас такой: Мюллер проходит от подножия лестницы к отверстию тоннеля мимо всех костей и прочей дряни. Я хочу пару кадров с этим мусором на полу. Особенно... о черт, это же голова девушки? Что за находка! Сделай хороший крупный план. Справишься?

– Конечно. – Она проглотила комок в горле. – Послушайте, я немного обеспокоена.

– Чем?

– Мне кажется, это неправильно. В смысле, не нарушаем ли мы закон, находясь здесь? Посмотрите на эти кости. Кто-то разгромил эту гробницу. Осквернил ее. Шагу не сделать, не наступив на кости.

Бэтс присмотрелся к ней, а потом запрокинул голову и расхохотался:

– О-хо-хо! Отличное место для угрызений совести – в самый разгар съемок на глубине в сто футов под мавзолеем.

– Неужели вы не задумывались о том, что наши действия могут нарушать закон?

– Разумеется, задумывался. Послушай, мы же не врывались сюда силой. Дверь была и так открыта. А кладбище – это публичное место. У меня есть разрешение снимать здесь. А если бы и не было, то мы ведь работники средств массовой информации. По первой поправке у нас есть право вести репортаж для программы новостей даже из частных владений.

– Но это ведь не программа новостей.

– Смеешься, что ли? Мюллер сейчас что-нибудь здесь найдет. Что-нибудь достойное программы новостей. Первый раз вижу этого парня по-настоящему возбужденным.

Бэтс указал на развороченное устье тоннеля.

– Он говорит, что источник турбуленций зла где-то рядом, и Мюллер его непременно отыщет и сфотографирует своей специальной камерой. – Он вцепился ей в плечо. – Сейчас не время бояться промочить ноги, Гэннон. Кто не рискует, тот не пьет шампанского. Правильно?

– Правильно.

И он по-своему был прав... отчасти. Но это ей не нравилось. Она снимала дорожные аварии, пожары, места преступлений, убийств и самоубийств и ни разу глазом не моргнула. Но сейчас... сейчас было совсем по-другому. Кости, тоннель и отвратительная вонь, лезущая отовсюду, – все это пугало ее.

Она глубоко вздохнула и взялась за работу, деловито объясняя Грегору, куда поставить прожекторы, а куда – дымовые машины, выставляла экспозицию. Грегор был непривычно исполнительен и покладист, и Гэннон поняла, что ему действительно страшно. Хоть одна приятная перемена. Может быть, стоило пугать его почаще. Невозмутимым оставался только Павел, оператор «Стэдикама». Он всегда выглядел так, словно засыпает на ходу. Посмотрев на его набрякшие, отяжелевшие веки, Гэннон почувствовала себя спокойнее... пусть даже и ненадолго.

– Оставшуюся часть истории можно изложить кратко, – продолжила Констанс. – Фрост не рассказала мне о том, как провела два десятилетия между отбытием на Средний Запад и появлением в Саванне, но к этому времени она уже была вполне здорова. Ей пришлось по душе идея спасти и восстановить историческое здание, перестроив его в престижный отель. С первого же посещения Саванны она влюбилась в этот город. Нашла подходящее здание, выкупила заброшенную фабрику и возродила «Чандлер-хаус». Здесь она могла заниматься тем, что больше всего любила: книгами, живописью, музыкой. Она превратилась в надменную и эксцентричную владелицу отеля, умную и властную. Фрост продолжала вести прибыльную торговлю акциями, но не обманывалась по поводу прибора. Совершенствовать технологию было рискованно, пусть даже мощность компьютеров за это время безмерно возросла. Зарабатывала Фрост достаточно для безбедной жизни и могла купить все, что ей требовалось, но не более того. И естественно, она хранила тайну прибора.

– А кому вообще можно доверять такое? – Колдмун задумался.

– Действительно загадка, – ответила Констанс. – А годы все шли, шли и шли. В конце концов она почувствовала, как к ней подкрадывается старость.

Она замолчала словно бы на мгновение, но пауза затянулась. Колдмун недоуменно переводил взгляд с Констанс на Пендергаста и обратно.

– Все чаще и чаще она обращалась за помощью к Патрику Эллерби, управляющему отелем, – снова заговорила Констанс. – Этот красивый, но плутоватый парень поначалу был помощником управляющего. Как именно они сблизились, Фрост отказалась обсуждать. Очевидно, она испытывала к нему истинную привязанность. Думаю, в какой-то степени он заменил ей доктора Куинси: отзывчивый, немного неловкий, независимый, любящий поэзию и математику. Но, в отличие от Куинси, он не был благородным человеком. Он видел во Фрост путь к комфортной жизни. Возможно,

Эллерби начал воздействовать на нее таким же способом, о котором говорится в «Письмах Асперна»^[89], стараясь понравиться ей, завоевать ее доверие. Прошло время, и она рассказала ему о своей главной тайне – приборе, установленном в подвале, и, что еще важнее, о физических принципах его работы. В сущности, те же самые сведения она сообщила и мне в ответ на третий вопрос: «Как этот прибор предсказывает будущее?» И ее ответ обеспечил внушительное научное обоснование тому, о чем только что рассказывал Алоизий, и, кроме того... – Внезапно Констанс снова остановилась.

– Ты хорошо себя чувствуешь, моя дорогая? – мгновение спустя спросил Пендергаст.

– Да, спасибо, прекрасно. – Она перевела дыхание. – Как я уже говорила, в конце концов Фрост доверила Эллерби работу с прибором, поскольку все больше и больше превращалась в затворницу, не выходя из своих комнат на пятом этаже. – Тут она обернулась к Пендергасту. – Остальное расскажи, пожалуйста, сам.

Пендергаст сменил позу.

– Здесь к нашей картине добавляется новый элемент. Эллерби изучил прибор, его принципиальную схему и понял, что теперь, спустя пятьдесят лет, благодаря достижениям в компьютерной технике и программном обеспечении, а также более глубокому пониманию квантовой механики и теории бран можно добиться куда большей мощности устройства. Несравнимо большей. Ему хватило математических и компьютерных навыков, чтобы... э-э-э... как говорится, «прокачать» прибор. Эллерби был убежден, что с возросшей мощностью он сможет заглянуть в будущее не на одну минуту вперед, а на тридцать или даже на час. Этого будет достаточно, чтобы заработать миллиарды.

Разумеется, он старался скрыть свои амбиции от Фрост, но слишком уж она была проницательной, слишком хорошо разбиралась в людях, чтобы не понять, что он задумал. Как показали бухгалтерские журналы и компьютерная экспертиза, он внезапно начал зарабатывать огромные деньги. Двести миллионов долларов за три недели. И все совершенно открыто и законно. Поскольку, видите ли, не существует закона, запрещающего играть на бирже с помощью машины времени. Приблизительно в это время Фрост предприняла чрезвычайные меры – вышла из своих покоев и обследовала подвал, застав Эллерби за тем,

что было ему категорически запрещено. Это привело к отвратительному скандалу, который слышала половина персонала отеля. Но при своей старческой немощи Фрост уже не могла остановить Эллерби.

– Так вы утверждаете, что он нашел способ повысить мощность прибора, чтобы проковырять еще большую дыру в параллельную вселенную? – спросил Колдмун.

Пендергаст кивнул:

– Ваша аналогия вполне уместна. Потому что на этом месте история Эллерби заканчивается... и начинается наше расследование убийства. Здесь вступает в игру мой четвертый, и последний вопрос.

– Какой?

– «Связана ли смерть Эллерби с прибором?» – ответил Пендергаст. – Но при этом мы забрались на столь умозрительную территорию, что Фрост отказалась дать Констанс хоть какие-то объяснения. Однако очевидно, что, по мере того как возрастала мощность прибора, та дыра, которую проковырял Эллерби, становилась все шире и шире. Эллерби зарабатывал на бирже все больше и больше... пока это не случилось.

– Это? – повторил Колдмун.

– Дыра сделалась такой большой, что...

Он замолчал, сверкающие глаза неподвижно смотрели на слушателей.

– Сквозь нее пробралось нечто.

– Какое еще «нечто»? И откуда оно пробралось?

– С той стороны.

Пендергаст встал.

– Думаю, время объяснений закончилось. Пора взглянуть на все собственными глазами. – Он обернулся к Констанс. – Ты не могла бы показать нам дорогу?

Растянувшись на верхней ступеньке, ведущей на нижний уровень лестницы, Уэллстоун снимал ролик за роликом, стараясь экономить место на второй, и последней карте памяти. Проклятье, нужно было взять с собой больше... Но с другой стороны, он и представить не мог, что наткнется на такую золотую жилу. А она действительно золотая: тот последний эпизод, когда Бэтс успокаивал ведущего оператора и разбивал все ее возражения, – одного этого разговора хватит, чтобы поймать Бэтса на крючок. Там много всего было не так: паранормальное надувательство, вторжение на частную территорию, омерзительное неуважение к мертвым. Уэллстоун слышал, как то и дело хрустят кости под ногами рабочих, растягивающих туда-сюда кабели и расставляющих прожекторы и дымовые машины.

«Но что за чертовщина там творилась?» – размышлял он, лежа с камерой наготове. Это уже выходило за рамки обычного вандализма. Кто-то потратил много времени и сил, чтобы взломать двери ниш, вытащить оттуда останки и разбросать вокруг. И вероятно, это был не один человек. Больше похоже не на выходку пьяных бестолковых подростков, а на преднамеренную попытку осквернить место упокоения семейства Ханникагг.

Внизу снова начали снимать. Свет прожекторов пронизывал искусственный дым, превращая его в светящийся туман, клубами стелившийся над полом, пока Мюллер продолжал свой балаган с поддельной камерой и обсидиановым стеклом. Боже, как хотелось бы Уэллстоуну заполучить камеру в свои руки! Но он напомнил себе, что теперь это уже излишне: видео и разговоры, которые он записал за последние полчаса, утопят Бэтса глубже Марианской впадины.

Снизу пахло зловонным, как выхлоп из глотки вурдалака, воздухом. Что за гадость они там потревожили, способную испускать такой мерзкий запах? Внизу продолжал клубиться туман, отчего воздух становился все более спертым, почти вязким. Непрошенные образы завертелись в голове Уэллстоуна: разложившиеся тела, покрытые плесенью ниши, гноящаяся плоть мертвецов, выделяющая трупный газ. Он попробовал дышать ртом.

Похоже, теперь бутафорское приспособление Мюллера потянуло его внутрь покрытого слизью устья странного тоннеля, который Уэллстоун едва различал в дальнем конце мавзолея. И Бэттс, вероятно, собирался продолжить съемки уже внутри его.

Но по виду съемочной группы Уэллстоун понял, что с них уже хватит. Предложение Бэттса вызвало не просто недовольство, а сопротивление. Первым заговорил здоровяк, и его голос долетал до Уэллстоуна отраженным и искаженным в замкнутом пространстве. Парень не желал забираться в тоннель. Там было по щиколотку грязи и совершенно нечем дышать. Все, что он готов был сделать в таких условиях, – это закрепить «Стэдикам» внутри тоннеля. Ведущий оператор поддержала его, заявив, что тянуть кабель по воде очень опасно.

Бэттс спорил, уговаривал, умасливал. Мюллер же хранил молчание, держа оборудование наготове. Гэннон продолжала настаивать на рискованности этой затеи и снова забеспокоилась о том, что все это может втянуть их в большие неприятности.

Непохоже было, чтобы Бэттс хоть немного продвинулся вперед. Уэллстоун отполз от края лестницы, готовый бежать из мавзолея, если начнется бунт.

Бэттс обернулся к Мюллеру, надеясь втянуть его в спор.

Уэллстоун напряг слух, пытаясь расслышать голос с густым немецким акцентом. Мюллер настаивал на том, что нужно войти в тоннель. В конце концов, именно там находился источник зла. Все его инструменты ясно показывали одно и то же. Ради этого съемочная группа пришла сюда, ради этого все они рисковали... и отступить сейчас значило упустить прекрасную возможность и потратить силы впустую.

Бэттс тут же набросился на здоровяка и обозвал его тряпкой, с презрением заявив, что обойдется своими силами. У «Стэдикама» есть собственная подсветка, а Бэттс сам понесет остальное оборудование. Гэннон тоже может не подходить к тоннелю, если не хочет, а Бэттс и Мюллер вдвоем отправятся туда со «Стэдикамом».

Ведущий оператор с большой неохотой согласилась на это.

Пока они разбирали оборудование и переносили к устью тоннеля, Уэллстоун осознал, что ему выпал еще один шанс, и ухватился за него. Он прокрался вниз по скользким ступеням, вжимаясь в темноту

дальней стены, чтобы не попасться никому на глаза. С каждым шагом затхлый воздух становился все омерзительнее.

У подножия лестницы Уэллстоун нашел новое укрытие за огромной крышкой разгромленной ниши, нависшей над лестницей. Он опустился на колени и следил за происходящим через видоискатель камеры. Это была отличная точка обзора. Уэллстоун все видел, все мог заснять, а его мощный телеобъектив еще больше приближал место действия.

В назначенный час сенатор Дрейтон вышел из штабного автобуса, который перегнали на лужайку и припарковали возле памятника конфедератам. Под руку с женой в сопровождении помощников он обошел помост, поднялся по лестнице и зашагал к трибуне. В тот же миг оркестр грянул «Боевой гимн республики». Он посмотрел на массивные «Ролекс президеншл»: ровно девять часов. Толпа встретила его появление громогласным ревом, аплодисментами, гудками, свистом и трещотками. Упиваясь этим моментом, Дрейтон вскинул обе руки в знак победы. Тысячи сидевших на большой лужайке людей вскочили как один человек, приветствуя его, стоявшая позади толпа бушевала ничуть не меньше.

Дрейтон улыбнулся и помахал рукой, а шум все не утихал. Секунды растянулись в минуты. Волна не поддающегося описанию восторга накрыла его. Это было лучше, чем секс, лучше, чем глоток превосходного бурбона, – энергия победы, восхищения, власти. Как может он проиграть при таком разливе поддержки? Его жалкому противнику вовек не собрать ничего похожего на эту толпу, даже если бы хакеры и очкарики Дрейтона не позаботились обо всем.

Единственным препятствием на пути к переизбранию оставалось проклятое расследование. Старый «друг» Пикетт здорово подвел его, назначив на это дело говнистого агента ФБР и его подпевалу. Мало того что они ни хрена не сделали, так еще и сбежали в штат Вашингтон прошлой ночью, будто нарочно хотели ткнуть его лицом в грязь даже после того, как он дал им особые инструкции... и сделал особое предупреждение. И эта капитан Делаплейн ничуть не лучше, только топчется на месте, напрасно теряя время, если оно вообще у них было.

Он махал рукой, а приветствия не смолкали. Но если все так хорошо, то откуда это саднящее чувство беспокойства? Потому что он не просто хочет победить, ему необходима эта победа. Объявлен тендер на строительство очистных сооружений на острове Джекилл, и на откатах можно заработать кучу денег. «Нет, не откаты, – напомнил он себе, – а законные взносы на избирательную кампанию от

желающих заполучить контракт». Откат – фактически отмирающее понятие. Благодаря Верховному суду все теперь абсолютно законно для тех, кто желает дать денег на «избирательные цели», пока это не превращается в *quid pro quo*^[90]. А такого никогда не будет, потому что никто не должен ничего говорить или писать. Все и так понятно на тайном, не требующем слов языке политики. Но даже без слов это старо как мир: ты мне, я тебе.

Его мысли плавно перетекли обратно к обнаглевшему агенту Пендергасту и его напарнику Колдмуну. В особенности Колдмуну. После переизбрания, убрав с дороги Пикетта, сенатор займется этим хитрожопым мерзавцем отдельно, обрушив на него всю мощь своего аппарата, какой бы мелкой мошкой ни был этот Колдмун. Он еще пожалеет, что вообще открыл свою вонючую пасть. Дрейтон спровадит его обратно в резервацию. А потом разберется и с Пендергастом, отправив этого южанина в костюме гробовщика пастись на Аляску или в Северную Дакоту, где он и будет морозить себе задницу до конца службы.

Обдумывая все это, Дрейтон продолжал махать толпе. Господи, он надеялся, что сучьи дети из сектора для прессы поймут, что это значит. «Непобедимый» – пришло ему на ум нужное слово. Народ любит его.

Приветственный рев наконец-то затих, и на трибуну вышел губернатор Джорджии, чтобы представить сенатора. Он рассыпал похвалы и славословия, красивые фразы срывались с его языка одна за другой. Это была превосходная речь – короткая, изящная и по делу. Затем губернатор уступил трибуну Дрейтону.

Аплодисменты раздались снова, и он помолчал, выжидая, потом помахал рукой, опять подождал и еще раз помахал. Наконец прочистил горло, сигнализируя о начале выступления. Вдалеке послышались свист и улюлюканье, но довольно вялые. Дрейтон дал своим людям четкое указание отогнать этих мерзавцев подальше, не особо с ними церемонясь.

– Дорогие друзья, жители Джорджии, – начал сенатор, и его голос, вылетая из башенных динамиков, отражался эхом от стен окружающих парк домов. – Пришла пора решать. Пришла пора проявить твердость. Пришла пора...

Дрейтон говорил и говорил, считывая слова с телесуфлера, хотя повторил эту речь уже столько раз, что выучил наизусть. Он делал

паузы после ударных фраз, давая слушателям время для одобрительных криков и аплодисментов, и они каждый раз с готовностью отзывались.

Все шло очень хорошо. Просто прекрасно. Пусть враги и злопыхатели подавятся собственным дерьмом и сдохнут – с такой поддержкой он не может не победить на выборах.

Когда они выходили из библиотеки, у Колдмуна слегка шумело в голове от «Лагавулина»... или от заумной идеи о приборе, каким-то образом открывшем дыру во вселенной. Это было абсурдно, невозможно... Но с тех пор как он стал напарником Пендергаста, абсурдное и невозможное, похоже, переросло в банальность. Мир в изложении Пендергаста был куда сложнее, чем представлял себе Колдмун.

Проходя через вестибюль отеля, Колдмун обратил внимание на телевизор, надрывающийся в гостиной. На экране в прямом эфире показывали Дрейтона. Он стоял на трибуне, воздев палец к небу, и взывал к ревущей толпе.

– Поглядите на этого wasichu^[91], – фыркнул Колдмун и вдруг остановился. – Подождите минутку.

«То, что много людей, несмотря на волну преступности, отважились прийти сюда, свидетельствует о вашем мужестве и твердости...»

Пендергаст и Констанс тоже решили задержаться.

«...Я удручен неспособностью ФБР раскрыть это преступление, но могу заверить вас как сенатор...»

– Эй, он говорит о нас, – сказал Колдмун.

«...Ввиду их полной неэффективности, и задействую все государственные и местные ресурсы, чтобы схватить чудовищного преступника или преступников, виновных в этих жестоких убийствах...»

– Он нас обвиняет, скотина!

– Не только нас, но и замдира Пикетта, который, вероятно, все время прикрывал нас от гнева сенатора... И теперь это может повредить его карьере.

Послушав еще немного, Пендергаст и Констанс двинулись дальше, Колдмун поспешил за ними. За стойкой никого не было, и они юркнули мимо нее к служебным помещениям.

– И что мы будем с этим делать? – спросил Колдмун.

– Может ли ФБР вмешиваться в политику? – спросил Пендергаст, подходя к двери в подвал.

– Это недопустимо.

– Вот вам и ответ.

Подвальная дверь оказалась заперта. Пендергаст достал из кармана маленький инструмент. Быстрый поворот запястья – и она открылась.

Они спустились в полумрак. У подножия лестницы Пендергаст задержался и снял пиджак.

– Не хотите проверить оружие, агент Колдмун?

– Пожалуй.

Достав из наплечной кобуры «лес-баер», Пендергаст извлек магазин, осмотрел его и вставил обратно. Колдмун не был уверен, что для осмотра прибора в подвале необходимы такие предосторожности, но тоже убедился, что браунинг заряжен. Он заметил, что Констанс, не желая оставаться в стороне, достала свой стилет. «Опасная штучка», – подумал Колдмун, проследив, как тонкий зловещий клинок с быстротой молнии выскочил из рукава. Пользоваться им Констанс умела, и Колдмун однажды видел, как она это продемонстрировала, но тут же забыл. Заметив его взгляд, Констанс иронично подмигнула ему и вернула клинок на место.

– Сюда, – сказала она и повела их мимо кабинета Эллерби в глубину подвала, прочь от центрального коридора и дальше, к огороженному лентой участку с табличкой «НЕНАДЕЖНАЯ КОНСТРУКЦИЯ».

– Хороший способ не привлекать лишнего внимания, – протянул Пендергаст, проходя мимо нее.

Когда стало так темно, что толком ничего не разглядишь, Констанс прикоснулась к выключателю, и впереди загорелись оголенные лампочки, отбрасывая зловещие тени. Колдмун ощутил странный, чуть ли не промышленный запах, напоминающий горелую резину. Под ногами хрустели какие-то мертвые насекомые. Констанс повела спутников дальше мимо двойного ряда старых кладовых с деревянными дверьми, потрескавшимися от плесневого грибка.

– Мисс Фрост дала вам точные указания или вы просто современный Натти Бампо?^[92] – спросил Колдмун.

– Спасибо, но я предпочитаю прозвище Зверобой, – парировала Констанс.

Путь преградила разошедшаяся дверь. Констанс открыла ее, и они вошли в просторную кладовую, похожую на кладбище старой мебели из отеля. Почти вся она была покрыта истлевшей материей, прорванной во многих местах, откуда торчали остовы выброшенных шкафов и кроватных стоек. Констанс прошла через всю эту свалку к большому гардеробу, придвинутому к дальней стене. Попыталась открыть дверцу, но та была заперта.

– Алоизий? – сказала она, отступив от шкафа.

Пендергаст снова воспользовался набором отмычек. Дверь распахнулась, открыв взглядам ряд старой одежды.

– Вероятно, наш друг Эллерби был поклонником К. С. Льюиса? – сухо спросил Пендергаст.

Констанс сдвинула вешалки в сторону и увидела за ними панель в половину человеческого роста.

– Если так, то вот она, Нарния.

Она отодвинула панель, и за ней оказалась темная дыра.

– Я пойду первым, – объявил Пендергаст.

Он нырнул в отверстие, за ним остальные. Мгновение темноты, а затем Пендергаст включил свет. Перед ними была комната скромных размеров, большую часть которой занимал прибор, установленный у дальней стены. Колдмун уставился на него, не зная, что и подумать. Слово «прибор» тут не подходило, но и «конструкция» тоже. Ничего похожего Колдмун в жизни не видел. Это было объединение двух совершенно разных частей, связанных проводами. Первая часть устройства состояла из ошеломляющего беспорядка тщательно обработанных бронзовых шестеренок, шкивов, рукояток, регуляторов, цепных передач и пружин, совсем как внутри гигантского часового механизма. Толстый пучок кабелей соединял ее с неряшливым скоплением всевозможного компьютерного оборудования: материнских плат, дисководов, клавиатур и мониторов, закрепленных болтами совершенно случайным на первый взгляд образом. На разных концах прибора располагались два сверкающих стержня из нержавеющей стали, увенчанные медными шарами. Стержни были направлены под углом в девяносто градусов один к другому.

– Как... как запустить эту крошку? – спросил Колдмун. – Что-то я нигде не вижу выключателя.

Пендергаст осторожно подошел ближе и осмотрел удивительный прибор, передвигаясь со сверкающими глазами от одного конца к другому. Потом достал фонарик-ручку и приступил к изучению внутреннего устройства.

Колдмун глубоко вздохнул и заставил себя отвернуться, занявшись осмотром остальной части комнаты. У стены напротив прибора стоял маленький металлический стол с дешевой лампой и стулом. На столе стоял обычный ноутбук рядом с беспорядочной стопкой бумаги и блокнотом. Мусорная корзина была до краев забита скомканными листами бумаги.

Сама комната была полуразрушена. В кирпичной стене слева от прибора зияла большая черная дыра, как будто туда били шаровым тараном. Кругом валялись расколотые кирпичи. Глубокие борозды шли по краям дыры, забрызганным точно такой же по виду смазкой, какую нашли на обескровленных телах. Пол был усеян всевозможным мусором – проводами, трубками, битым стеклом, пластиком. А еще он был покрыт мертвыми насекомыми, особенно в кругу, освещенном единственной свисающей с потолка лампочкой. Поначалу Колдмун решил, что это мотыльки. Или, возможно, стрекозы. Но, присмотревшись, он понял, что ошибся: у мертвых насекомых были стрекозьи крылья, но тела больше напоминали шершней.

Колдмун подошел к разрушенной стене. За проломом находился тоннель, похожий на угольный штрек. Глыбы угля все еще были разбросаны по каменному полу среди лужиц воды. Стены и потолок кто-то выбелил известкой.

Послышался шелест платья, и Колдмун понял, что Констанс встала рядом с ним.

– Мне представляется, что существо именно так и сбежало из здания.

Колдмун удивленно моргнул, потом еще раз.

– Существо?

– Да. То, что терроризирует Саванну.

– Это просто очень странно.

Констанс повернула к нему фиалковые глаза и процитировала:

– «Вселенная не просто более причудливая, чем мы предполагаем, она более причудливая, чем мы способны предположить»^[93].

– И чья же это жемчужина бессмертной мудрости?

– Говорят, Гейзенберга.

– Того парня из сериала «Во все тяжкие»?^[94]

Констанс глухо, безрадостно рассмеялась.

Колдмун уставился на прибор:

– Это самая безумная хреновина из всего, что я видел.

– Мне представляется, что настоящее безумие начнется, когда Алоизий выяснит, как ее включить.

Словно по заказу, в комнате раздался медовый голос Пендергаста:

– Я уверен, что нашел выключатель.

Похоже, Павел сам рвался пойти в тоннель вместе с Бэттсом и Мюллером. Гэннон дала ему отмашку, искренне радуясь, что ей самой не нужно идти следом. Она установила прожекторы рядом со входом в тоннель, но они не до конца пронзали темноту, потому что тоннель постепенно заворачивал вправо. Гэннон решила, что это не важно: у «Стэдикама» есть подсветка и ее хватит, чтобы Павел получил хорошие кадры. Главное, чтобы он быстро все отснял, а потом бежал оттуда как черт от ладана. Она молилась, чтобы и Мюллер не медлил.

Гэннон следила по монитору за тем, что снимает Павел. Мюллер в одиночестве медленно шел вперед. Он оставил у входа свою лозу и отправился в тоннель с одной только перцептивной камерой, готовясь сфотографировать спиритуальную турбулентность. Неровные глиняные стены, расцарапанные, словно граблями, мелькали в луче света от «Стэдикама» и снова скрывались во тьме. Гэннон вдруг поняла, что тоннель напоминает гигантскую нору. Это невероятно впечатляло, пугало... даже ужасало. Да, Гэннон было страшно. И в то же время она убеждала себя, что материал будет убойный. Бэттс, Мюллер и их продюсеры сколотят целое состояние, а ее карьера наверняка пойдет в гору, возможно даже в художественном кино. Она мечтала стать ведущим оператором фильма ужасов еще с тех пор, как маленькой девочкой посмотрела великолепную оригинальную версию «Призрака дома на холме».

Немного жаль, что Павел использовал «Стэдикам», не дающий полноценного эффекта ручной съемки, который был бы здесь идеален. Но уже поздно что-то менять. Если Бэттс будет настаивать на втором дубле, Гэннон заменит «Стэдикам» наплечной камерой Крейга. Но она надеялась, что эту сцену снимут с первого раза. Ее подбодряло то, что Бэттс и Мюллер уже по щиколотку измазались грязью и вряд ли захотят повторить все сначала. Мюллер просто должен сделать эти снимки призрачных возмущений, или как их там, и можно будет выбираться отсюда ко всем чертям. Боже, как мечтала Гэннон о глотке свежего воздуха! Она как будто оказалась под грязным мокрым

одеялом. Запах горелой резины накладывался на вонь раздевалки... или даже чего-то похуже.

Она вытряхнула из головы эти мысли и сосредоточилась на ремennom мониторе. Что это там еще за крохотные светящиеся пятнышки, черт бы их побрал?

– Второй, если получится, дай увеличенный план одного из этих пятен, когда подойдешь ближе, – сказала она в гарнитуру.

– No problemo, – услышался ответ.

Мюллер медленно продвигался по тоннелю, громко чавкая ботинками по грязи при каждом шаге. Потом остановился, поднял камеру, сделал два кадра один за другим и пошел дальше, высоко поднимая ноги. Когда он добрался до плавного поворота тоннеля, на мониторе появилась россыпь светящихся пятен.

– Павел, задержись на этом месте, пожалуйста, – попросила Гэннон.

Камера наехала на скопление огоньков.

– Что это за гадость? – сказала Гэннон скорее самой себе, чем кому-то еще.

Они напоминали капли слизи или, может быть, грибковые наросты грязно-зеленого цвета, в глубине переходящего в голубой.

Павлу удалось снять крупным планом слизь, или что это была за мерзость, и тут Мюллер удивленно охнул. Павел развернул «Стэдикам», и Гэннон увидела на мониторе, как Мюллер поднимает свою камеру, собираясь сфотографировать что-то в густом мраке. Она заметила неясные очертания прямо перед ним. В первое мгновение Гэннон испугалась, но затем сообразила, что это, должно быть, какая-то страшилка Бэттса, подготовленная заранее. Два огромных прищуренных глаза сияли в темноте кроваво-красным. Что за хрень такая? Можно не удивляться, что Бэттс так рвался в тоннель, чтобы встретиться с этим манекеном или чучелом. Но это уже слишком. Мог бы ее и предупредить. Босс он там или нет, но Гэннон получит его яйца на завтрак.

Глаза моргнули: внутренние веки были горизонтальными, внешние – вертикальными. Темно-красные круги пропали и снова появились. А потом начали приближаться с шумом, похожим на шорох опавших листьев.

– Что за на фиг? – сказал Павел.

Он попятился – «Стэдикам» покачнулся на креплении и вернулся в прежнее положение.

Даже у входа в тоннель Гэннон ощутила ударивший в лицо порыв теплого вонючего ветра. Послышалось свистящее шипение, словно из разорванных кузнечных мехов вырвался воздух. В свете камеры появился силуэт.

Гэннон припала к монитору. Это никак не могла быть механическая поделка, собранная Бэттсом. Оно было настоящим.

Павел продолжал пятиться, медленно, шаг за шагом.

– Господи! – пробормотала Гэннон. – О господи...

Она видела на мониторе, что Мюллер все еще стоит в нескольких шагах впереди, замерев на месте. Но это продолжалось лишь мгновение. Уронив камеру, Мюллер развернулся с выражением неподдельного ужаса на лице и едва не выскочившими из орбит глазами. Он открыл рот, и зловонный воздух разорвал дикий, булькающий, плаксивый крик. Мюллер пустился бежать, но поскользнулся в грязи и упал, исчезнув с монитора. Его спину закрыл огромный темный силуэт. Стоявший в десяти футах от Мюллера Бэттс попытался спастись, но потерял равновесие и тоже упал в грязь, хрюкнув, как перепуганная свинья. Павел уже бежал прочь, и «Стэдикам» раскачивался на ремне из стороны в сторону.

Тяжело дыша от страха, Гэннон отшатнулась и теперь лихорадочно пыталась отстегнуть ремень монитора, чтобы избавиться от лишнего груза. Роняя аппаратуру, все ринулись к выходу. Но тут, подняв мощную волну сырого маслянистого воздуха, из устья тоннеля с грохотом выбрался огромный силуэт с развевающимися, словно плащ, демоническими крыльями и бросился к ним под крики ужаса и боли.

Уэллстоун, все еще прятаясь за дверью ниши у входа на нижний уровень мавзолея, начал беспокоиться. Мюллер и Бэттс углубились в тоннель в сопровождении оператора, но, поскольку проход одновременно и понижался, и загибался, быстро исчезли из виду. Уэллстоун никак не мог подобраться ближе, не выдав себя, и ему пришлось довольствоваться наблюдением за оставшейся частью съемочной группы. В том числе и за ведущим оператором, которая отказалась идти в тоннель – несомненно, из-за вони, исходящей оттуда, и густого слоя грязи на полу. Но это не остановило двух ищущих след, – Бэттса и Мюллера.

Получалось, что он не сможет записать последний акт того, что задумал Мюллер. Тут явно пойдет в дело бутафорская камера, которую Мюллер прихватил с собой. Доказать, что все это постановочные фокусы, Уэллстоун мог и с тем, что уже отснял. Но пропустить финал было бы обидно.

Трое скрылись за поворотом тоннеля, и Уэллстоун замер, не снимая пальца со спуска затвора. Даже если бы он захотел снимать дальше, вторая карта памяти уже почти заполнилась. Скорчившись в своем укрытии, он переживал смешанные эмоции: возбуждение, сомнения и страх. Нет, «страх» – это слишком сильно сказано. Ему стало тревожно, и немудрено. Он только и ждал возможности убраться к черту из темноты оскверненного склепа. Скорее всего, отснятого материала и так хватит. И будет настоящая катастрофа, если его сейчас поймут и, вероятно, обыщут. Или даже тот мускулистый бандит начнет издеваться над ним. Впрочем, Уэллстоун заметил, что здоровяк и сам вспотел от страха. Крутые парни всегда ломаются первыми.

Из тоннеля донесся приглушенный звук, похожий на завывания волынки. Уэллстоун приготовил камеру: может быть, ему все-таки представится случай получить неплохие кадры. Тут же послышались и другие звуки, более громкие: крик и могучие удары, сотрясающие гробницу. Что там происходит? Однако Уэллстоун быстро справился с паникой, сообразив, что это начало представления Мюллера. И вдруг он услышал новый крик. Женщина-оператор испуганно попятилась от

устья тоннеля, развернулась и сорвала с себя ремень с монитором. Остальные с дружными воплями рванули со всех ног к лестнице.

«Что за чертовщина?»

В этот момент из тоннеля с мощным потоком зловонного воздуха вырвалось какое-то темное существо, такое огромное, что его кожистые крылья царапали стены. Оно набросилось на карабкающегося по лестнице здоровяка, схватило его и сбросило на пол мавзолея, а потом развернуло чудовищные крылья.

Уэллстоун не мог шевельнуться, не мог даже вздохнуть, как будто очутился в ожившем кошмаре. Он оцепенел, ноги и руки словно парализовало. Огромное морщинистое тело твари венчала крохотная, покрытая щетиной голова с круглыми фасеточными глазами, как у москита. Из нее выскочила тонкая трубочка и заскользила туда и обратно, ее кончик судорожно подергивался из стороны в сторону.

Тварь удерживала здоровяка крабьими клешнями на мохнатых лапах. Подвижная трубка, по-прежнему сжимаясь и разжимаясь, нацелилась в его ногу, а потом вдруг впиалась в верхнюю часть бедра. По гробнице эхом раскатился жуткий визг. А потом послышалось густое ритмичное причмокивание. Крылья твари опустились на тело жертвы, накрыли его, словно одеялом, и крик внезапно затих.

Секундой позже, хотя для Уэллстоуна время ничего уже не значило, чмокающие звуки прекратились, и существо снова поднялось, бросив лишенные крови останки здоровяка. Схватив со взрывной скоростью другого члена съемочной группы, оно без усилий разорвало жертву надвое, как отламывают кусок хлеба от буханки. Кровь и кишки хлынули во все стороны, словно сок из лопнувшего помидора.

У Уэллстоуна потемнело в глазах, но через мгновение он понял, что сам, защищаясь, закрыл лицо рукой. Его мышцы расслабились, подчиняясь атавистическому рефлексу, и он осел глубже за разгромленной нишей, машинально свернулся, как зародыш в утробе, и замер. Он слышал крики, тяжелое хлопанье крыльев, звуки разрываемой плоти и отвратительное причмокивание, ощущал приносимый ветром удушливый запах горелой резины.

А потом хлопанье стихло, все звуки умерли, и наступила тишина. И полная темнота.

Прошло время.

Уэллстоун внезапно понял, что ползет в темноте на четвереньках, весь в слезах и соплях. Он наткнулся на что-то мокрое и липкое, и его тело само, без всякой команды обогнуло препятствие. Рука нащупала потертую каменную ступеньку, тело подтянулось ближе и заползло на нее, потом на следующую. Наверху мелькнул отблеск света, и тело двинулось к нему.

Поднявшись до верхней ступеньки, он увидел в дальнем конце мавзолея дверной проем. Свет шел оттуда. Уэллстоун инстинктивно пополз к свету, медленно выдвигая сначала руку, потом колено, потом другую руку.

Наконец он выбрался наружу. Яркий свет шел справа, а слева дымовая машина выбрасывала клубы тумана. Вдалеке гудел генератор.

Еще там была женщина. Она сидела на земле, скрестив ноги. Блондинка в забрызганной кровью одежде, с опущенной на руки головой. Когда он выполз из мавзолея, женщина подняла голову. Взгляд ее был совершенно пустым, а пятна крови на лице казались жуткими красными веснушками.

Она посмотрела на него и снова уронила голову на руки.

Тело Уэллстоуна решило, что больше не может ползти, как будто на этом его служба закончилась. Он лег рядом с женщиной, свернулся в позу эмбриона и прикрыл голову руками. Он смутно чувствовал, что ждет, но кого или чего – этого он не мог сказать... Как не мог и не хотел бы вообще что-нибудь когда-нибудь говорить.

Терри О'Херлихи сбросил Дьюса с колен, встал с дивана в гостиной, прошел на кухню и открыл холодильник. Быстро осмотрев его содержимое, достал бутылочку холодного диетического чая, открутил крышку, вернулся и со вздохом плюхнулся на обычное место перед телевизором. Вмятины в пружинном диване полностью совпали с контурами его тела. Через мгновение Дьюс снова запрыгнул к нему на колени. Это был черный померанский шпиц, радость и гордость его жены. Вечером с Дьюсом гулял Терри. Прохожие посмеивались, глядя на то, как он ведет игрушечную комнатную собачку на поводке, отчего он чувствовал себя клоуном.

Терри глотнул холодного чая, выругался вполголоса и закрутил крышку. Влажный ветер задувал в открытое окно, теребя кружевные занавески. Кондиционер сломался два дня назад, а пенсионное пособие придет только на следующей неделе. Терри приложил бутылку к виску. Раз уж эта дрянь не пригодна для питья, пусть хотя бы немного охладит его.

Он оглядел тускло освещенную комнату: обшарпанный обеденный стол, потрепанный лоскутный коврик, семейные фотографии в заботливо протираемых, но все равно пожелтевших рамках. Сорок два года на штамповочном производстве, пять дней в неделю, в ожидании пенсии – и вот теперь он наконец-то свободен. Отлично. Совершенно свободен.

Его взгляд упал на пепельницу, стоявшую на кофейном столике. Жена протирала ее так усердно, что та чуть ли не сверкала в темной комнате. Молли была чистоплотной женщиной, но тут дело заключалось не в чистоте: она не желала видеть ни пепла, ни окурков, ни чего-то еще, способного навести его на мысли о курении.

То же самое и с выпивкой. Жена раз за разом выбрасывала его бутылки с ржаным виски, а туда, где они были спрятаны, совала всякий хлам. Раньше он держал бухло на кухонной полке, но теперь она заставлена посудой. Молли нашла бутылку даже в подвале и устроила грандиозный спектакль, когда доставала ее. Ищейка, а не женщина.

«Зараза!» – пробормотал он и с громким стуком поставил бутылочку с чаем на стол. Когда эта женщина перестанет шпионить за ним? Он всю жизнь работал. Что плохого в пачке сигарет или в половине пинты? Ну хорошо, в целой пинте? Он прекрасно себя чувствует, что бы там ни говорили доктора из Мемориальной больницы. Это не значит, что он выходит на тропу войны или еще что-то такое. Просто мужчина имеет право на маленькие удовольствия.

На самом-то деле у него была записка: пачка «Кул» и пара бутылок «Олд Оверхолт», припрятанные на дождливый день там, где Молли их никогда не найдет. От одной мысли, что они на месте, ему уже становилось веселее.

Он приподнял задницу над диваном и пустил газы. Дьюс наострил уши и укоризненно посмотрел на него.

– Ладно, мальчик, – немного виновато сказал Терри, с кряхтением встал и потянулся за поводком. – Давай покончим с этим.

Ночной воздух оказался холоднее, чем в доме, но лишь чуть-чуть. Терри остановился. Небо расчистилось. В районе Эйвондейл на востоке Саванны было тихо, но вдалеке горели огни и слышался какой-то шум: этот сенатор снова приехал в город и самому себе сделал хуже.

Терри дернул за поводок и направился на восток по Луизиана-авеню. Маршрут никогда не менялся: несколько кварталов по Нью-Джерси-авеню, потом квартал по Нью-Йорк, еще пара – по Огайо-авеню, и вот уже и дома. Это была короткая прогулка – пять минут, если Дьюс не задержится, обнюхивая собачьи гадости.

Он свернул на Нью-Джерси-авеню и заметил сыновей Делоуча, сидевших в темноте на крыльце своего дома. До него долетел сильный запах травки, а следом послышались шепот, хихиканье и, наконец, мальчишеский фальцет:

– Какой красивый у вас хомячок, мистер О’Херлихи.

«Голодранцы», – подумал он, но не ответил, а лишь слегка прибавил шаг.

Надо брать с собой сигареты на эти прогулки. Во всяком случае, так будет веселее. Сегодня, например, Молли проторчит в Нью-Джерусалеме часов до десяти, обсуждая предстоящий вечерний спектакль и тихий аукцион. Но нет, она все равно унюхает, когда вернется домой.

Впереди показался перекресток с Нью-Йорк-авеню. Дьюс остановился, чтобы обследовать большую кучу, но Терри был не в настроении и отдернул шпица.

– Никаких развлечений сегодня, мальчик.

Таким темпом он доберется до дома за пару минут.

Ветер изменился, и внезапно он снова услышал шум. Но теперь он доносился не из центра города, а со стороны кладбища. И это совсем не напоминало приветствия и аплодисменты, а скорее было похоже на истошные крики.

Когда он с любопытством посмотрел в том направлении, то увидел, как темная туча поднялась в ночное небо. Вот только тучи так внезапно не появляются. И у них нет крыльев.

Дьюс заскулил и залаял, дергая поводок, но Терри ничего не замечал. Он смотрел на летящую в небе тварь.

Она поднималась, медленно взмахивая тощими крыльями, бледно-голубая в призрачном свете луны. Однако даже с такого расстояния Терри разглядел туловище, похожее на высохший кожаный мешок. Пока он смотрел, тварь на мгновение зависла, а потом – хлоп, хлоп – заскользила над каналом Плацентия и тяжело закружила над промышленной зоной возле кладбища. Она вертела маленькой жуткой головой из стороны в сторону, словно что-то выискивая. А потом вдруг резко развернулась и помчалась как стрела.

Она направлялась к центру города.

Терри смотрел ей вслед, пока она не исчезла в дымке весенней ночи. И даже после этого еще мгновение стоял неподвижно. А потом развернулся и медленно, на негнущихся ногах зашаркал к дому напрямик, через чужие дворы и подъездные дорожки. Как только он открыл дверь, Дьюс метнулся в гостиную и спрятался под диван. Терри опять не обратил на него никакого внимания. Он направился по коридору в гостевую спальню. Открыл платяной шкаф и просунул руку за плохо прибитую фанерную заднюю стенку. Пошарил там и вытащил пачку сигарет, но тут же отбросил в сторону. Потянулся за стенку еще раз и отыскал бутылку «Олд Оверхолт». Забыв про сигареты, он вернулся в гостиную, сел на диван и откупорил бутылку. Он пил медленно и задумчиво, а тем временем далекие ночные звуки начали меняться.

Пендергаст взял со стола блокнот и пролистал его. Затем, не закрывая, переложил в левую руку, чтобы можно было свериться с записями, а правой осторожно взялся за рычаг, лежавший на двух металлических опорах. Рядом с рычагом располагался индикатор с черным поворотным регулятором.

– Мне кажется, эта штука не похожа на выключатель, – сказал Колдмун.

– Такой выключатель называется ножевым. Он, конечно, примитивный, и неосторожного пользователя легко может ударить током.

Пендергаст снова заглянул в блокнот.

– Будет разумно, если вы оба отойдете подальше. Не знаю, что именно произойдет, но уверен, что случится оно именно там, куда показывают эти два огромных электрода... и где вы сейчас стоите. – Он указал на шлифованные стальные стержни, каждый из которых был увенчан маленьким медным шариком.

Колдмун торопливо отступил, а следом за ним и Констанс.

– А вот это напоминает два уровня мощности, – сказал Пендергаст, теперь указывая на проведенные от руки черточки на регуляторе с пометками «I» и «II». – Мы начнем с меньшего.

– Вы уверены? – спросил Колдмун.

– Не совсем.

Пендергаст осторожно повернул ножевой выключатель до упора. Контакт заискрился, и весь прибор с низким гулом завибрировал. Пендергаст отступил к дальней стене, где уже стояли Колдмун и Констанс, и они втроем молча смотрели, как разогревается установка. Включился монитор компьютера, и сразу в нескольких окнах замелькали данные.

У Колдмуна заколотилось сердце. Вряд ли это была удачная идея – просто взять и включить чертову машину. Но ничего другого он предложить не мог. К тому же спор с Пендергастом ни к чему не приведет... и никогда не приводил.

Вибрация постепенно усиливалась, и Колдмун почувствовал, что внутри у него тоже все трясется. Стрелка индикатора дрогнула. В комнате подозрительно потеплело, как будто зажглась инфракрасная лампа. И вдруг от одного медного шарика до другого промелькнула вспышка. Затем между ними заплясал еще один разряд. Третья светящаяся арка, в отличие от предыдущих, замерла в той точке, куда указывали два стальных стержня. Она начала расширяться, и Колдмуну показалось, что даже сам воздух между двумя медными шариками стал видимым: словно тончайшие вуали, сверкая серебром, затрепетали под сильным ветром. Но вскоре мерцание прекратилось, воздух очистился, и на месте вспышки появилось изображение ночной площади, ярко освещенной, заполненной людьми и автомобилями, окруженной со всех сторон небоскребами.

Колдмун вздрогнул, узнав ее.

– Эй, а это, случайно, не Нью-Йорк?

– Похоже, что так и есть, – пробормотал Пендергаст.

Перед ними как будто открылось окно в далекий город, но края этого окна были нечеткими, расплывчатыми. Они переливались всеми цветами радуги. Колдмун проглотил комок. Окно – или портал – мерцало и колыхалось посреди комнаты. Такого не могло быть... Но все же он видел это собственными глазами.

– Это Таймс-сквер, – сказала Констанс, – если смотреть с юга на Нью-Йорк-Таймс-билдинг со значительной высоты.

Она замолчала на секунду.

– Могу предположить, что точка наблюдения находится где-то на Западной Сорок шестой улице... вероятно, в отеле «Марриотт маркиз».

– Уверен, что ты права, – ответил Пендергаст.

Зрелище было потрясающее: ярко освещенная площадь с установленными на окружающих ее зданиях гигантскими экранами, которые светились рекламой, логотипами и новостными сообщениями. У самого подножия Таймс-билдинг бежала обычная информационная «змейка», а под ней – строка биржевых котировок. Был оживленный вечер, площадь заполнили туристы и театралы. И еще звуки... Колдмун слабо различал проникающий через портал шум Таймс-сквер: автомобильные сигналы, гомон толпы, полицейские свистки и крики зазывал. И так же слабо доносились запахи ночного майского

города: выхлопных газов, нагретых тротуаров, подгоревших кренделей и шашлыков.

Колдмун все смотрел и смотрел. Картина была слишком реальной для телевизионного экрана с любым разрешением. Опять же словно вид из открытого окна – лучшего сравнения не придумаешь. Он удивленно скользил взглядом по площади, пока не остановился еще раз на Таймс-билдинг и его легендарных гигантских экранах с температурой, датой и точным временем.

Датой и временем.

– Это же Таймс-сквер прямо сейчас, – изумленно проговорил он.

После недолгого молчания Констанс ответила:

– Нет.

– То есть как это?

– Это не Таймс-сквер... во всяком случае, не наша Таймс-сквер. И не прямо сейчас к тому же.

– Черта с два! Видите цифры на экране? Девять одиннадцать вечера.

Констанс достала сотовый телефон и показала Колдмуну.

– Сейчас девять десять. Таймс-сквер, на которую вы смотрите, на одну минуту в будущем.

Колдмун переводил взгляд с изображения на телефон и обратно. Время на большом экране в портале изменилось на девять двенадцать. А на телефоне Констанс – на девять одиннадцать.

– Это и есть секрет успешной торговли Эллерби, – сказал Пендергаст. – И Фрост до него. Как видите, по экрану бегут котировки разных акций – на одну минуту в будущем. И там указаны только акции ведущих компаний. Это объясняет, почему Эллерби ограничивался торговлей по промышленному индексу Доу – Джонса.

Колдмун уставился на экран. Биржевые символы и цифры казались ему полной белибердой.

– Мм, одна минута? Непохоже, что это такое уж большое преимущество.

– Достаточно, чтобы получить скромную прибыль, особенно при нестабильном рынке, – ответил Пендергаст. – Мисс Фрост занималась этим много лет: небольшой, но стабильный заработок. Но потом за дело взялся Эллерби, а его маленькая прибыль не устраивала. Он

изучил принципы работы прибора и сумел создать улучшенную модель, используя современные технологии.

Он повел рукой в сторону устройства.

– Как видите, это не простенький прибор Фрост, умещавшийся в кейсе, а куда более мощный агрегат. Способный заглянуть дальше в будущее.

Колдмун лишь снова покачал головой.

Пендергаст взял блокнот.

– Если я правильно понял обозначения Эллерби, римская цифра II на регуляторе означает второй уровень мощности. Во много раз выше, чем та, которую собирались использовать Фрост и ее приятель из «Боинга». Она позволяет проникать в параллельную вселенную, находящуюся приблизительно на час в будущем. Но не забывайте, что мы видим не наше будущее. Это окно в параллельную вселенную, в точности такую же, как наша, только опережающую нашу на минуту или час. Зная, какие котировки будут через час и заключая сделки на основе этой информации, можно заработать миллионы. Сотни миллионов.

– Почему же тогда мы видим эту картину, а не какую-то другую?

– Фрост объяснила мне, – сказала Констанс. – Добившись того, чтобы устройство заработало в полную силу, она отправилась на Таймс-сквер, вошла в здание на северной стороне перекрестка, поднялась на такую высоту, откуда открывался удобный обзор, установила прибор на окне и направила на Бродвей. Сфокусировала или, точнее, настроила на этой самой картине. И потом, куда бы она ни перевозила прибор, всегда видела параллельную Таймс-сквер с этой точки обзора. Пока бегущая строка на экране показывала свежие котировки, ей не нужно было перенастраивать прибор на что-то другое, с этой информацией она спокойно могла торговать акциями.

– Это какая-то заумь, – проворчал Колдмун. – Мне такого не понять.

– Пожалуйста, постарайтесь понять, – ответил Пендергаст. – Дело в том, что я собираюсь повысить мощность до второго уровня.

– Зачем? – удивился Колдмун.

– Потому что именно так поступил Эллерби.

Колдмун оглянулся на Констанс, а та обернулась к Пендергасту со странным выражением лица.

– Мне кажется, это не самая лучшая идея, – продолжил Колдмун. – Нужно вызвать оперативную группу ФБР, чтобы они упаковали эту крошку и отвезли в Куантико, где ее исследуют в самой современной лаборатории.

Пендергаст приподнял бровь:

– Вы предпочли бы передать прибор в руки нашему дорогому правительству? И уверены, что наши политические лидеры используют его мудро и во благо?

– Ох. – Колдмун на мгновение замолчал. – Об этом я не подумал.

– Мы должны все сделать сами, – сказал Пендергаст и положил ладонь на индикатор. – Я убежден, что это устройство – ключ к тому, кто или что угрожает Саванне. Если мы решили понять, что это такое, и справиться с ним, для начала нам понадобится информация.

И он медленно повернул регулятор дальше.

Пендергаст повысил мощность, и как будто кто-то бросил камень в спокойную воду. Зеркально-чистое изображение Таймс-сквер пошло волнами и внезапно исказилось. Вибрация в комнате усилилась, вызвав слегка тошнотворное чувство в животе Колдмуна – что-то странное, ниже предела слышимости, но не ниже способности тела ощущать это.

Портал замерцал, заколыхался, изображения сменялись с почти неуловимой быстротой, невероятно ускоряя время, извивались и перепутывались в постоянно меняющиеся узлы, свертывались и накладывались одно на другое. Колдмун видел множество изображений Таймс-сквер, промелькнувших перед ним в мгновение ока, – но, кроме того, он видел, или, по крайней мере, ему так показалось, бесконечную череду удивительных космических картин: звезды, галактики и туманности, вихрь инопланетных пейзажей и безумные черные дыры.

Пальцы Пендергаста остановили регулятор на второй, и последней отметке. Калейдоскоп видений прекратился, изображение Таймс-сквер замерло, словно вода вернулась в неподвижное состояние. Там все еще была ночь, и все выглядело так же, как и прежде. Но Колдмун сразу заметил время на экране Таймс-билдинг: десять пятнадцать, на час в будущем.

Сам портал тоже выглядел иначе. Радужные края изображения стали теперь четче, и создавалось впечатление, будто смотришь на Таймс-сквер сквозь мерцающий тоннель. И в этом тоннеле едва различались причудливые очертания фантастических порхающих существ. Никуда не исчезающий все это время запах горелой резины усилился, из портала дохнуло потоком теплого, влажного воздуха.

Внезапно из-за края тоннеля вылетела похожая на стрекозу тварь, следом за ней другая. Они приблизились к порталу, замерли и с усилием выбрались из него, словно из кокона.

– Отойдите подальше, пожалуйста, – сказал Пендергаст, предупреждая подняв руку.

Насекомые влетели в комнату. Точно таких же, только мертвых, Колдмун видел на полу: полупрозрачные крылья и толстое брюхо с пугающим жалом на хвосте. Насекомые по спирали поднялись к оголенной лампочке под потолком и набросились на нее, ударяясь снова и снова, пока не сломали себе крылья и беспомощно не забились на полу. Но через мгновение новые насекомые пробрались через мембрану портала, полетели к лампочке и закружились над ней, то и дело стуча о стекло, а потом сцепились друг с другом.

– Видимо, высокий уровень мощности позволяет этим существам проникать к нам. И вовсе не из знакомой нам вселенной с Таймсквер, – сухо заметил Пендергаст и добавил после паузы: – Очевидно, есть и другие вселенные, совершенно не похожие на нашу.

Колдмун смотрел на неистовую схватку насекомых, как они жалят друг друга, падают на пол и бьются в объятиях смерти.

– Только мелкие существа, – тут же отозвалась Констанс. – Фрост объяснила, в чем дело. Параллельные вселенные примыкают одна к другой, как мембраны. Их границы можно разглядеть сквозь тоннель. Фрост называла это многосвязным пространством. Именно оттуда и появляются насекомые.

Пендергаст нахмурился:

– Фрост знала о них?

– Предполагала, – ответила Констанс.

Колдмун заметил, что портал потерял стабильность, то вспыхивая, то угасая. Вонь усилилась, и с той стороны доносился странный скрежет, от которого вставали дыбом волосы на затылке.

– Думаю, мы увидели достаточно, – сказал Пендергаст и подошел к регулятору, чтобы понизить мощность.

– Постойте! – крикнул Колдмун. – Вы видите это?

Он указал на самый большой экран Таймс-билдинг, все еще различимый в неустойчивом свете. На нем вспыхнула надпись: «ЭКСТРЕННЫЕ НОВОСТИ». Потом экран растворился в нечто, похожее на прямую трансляцию с вертолета службы новостей: пылающий город, в ужасе бегущие по улицам люди, лежащие повсюду трупы.

– Это же Саванна! – воскликнул Колдмун. – Боже ты мой, что случилось?

В кадр вплыло кошмарное чудовище: гигантская летучая мышь с раздутым телом и злобной комариной головой, которая вертелась из стороны в сторону. Ее хоботок судорожно втягивался и вытягивался, и с него что-то капало. И тут, как на заказ, по экрану снова побежала строчка новостей: «ЖЕСТОКОЕ НАПАДЕНИЕ В САВАННЕ, ДЖОРДЖИЯ, СОТНИ ПОГИБШИХ, ВОЙСКА ПРИВЕДЕНЫ В ГОТОВНОСТЬ...»

Как только на экране Таймс-сквер замелькала лента новостей, а внимание Пендергаста и Колдмуна привлекла развернувшаяся на нем картина бедствия, Констанс выскочила из комнаты через секретный ход в шкафу и очутилась в подвале. В каком-то откровении она заглянула дальше того несчастья, что постигло – может постигнуть – Саванну.

Констанс поднялась по лестнице в вестибюль, а затем еще выше на три пролета. Быстро прошла по коридору к двери, ведущей в комнаты Фрост. Дверь на этот раз оказалась заперта. Достав шпильку из кармана платья, Констанс вскрыла замок и взбежала по лестнице. Дверь на верхней площадке тоже была закрыта на замок. Констанс подергала ручку, а затем с внезапным приливом ярости пнула дверь ногой – раз, другой, пока она не распахнулась настежь, громко ударившись о дверной косяк.

В комнате Фрост было еще темнее, чем обычно, ее освещали только лампы от Тиффани. Поднятые жалюзи на французских дверях у дальней стены открывали вид на балкон и крышу над ним. Ширма была отодвинута, позволяя любоваться захватывающей панорамой Саванны. Лунный свет, то и дело скрываясь за несущимися по небу облаками, отбрасывал пятна теней на книжные шкафы, скульптуры и мебель.

Констанс торопливо огляделась. Едва различимая в темноте, Фрост сидела на том же диване, что и в прежние встречи. Трость с перламутровой рукоятью лежала рядом с ней. Она была в элегантном пеньюаре-кимоно из алого шелка и белой шелковой блузке под ним. На чайном столике стояли бутылка вина и наполненный до половины бокал.

Книга, с которой Фрост, видимо, никогда не расставалась, лежала у нее на коленях, и она что-то записывала на полях. Потом отложила книгу и ручку в сторону и сказала:

– Это было грубо. Но по крайней мере, вы избавили меня от необходимости открывать дверь. Боюсь, что это старое тело сегодня капризничает больше, чем обычно.

Она произнесла фразу привычным насмешливым тоном, однако Констанс уловила в голосе пожилой дамы дрожь, какой-то скрытый страх. Тяжело дыша, Констанс подошла ближе.

– Выпейте со мной «Джакомо Контерно». После вашего последнего визита я потихоньку разграбляю собственную коллекцию.

– У нас нет времени на вино и болтовню, – сказала Констанс.

– Боже мой, да вы, кажется, слегка взволнованы.

– Вы солгали мне.

– Я ни в чем вам не солгала.

Констанс оборвала ее взмахом руки.

– Во всяком случае, вы утаили от меня нечто важное. То, что сделал Эллерби.

Вместо ответа мисс Фрост подняла бокал. Но рука так дрожала, что ей пришлось опустить его, даже не пригубив.

– Я видела прибор, – продолжала Констанс. – В действии. И на первой отметке... и на второй. Не сомневаюсь, что вы и сами все видели, когда застали Эллерби за этим занятием в подвале.

Фрост хранила молчание.

В одно мгновение Констанс оказалась перед владелицей отеля.

– Никаких оправданий, – сказала она. – Никаких объяснений. В любом случае вы слишком стары, чтобы это имело значение... мисс Райм.

Бесцветные глаза Фрост округлились, когда ее назвали настоящим именем.

– Вы украли у старика труд всей его жизни. А потом позволили Эллерби превратить его изобретение в кошмар. Намеренно или нет, но вы все еще в ответе за это. Итак, сейчас вы расскажете мне все, о чем умолчали... Начиная с того, не проводил ли Эллерби эксперименты с бóльшим уровнем мощности, чем обозначенные на регуляторе.

С лица Фрост слетела маска усталости от жизни.

– Время лжи прошло, – продолжала Констанс. – Саванна на грани разрушения – мы видели это в приборе. Немедленно расскажите мне все, что знаете и о чем подозреваете.

– Я уже упоминала многомировую теорию, – тут же заговорила Фрост. – Патрик был ненасытен. Он увеличил мощность прибора, чтобы заглядывать на час вперед. Но при этом портал проходит сквозь множество других вселенных, иногда совсем не похожих на нашу. И

увеличиваются шансы на то, что портал не просто пройдет, а... пересечется с ними. Откроет дверь в них.

Когда она замолчала, Констанс услышала пробивающиеся снизу звуки, похожие на крики, хоть и приглушенные закрытыми дверями, но отчетливо различаемые.

– Вы слышите это?

– Похоже на обычный саваннский пьяный загул, – сказала Фрост.

– Нет. Мы опоздали. Ответьте мне на один вопрос: что случилось бы, если бы Эллерби настроил прибор дальше второго уровня?

Но едва лишь Фрост начала отпираться, снаружи раздался ужасающий грохот. Глаза женщин встретились. Они подошли к французским дверям с видом на Саванну. Констанс распахнула их настежь и шагнула на балкон. Желтоватый свет заиграл на ее лице, обращенном на восток, навстречу смятению и хаосу. Фрост подошла и встала рядом с Констанс. Когда они взглянули на город, Фрост инстинктивно поднесла руку ко рту... Но это не очень-то помогло ей сдержать невольно сорвавшийся с губ крик ужаса.

Капитан Делаплейн в сопровождении двух лейтенантов стояла в южном конце Форсайт-парка, наблюдая за митингом. До сих пор все шло как по маслу. Она видела сенатора на трибуне, высоко над толпой. Голос Дрейтона гремел из башенных динамиков. Два огромных экрана за спиной сенатора усиливали впечатление от его речи, показывая, как он тычет пальцем в небо и потрясает кулаком. Толпа одобритительно редела, размахивая транспарантами и флагами.

Делаплейн втайне была убеждена в том, что Дрейтон первостатейный говнюк, из тех политиков, кто на словах поддерживал службы правопорядка, а на деле первым сокращал финансирование. Но в разговорах с коллегами она ни разу не обмолвилась и словом о своих политических взглядах, и это ее вполне устраивало.

Протестующие, которых так опасался сенатор, оказались горсткой помахивающих плакатами унылых молодых людей, чьи голоса невозможно было расслышать за громоханием динамиков и ревом толпы. Делаплейн удивляло, как мог человек вроде Дрейтона собрать столько восторженных сторонников. Вероятно, было в нем что-то такое, привлекающее людей определенного сорта, но понять это она не могла.

Ее передатчик зашипел, заскрежетал и разразился потоком неразборчивых криков.

– Патрульный, сделайте глубокий вдох и назовите себя, – сказала она.

– Патрульный Уорнер, у нас десять – тридцать три!^[95] Какая-то... летучая... жуткая тварь нападает... Что за?..

Фоновый шум был так силен, что слова исчезали в этом реве.

– Уточните обстановку! – прокричала Делаплейн.

Ответ прозвучал неразборчиво, в голосе слышалась паника.

После взрыва статических помех связь оборвалась.

И вдруг передатчики всех полицейских вокруг нее истерически загудели. Пока Делаплейн пыталась дозвониться до управления по загруженной до предела аварийной частоте, с востока донесся вой сирен. И что-то еще: хор автомобильных гудков и слабые крики.

Она нажала кнопку передачи:

– Диспетчер, диспетчер, это Делаплейн. Что случилось?

– Эйвондейл, восточная Саванна, многочисленные сообщения о нападениях. Какое-то... э-э-э... летучее существо нападает на людей.

– Что вы сказали?

Пока диспетчер объяснял, но в объяснениях не было никакого смысла, с востока докатилась волна шума и криков, с каждым мгновением звучащих все громче. Делаплейн обернулась, посмотрела поверх дубов, обрамлявших Дрейтон-стрит, и разглядела в небе оранжевые отблески и столб дыма. Пожар!

Она вернулась к голосу из передатчика, но диспетчер все так же бессмысленно раз за разом повторял сигнал «десять – тридцать три». Стоявшие рядом полицейские в нерешительности поглядывали на нее, ожидая указаний.

Делаплейн собрала их в круг.

– Итак, вы сами все слышали. Происшествие в восточной Саванне. Все докладывают, что дело серьезное, десять – тридцать три. Поэтому...

Голос Дрейтона дрогнул на полуслове. Толпа заволновалась и внезапно притихла. Небо на востоке стремительно краснело, и воздух наполнили звуки автомобильных гудков и сирен. Грохотавший из динамиков голос затих, и Делаплейн оглянулась на трибуну. Дрейтон стоял с открытым ртом и смотрел на восток. И тут капитан увидела, на что он смотрит: темный силуэт на фоне алеющего неба медленно, почти лениво хлопал крыльями, приближаясь к парку. Делаплейн застыла на месте, пытаясь понять, что это такое. Хищная птица? Нет, слишком большое и слишком далеко. Какой-то летательный аппарат? Оно было темным и при этом сверкало, скользя над крышами домов, которые отражались на его нижней поверхности. Господи, оно было размером с небольшой самолет!

Опустившуюся на площадь глубокую тишину оборвал одинокий тонкий крик... И все обрушилось в ад. Огромный силуэт спикировал к площади, привлеченный шумом, светом и скоплением людей. Он промчался над площадью, подсвеченный снизу прожекторами. Теперь Делаплейн разглядела подробности, но это мало чем помогло – ничего похожего она в жизни не видела. Комариная голова с большими глазами и сальной питательной трубкой и чудовищное тело летучей

мышь ливерного цвета, крылья с сеткой разбухших кровеносных сосудов и два ряда высохших сосков, свисающих с брюха. Тварь пролетела над помостом, развернулась и, взмахивая крыльями со звуком разрываемого шелка, понеслась обратно. Каждый взмах обдавал испуганную разбегающуюся толпу потоком влажного зловония. Скользящий хоботок то и дело выскакивал вперед, словно приплюсываясь по-собачьи, фасеточные глаза вертелись из стороны в сторону.

Митинг мгновенно превратился в невообразимое столпотворение. С зарождающимся ревом ужаса тысячи зрителей исполинской волной ринулись прочь от помоста, разбегаясь во все стороны, падая и попадая под ноги других бегущих, ломая и опрокидывая стулья, теряя обувь, цепляясь за спины тех, кто опережал их в попытке спастись... А высоко над ними огромные экраны показывали лицо Дрейтона с отвисшей челюстью и дрожащими губами. Тварь спланировала к нему, сверкая жуткими когтями, и железным капканом сомкнула их вокруг торса Дрейтона, а потом взмахнула крыльями и взлетела. Дрейтон корчился и извивался, словно рыбина, выхваченная хищной птицей из воды, и с высоты донесся его пронзительный крик.

Охранники сенатора – те немногие, кто не сбежал, – выхватили оружие и, укрывшись за помостом, открыли стрельбу по взлетающей в небо твари. Делаплейн тоже вытащила свой «глок», полицейские последовали ее примеру, но машущее крыльями чудовище поднималось все выше и выше, где его нельзя было уже достать, и капитан прекратила стрельбу. Слишком велики были шансы попасть в самого сенатора. Кроме того, непохоже было, что шквал огня хоть как-то повредил твари, наоборот, только разозлил ее. Она повернула комариную голову и погрузила трубкообразную верхнюю губу в тело сенатора. Жалобный крик Дрейтона внезапно затих, сменившись булькающими, причмокивающими звуками, как будто кто-то пил через трубочку густой молочный коктейль.

Делаплейн снова взяла передатчик:

– Это капитан Делаплейн. Я в Форсайт-парке. Нам нужен спецназ, нам нужна Национальная гвардия, нам нужно тяжелое вооружение, нам нужны войска. Немедленно!

В этот самый момент охваченная паникой обезумевшая толпа хлынула на полицейский наряд живым цунами, какой-то здоровяк с

бритой головой задел на бегу Делаплейн, и она едва успела отскочить в сторону от пронесившегося мимо людского потока.

Следом за Пендергастом Колдмун взбежал по подвальной лестнице в вестибюль. Обычно тихое помещение быстро заполнялось людьми, хлынувшими с улицы в поисках укрытия. Кто-то рыдал, кто-то бился в истерике, многие были пьяны. Пробивая дорогу через этот поток, Колдмун гадал, куда черти понесли Констанс, когда она поскользнулась бесшумно ускользнула из подвальной комнаты. Одному Богу известно, что задумала эта пугающая женщина.

На улице царил еще больший хаос. На юге, где проходил политический митинг, в небе кружила, словно ястреб, чудовищная тварь. Ее тело мерцало потусторонним сиянием, на левом крыле старым шрамом горел странный крест. Она держала что-то в когтях – человеческое тело. Выхватив пистолет, Пендергаст рванулся вперед, навстречу толпе, Колдмун пытался не отстать от него. Воздух гудел от криков, сирен и беспорядочной стрельбы. Улицы и тротуары были забиты народом, охваченные паникой люди разбегались кто куда, лишь бы укрыться от жуткой твари.

Пока Колдмун с благоговейным ужасом наблюдал за чудовищем, оно выпустило из когтей труп и спикировало на еще оставшуюся в парке толпу под хор испуганных криков и разрозненные выстрелы. Захлопав мерцающими крыльями, тварь снова взмыла в небо с несколькими новыми извивающимися жертвами в когтях.

Колдмун не мог оторвать глаз от жуткой твари, пытаясь в то же время пробиться сквозь толпу и осмыслить, что же он видит. Это был не Вакиньян, небесный дух грома, о котором ему рассказывала бабушка. И не Унктехи, гигантский рогатый змей, тревоживший его детские сны. Нет, это была какая-то ужасная смесь, мерзкое непотребство, покрытое боевыми шрамами чудище, какому нет места ни на земле, ни в мифах.

Нет места на земле...

– Не отставайте! – гаркнул Пендергаст, прорываясь к парку.

Тварь все так же кружила в небе, страдая от пуль ничуть не больше, чем бык от блошиных укусов. Она раз за разом ныряла в толпу, выхватывала из нее людей, разрывала в воздухе на части,

разбрасывала, а потом с кровожадной яростью опять пикировала за новыми жертвами.

Пендергаст с кошачьей ловкостью петлял в бегущей толпе, Колдмун едва поспевал за ним.

– Мы должны подобраться к ней как можно ближе и найти какую-нибудь возвышенность, – сказал Пендергаст и вдруг указал куда-то пальцем. – Церковь!

Впереди загрохотало, и Колдмун увидел, как башни усилителей опрокинулись под брызги искр и шипение электрических разрядов. Через мгновение из-под огромного деревянного помоста показались языки пламени и быстро разрослись до настоящего пожара. Похоже, огонь еще больше разъярил чудовище, доведя до полного безумия. Оно покружило над огнем и тлеющими головешками, потом сделало петлю над Уитакер-стрит, срезая концами крыльев кроны деревьев, разбивая фасады домов, обрушивая осколки стекла и обломки кирпичей на запруженную людьми улицу. Неподалеку загорелась придавленная упавшим деревом машина.

На фоне пожара четко вырисовывался силуэт колокольни методистской церкви на Уитакер-стрит. Пендергаст и Колдмун взбежали на крыльцо. Дубовая дверь оказалась заперта, испуганные люди сгрудились возле входа. Пендергаст змеей проскользнул между ними, подошел к двери и вмиг открыл замок.

Люди хлынули в святилище, а Пендергаст свернул в сторону. Они с Колдмуном остановились перевести дух и осмотреться. Сквозь витражные окна мерцало оранжевое пламя над помостом.

– Сюда, – сказал Пендергаст.

Они нашли дверь на лестницу, поднялись, прыгая через ступеньку, и мгновением позже очутились на хорах, лицом к стенке органных труб. Но Пендергаст уже разглядел в углу закрытую дверь, быстрым движением открыл ее и вышел к железной винтовой лестнице, уходящей в темноту.

Виток за витком они поднялись на самый верх и остановились возле люка в потолке. Пендергаст выбил его плечом и вскарабкался в маленькую квадратную комнатку, закрытую со всех сторон жалюзи. С горизонтального бруса свисали бесчисленные колокольчики – церковный карийон. Не обращая на них внимания, Пендергаст раздвинул жалюзи и вышел на мостки вокруг шпиля. Колдмун

огляделся и понял, что они оказались над верхушками деревьев. Чудище все еще кружило над парком и, описав длинную ленивую петлю, направлялось теперь прямо к церкви.

– Выше, – сказал Пендергаст.

Он начал взбираться наверх, хватаясь за ржавую железную лестницу, идущую вдоль самого шпиля.

– Постойте! – крикнул Колдмун. – Разве вы не понимаете, что все это бесполезно?

Пендергаст остановился, но лишь на мгновение.

– Мы уже знаем, что произойдет! – убеждал его Колдмун. – Мы видели это!

– Нет ничего неизбежного! – решительно ответил Пендергаст и начал подниматься.

Констанс смотрела поверх крыш домов на кружившее над Форсайт-парком порождение ночных кошмаров. Кожистые крылья простирались на десятки футов из разбухшего мохнатого брюха, усыпанного двумя рядами сальных сосков длиной в фут. Торчавшая над крыльями голова казалась дьявольской помесью слепня с москитом. Фасеточные глаза сверкали в отраженном свете, отвратительный хобот то выскальзывал из пасти, то втягивался назад. Пусть даже и огромная, голова все равно выглядела пугающе маленькой по сравнению с раздутым телом. Она блестела, как хитиновый панцирь муравья. Иногда тварь как будто бы выходила из фокуса – один раз, потом другой. Ее силуэт мерцал, словно в плохой видеозаписи.

Констанс уже замечала этот эффект, когда смотрела через портал.

Пока она со смесью ужаса и восхищения наблюдала за чудовищем, оно спикировало к парку и, пропахав когтями землю, схватило двух человек. Снова поднялось в воздух, сжимая их клешнями, словно виноградины, а потом выронило останки.

Констанс резко обернулась. Мисс Фрост стояла рядом с ней, зажав рот рукой, пораженная этим ужасом.

– Подозреваю, что это ваша работа, – холодно произнесла Констанс. – Ваша и Эллерби.

– Нет...

– Эллерби зашел с этим прибором слишком далеко, так?

Пожилая дама молча смотрела на нее.

– Вы спустились в подвал. Вы застали его там. Вы поняли, что он смастерил новый прибор. И вы знали, к чему это может привести.

– Я не знала... – тяжело дыша, проговорила Фрост и попятилась к французским дверям.

– Но вы догадывались, – наседала Констанс. – Вы могли остановить его. Вы могли уничтожить прибор.

– Он угрожал мне...

– Вы не остановили Эллерби. Потому что любили его.

Фрост не нашлась что ответить.

– Когда Эллерби погиб, вы могли что-нибудь сделать. И возможно, это, – Констанс повела рукой, – удалось бы предотвратить. Но вы все отрицали. Вы остались здесь, играли на пианино и пили абсент, а библейский демон тем временем снова принялся убивать. И эти смерти, эти разрушения на вашей совести.

– Нет, нет, – прохрипела пожилая дама. – Прошу вас, я не знала. Я сделаю все...

– Возможно, вы сумеете искупить свою вину, – сказала Констанс.

Фрост судорожно хватала ртом воздух.

– Как?..

– Помогите мне убить эту тварь. Вы говорили, что у вас есть коллекция оружия. Покажите ее мне.

Фрост опять прерывисто вздохнула, крепко сжала трость, вышла с балкона и направилась в библиотеку. Вдоль одной стены стояли витрины с образцами необычного промышленного дизайна. Фрост торопливо просеменила к другой стене и коснулась панели выключателя. Та откинулась в сторону, и за ней показалась большая латунная мебельная ручка, установленная вертикально.

– Тяните, – сказала Фрост, отступая. – Мне это уже не по силам.

Констанс схватилась за ручку и дернула. Часть стены повернулась на скрытых петлях. За ней открылся проход с рядом узких металлических дверей. Все они были закрыты и отстояли одна от другой приблизительно на четыре фута. На каждой была табличка.

– Третья слева, – указала тростью Фрост.

Констанс открыла дверь и включила свет. На полках размещался целый музей оружия. По левую стену: «дерринджеры», дуэльные пистолеты, старинные шестизарядные револьверы и – вот ведь ирония! – «лес-баер хэвивейт» тысяча девятьсот одиннадцатого года выпуска. А по правую: две длинноствольные винтовки, включая старинную «генри» калибра 0.44 с рычажным механизмом. Рядом лежал автомат с барабанным магазином, а за ним – потертый деревянный ящик с черным клеймом на торце.

– Я помогла впустить эту тварь в мир, – сказала Фрост. – Теперь мой долг уничтожить ее.

– А что с боеприпасами?

Фрост повела рукой в сторону автомата с барабанным магазином, висевшего на крючках с резиновым покрытием.

– У этого «томми-гана» полный магазин. – Она оглянулась на Констанс. – Я полагаю, вам не приходилось иметь дело с автоматическим оружием?

– С таким большим – нет.

Фрост рассмеялась, но тут же осеклась, увидев, что Констанс даже не улыбнулась.

– А это что? – показала Констанс на деревянный ящик.

– Безоткатная базука «М-1 Стоупайп».

Подняв деревянную крышку и разбросав солому, Констанс увидела металлическую трубу длиной с фагот, но с более широким раструбом, выкрашенную в защитный цвет. Рукоятка крепилась снизу. Рядом лежали снаряды с хвостовым оперением. Констанс подняла базуку.

– Нет, – остановила ее Фрост. – Это самоубийство. Твердотопливные ракеты со временем теряют надежность. Те, что лежат в этом ящике, всего на десять лет моложе меня.

– Ладно.

Положив базуку на место, Констанс взяла «томми-ган» и быстро его осмотрела. Отыскала слева над деревянной рукояткой два переключателя в форме чупа-чупсов, сняла задний с предохранителя и перевела в боевое положение, а передний переставила с одиночного огня на стрельбу очередями. А затем рывком оттянула до отказа назад рукоятку затвора на правой стороне ствольной коробки.

– Надеюсь, вы не шутили, – сказала Фрост.

В этот момент свет заморгал и погас.

С автоматом в руках Констанс выбежала из хранилища и помчалась через библиотеку на балкон. Снаружи стало светлее, город раскрасило пламя десятков пожаров. Она остановилась, снова потрясенная видом чудовища, принесенными им разрушениями и гибелью. Теперь оно было ближе, чем в прошлый раз, и скользило над парком в сторону отеля.

Констанс решила, что сотни патронов в барабанном магазине хватит, чтобы сразить тварь. Оружие не было точным и лучше обстреливало с близкого расстояния, чем поражало издали.

Чудовище описывало широкие круги над городом, ныряя все ниже и сея смерть на лету. И оно приближалось с каждым поворотом.

Констанс видела, как пули оставляли вмятины на хитиновой оболочке, а иногда и пробивали ее, но, похоже, не причиняли серьезного вреда.

Констанс подняла оружие, совместила прорезь и стойку прицела и замерла, поджидая чудище. Оно подлетело и заложило вираж, выставив брюхо, и Констанс дала очередь. Автомат задергался в ее руках, в барабанах заскрежетали патроны. Пули прошли ниже цели. Констанс поправила прицел и снова открыла огонь. Мерцающие голубые брызги прошли брюхо чудовища, и она поняла, что не промахнулась.

С невообразимым криком тварь развернулась и стрелой помчалась прямо на нее. Кожистые крылья разрезали воздух. Констанс не двинулась с места, стреляя короткими очередями. Большинство пуль попало в цель, и они наверняка нанесли твари какой-то ущерб, но явно разъярили ее еще больше.

Чудище с воплем летело прямо на Констанс. Она не отступала и продолжала стрелять. Вдруг раздался грохот, завиток дыма со свистом подлетел к чудищу и ударил в крыло, мощным взрывом разбросав в стороны фосфоресцирующую плоть и кровь. Тварь завизжала и унеслась куда-то вниз.

Фрост стояла на другом конце балкона. На ее плече лежала базука, опираясь раструбом на перила.

– Кажется, вы говорили, что пользоваться ею слишком опасно! – крикнула Констанс.

– Она менее опасна, чем это дьявольское отродье, – ответила Фрост.

Тварь снова взмыла в небо, вопя о своей жажде мести. Фасеточные глаза сверкали, как призрачные зеркальные антенны. На крыле виднелась небольшая рваная рана, оставленная, вероятно, базукой. Констанс прицелилась и последней очередью опустошила магазин.

И тут ее сбило с ног взрывной волной. «Томми-ган» прокатился по балкону и упал вниз. Она села на пол, в ушах звенело. Потом едкое облако дыма поднялось выше, и она увидела расprostертую у французской двери Фрост. На груди у нее лежала объятая пламенем базука с распутившейся лепестками трубой.

Что с ней произошло, было слишком очевидно.

Тварь отлетела в сторону. Констанс воспользовалась моментом и подбежала к Фрост, подхватила ее и отнесла в комнату на диван. Пеньюар-кимоно пожилой дамы из алого шелка пропитался кровью. Снаружи раздался оглушительный грохот. Чудище врезалось в здание, стены затряслись, оконные стекла разбились, и осколки посыпались на ковер.

От этого шума веки Фрост дрогнули, и она открыла глаза. Когда зрение прояснилось, смертельно раненная женщина посмотрела на Констанс, подняла руку и, едва заметно согнув палец, поманила ее к себе.

Тварь снова принялась таранить здание. Посыпалась штукатурка, по стенам и потолку побежали трещины. С грохотом упала на пол люстра.

Констанс опустилась на колени. Фрост с неожиданной силой схватила ее за предплечье, глядя прямо в глаза. Губы умирающей шевельнулись, но не произнесли ни слова.

– Как мне убить его? – спросила Констанс. – Оно кажется неуязвимым.

– Может быть... совме...

– Что?

– Совмещение, – тяжело дыша, проговорила Фрост. – Оно... существует в двух мирах. Но куда легче... справиться с ним... в его собственном мире.

Ее рука обмякла, выскользнула из пальцев Констанс и упала на пол.

Констанс услышала яростный крик чудовища и увидела, что оно снова нацелилось на балкон. Она бросилась к двери, но тут прогремел новый удар, тяжелый, сокрушительный. Тварь била крыльями по стене, царапала ее, сотрясая до самого фундамента. Констанс распахнула дверь на лестницу и помчалась вниз, но в этот момент пришел еще один удар. Трещали балки, размалывался в крошку кирпич, и вдруг все вокруг нее с грохотом обрушилось, и осталась только темнота.

Проклиная все на свете, хватаясь за перекладины лестницы то одной рукой, то другой, Колдмун поднимался вслед за Пендергастом по наружной поверхности шпиля. Вообще-то, он не боялся высоты, но лестница так проржавела, что скрипела и шаталась под их общим весом. Сверху все казалось крохотным, люди были не крупнее муравьев, их крики едва долетали издалека... Вот только прямо перед ним, на уровне глаз, махало крыльями и парило в небе огромное жуткое чудовище. Большие глаза вертелись из стороны в сторону, ужасная трубка то выскакивала из пасти, то втягивалась обратно. Пролетая, тварь оставляла за собой мерзкую вонь горелой резины, с ее когтей капала кровь и свисали обрывки одежды.

Она полетела на север, к их отелю, и Колдмун, отчаянно цепляясь за железные перила, услышал разрозненные звуки стрельбы и разглядел маленькие вспышки огня, прошивающие брюхо чудовища. А затем тварь глухо взревела от боли, когда в нее угодили чем-то более мощным.

Пендергаст и Колдмун карабкались все выше, пока не оказались под самой верхушкой шпиля, над кронами деревьев, получив четкую линию огня в любом направлении. Колдмун посмотрел на север, где чудовище накинuloсь на здание отеля, хлеща огромными крыльями по стенам, потом описало круг и напало снова. Обломки кирпичей, щепки и осколки стекла взлетели в небо, а затем снова упали в облако пыли, которое становилось все шире. Чудовище отвернуло в сторону и с отвратительным визгом продолжило яростное кружение.

– Господи, – пробормотал Колдмун больше для себя, чем для Пендергаста.

Похоже, эта тварь только что разнесла верхний этаж отеля.

Тем временем чудовище опять повернуло к ним.

– Приготовьтесь!

Пендергаст обвил одной рукой перекладину лестницы, а другой выхватил свой «лес-баер». Колдмун тоже собрался с силами, держа наготове браунинг. Одно из креплений лестницы с треском

обломилось, подняв фонтан зеленоватой пыли. Следом раздался новый щелчок. Лестница закачалась.

Колдмуну некогда было думать об этом. Он сосредоточился на чудовище.

Оно уже подлетало к церкви. Вблизи тварь казалась еще более потусторонней, больше похожей на проекцию. Полупрозрачное мерцание пробегало по темной шкуре, напоминавшей хитиновый панцирь насекомого.

С гулко бьющимся сердцем Колдмун прицелился и попытался задержать дыхание. Чудовище скользнуло всего в пятнадцати футах от него. Он выпускал одну пулю за другой, равномерно и тщательно, стараясь попасть в центр тяжести твари. Прямо над ним Пендергаст с такой же размеренностью опустошал обойму «лес-баера».

Раненое чудовище изогнулось в воздухе, издав душераздирающий вопль на верхнем пределе слышимости, словно кто-то царапал когтями по классной доске, а потом развернулось и полетело прямо на них.

– Вниз! – крикнул Пендергаст.

Колдмуна не нужно было подгонять. Он убрал браунинг в кобуру и чуть ли не заскользил по лестнице. Чудовище приближалось. Ржавые крепления со скрежетом лопались, и лестница качнулась в сторону. Колдмун потерял опору под ногами и повис, раскачиваясь в сотне футов над землей и судорожно вцепившись в перекладину. Люди и машины внизу казались маленькими игрушками... Но тут лестница качнулась в другую сторону, набирая скорость, и Колдмун успел нащупать ногами нижнюю перекладину, прежде чем ржавая конструкция ударила по крутому склону крыши. Он спрыгнул на узкий балкон и тяжело упал на пол. Лестница снова качнулась, еще дальше унося цеплявшегося за нее Пендергаста. Ухватившись за перила, Колдмун вытянул руки и затащил старшего агента на балкон. Они нырнули под балку с колоколами, и в этот момент лестница окончательно отвалилась... А чудовище врезалось в шпиль.

Башня задрожала от удара, и ее верхушка начала сползать вниз под оглушительный треск ломающихся балок и водопад осыпающейся сланцевой черепицы.

Колдмун спрыгнул в люк и покатился кубарем по винтовой лестнице, потом встал наконец на ноги и побежал дальше. Пендергаст не отставал. Вокруг стоял треск словно от фейерверка, балки

разлетались в щепки, сыпавшиеся им на головы. Как только они сбежали вниз, башня сорвалась и с грохотом рухнула на переполненную бегущими людьми улицу, подняв огромный столб пыли.

Колдмун и Пендергаст уже были в нефе, когда чудище вернулось и врезалось в боковую стену церкви. Оно билось в витражные окна, осыпая всех цветными осколками. Толпа в панике хлынула к центральным дверям под градом битого стекла и обломков треснувших балок. Пендергаст схватил за локоть пожилую женщину и отвел ее к боковой двери. Колдмун двинулся за ним, держа за руку ребенка. Они очутились в небольшом дворе позади церкви, а чудище улетело прочь и снова закружило над городом в разрушительном полете.

Они остановились посреди двора, чтобы восстановить дыхание... и способность здраво рассуждать.

– Нам нужно тяжелое оружие.

Пендергаст извлек пустую обойму и вставил новую. Колдмун проверил свой браунинг.

– Послушайте, тяжелое оружие не успеет к сроку. Мы оба знаем, чем все кончится, мы уже видели это: разрушенную Саванну, сгоревшую дотла церковь.

Он заглянул в глаза Пендергасту и увидел там отчаяние.

Пендергаст взял его за плечо:

– Есть один выход.

– Какой? – выкрикнул Колдмун.

– Возможно, будущее удастся изменить.

Колдмун заметил во взгляде напарника что-то новое.

– Как?

– Не ходите за мной, – сказал Пендергаст и скрылся, не добавив больше ни слова.

Колдмун обернулся. Тварь описала круг и теперь возвращалась. Окровавленные когти разрезали толпу убегающих людей.

У Колдмуна осталось четыре патрона. Он собрался с духом и прицелился в летевшее прямо на него чудовище, держа браунинг обеими руками.

Укрывшись за старинным военным памятником, капитан Делаплейн устроила импровизированный командный пункт в агитационном автобусе Дрейтона. Сенатор разбился – разбился насмерть, а его команда разбежалась. Но автобус, оборудованный полицейским сканером, радиопередатчиком, быстрым Интернетом и плоскими телевизионными экранами, настроенными на новостные каналы, – это именно то, что сейчас требовалось. К тому же у него имелся автономный источник питания, особенно необходимый теперь, когда целые районы города погрузились в темноту.

То, чему оказалась свидетельницей Делаплейн, было невероятным, непостижимым, но она постаралась на время отбросить недоверие и сосредоточиться на текущих задачах. Помост вспыхнул, как костер, и продолжал яростно полыхать. Теперь в парке почти не было людей, во всяком случае живых и способных двигаться. На лужайках и дорожках осталась лишь ужасающая картина бойни: вопящие от боли раненые и затоптанные толпой мертвецы в неестественных позах. Тут и там мелькали лучи ручных фонариков. Врачи неотложной помощи пытались помочь пострадавшим, но не хватало ни машин, ни оборудования.

Проблема заключалась в том, что люди не могли покинуть исторический центр города иначе чем пешком. Узкие улочки перегородили брошенные машины, многие из них горели. Медики и пожарные не могли пробраться сквозь эти заторы. Вдобавок ко всему в городе были орды туристов, а автобусы, которые привезли тысячи людей на митинг, припарковались на соседних улицах и тоже оказались заблокированы. Люди в отчаянии пытались найти убежище хоть где-нибудь. Передатчик Делаплейн надрывался от докладов о том, что толпа наводнила рестораны и вестибюли отелей. А дьявольское создание по-прежнему яростно кружило над городом, убивая всех без разбора, врезаясь в здания, опрокидывая высоковольтные опоры и уличные фонари.

Делаплейн и ее офицеры пытались организовать эвакуацию, но вокруг было слишком много хаоса. Она никогда не видела ничего

подобного. Многие, включая и полицейских, буквально сходили с ума.

С южного конца исторического района показался вертолет со съемочной группой. Делаплейн видела на одном из экранов их прямой репортаж. У этих ребят были действительно стальные яйца... или тупые головы. Заметив вертолет, чудовище помчалось к нему с вытянутыми вперед когтями, вероятно приняв его за конкурента. Схватив запасной дробовик, Делаплейн выскочила из автобуса и увидела, как вертолет закувыркался в небе и упал за бульваром Мартина Лютера Кинга-младшего. Огненный шар поднялся над крышами домов, окутав дымом и огнем библиотеку Вест-Брод.

Стоя в салоне автобуса, Делаплейн выкрикивала в передатчик приказы, по большей части бесполезные. Чудовище, сбив вертолет, теперь низко летело над Уитакер-стрит. Со стороны методистской церкви раздались выстрелы. Двое мужчин стреляли в чудовище, повиснув на лестнице, прикрепленной к шпилью церкви. Точно определить с такого расстояния Делаплейн не могла, но похоже, это были агенты ФБР. Господи, что за смелые ребята! Разозленный стрельбой монстр развернулся и ринулся на них, ударил крыльями по башне и сбросил ее на мостовую. Потом, яростно хлопая крыльями, расцарапал фасад церкви. В ней нашло убежище множество людей, и теперь они устремились наружу, словно муравьи из-под горящего бревна.

Делаплейн вернулась к передатчику.

– Где ваша чертова Национальная гвардия? – закричала она. – Нам нужно больше огневой мощи!

Отчаявшийся диспетчер ответил, что гвардия не может пробиться через пробки на дорогах.

– Пусть тогда вылезают из своих дурацких машин и топают пешком! – начала Делаплейн и вдруг остановилась. – Соедините меня с ними напрямую.

Через несколько секунд гвардеец из оперативного отдела вышел на связь. Он заявил, что требования Делаплейн неосуществимы. Протокол запрещает оставлять в машине запас оружия, боеприпасов и снаряжения.

– Тогда отправьте их на вертолетах!

Гвардеец сказал, что «черные ястребы» с солдатами и ракетами поднимутся в воздух через пятнадцать минут.

Пугающе спокойный голос гвардейца привел ее в ярость.

– Пятнадцать минут? – повторила она охрипшим от крика голосом. – Они нужны мне немедленно! А где, черт возьми, те бронемшины, которые, по вашим словам, уже должны быть в пути?

Ей ответили, что бронемшины едут и пытаются расчистить проезд с межштатной магистрали на Уэст-Гастон-стрит и с бульвара Трумэна через Ист-Президент-стрит к Бэй-стрит, но оба маршрута блокированы брошенными автомобилями, так что на это уйдет время.

– Пошлите их вверх по реке!

Над этим вариантом тоже работают, объяснили ей, но все не так просто...

Делаплейн выругалась, отключила передатчик и убрала в чехол. Потом повернулась к полицейским, откликнувшимся на ее призыв. Всего двенадцать. Но это были отличные ребята, и они ждали ее распоряжений.

– Слушайте меня! – сказала она и обвела взглядом строй. – Национальная гвардия на подходе. Но мы не можем ждать. Пока они доберутся сюда, мы должны сами справиться с тварью. Все готовы?

По шеренге прокатилась волна беззвучных кивков.

– Вот это мне по душе!

Она подняла дробовик и загнала патрон в патронник.

– Приготовиться к бою!

Пендергаст мчался по Уитакер-стрит сквозь ураган хаоса. Не обращая внимания на крики кружащей в небе твари, он лавировал между обгоревшими машинами, пока не различил сквозь дым впереди слева силуэт «Чандлер-хауса».

Верхний этаж был разрушен, и все здание выглядело ненадежно, огромные трещины разбежались по фасаду. Пендергаст вошел в пустой неосвещенный вестибюль, в зловонном воздухе висела плотная пелена пыли. Стены всё еще стонали, оправляясь от повреждений. Пендергаст достал из кармана пиджака маленький фонарик «Феникс» и включил его. Быстро прошел через служебную дверь, спустился в подвал и двинулся по длинному коридору мимо табличек, запрещающих проход, к кладбищу мебели. Здесь было намного тише, шум сверху в подвал почти не долетал. Зато громче звучал треск старых балок отеля, жалующихся на недавнее нападение. Пендергаст подошел к большому гардеробу у дальней стены и пробрался в тайную комнату. «Эти параллельные вселенные расположены слоями, одна к другой, как мембраны». Констанс что-то скрыла от него... И теперь он догадывался, что именно.

Войдя в лабораторию Эллерби, он включил свет и с облегчением убедился, что резервное питание отеля еще работает. Все выглядело точно так же, как перед его уходом. Прибор был выключен, ножевой выключатель разомкнут, регулятор повернут до упора против часовой стрелки.

Слава богу, Констанс не добралась сюда первой. Несомненно, она бы поняла, что он сейчас делал.

Он проверил патроны в револьвере и запасной обойме. Опустил ножевой выключатель, повернул регулятор мощности в первое положение и подождал, пока прибор не загудит, оживая. Когда между двумя электродами проявился портал – мерцающий, струящийся светом, – Пендергаст повернул регулятор до второй отметки. Обернулся к порталу, набрал полные легкие воздуха, сделал один неуверенный шаг и ринулся прямо в него.

Затрещали молнии, из портала ударили голубые электрические дуги, и Пендергаста отбросило на пол.

Он медленно встал и собрался с мыслями. В чем ошибка? Он сам видел, как целый рой насекомых вылетел из портала. Совершенно ясно, что тварь тоже появилась оттуда же. Почему же он не может пройти в обратную сторону?

Он вспомнил вчерашний вечер и собственные слова: «По мере того как возрастала мощность прибора, та дыра, которую проковырял Эллерби, становилась все шире и шире. Эллерби зарабатывал на бирже все больше и больше... пока это не случилось. Дыра сделалась такой большой, что... сквозь нее пробралось нечто. С той стороны».

Эллерби уже не одну неделю использовал прибор на высоком уровне мощности, чтобы заглядывать на час в будущее. Но чудище до недавнего времени из портала не появлялось. Фактически до последнего раза, когда Эллерби включил машину...

И тут Пендергаст все понял. Одолеваемый жадностью или любопытством, Эллерби решил повернуть регулятор дальше второй отметки... и создал такой широкий портал, что сквозь него смогла пройти тварь размером куда крупнее, чем насекомые...

Пендергаст бросил быстрый взгляд на регулятор, контролирующий мощность. И резким движением перевел его за цифру II.

Прибор гудел, едва не срываясь на визг. Портал засиял, его края яростно мерцали. Только что открывшийся вид на Таймс-сквер потускнел в сверкающем тоннеле, а сама площадь уменьшилась до крохотной картинке в дальнем его конце. «Эти параллельные вселенные можно разглядеть сквозь тоннель».

Пендергаст протянул руку вперед, и на этот раз ему удалось пронзить мембрану. Но внезапный озноб заставил его тут же отдернуть ладонь.

Он еще раз глубоко вздохнул. А затем, не оставив себе времени на долгие раздумья, собрался с духом и шагнул в портал.

Делаплейн вела полицейских через парк, поближе к монстру, таранившему уже другую церковь, на Дрейтон-стрит. Глядя на то, как яростно он атакует христианские святыни, она еще больше уверилась в том, что тварь прилетела из самого ада. Возможно, она видела сейчас сцену из Апокалипсиса и чудовище, несущее разрушение, черного ангела преисподней, как его описывает «Откровение». Но пусть даже это конец света, она все равно должна выполнять свой долг. Делаплейн была верующей, старалась жить по-христиански, и, что бы ни случилось с ней самой, Господь во всем разберется. А прямо сейчас она обязана защитить людей и убить эту сучью тварь.

Они шли мимо горящего помоста к северной части парка, чудовище как раз взмыло над разрушенной церковью и с криком повернуло к реке. Делаплейн уже подумала было, что оно улетит совсем, но как бы не так. Тварь описала полукруг и помчалась назад, хлопая крыльями и набирая скорость. Она неслась низко над землей вдоль Дрейтон-стрит, а потом нырнула еще ниже, срезая крыльями высоковольтные столбы и опрокидывая их с фонтанами искр.

Делаплейн обернулась к своей группе:

– Рассредоточьтесь и укройтесь за машинами. Огонь откроем, когда монстр будет пролетать мимо.

Дрейтон-стрит была забита автомобилями, брошенными и на проезжей части, и на тротуарах. Полицейские рассыпались веером, скорчились за машинами и прицелились в чудовище, быстро летящее низко над землей. Поднятый огромными крыльями ветер ударял в кроны деревьев по обеим сторонам улицы.

– Ждите моего сигнала, – крикнула Делаплейн, не желая поднимать паническую стрельбу, прежде чем тварь окажется в зоне поражения.

Монстр спланировал еще ниже. В нос ударил запах горелой резины. Теперь Делаплейн хорошо его видела: жучьи глаза вертелись туда-сюда, похожий на большой шприц хобот дрожал и сжимался. Вся тварь мерцала голубоватым светом, словно наэлектризованная, и временами становилась почти прозрачной, скорее голограммой, чем

живым существом. Но она несла самые настоящие разрушения и смерть.

Чудовище было уже близко, его рев отдавался в ушах Делаплейн.

– Огонь! – скомандовала она, и полицейские открыли стрельбу по летящей прямо над ними твари.

Она яростно дернулась, попав под свинцовый град, изогнулась и омерзительно заорала. Взмахнула крыльями, но тут же запуталась среди высоких дубов, а затем все-таки развернулась, вырвав из земли мощный ствол. Полицейские продолжали стрелять в разъяренную тварь, переползая между автомобилями, а она проламывала, сминала и опрокидывала машины, пытаясь до них добраться. Делаплейн с ужасом увидела, как чудовище вцепилось когтями в одного из ее людей, сержанта Ролло, поднялось в воздух и буквально разорвало его на части, а потом выбросило останки и спикировало за новой жертвой.

Стрельба явно разозлила тварь, но не принесла существенного вреда. Чудовище лишь начало мигать, то пропадая из фокуса, то появляясь снова.

Делаплейн стреляла и стреляла, пока не кончились патроны. Она извлекла магазин, сняла с ремня запасной и вставила вместо использованного.

Ее охватила ярость. Силуэт Делаплейн резко выделялся на фоне горевшего помоста, она держала «глок» обеими руками и посылая одну пулю за другой, костеря и проклиная исчадие ада, пока не опустел и запасной магазин. Тварь летела прямо на нее, сияя фасеточными глазами. И тогда капитан отшвырнула дробовик, вытащила телескопическую дубинку, выдвинула на всю длину и, посылая новые проклятия на голову приближавшегося монстра, приготовилась к первому и, вероятно, единственному удару.

Вокруг Пендергаста вращался тоннель света, в конце которого виднелась Таймс-сквер. Он как будто оказался внутри детского калейдоскопа: постоянно движущегося, меняющегося, ошеломляющего и сбивающего с толку. Тоннель представлял собой разрез или дыру, проделанную в сложенных вместе слоях света, и Пендергаст догадывался, что эти слои были границами между параллельными вселенными, пронзенными насквозь, чтобы достичь той, что лежит на дальнем конце. Они постоянно сдвигались, складывались и разворачивались, приближались и удалялись. И Пендергаст различал между складками отблески миров: странные пейзажи и бескрайние моря, засушливые пустыни и упирающиеся в небо горные пики, извергающиеся вулканы и голубые ледники. Поначалу ему казалось, будто его кожа одновременно горит и замерзает. Потом это ощущение сменилось легким покалыванием. Оно понемногу усилилось – по каждому дюйму его кожи словно бегали бесчисленные крошечные огненные муравьи.

Он не обращал на это внимания, на самом деле не обращал внимания ни на что другое, кроме важнейшей задачи – наблюдать и ждать момента, когда покажется нужный ему мир.

Пендергаст сделал шаг вперед, потом еще один. Переливающийся всеми цветами пол сначала заглатывал его по щиколотку, а затем выталкивал вперед с головокружительным ощущением отрицательной гравитации. Воздух вокруг внезапно наполнился ярким потоком крошечных, почти микроскопических частиц. Они сверкали золотой пылью и пульсировали в постоянно меняющемся ритме.

Пендергаст продолжал наблюдать и ждать, а миры за пределами тоннеля появлялись и исчезали один за другим, призрачные, как сон.

И тут он увидел вселенную, которая была ему нужна... И погрузился в нее.

Сначала вокруг была густая темнота, постепенно уступившая место сверкающей белизне. Пендергаст лежал на земле, на мгновение позабыв, где находится, как сюда попал и даже кто он такой.

Растерянность быстро прошла. Он поднялся на ноги и осмотрелся. Возможно, он пролежал без сознания всего минуту, а может, и целый час. Определить точно было невозможно. Его часы, «Филипп Дюфур» с ручным заводом, плохо перенесли это путешествие. Минутная и секундная стрелки вращались с такой скоростью, что слились в узор расходящихся лучей на циферблате. Обернувшись, Пендергаст едва не потерял равновесие: гравитация в этом мире была меньше, чем на Земле. Значительно меньше.

Местность напоминала соляную равнину, только была ослепительно-белой... и гладкой, как шелк. Пендергаст сделал короткий шаг вперед, прикрывая глаза. Когда его нога снова коснулась земли, в воздух поднялось крохотное облачко блестящих, словно снежинки, кристаллов – взлетело и вновь опало. Небо было розовато-оранжевого цвета, с высотой переходящего в черный. По нему скорее ползли, чем плыли, клочья облаков странной формы. Пендергаст осторожно вдохнул: воздух был неприятный, маслянистый, с сильным запахом горелой резины.

Он стоял посреди неглубокого, по-видимому вулканического, кратера. Непроницаемо-черные стены круто поднимались из белого дна. Над их неровными краями низко висело тускло-красное солнце, размером меньше земного. За ним, чуть выше, виднелось другое, зеленовато-голубое солнце, еще меньше, чем первое. И над всем этим раскинулся черный небесный свод, разрываемый языками яростных молний, словно там, наверху, происходила битва титанов. Только грома слышно не было, и разряды молний не гасли сразу же, а как бы медленно расползались, точно капли чернил по промокашке. Равнину усеяли столбы кристаллической соли, изогнутые, как штопоры. Они напомнили Пендергасту Лотову жену. То здесь, то там безжалостную белизну смягчали зеленые очертания колючих кустов. Вот только это были вовсе не кусты, а какой-то вид животных, которые медленно ползли, выгибаясь словно гусеницы.

Пендергаст затряс головой, пытаясь прояснить мысли. В сотне-другой ярдов от себя он уловил какое-то движение: стая крупных зверей заметила его и поскакала навстречу. Он вытащил свой «лес-баер» и проверил, не пострадало ли оружие за время путешествия. Головы приближавшихся зверей формой были как у насекомых, но отличались от чудовищной твари из Саванны. Выпуклые фасеточные

глаза и ротовые трубки, покрытые коричневой кожей, под которой пульсировали набухшие кровеносные сосуды. Существа развернулись цепью, словно стая волков, и начали приближаться.

Пендергаст понял, что на него началась охота.

Он надеялся, что это разумные животные, по крайней мере настолько, чтобы опасаться его. Подпустив их поближе, на дистанцию выстрела, он включил лазерный прицел, тщательно навел оружие на грудь вожака и выпустил пулю. В брызгах крови зверь отлетел назад, медленно кувыркаясь в воздухе из-за низкой гравитации и оставляя за собой алый шлейф.

По крайней мере, выяснилось, что существо можно пристрелить, и это обнадеживало.

Вожак остался лежать в десяти ярдах от Пендергаста. Остальные тут же с поразительной скоростью разбежались и исчезли за краем кратера. Пендергаст подошел и осмотрел мертвого зверя. «Кровь на этой планете даже краснее, чем на Земле», – мрачно подумал он и перевернул существо носком ноги. У твари оказалось восемь ног – вот почему она передвигалась прыжками. Она была ближе скорее к насекомым, чем к животным. Вероятно, в альтернативной вселенной насекомые этого мира заняли эволюционную нишу, которая на Земле принадлежит млекопитающим.

Как по заказу, именно в этот момент он скорее ощутил вибрацию, чем услышал какой-то звук. Через мгновение огромная туча выплыла из-за горизонта. Миллионы насекомых сбивались на лету в стаю причудливой, непрерывно меняющейся формы, пока не закрыли собой все небо. Они быстро пролетели мимо, устремившись к дальнему краю кратера, но несколько штук упали возле самых ног Пендергаста. Он опустился на колени и убедился, что они точно такие же, как те, что вылетали из портала.

Пендергаст оглянулся на тучу, которая удалялась, то сжимаясь, то растягиваясь, и заметил существо, летевшее над изломанным гребнем кратера. Большие кожистые крылья, волосатые отвисшие соски. Он выхватил из кармана монокуляр «Лейка», но было уже поздно. Существо опустилось за гребень и пропало.

И все же Пендергаст не сомневался, что оно одного вида с тварью, в это самое время превращающей в руины Саванну. Возможно, настоящий двойник.

Он проверил, нет ли поблизости других подобных существ, но небо было пустым.

Растерянность и удивление едва не заставили Пендергаста забыть о том, насколько важно не терять времени. Край кратера лежал в полумиле от него, но при низкой гравитации добраться туда можно было очень быстро. Пендергаст попробовал бежать, но вскоре понял, что лучше прыгать по-кенгуриному. В считанные минуты он оказался в том месте, где белая поверхность встречалась с черной лавовой породой, образующей стену кратера, и начал подниматься по склону, изрытому лавой и усыпанному пеплом. И тут он понял, что низкая гравитация опять оказала ему услугу. Если внимательно следить за тем, куда приземляешься, можно взобраться по склону одной серией прыжков. Пендергаст старался держаться подальше от шипастых движущихся созданий, которые при близком рассмотрении оказались наполовину насекомыми, наполовину растениями. Через минуту он уже был возле гребня кратера, затем поднялся на самую вершину и заглянул за край.

Среди рваного ландшафта застывшей лавы тысячей ярдов ниже виднелась ровная чаша в красном песке: гнездо. По его краям скорчились полдюжины чудищ со сложенными, как у летучих мышей, крыльями. В центре шевелилось раздувшееся существо по меньшей мере втрое крупнее остальных, со сморщенными рудиментарными крыльями. Оно сидело на чем-то напоминающем ячейки пчелиных сот, только не шести-, а восьмигранные, как разглядел Пендергаст в свою «Лейку». В каждой ячейке извивались жирные желтые личинки, покрытые похожими на мелкие клубни бородавками и густой щетиной. Головы у них были маленькими и заканчивались острыми всасывающими трубочками, торчавшими вертикально вверх. Распухшее существо, возможно матка, впрыскивало густую жидкость цвета патоки прямо в их дрожащие трубки, как птица бросает червяков в раскрытые клювы птенцов.

Пендергаст отвел монокуляр от этой гротескной картины и осмотрел остальных существ. У того, что сидело дальше всех от матки, был точно такой же крестообразный шрам на левом крыле, как у чудовища, напавшего на Саванну. Вероятно, это тот самый двойник, которого должен был убить Пендергаст.

В прежние годы ему приходилось охотиться на крупную дичь, и он знал, что нужно делать. Это будет классический случай такой охоты. Но, не имея другого оружия, кроме пистолета, ему придется подобраться ближе – очень близко. И найти способ выманить дичь подальше от остальных. Неизвестно, сможет ли он вообще убить чудовище, но справиться с целым роем у него нет ни единого шанса.

Он положил монокуляр обратно в карман, пощупал палец, чтобы определить направление ветра, и перелез через гребень.

По крайней мере, ветер был ему на пользу, дул со стороны гнезда. Пендергаст не знал, могут ли эти существа учуять запах человека, но не собирался зря рисковать.

На него отчаянно давило время. Каждую минуту, пока он в этом мире охотился на чудовище, в его собственном погибали люди. От часов больше не было толку, но он знал, что прошло не менее тридцати минут с того момента, когда он наблюдал дымящиеся развалины Саванны на экране новостей Таймс-сквер. Еще через полчаса эти видения станут реальностью. Напомнив себе об этом, он ускорил шаг.

Внизу, справа от него, край кратера переходил в сотни крутых конусов, вулканических образований, созданных хлещущей из жерла вулкана лавой. То здесь, то там из трещин, усеявших лавовую долину, поднимался дым. Здесь было удобнее всего подобраться к гнезду. Но оставалась еще одна сложная, если вообще выполняемая, задача – заставить чудовище отдалиться от сородичей.

Пендергаст с чрезвычайной осторожностью продвигался по склону, спускаясь в долину конусов. Дым и пар, валившие из трещин, обеспечивали ему превосходную защиту, и чудовища не замечали его передвижений. В воздухе пахло горелой резиной и серой. Он шел так быстро, насколько хватало смелости, пока лес базальтовых обнажений не закончился. Укрывшись за ближайшим к гнезду конусом, Пендергаст решил рискнуть и подняться для лучшего обзора на его вершину.

Конус был крутым, но грубая порода позволяла найти опору для рук и ног, и при низкой гравитации Пендергаст поднимался довольно быстро. На вершине он обнаружил узкую вулканическую трубку из застывшей лавы диаметром в три фута. Она расширялась книзу, уходя в темноту. Конус, вероятно, был мертвый, ни дыма, ни пара из него не поднималось.

Пендергаст заглянул за вершину конуса. Отсюда открывался прекрасный обзор гнезда, лежавшего в двухстах ярдах от него. В нормальных условиях это была бы предельная дальность стрельбы для

его пистолета. Ближе подобраться он не мог – никаких укрытий там уже не было, а чудища расселись по краю гнезда и смотрели во все стороны с привычной настороженностью.

Пендергаст задумался о том, как скажутся низкая гравитация и разреженный воздух на точности и дальности его «лес-баера». Пуля должна улететь дальше, не снижаясь и не отклоняясь под действием ветра. В пистолете осталось семь патронов, еще семь было в запасной обойме. Итого у него в запасе было четырнадцать выстрелов, чтобы завалить эту тварь, а при крайней необходимости – и ее сородичей. Не слишком высокие шансы.

Он коротко рассмотрел вариант убийства матки: не умрут ли после этого все остальные? Однако у похожих существ на Земле происходило иначе: термиты или пчелы просто выводили другую матку взамен убитой.

Затем Пендергаст задумался о том, насколько острый слух у этих тварей. Хотя он и не заметил ничего, напоминающего уши, но не сомневался, что они способны различать звуки, вспоминая те крики, что издавала тварь в Саванне.

У него не было времени для долгих размышлений. Взяв небольшой камень, Пендергаст зашвырнул его далеко вправо от себя и выглянул с монокуляром в руке из укрытия, чтобы оценить результат.

Камень негромко стукнулся о землю в пятидесяти ярдах от него. Результат был впечатляющим: твари резко выпрямились, насекомообразные головы дернулись в направлении звука, жучьи глаза выкатились, ротовые трубки зашевелились.

Похоже, слух у них действительно острый.

Пендергаст заметил вдалеке какое-то движение и замер, когда в небе появился крылатый силуэт. Этот монстр был вдвое крупнее остальных, настоящий гигант. Пендергаст наблюдал в монокуляр, как он, заложив вираж, приземлился прямо в гнездо. У него был мощный, массивный корпус и голова размером вдвое больше, чем у матки. Жуткий хоботок масляно блестел, на когтистых лапах буграми вздулись вены, когда он садился, сложив крылья и тихо прошипев нечто сородичам.

Очевидно, это был самец.

Пендергаст проклял себя за недогадливость. Он должен был раньше сообразить, что все остальные – это самки. Теперь придется

разбираться и с этим монстром. Хотя он и дал обет никогда больше не охотиться, но все-таки пожалел о своей двуствольной винтовке «Холланд энд Холланд.500/465 ройял», такой мощной, что из нее можно было уложить кого угодно.

Однако в сожалениях смысла не было, и он отбросил их. Нужно было разобраться с повадками этих тварей. У многих видов главный защитник стаи – самец, но у пчел и других общественных насекомых этим занимаются самки. Интересно, а как у них?

Пендергаст бросил еще один камень.

Все твари насторожились, но именно самец расправил крылья и полетел на разведку, кружа над тем местом, где упал камень, и вращая из стороны в сторону фасеточными глазами. Пендергаст притаился за краем лавового конуса. Убедившись, что все спокойно, самец вернулся в гнездо.

Пендергаст окончательно понял: если он надеется подстрелить самку, сначала нужно будет убить самца.

Другой вопрос – куда целиться? Даже если у этого чудища есть сердце, стрелять наугад очень рискованно, учитывая размеры и чуждую психологию существа из другого мира. К тому же если оно и по строению напоминает москита, то у него может оказаться три сердца.

Выстрел в голову представлялся самым предпочтительным вариантом. Жаль только, что голова была очень маленькой по сравнению с телом. Линия прицеливания должна быть идеально точной.

Пендергаст снова бросил камень, тщательно рассчитав место и расстояние, собрался с силами и взял «лес-баер» на изготовку. Камень стукнулся о землю неподалеку от подножия конуса.

Самец вскинул голову и с криком снова поднялся в воздух, более встревоженный, чем в прошлый раз. Он облетел место падения камня, водя во все стороны глазами на коротких стебельках. Пендергаст рассчитывал, что на обратном пути тварь приблизится к конусу.

Самец сделал несколько кругов, пока не убедился, что опасности нет. Когда он повернул обратно к гнезду, Пендергаст выбрал подходящий момент, выпрямился и закричал, размахивая руками.

Тварь развернулась в полете, встретила с ним взглядом и полетела прямо на него, точно так, как и рассчитывал Пендергаст. Он

поднял револьвер, выждал мгновение. Вблизи чудище оказалось еще уродливее, чем он представлял: морщинистая кожа, как у носорога, покрытая жирной щетиной и паутиной вздувшихся трубами вен.

Он дважды нажал на спуск – двойной выстрел в голову. «Лес-баер» жестко дернулся, самец яростно взревел. Пендергаст бросился на землю, и тварь пронеслась над ним, царапая когтями застывшую лаву над его головой. Но, к ужасу Пендергаста, тут же забила крыльями, развернулась и боком полетела к нему. Один глаз болтался на надорванном стебельке, шприц хоботка подрагивал, выскакивая вперед и возвращаясь обратно. Пендергаст был так близко от чудовища, что разглядел на хоботке ряд игольчатых зубов.

Пока тварь подлетала, он успел сделать еще два выстрела – оба прямо в здоровый глаз, и тот лопнул, как арбуз под ударом кувалды. Пендергаст снова упал на землю, но не смог увернуться от загребущего когтя, разодравшего ему плечо и отбросившего кувырком вниз по крутому склону.

Задыхаясь от боли, Пендергаст зацепился пальцами за выступ грубой лавовой породы и остановил скольжение. Огромное чудище металось вокруг, в слепой ярости разрезая воздух когтями, а затем рухнуло на землю в брызгах крови.

Шесть других тварей бросили матку одну и взлетели, направляясь к нему. Одолеть сразу шестерых у Пендергаста не было ни единого шанса. Кровь пузырилась в ране на его плече. Держа «лес-баер» обеими руками, он тщательно, без спешки, прицелился в жирное, дрожащее брюхо матки и выпустил пулю. Даже на расстоянии в двести ярдов это была удобная большая мишень – и пуля попала в яблочко.

Тварь завизжала, заголосила, словно резаная свинья, и замотала крохотной головой из стороны в сторону. Как и рассчитывал Пендергаст, все шесть самок остановились и повернули назад защищать свою матку. Он оглянулся на самца: тот лежал у подножия конуса, тяжело дыша и царапая когтями землю, из лопнувших глаз текла кровь и еще какая-то густая жидкость.

По крайней мере, этот монстр больше не представлял угрозы.

Раненая матка визжала и пищала не переставая. Пендергасту все больше и больше казалось, что это не исполненный боли и ярости крик животного, а... язык разумного существа.

Внезапно все шесть тварей прервали полет к матке и еще быстрее, чем в прошлый раз, помчались обратно. Они разделились в полете, став крайне неудобной целью. А затем, как по команде, бросились к нему с шести разных сторон по спирали, и смертельный выстрел превратился в несравнимо более трудную задачу.

Пендергаст понял, что совершил ошибку, недооценив их разум и стратегические способности... Возможно, ошибку фатальную.

Они приближались, вытянув когти, и тут Пендергаст сообразил, что выход все же есть. Перед тем как твари снова собрались в кучу, он соскользнул по внутреннему склону конуса в лавовую трубку и начал спускаться по ней, упираясь ногами в стенки, напрягая все силы, чтобы не свалиться в пропасть. Затем, прочно закрепившись между стенами трубки, взял «лес-баер» здоровой рукой и направил вертикально вверх.

Первая тварь приземлилась на конус и моментально просунула голову в трубку. Сверкающее копые ее хобота метнулось вниз атакующей змеей и с чмокающим звуком кольнуло Пендергаста в плечо. Он выстрелил прямо ей в голову. Тварь отскочила, но вместо нее в трубке показалась голова второй с вытянутым хоботком. А следом за ней и третья, брызгая жиром и чем-то жидким. Он стрелял в упор в их кошмарные морды, чмокающие хоботки вертелись над ним, впиваясь в кожу, стоило лишь на миг замешкаться. Вскоре обойма опустела, и Пендергаст вставил запасную, стреляя каждый раз, как только появлялась одна из тварей.

А потом все стихло.

Неужели он убил всех шестерых? Пендергаст проверил магазин: осталось всего четыре патрона. Теплая кровь стекала по его руке и капала с кончиков пальцев. Он явно не один раз запаздывал с выстрелом.

Упираясь ногами в стены лавовой трубки, Пендергаст попробовал подтянуться, но его тут же накрыла волна головокружения. Судя по тому, как пропиталась кровью рубашка, самец повредил или даже перерезал ему подключичную вену. Вдобавок к этому он получил множество неглубоких колотых ран. Давление стремительно падало, кровотечение нужно было немедленно остановить.

Силы уже оставляли его, зависшего над зияющей пропастью. Стараясь не замечать боли, Пендергаст убрал пистолет в кобуру,

закусил манжет рубашки и оторвал рукав. Затем скрутил из него грубый жгут и обмотал раненую руку, затянув узел под ключицей. Если он потеряет сознание прямо в лавовой трубе, то разобьется насмерть. Нужно вылезать наверх, и как можно скорее.

Из последних сил Пендергаст выбрался наружу и лег на спину, упираясь каблуками в выступ скалы, чтобы не соскользнуть вниз по крутому склону. У подножия конуса он насчитал пять умирающих самок вдобавок к крупному самцу. Им разворотило пулями головы, но одна-две твари все еще дергались и визжали.

А где же шестая?

Ответом был крик последней из стаи. Она метеором мчалась к нему против солнца, но Пендергаст разглядел крестообразный шрам на крыле, наряду с другими свежими ранами. Все еще лежа на спине, он выхватил «лес-баер» и, едва сумев поднять руку, выпустил последние три пули в тот самый момент, когда тварь набросилась на него, скрежеща когтями по застывшей лаве. Чудище завалилось набок, а затем рухнуло поперек тела Пендергаста. Он ощутил зловонное тепло, крылья и соски дрожали и дергались. Пендергаст попытался отодвинуть тварь, но она была слишком тяжелой, а он слишком ослаб.

Схватка закончилась. Пендергаст лежал на спине, не в силах шевельнуться, и смотрел в чужое небо с двумя солнцами. До портала было больше мили, и он никак не мог сбросить с себя тварь, не говоря о том, чтобы пройти это расстояние. Границы обзора уже охватывала тьма, сознание постепенно покидало Пендергаста. Чужой мир медленно смыкался вокруг него.

О спасении не стоило и мечтать: никто не знал, где он, и тем более не имел представления о том, как сюда попасть. Когда тьма наконец окутала Пендергаста, последней его мыслью было горькое, обреченное сожаление о том, что он умирает в полном одиночестве и некому оплакать его в этом незнакомом, чужом мире.

Колдмун стоял среди горящих брошенных машин на Дрейтон-стрит, давным-давно израсходовав запасную обойму к своему «браунингу хай-пауэр». Теперь он остался безоружным, а монстр по-прежнему сеял разрушения, кружа над городом, пикируя и разрывая на части все, что двигалось: людей, перепуганных собак, голубей, автомобили. Большой части толпы удалось убежать с улиц и укрыться в соседних домах, но разъяренная до безумия тварь набрасывалась и на сами здания, царапая фасады когтями и ударяя ужасными крыльями. Вакиньян, дух грома.

Нигде не было электричества, за исключением зданий, оснащенных генераторами. Город освещало только пламя пожаров, и он быстро превращался в ту картину, которую Колдмун видел примерно сорок минут назад на огромном новостном экране Таймсквер, – в пылающие развалины.

В глубине души он понимал, что течение времени невозможно изменить. Если он действительно видел будущее, то все, что они сейчас делали, совершенно бесполезно. Пендергаст, как обычно, куда-то пропал – вероятно, задумал еще одну отчаянную авантюру, но даже он не сможет изменить предначертанное. Колдмун чувствовал ярость от собственного бессилия. Где эта Национальная гвардия? Где военные? Где спецназ? Почему они так задержались? Может быть, спасти Саванну уже поздно, но чудище по-прежнему живое. Пусть оно из альтернативной вселенной, но должен же быть какой-то способ уничтожить его. Обязан быть...

Он услышал, что кто-то стреляет в монстра, кажется, со стороны Гастон-стрит. Похоже, там еще оставался островок сопротивления. Возможно, это полицейские. Если повезет, Колдмун сможет добраться до них и даже раздобыть патроны. И он побежал на звук, петляя между машинами.

На углу Уитакер-стрит и Гастон-стрит он увидел Делаплейн и полдюжины полицейских. Они укрылись за разбитыми автобусами и стреляли в обезумевшую тварь, кружившую над ними. Он подбежал ближе и присел рядом с Делаплейн. Вид у нее был хуже некуда. Вся в

грязи, мундир скособолен, из глубокой раны на левом предплечье текла кровь. Неподалеку лежала телескопическая дубинка, выгнутая, как плечики для одежды.

– Что с вами? – спросил Колдмун, показав на ее руку.

– Близкий контакт.

– Но вы в порядке?

– Теперь, когда у нас есть боеприпасы, – в полном.

Она повела рукой в сторону накрытых брезентом ящиков позади одного из автобусов. Пригнувшись, Колдмун бросился туда и набил обе обоймы девятимиллиметровыми патронами.

– Где же эти чертовы солдаты? – спросил он, когда вернулся.

– Мы и есть солдаты.

– А что с Национальной гвардией?

Делаплейн выстрелила и снова пригнулась.

– Они «выдвигаются». Говорят, что не могут пробиться сюда, не могут выслать новые вертолеты, потому что тварь уже разодрала парочку прямо в полете. Поэтому они направили сюда бронемашины и танки, но и для них тоже нужно расчистить дорогу.

– Прошло сорок минут!

– Это самые длинные сорок минут в истории, будь я проклята!

В ответ на стрельбу тварь развернулась, содрала когтями крышу с ближайшего автобуса и едва не опрокинула его, разбросав металл и пластик во все стороны. Потом сделала еще один разворот, спикировала, и совсем рядом раздался пронзительный крик. Чудовище схватило женщину-полицейского и резко взмыло в воздух, махая огромными крыльями. Женщина кричала и отстреливалась, пока тварь не пронзила ее покрытой засохшей кровью всасывающей трубкой.

– Мать твою!

Делаплейн вскочила и попятилась от автобуса, чтобы найти более удобную позицию для стрельбы, а затем с безумной смелостью разрядила в монстра весь магазин.

Тварь выбросила то, что осталось от женщины, и снова нырнула, на этот раз направив когти прямо на Делаплейн. Колдмун присел, держа пистолет наготове, хотя и понимал, что пули не помогут, когда чудовище вцепится в Делаплейн когтями. Она уже покойник. Колдмун взревел от бессильной ярости, не в силах отвести взгляд.

И тут произошло странное. Тварь словно бы замерцала, как плохая телевизионная картинка под сильным снегопадом. Затрещали электрические разряды, две молнии поднялись от крыльев чудища и с ослепительной вспышкой встретились над крохотной головой. Прервав атаку, монстр в явном смятении поднимался все выше и выше. Голубоватое металлическое сияние сделалось ярче, и тварь сдавленно завизжала от боли. Она с воем извивалась и билась, трескучая голубая аура мерцала все ярче... А потом чудовище как будто развалилось на части. Плоть отделилась от костей, разлетаясь сверкающим шлейфом, и тварь начала падать. Сначала медленно, потом быстрее, пока не превратилась в костяной дождь, усыпавший траву парка – сверкающие металлом кости и жуткий маленький череп с зияющими провалами глазниц и стальным блеском питательной трубки. Все это упало на лужайку, задымилось, потом замерцало и заискрилось, раскрошилось в сияющую пыль и наконец полностью погасло. Через мгновение не осталось ничего, кроме выгоревшей травы, уплывающего дыма и едкого запаха горелой резины.

– Что это было? – тихо проговорила Делаплейн, опуская оружие.

– Чтоб я знал, – ответил Колдмун.

Дым рассеялся. В наступившей тишине полицейские поднимались из укрытий и потрясенно смотрели друг на друга.

– Эта хрень просто... – начала Делаплейн и запнулась. – Она изобразила для нас Злую ведьму Запада^[96].

В этот момент раздался грохот, и большой армейский бульдозер показался на Гастон-стрит, расталкивая по сторонам брошенные обгоревшие машины. Следом за ним в сторону парка ехали танки и бронемашины с солдатами.

– А вот и кавалерия! – язвительно сказала Делаплейн. – Как всегда вовремя.

Возбужденный шум толпы. Люди бегут, кричат, визжат, сбивают и топчут друг друга в спешке. Лошади встают на дыбы, вырываются из упряжи и врезаются в бурлящую толпу. Застрявшие на перекрестках омнибусы не могут сдвинуться с места, людской поток плывет вокруг них, словно обезумевшая стая леммингов. Громкие взрывы, в воздухе плавают клочья дыма... И над всем этим хаосом, в тысяче футов над крышами доходных домов и особняков из бурого песчаника, всплывает в поле зрения вытянутый силуэт, снова и снова появляясь из пелены облаков. Его глянцевый корпус как будто тянется бесконечно, продвигаясь вперед с беззвучной решимостью...

Констанс резко открыла глаза. Вокруг была кромешная тьма. Сознание окончательно вернулось к ней, и она поняла, что видение было вовсе не сном, а воспоминаниями... о том дне, когда она видела, как «Граф Цеппелин», совершая безумный вояж через Атлантику, пролетел над Нью-Йорком к месту посадки в Лейкхерсте. И толпа бежала не в ужасе, а скорее в восторге, приветствуя его и запуская фейерверки. А сама она сейчас не в постели, а под обломками того, что еще недавно было крышей «Чандлер-хауса».

Констанс полежала еще мгновение в темноте, предоставив себе время все вспомнить. Она сражалась с чудовищем, стоя на балконе. Оружие разорвалось прямо в руках у Фрост. Констанс оттащила ее в комнату... И там, уже умирая, Фрост что-то прошептала. А потом чудовище обрушилось всей своей тяжестью на крышу отеля, потолок обвалился, и наступила темнота. А когда Констанс пришла в себя, вокруг было подозрительно тихо.

Последние слова Фрост вернулись к ней, Констанс подняла голову и села. Перед глазами прыгали в темноте белые пятна. Она с трудом вытащила руки из-под сломанной балки, лежавшей поперек ее тела, тщательно ощупала ребра, плечи и позвоночник. Все ужасно болело, но переломов, похоже, не было. Констанс сбросила с себя прочий мусор, встала и тут же закашлялась от кирпичной пыли. Она сделала неуверенный шаг вперед, затем еще один, нащупывая дорогу среди лабиринта сломанной мебели, досок и осыпавшейся штукатурки. Ее

продвижение остановила стена. Констанс отыскала на ощупь ручку двери, потянула ее изо всех сил, приоткрыла и, различив за дверью слабый красный свет, шагнула в проем.

Однако оказалась она не на верхней площадке лестницы, а в полуразрушенном коридоре, освещенном только из аварийного выхода. Ее глаза, давно привыкшие к темноте, быстро приспособились. Она была на четвертом этаже отеля, заваленном упавшими сверху обломками. Фрост. Теперь она умерла, и не в первый раз. Но Констанс знала, что делать. Она прошла по коридору к лестнице, спустилась в вестибюль, а из него в подвал. Как долго она была без сознания? Снаружи стало тихо, чудовище больше не кричало.

Констанс пробралась через гардероб в комнату, где стоял прибор. К ее удивлению, свет был включен, и прибор работал на полную мощность. Вся комната дрожала, а диск был повернут дальше отметки «II». Констанс заглянула в портал и увидела, что изображение изменилось. Панорама Таймс-сквер на час в будущем сменилась тоннелем сверкающего света, в дальнем конце вихрился мутный водоворот, кто-то недавно потревожил гладь пруда.

Констанс посмотрела на часы. Прошло больше сорока пяти минут с того момента, когда они впервые увидели сквозь портал разрушенную Саванну. Осталось совсем мало времени... если осталось вообще. Саванна уже превратилась в те пылающие развалины с новостных экранов.

Но это была не ее забота, во всяком случае не сейчас. Она снова посмотрела в портал. Изображение на дальнем конце начало проясняться. И вот она снова увидела Таймс-сквер, далекую и расплывчатую.

Констанс сразу узнала ее во всех подробностях – но это была не нынешняя Таймс-сквер, а ее предшественница, Лонгакр-сквер. Широкая площадь, вымощенная грязным булыжником, чугунная коновязь для повозок, идущая вдоль мостовой. Автомобилей нигде не было видно. Полицейские с дубинками и в шлемах, напоминавших прусские пикельхельмы, управляли движением конных экипажей и подвод.

Это было похоже на картинку в рождественском снежном шаре – отблеск далекого-далекого детства.

Констанс вспомнила, что сказала ей умирающая Фрост. Да, конечно.

Она лишь понапрасну тратила время. Не раздумывая больше ни секунды, Констанс устремилась в портал.

Ее словно бы подхватила и закружила бурлящая волна. Полосы света и тьмы мелькали вокруг, пока Констанс не сумела удержаться на упругой поверхности света. Она уже была в глубине тоннеля. На другом его конце виднелся город ее детства: отдаленный не на минуты и не на часы, а больше чем на столетие в прошлое. Она шла, а вокруг безостановочно вращались стены параллельных вселенных, словно листы магической книги, где каждая страница открывала вход в странный мир чудес... или ужасов.

Где-то среди этих миров находится тот, откуда явилось терзавшее Саванну чудовище. Но где именно? Констанс наблюдала, как слои вертелись, складывались и наползали друг на друга. И вдруг увидела, как из-под одной складки выбралось насекомое – стрекоза с уродливой головой москита. Опознав ее, Констанс рванулась туда, откуда она вылетела.

Мгновение темноты миновало, и она поняла, что лежит на спине посреди равнины чистой, незамутненной белизны. Констанс поднялась на ноги, инстинктивно схватившись за стилет. Голова все еще кружилась, пока она осматривала пейзаж чужого мира: сверкающая равнина, черные стены кратера, два солнца на розовом, переходящем в черное небе.

Взгляд ее остановился на странном, мелком, как порошок, грунте. Что-то нарушило его ровную поверхность, оставив чуть заметное углубление, напоминающее снежного ангела, и от него уходили вдаль отпечатки ног.

Констанс встала на одно колено, чтобы лучше рассмотреть следы. Вот четкий отпечаток руки, а вот вмятина от ботинка. Пендергаст!

Значит, случилось именно то, чего она так боялась. Он совершил тот же самый дедуктивный скачок и прошел через портал. Возможно, даже добился успеха, если тишину снаружи отеля можно считать показателем. Неужели монстр исчез? Неужели Пендергаст смог убить тварь в ее же вселенной?

Как бы то ни было, но следы вели только в одну сторону. Назад он не вернулся.

С бьющимся сердцем и со стилетом в руке она двинулась по следу. Так быстро, как только могла, не обращая внимания на боль, подпрыгивая на ходу из-за низкой гравитации. В одном месте она заметила стайку похожих на гиен существ с головами насекомых, но они тут же убежали, как только увидели ее.

Следы Пендергаста вели к подножию хребта из черной застывшей лавы. Еще немного, и Констанс добралась бы до него, но тут вдруг раздался грохот, и земля задрожала. Грунт вздулся и разошелся трещинами, потревоженный снежный порошок взвился в воздух.

Констанс остановилась.

Трещина расширилась, и из нее появилась голова: сверкающий жучий череп с черными глазами и длинными изогнутыми мандибулами, пощелкивающими при каждом движении. Существо посмотрело на Констанс и полезло дальше.

Констанс не сдвинулась с места.

Существо выползло целиком, показав длинное маслянистое тело с прилипшими к брюху яйцами. Оно свивалось кольцом и растягивалось, щелкая волосатыми мандибулами. Страшилище длиной не меньше пяти футов медленно, осторожно приближалось с совершенно очевидными намерениями: оно было хищником, а Констанс – жертвой.

Но Констанс не дрогнула. Она чувствовала, что отступление хотя бы на дюйм может оказаться фатальным.

– Не подходи! – предупредила она, выставив вперед стилет.

Существо сжалось еще сильнее и подтянулось ближе, уставившись на Констанс жучьими глазами.

Она в упор рассматривала врага. Нечего было и думать о том, чтобы подобраться на расстояние удара – мандибулы длиной в целый фут каждая легко пришибли бы ее.

Перевернув кинжал, Констанс зажала лезвие между большим и указательным пальцами, примерилась и со всей силы метнула нож в страшилище.

Лезвие угодило прямо в глаз. Он тут же лопнул с противным чмокающим звуком, зеленая студнеобразная жидкость вытекла наружу. С пронзительным свистом и неистовым стрекотом существо ударило хвостом в грунт и мгновенно закопалось, исчезнув в облаке белого

порошка и оставив вместо себя только вязкую подрагивающую лужицу... и клинок.

– Сука, – пробормотала Констанс, поднимая стилет и вытирая его.

Она быстро дошла до хребта застывшей лавы, взобралась на него, заглянула на другую сторону и увидела невероятное зрелище. В гнезде из красного песка посреди лавовой котловины извивалась и пищала огромная белая гусеница, качая из стороны в сторону маленькой черной головой. Она сидела на сотах, в которых копошились личинки.

Из раны на брюхе текла кровь. Видимо, в нее стреляли из пистолета. Констанс различила входное и выходное отверстие.

И тут ее внимание привлекла жестокая картина в нескольких сотнях ярдов от гнезда, у скопления лавовых конусов на черном базальтовом основании. Вокруг ближайшего к гнезду конуса были разбросаны трупы полудюжины существ, похожих на то, что бесчинствовало в Саванне. Они лежали в лужах засохшей крови, их комариные головы были разворочены выстрелами. Одна из тварей распростерлась в стороне от других, на склоне конуса. А под ее изуродованными, переломанными крыльями виднелось что-то еще – человеческое тело.

Констанс вскрикнула и бросилась вниз по склону, падая в спешке, сдирая кожу об острые камни, поднимаясь и продолжая бежать, пока не оказалась у подножия покрытого кровью склона.

Мерзкая тварь навалилась на Пендергаста. Он лежал неподвижно, с приоткрытыми щелочками глаз.

– Алоизий! – крикнула она, приподняв ему голову.

Кровь залила камни под ним. Констанс прижала пальцы к его шее, проверяя пульс.

Нужно снять с него это чудовище. Она схватила тварь за морду и сломанное крыло и потянула на себя.

Но не сдвинула с места.

Тогда она взялась за крыло двумя руками и дернула вниз, чтобы сила тяжести ей помогала. Тварь сместилась не больше чем на пару дюймов.

Констанс поднялась выше по склону, легла на острые камни, уперлась ногами в чудовище и толкнула его, напрягая все силы, что еще остались.

Тело откатилось на половину нужного расстояния. Второй толчок сбросил его окончательно.

Поднявшись на ноги, Констанс кинулась осматривать рану. Вся левая сторона груди Пендергаста была в крови, грубый жгут, завязанный под мышкой, перетягивал предплечье. Жгут ослаб, из-под него сочилась кровь. Констанс быстро затянула его снова и прижала ладонь к глубокой ране на плече. Она еще раз проверила пульс, стараясь, чтобы рука не дрожала, а мысли успокоились, и, кажется, уловила слабые толчки.

Ухватив Пендергаста за руки, Констанс сначала усадила его, а потом невероятным усилием взвалила себе на плечи и попыталась встать. Он показался пугающе легким, но она тут же сообразила, что это следствие низкой гравитации, а не потери крови.

Пошатываясь, Констанс спустилась с конуса и двинулась назад со всей возможной скоростью, таща Пендергаста на спине. Вскоре кровь пропитала и ее одежду. «Раз кровь течет, – подумала она, – значит сердце еще бьется... пусть даже и слабо».

Алоизий Пендергаст ощущал какую-то отрешенность, бесплотность. Он видел странные образы бесконечно широкой равнины под чужим небом. Иногда он словно бы шел по ней, а временами летел. Постепенно, с возвращением сознания, он понял, что ощущение полета вызвано тем, что кто-то несет его на плечах. Потом он снова шел, или так ему казалось. Голос Констанс что-то настойчиво шептал в ухо, а ее рука поддерживала его. Дальше возникло ощущение падения, сверкающего света и покалывания, от которого шевелились волосы на руках. Внезапно все кончилось, и теперь он лежал на жестком полу. Его опять потащили – на этот раз в темноте, а после этого он услышал внезапный наплыв голосов.

– Он потерял очень много крови!

– Гипотензия!^[97] – крикнул мужской голос. – Дайте шприц с адреналином. Нужно увеличить объем крови. Поставьте капельницу с универсальной первой отрицательной и откройте полностью.

Пендергаст был бесконечно далек от суеты вокруг него. В поле его зрения появились два расплывчатых силуэта. Они разрезали ему рубашку и что-то сделали с плечом. За их спинами возникла еще одна фигура – испуганная женщина, залитая кровью с головы до ног,

и Пендергасту потребовалось время, чтобы узнать Констанс. Он попытался заговорить с ней, но понял, что снова проваливается в темноту.

– Мисс, – послышался встревоженный голос, – вы тоже ранены?

– Это его кровь, а не моя, – последовал короткий ответ.

А потом, прежде чем первозданная тьма снова накрыла его, Пендергаст услышал последний обмен репликами.

– Он... он будет жить?

– Да, будет.

Агент Колдмун сидел за столом в конференц-зале административного комплекса округа Чатем вместе с капитаном Делаплейн, детективом Шелдрейком, доктором Макдаффи и агентом Пендергастом. Напарник уже восстановился до обычной бледности, и, если не считать руки на перевязи, сейчас скрытой под костюмом, вид у него был привычно непроницаемый – сама загадочность. Но Колдмун понимал, насколько слаб до сих пор Пендергаст... и как близко он был к смерти.

Конференц-зал, занимавший угол шестого этажа, мог похвастаться большими окнами. За ними Колдмун видел на востоке утреннее солнце, сияющее над умиротворенным пейзажем промышленных зданий и небогатых кварталов с лентой трассы I-16, ведущей в Мейкон. С юга же картина отличалась так, что дальше некуда, и напоминала разбомбленный самолетами люфтваффе город времен Второй мировой.

Прошла неделя с того дня, когда огромный сафунка – Колдмун не смог подобрать название лучше, чем «москит», – бесчинствовал и опустошал целые районы в центре Саванны... А потом внезапно сдох. Колдмун предполагал, что монстр умер, хотя наверняка знал лишь то, что он исчез во взрыве дыма и света, которому позавидовал бы сам фокусник Дэвид Копперфильд, оставив после себя разрушенные дома, сгоревшие машины и трупы.

Отсутствие останков твари, причинившей городу столько бед, сделало дальнейшее расследование куда более интенсивным... и крайне нелепым. Город наводнили полчища военных, команды Центров по контролю и профилактике заболеваний в биозащитных костюмах, Министерства внутренней безопасности и других ведомств, которых Колдмун не знал и не желал знать. Они прибыли слишком поздно, чтобы хоть как-то помешать кровавой бойне, зато теперь усердно собирали вещественные доказательства, включая выжженную траву, битые кирпичи, осколки стекла, а также все видео и фото с мобильных телефонов, какие только смогли отыскать. Целые кварталы до сих пор были оцеплены. На многих площадях пострадавшей части

города фургоны и трейлеры с незнакомыми знаками, а то и вовсе без знаков устроили импровизированные стойбища с гудящими генераторами и сияющими огнями.

Поначалу власти попытались замять дело и отвлечь от него внимание. Но было слишком много кадров с мобильных телефонов, новостных репортажей и живых свидетелей этого ужаса. В итоге пришлось опубликовать туманное заявление об «уникальном случае мутации», пообещав «полное и всестороннее расследование» и тщательную проверку на наличие любых других аномальных существ.

С другой стороны, у самих жителей Саванны катастрофа вызвала совершенно иную реакцию: они сплотились, как никогда прежде, чтобы восстановить разрушенную часть города. Число жертв оказалось значительно ниже, чем первоначально предполагали, по большей части это были доверенные лица сенатора Дрейтона, участники митинга и туристы, попавшие в неудачное место в неудачное время. Кое-кто из богатейших горожан Саванны внес свой вклад в финансирование работ по восстановлению города и помощи пострадавшим. А при врожденной гордости жителей за свой прекрасный город эти работы могли охватить не только разрушенные здания, но и некоторые исторические памятники, давно ожидавшие реконструкции.

Но никакие усилия так и не смогли пролить свет на то, что произошло на самом деле. Колдмун знал чуть больше остальных, но по указанию Пендергаста держал рот на замке. Им обоим пришлось принять участие в бесчисленных отчетах и совещаниях, и сегодняшнее обещало стать последним.

Размышления Колдмуна прервала капитан Делаплейн, решительно захлопнув лежавшую перед ней папку. Там был список обычных вопросов: «Какова природа этого существа? Откуда оно взялось? Что с ним произошло?» И для протокола она обязана была в последний раз задать их. Разумеется, никто не имел ни малейшего представления обо всем этом, и Пендергаст – в последнюю очередь. И в том, как Делаплейн отодвинула папку в сторону, чувствовалось некоторое облегчение.

– Итак, с этим покончено, – сказала она. – Простите, я понимаю, что мы топчемся на одном месте.

– Все в порядке, – тихо ответил Пендергаст.

Делаплейн покачала головой:

– Честное слово, это поразительно: прошла уже неделя, а донесения до сих пор поступают. Прямо сегодня утром мне сообщили, что... мм... в предполагаемом убежище твари погибла целая съемочная группа.

– За исключением ведущего оператора, – добавил Шелдрейк. – И она так потрясена, что только сейчас начинает рассказывать о случившемся. Очень сбивчиво. Вместе с ней нашли журналиста, – кажется, его зовут Уэллстоун. Говорят, что он безумен. – Шелдрейк справился в блокноте. – Кататонический^[98] ступор, вызванный психической травмой.

– Ближе к делу, – сказала Делаплейн. – То, что произошло с Фелисити Фрост, особенно трагично. Вы ведь были с ней знакомы, верно?

– Не я, – покачал головой Пендергаст. – Констанс, моя подопечная.

Услышав ее имя, Колдмун едва сдержал непроизвольное подергивание. В последние дни Констанс вела себя еще более странно, чем обычно. Сражаясь с чудовищем на крыше церкви, Колдмун заметил краем глаза, как она стоит на балконе отеля и стреляет в тварь из «томми-гана». Могло ли это быть на самом деле? Конечно могло: он видел, как она проделывала и не такое. Констанс была так же безумна, как и красива. И очень отважна. Это ведь она отправилась за Пендергастом и вытащила его задницу из чертовой машины.

Колдмун напомнил себе, что ничего не знает об этом. Хватит с него Саванны. Кстати, об отеле, который в ожидании реконструкции укрепили скобами, домкратами и столбами Лалли^[99]. Вещи уже собраны. После обеда он улетает в Денвер, и никакая сила на земле не помешает ему сесть в самолет.

Делаплейн почему-то смутилась, и Колдмун, прислушавшись к разговору, понял, что Шелдрейк поздравляет ее с благодарностью от начальства за проявленную смелость.

– Спасибо, Бенни! – ответила она. – Кто знает, возможно, я и стану шефом полиции лет этак... через двадцать или тридцать.

– Это может случиться раньше, чем вам кажется, – сказал Пендергаст и чуть повернулся на стуле. – О, заместитель директора

Пикетт! Не составите нам компанию?

Колдмун оглянулся на вход в конференц-зал и увидел Пикетта, прислонившегося к дверному косяку. Давно ли он так стоял, Колдмун не знал. Но его появление означало, что совещание откладывается, потому что все вдруг начали собирать вещи, пожимать друг другу руки и по одному направляться к дверям. Колдмун тоже хотел присоединиться к массовому исходу, но Пикетт жестом попросил его и Пендергаста остаться. Они стояли у дверей в неловком молчании.

Пикетт, оглянувшись, убедился, что все вышли, и прочистил горло.

– Я... э-э-э... понимаю, что вы схлестнулись с покойным сенатором Дрейтоном, выполняя мои распоряжения, – сказал он. – Вы... хорошо себя чувствуете?

Пендергаст кивнул.

Пикетт снова замолчал с почти смущенным видом.

– Для меня это дорогого стоит. В обоих смыслах.

– Я не менее благодарен вам, – ответил Пендергаст, – за то, как вы защищали наше расследование от сенатора. Жаль, что это сказалось на вашей карьере.

– На самом деле у сенатора Дрейтона не было ни единого шанса осуществить свои угрозы. Он много из себя строил, но не был человеком действия.

«Значит, он все-таки получит повышение», – подумал Колдмун.

В наступившем молчании Пикетт устремил на Пендергаста долгий пристальный взгляд.

– Простите, но я должен спросить у вас еще раз, – сказал он. – Для протокола, понимаете?

– Понимаю.

Пикетт вздохнул:

– Итак: у вас нет никаких версий, откуда появилось это существо?

– Абсолютно никаких.

– И насчет того, что оно здесь делало?

– Не имею представления.

– И вы не знаете, что с ним случилось?

– Боюсь, что нет.

Пикетт перевел взгляд на Колдмуна:

– А вы?

– Нет, сэр, – пожал плечами Колдмун.

– Иными словами, вы оба так же не осведомлены, как и все остальные.

– Увы, – признал Пендергаст. – Боюсь, что я провалил это дело.

Лицо Пикетта залилось краской, и на мгновение Колдмун решил, что заместитель директора разозлился. Но тот лишь слабо улыбнулся:

– Возможно, лучше не будить спящую собаку.

– Самая мудрая стратегия, – согласился Пендергаст.

– И все-таки жаль, – заявил Пикетт, – что ваш звездный послужной список может померкнуть из-за этой неудачи. И послужной список вашего напарника тоже.

Черт, об этом Колдмун даже и не думал. Ему не терпелось отправиться в Денвер и заняться расследованием обычных для ФБР дел, таких как терроризм, организованная преступность и серийные убийства.

– С другой стороны, – продолжал Пикетт, – раскрытие дела Д. Б. Купера об угоне самолета – это грандиозный успех. Уверен, это было самое долгое расследование в истории ФБР. И не сомневаюсь, что это восстановит баланс в вашем послужном списке. – Он опять вздохнул. – И все же я немного озадачен тем, как вам это удалось среди такого хаоса.

– Стечение обстоятельств, – ответил Пендергаст.

– Как только мы внесем последние штрихи в это дело и закроем его, нам придется сделать заявление. Мне представляется... – Он помолчал немного. – Будет что-то вроде пресс-конференции с благодарностями вам обоим.

– Ждем с нетерпением.

Колдмун почувствовал облегчение.

Пикетт бросил взгляд в окно на разрушенный город:

– Это было просто безумное дело. Кто мог такое предвидеть? – Он снова внимательно посмотрел на Пендергаста. – Чтобы вы вдруг не приняли меня за полного идиота, я догадываюсь, что вы знаете обо всем этом гораздо больше.

– Как вы сами сказали, лучше не будить спящую собаку.

– Отсюда последний вопрос: есть ли у нас причины опасаться – по вашему мнению, разумеется, – что подобные угрозы могут повториться?

– Уверяю вас, – растягивая слова, проговорил Пендергаст, – что вы можете не беспокоиться по этому поводу.

В комнате повисла тишина. Молчание Пендергаста само по себе было очень красноречивым.

– Тогда на этом все, – сказал Пикетт. – Благодарю вас. А теперь могу ли я чем-нибудь вам помочь?

– Вы можете дать агенту Колдмуну шанс успеть на самолет в Денвер, – ответил Пендергаст. – А мы с Констанс были бы крайне признательны за возможность провести эту ночь дома, в Нью-Йорке.

– И еще одно... – начал Пикетт.

Колдмун напрягся. На какой-то ужасный момент ему показалось, что сейчас его снова захомутают... Но Пикетт лишь покачал головой:

– Пустяки, не обращайтесь внимания.

И, не сказав больше ни слова, он отступил в сторону, пропуская Пендергаста и Колдмуна из конференц-зала к ожидавшему лифту.

Они свернули с Монтгомери-стрит и направились на восток по Тейлор-стрит. Колдмуну все время приходилось себя сдерживать, чтобы не обогнать идущего с непривычной болезненной медлительностью Пендергаста. Итоговое совещание с Пикеттом, которого он особенно опасался, прошло куда более гладко, чем можно было рассчитывать. Надо отдать должное Пикетту, он оказался смышленным парнем. Колдмун получил разрешение отправиться в Денвер. Вещи он собрал заранее. А накануне вечером он предусмотрительно заказал «Убер», хотя Пендергаст и предлагал подбросить его на служебной машине. На самом деле Колдмун просто не хотел афишировать, что отправляется в аэропорт на три часа раньше. Он не мог позволить себе риск снова оказаться втянутым в какое-нибудь загадочное дело. С Пендергастом ни в чем нельзя быть уверенным.

Он посмотрел на часы: точно по графику. Осталось только заскочить в отель, забрать сумки, и скоро Саванна и Пендергаст станут исчезающими точками в зеркале заднего вида его служебной карьеры.

По дороге он невольно обратил внимание на оживленную деятельность. Возле тротуаров стояли грузовики. В кузовах одних грузили обломки, оставшиеся после того, как улицы расчистили для проезда тяжелой техники. Другие привезли древесину, кирпичи и строительные материалы. Жители города включились в работу: сгребали лопатами мусор в контейнеры и подметали улицы. Похоже, обитатели Саванны не получили никаких объяснений случившегося, кроме потока безумных конспирологических гипотез, и поэтому решили навести порядок как можно скорее.

Колдмун различил впереди старинный фасад «Чандлер-хауса». Отель, окруженный строительными лесами, выглядел жутко: окна заколочены досками, а разрушенный верхний этаж накрыт футляром из металла и пластика. Как только здание укрепили, большая часть персонала вышла на работу и теперь готова была помочь в предстоящей реконструкции.

Входя в вестибюль, Колдмун бросил взгляд на Чатем-сквер и заметил скопление трейлеров и временных куонсетских ангаров^[100], которое он про себя окрестил Федервиллем. Возле отеля скучала машина с эмблемой «Убер» на водительском окне.

«Раньше времени, – подумал Колдмун. – Это доброе предзнаменование».

Поднимаясь по широкой главной лестнице, Пендергаст обернулся к нему:

– Я вижу, вы собираетесь ехать в аэропорт прямо сейчас.

Неужели от Пендергаста невозможно ничего скрыть?

– Да, верно. Я решил не откладывать дело в долгий ящик.

– Что ж, учитывая недавний опыт, это, вероятно, разумный шаг.

На площадке второго этажа они свернули в коридор, прошли несколько шагов и остановились у двери в номер Пендергаста.

– Хорошо. Давайте только зайдём к Констанс попрощаться, – сказал Пендергаст. – Мы хотели кое-что вам подарить.

– Это не займет много времени?

– Ровно столько, сколько нужно, чтобы передать подарок из рук в руки, – ответил Пендергаст с тонкой улыбкой. – Мой торопливый друг, я так же, как и вы, не терплю сентиментальностей. Это будет быстро и безболезненно.

Колдмун хмыкнул. В конце концов, именно этого он и хотел. Но все же рассчитывал на возможность отказаться от бокала коньяка или последней душевной беседы. Его раздражение сменилось любопытством. Интересно, какой прощальный подарок приготовил для него Пендергаст? Хочется надеяться, что это можно будет заложить в банке.

Номер Пендергаста избежал разрушений. Солнечный свет заливал просторные опрятные комнаты. Все двери были открыты, и Колдмун, проходя в гостиную, разглядел два кабинета с примыкающими к ним отдельными спальнями, раскрытые настежь гардеробы и багаж, разложенный по кроватям на универсальном языке сдающих номер туристов. Пендергаст вышел из гостиной, но тут же вернулся.

– Странно. Где же Констанс?

– Собирает вещи? – предположил Колдмун.

Пендергаст покачал головой, зашел в свои комнаты и через мгновение появился снова с внутренним телефоном отеля.

– Может быть, она решила на прощание прогуляться по городу? – сказал Колдмун. – Что-то вроде приступа ностальгии.

Пендергаст набрал номер, не обращая внимания на его сарказм.

– В последнее время она была не в том настроении.

Из трубки телефона послышался чей-то голос – вероятно, с ресепшен, и Пендергаст провел короткое расследование. Констанс Грин никто не видел. Если бы она вышла из отеля, пока Пендергаст отсутствовал, портье бы об этом знал, потому что на входе установлена система слежения.

– Очень странно, – сказал Пендергаст, вешая трубку, и медленно направился обратно в комнаты Констанс.

Колдмун пошел следом.

– Какие у вас планы? – спросил он.

– Я возьму Констанс с собой в отпуск – настоящий отпуск на этот раз.

Он остановился посреди ее кабинета и огляделся. Колдмун поступил так же. Все здесь было чисто и аккуратно, как и следовало ожидать.

– Я приготовил ей сюрприз, – продолжал Пендергаст, проходя в спальню. – Мы собрались в Рим, где Ватикан согласился открыть доступ в частные библиотеки и катакомбы. Это должно быть...

Снаружи городские часы пробили полдень, и Пендергаст внезапно оборвал фразу на полуслове.

Колдмун осматривал спальню, гадая о том, что могло привлечь внимание Пендергаста. Дверцы гардероба были открыты, выставив напоказ вешалки с дорогими изящными платьями. Колдмун перевел взгляд на небольшой письменный столик у кровати, на котором лежали черная сумочка и мобильный телефон Констанс.

– Она не могла далеко уйти, ее телефон здесь, – сказал он и оглянулся на кровать, где лежали два плоских чемодана с монограммами, открытые и пустые.

Он с удивлением наблюдал, как Пендергаст взял сумку из оленьей кожи и вытряхнул ее содержимое на стол, а затем обыскал застегнутые на молнии кармашки.

– Да что происходит-то?.. – начал Колдмун, но Пендергаст прервал его, пробормотав:

– Его здесь нет.

– Кого нет?

– Ее стилета.

– И что?

– Она никогда не оставляет его. Никогда.

– Даже в душе? То есть я не хотел сказать... Послушайте, ее телефон здесь, она никуда не ушла бы без него.

Ничего не ответив, Пендергаст проверил вешалки с платьями, потом выдвинул здоровой рукой ящики шкафа.

Колдмун украдкой посмотрел на часы. Это какое-то сумасшествие. Констанс никогда не уходила далеко без Пендергаста. Должно быть, она в библиотеке, зачиталась. Он замолчал, пытаясь придумать оправдание.

Пендергаст перебрался в спальню, подошел к большому из лежавших на кровати чемоданов и ощупал его крышку в том месте, где молния встречается с искусно прошитой окантовкой. Словно по волшебству из тайника в крышке выскочила золотистая эмалированная коробочка. Пендергаст открыл ее. Выложенная изнутри пурпурным бархатом и разбитая на крохотные отделения, коробочка оказалась пуста.

Пендергаст отпихнул чемодан и захромал к двери.

– Пойдите! – крикнул Колдмун. – Пендергаст... Алоизий, что случилось? Мне пора уезжать!

Пендергаст не ответил, и Колдмун поспешил за ним.

– Что за бес в вас вселился?

– Ее камни, – бросил Пендергаст через плечо.

– А что с ними?

– Они пропали.

– Может быть, их украли, – предположил Колдмун, но, даже не успев договорить, понял, что это совсем другой случай: кто мог догадаться, что в крышке чемодана устроен тайник?

– И чем так важны ее украшения? – спросил Колдмун.

– Не украшения, – ответил Пендергаст. – Камни. Они означают для нее намного больше... Мобильный телефон на столе... платья оставлены...

Он вышел из номера, прошел по коридору и торопливо спустился по лестнице.

В вестибюле, охваченный дурными предчувствиями, Пендергаст сорвался на неуклюжий бег, крайне опасный для человека, недавно перенесшего тяжелое ранение. Торопясь за ним, Колдмун ощутил, как тень этих предчувствий опустилась и на него самого... Особенно после того, как Пендергаст распахнул дверь, ведущую в подвал, и пропал из виду на нижних ступенях лестницы. Забыв про самолет, про поджидающий возле отеля «Убер», Колдмун помчался следом. Его сердце забилося чаще, когда он понял, куда направляется Пендергаст.

Еще пробираясь по темному подвалу, Колдмун услышал беспорядочное потрескивание. В воздухе висел едкий дым, наполненный запахом расплавившегося пластика и сгоревших проводов. Когда он миновал последние препятствия и юркнул в тайную комнату, где стоял прибор, дым стал еще гуще.

В комнате было удушающе жарко. Из-за густого дыма Колдмун ничего не мог разобрать. Он закашлялся и попытался разогнать дымовую завесу руками. Воздух чуть расчистился, и проступили очертания обстановки. Черная пелена все еще поднималась из вентиляционных отверстий в стенках прибора. Из передней панели торчали два обгоревших и дымящихся стальных стержня. Колдмун догадался, что это потрескивал, остывая, перегоревший прибор.

Его взгляд упал на ручку управления. Она была повернута до отказа: дальше первой отметки, дальше второй и даже той настройки, которую установил Эллерби, когда по неосторожности вызвал эту жуткую тварь. Кто-то настроил машину на критическую мощность: то ли для того, чтобы навсегда вывести ее из строя, то ли просто хотел в последний раз ею воспользоваться. Этого Колдмун не знал. Но прибор работал далеко за пределами своих возможностей и теперь не многим отличался от кучи железа.

Быстро оглядев комнату, Пендергаст подошел к ближайшему рабочему столу и взял с него хрустящий конверт без марки. На глазах у Колдмуна он дрожащей рукой надорвал конверт, вытащил единственный лист бумаги и прочитал. Через минуту рука его опустилась, письмо выскользнуло из онемевших пальцев и спланировало на пол.

– Пендергаст! – окликнул напарника Колдмун.

Но тот не шевельнулся и не отозвался на его голос. Колдмун опустился на колени и поднял письмо. Там было короткое послание,

написанное элегантным женским почерком:

Я ухожу, чтобы спасти свою сестру Мэри. Мое место рядом с ней, так или иначе. Этот прибор дал мне шанс, а мисс Фрост своим примером показала, почему я должна им воспользоваться. В ней я увидела свое одинокое, лишенное любви будущее. Это было отнюдь не приятное зрелище. Поэтому я возвращаюсь в прошлое – к той судьбе, что мне предуготована. Я сделаю все, что в моих силах, все, что должна сделать. Если я не могу быть с тобой на моих условиях, я не буду с тобой вообще.

Прощай, Алоизий. Спасибо тебе за все, и особенно за то, что ты не отправишься вслед за мной, даже если такое еще возможно. Этого бы я не пережила. Уверена, ты поймешь, что я хотела сказать.

Я люблю тебя.

Констанс

В десять с небольшим утра к терминалу Грейхаунд на Вест-Оглторп-авеню подкатил автобус из Атланты. Зашипели пневматические тормоза, сверкнула, открываясь, металлическая дверь. Пассажиры один за другим спускались по ступенькам на яркий солнечный свет. Последним появился худощавый пожилой мужчина с потрепанным чемоданом в выдавшем виды макинтоше. Он начал спускаться, потом остановился и прикрыл глаза рукой от солнца.

– Господи ж ты бога в душу мать! – сказал он страдальческим голосом.

Водитель оглянулся на него со смущенной, но добродушной улыбкой. В автобусе старик сидел сразу за ним, и они проболтали всю дорогу от Атланты.

– В первый раз в Саванне? – спросил водитель.

– В первый раз восточнее Миссисипи, – ответил старик.

– Да что вы говорите!

– Черт возьми, да я в первый раз южнее линии Мейсона – Диксона^[101].

Прищурившись, старик спустился по последним ступенькам и помахал на прощание водителю. Когда автобус уехал, он поставил чемодан на землю, с трудом стащил с себя макинтош, аккуратно свернул и засунул под ручку чемодана. Потом вытер лоб тыльной стороной руки и огляделся.

Он не знал, чего ожидать от Саванны. Сначала попытался сравнить ее с теми городами, которые знал: Якимой, Олимпией, Сиэтлом. Но у него не нашлось подходящего шаблона для такого сравнения. Никаких гор вдалеке, местность плоская, как тарелка. Дома казались одряхлевшими от старости. В небе не ощущалось угрозы бесконечного дождя, с которой он прожил всю жизнь. С другой стороны, воды здесь было достаточно... но в виде влажности. Он даже не представлял, что может быть одновременно так жарко и так сыро.

Старик спросил дорогу и отправился в путь, следуя на восток по Оглторп-авеню. На улицах было много машин, а на тротуарах полно пешеходов. Многие удивленно оборачивались на старика с бородой,

как у Санта-Клауса, но он не обращал внимания. На него пялились и прежде. Минут через десять он снова остановился, снял клетчатую рубашку и заботливо завернул ее в макинтош, который опять засунул под ручку чемодана. Теперь он остался в футболке и выгоревшем комбинезоне, но эта одежда, похоже, лучше сочеталась с тем, что носили местные. Расстегнув молнию чемодана, он вытащил вощеную шляпу, измятую до бесформенности, долго ее разглаживал и растягивал, пока она не налезла на голову. Это был стетсон, которым он прикрывал макушку от дождя больше сорока лет. Может быть, защитит теперь и от солнечного удара.

Старик повернул к югу по Барнард-стрит и прошел через небольшую лужайку с травой и деревьями, окруженную со всех сторон домами. Это уже совсем другое дело. В дальнем конце стояла табличка, сообщающая, что этот маленький парк называется Орлеансквер. Впереди, над крышами городских домов, частенько скрытых за строительными лесами, поднимались облака пыли и слышался знакомый шум стройки.

От этой картины и этих звуков у старика невольно перехватило дыхание.

Живя вдали от цивилизации, он не имел привычки читать газеты и смотреть телевизионные новости. Все, что происходило за границами фермы, его не касалось, и ему становилось дурно от непрерывной барабанной дроби угнетающих и раздражающих новостей, с которыми он ничего не мог поделать. Но, добираясь на автобусе из Сиэтла в Чикаго, а потом из Чикаго в Атланту, старик мельком увидел на чикагской автобусной станции кричащие газетные заголовки о трагедии в Саванне. Он взял какую-то газету и прочитал о том, что город пережил нападение с пожарами, взрывами и многочисленными жертвами. Эта загадочная история усилила его тревогу, и без того уже разыгравшуюся сверх всякой меры. Но старик успокаивал себя тем, что эта женщина была живучей и очень крепкой.

Очень крепкой женщиной. И совсем одинокой.

Он давным-давно должен был сделать это, найти ее и приехать к ней. Но время еще оставалось. С гулко бьющимся сердцем он двинулся дальше по Барнард-стрит, прибавив шагу. Впереди виднелись краны и строительные леса, мощные фургоны и грузовики. Шум стройки зазвучал громче, и открылась картина разрушений. Здесь

произошла какая-то невероятная катастрофа, со множеством поврежденных домов, сгоревших деревьев и автомобилей.

Пройдя еще с десяток кварталов, старик вышел к Чатем-сквер. Достал из кармана мятый засаленный клочок бумаги, развернулся и прочитал накорябанные на ней указания. Это было то самое место. «Чандлер-хаус» стоял в дальнем конце парка, на Гордон-стрит.

Узнав здание, старик поднял глаза, и у него оборвалось сердце. Большой просторный отель огородили металлической сеткой, верхние окна заколотили и установили леса. За ними просматривался обгоревший и обрушенный верхний этаж.

Старик крепче взял свой чемодан и направился через площадь. Некоторые соседние дома также восстанавливали, но он их не замечал. Он пересек Гордон-стрит и остановился перед кирпичным фасадом отеля, едва различимым за лесами. Полицейский, стоявший за временными строительными воротами и охранявший вход в отель, подошел к нему.

– Чем могу вам помочь?

Старик ничего не ответил, только смотрел и смотрел на здание.

– Сэр, чем я могу вам помочь? – повторил полицейский.

– Я ищу мисс Фрост, – сказал старик.

– Мисс Фрост? Вы говорите о Фелисити Фрост?

Старик кивнул:

– Она... владелица этого дома.

Полицейский помолчал, переваривая его слова.

– А какое у вас к ней дело?

– Я... – Старик закашлялся, затем прочистил горло и ответил: – Я ее родственник.

– Понятно, – сказал полицейский и после паузы продолжил: – Очень жаль, сэр, но должен вам сообщить, что Фелисити Фрост скончалась.

– Что? – Старик посмотрел в сочувствующие глаза полицейского.

– Сожалею, но она погибла во время этой катастрофы. Если вы обратитесь в городской совет, вам предоставят подробную информацию.

Он вежливо показал, в какую сторону идти.

Старик отошел, но тут же почувствовал слабость и головокружение. Все было как во сне. Перед глазами повисла темная

пелена, и та часть его сознания, что оставалась врачом, предупредила: обморок, вызванный резким падением кровяного давления. Оглядевшись, старик увидел гидрант в нескольких шагах от себя, добрел до него и сел. Здесь, в тени, было прохладнее. «Скончалась». Это не укладывалось в голове.

Старик снял шляпу и осторожно положил на колени, но это было последнее, что он запомнил.

Кто-то взял его за плечо и встряхнул, бережно, но твердо и позвал, сначала как будто издали, а потом уже отчетливее:

– Доктор? Доктор Куинси?

Он поднял голову. Перед ним стоял мужчина, голос которого был смутно знаком.

Старик поморгал, проясняя зрение. Шляпа лежала у него на коленях, а чемодан – между ног, куда он, видимо, сам его и выронил.

А потом все вернулось.

Он снова услышал, как называют его имя, и на этот раз сумел сосредоточиться. Это был тот самый агент ФБР, который приезжал к нему в Берри-Пэтч. Как же его звали? Колдмун?

– У меня болит задница, – сказал Куинси.

– Еще бы, – ответил агент. – Похоже, вы просидели на пожарном гидранте не меньше часа.

Куинси посмотрел вниз:

– Господи!

– Я заметил вас пять минут назад. И подумал, что лучше оставить вас наедине с вашими мыслями. Но хватит, вставайте на ноги. Готов поспорить, вы бы не отказались чем-нибудь перекусить.

– Я не голоден.

– Хорошо, но вы ведь не откажетесь от кофе, правда?

Агент ФБР взял чемодан, помог старику подняться и повел куда-то по тротуару.

Куинси оттолкнул поддерживающую руку.

– А где ваш назойливый напарник?

– Он занят.

– Так вот, я хочу с ним поговорить. Хочу получить какие-то ответы, будь оно все проклято!

– Он сейчас ни с кем не разговаривает... даже со мной.

Они прошли пару кварталов, и онемевшие ноги Куинси потихоньку стали оживать. Колдмун привел его в кафе. Официантка, стоявшая за кассой и проверявшая утреннюю выручку, увидела Колдмуна и нахмурилась.

– И у тебя хватило наглости вернуться сюда! – сказала она, сверкнув глазами.

– Я тоже рад снова тебя увидеть, – миролюбиво ответил Колдмун.

Куинси отметил, что официантка отвела их в дальний угол кафе и усадила за столик рядом с туалетом, хотя посетителей в кафе почти не было.

– Пожалуйста, кофе, куколка, – попросил Колдмун.

– Никакая я тебе не куколка. Даже не пытайся подлизываться. – Официантка посмотрела на ковбойскую рубашку Колдмуна с перламутровыми пуговицами на карманах. – Какая милая у тебя блузка. А для мужчин они что-нибудь шьют?

– Не очень-то вы ей нравитесь, – сказал Куинси, когда официантка отошла.

– За этим я сюда и пришел.

Куинси устало потер лоб. В другое время он бы с удовольствием выслушал такие откровения, но не сейчас. Господи, только не сейчас.

– Видите тот новый кофейник? – спросил Колдмун. – А теперь посмотрите на соседний, с подпалиной на боку. Он, наверное, стоит здесь с шести утра.

– Похоже.

– Ручаюсь, что мне она нальет остатки из этого, а вам даст чашку со свежим кофе из другого.

Куинси недоуменно взглянул на Колдмуна, не в силах понять, что за чушь тот несет.

– Знаете, она была очень смелой. Вы можете ею гордиться. Она сражалась до конца.

– Расскажите мне, – просто ответил Куинси.

И Колдмун начал рассказывать. Говорил он долго, а Куинси его слушал. Эта была захватывающая история, удивительная, запутанная, порой даже невероятная. Но в этом вся Алисия – в ней не было ничего ординарного. Он слушал о том, как она взяла чужое имя, как купила и отремонтировала отель, как пользовалась прибором, что произошло между ней и Эллерби, и так до безумного конца этой истории. Что-то в

ней было настолько шокирующим, что Куинси отказывался поверить. Но Колдмун был основательным и практичным человеком, агентом ФБР. И Куинси каким-то образом почувствовал, что Колдмун давно знал о его приезде и заранее продумал, что он ему скажет.

Наконец агент замолчал, рассказ закончился. Куинси сделал глубокий, медленный вдох, как космонавт, проверяющий атмосферу неизвестного мира. Ему еще придется потратить немало времени на то, чтобы переварить эту историю, уловить смысл... Если он вообще это сможет. Как бы то ни было, Куинси ощутил, как с плеч спал невидимый груз.

– И еще кое-что. – Колдмун достал что-то из рюкзака и протянул Куинси.

Пожилой доктор развернул упакованный в бумагу сверток, и в нос ему ударил запах дыма. Это был томик «Антологии Спун-Ривер», сильно обугленный по нижнему краю. Но даже пламя не могло скрыть многолетнюю потрепанность книги с загнутыми, как собачьи ушки, страницами. Они говорили сами за себя.

Не сказав ни слова, он открыл книгу и увидел посвящение, написанное его рукой почти пятьдесят лет назад:

А. Р. от З. К.

Для меня ты всегда будешь «тем великим социальным кочевником, рыщущим на задворках послушного, напуганного порядка».

Берри-Пэтч. 22.04.72.

Посвящение и вызванные им воспоминания переполнили Куинси эмоциями. А чуть ниже этих выцветших слов он увидел другую надпись, куда более свежую:

Когда-то я была кочевником. Но все эти годы странствий ты всегда, всегда оставался моей путеводной звездой.

*«Мне постоянство правит круг
И возвратит меня к истоку»^[102].*

Алисия

Куинси сжимал книгу так крепко, что у него задрожали руки. Он заметил это и расслабил пальцы, борясь со слезами.

– Я посмотрел, откуда это, – сказал Колдмун.

– Джон Донн, – ответил Куинси, по-прежнему глядя на надпись.

– Да.

Они сидели в молчании. Куинси держал книгу и легонько ее поглаживал, словно это была чья-то рука. Наконец он поднял голову:

– Так когда я смогу увидеться с Пендергастом?

– Простите, но это невозможно.

Колдмун помедлил с ответом, и Куинси внимательно посмотрел на него.

– Что-то плохое, да? – спросил Куинси. – С ним что-то случилось?

– Врачи слишком восприимчивы, – сказал Колдмун.

Снова опустилась тишина, официантка наполнила им чашки. Куинси заметил, что она и в самом деле налила Колдмуну кофе из другого кофейника, вместе с осадком.

– Вы не ошиблись насчет официантки, – сказал он. – Это ужасно.

– Вовсе нет. За этим я сюда и пришел. Она берегает для меня самое лучшее, а я даю ей соответствующие чаевые. – Колдмун сделал глоток и поставил чашку с удовлетворенным видом. – Так куда вы теперь?

Куинси пожал плечами:

– Бог знает. Жизнь – странная штука. Годы одиночества, внезапная надежда, а теперь это. Не знаю. Наверное, я просто об этом не задумывался... То есть дальше того, чтобы приехать сюда.

Колдмун кивнул:

– У моего народа есть пословица: «Жизнь – это путешествие, а не пункт назначения».

– Неправда. Это написал Ральф Уолдо Эмерсон^[103].

Еще одна короткая пауза.

– Вот черт! – проворчал Колдмун.

– Но попытка была хорошая.

Колдмун взглянул на часы:

– Послушайте, у меня есть немного времени, вечер свободен. Давайте снимем вам номер в отеле, а потом, может быть, перехватим

пивка.

– Давайте лучше возьмем пиво прямо сейчас. Там, снаружи, проклятое болото.

Колдмун снова улыбнулся, слабо, но искренне.

– Я знал, что под этой сухой, суровой внешностью скрывается то, что мне нравится.

Он встал, допил кофе, бросил двадцатку на стол и проводил медленно бредущего, преодолевающего боль старика к выходу.

Тусклые лучи утреннего солнца, пробиваясь сквозь густую завесу пыли и угольного дыма, падали на широкую авеню в западно-центральной части Манхэттена. Но это было другое солнце и другой город.

Там, где Бродвей пересекал Седьмую авеню, грунтовая дорога была покрыта выбоинами от бесчисленных конских копыт, фургонов и тележек. Ее утоптали настолько, что она не уступала в твердости цементу, за исключением грязных участков вокруг желобов канатного трамвая и утопавших в навозе коновязей.

Перекресток носил название Лонгакр, и только через двадцать пять лет он станет известен как Таймс-сквер. Это был центр «экипажной торговли», отдаленный район быстро растущего города с конюшнями и каретными мастерскими.

В это особенно холодное утро на перекрестке было тихо, если не считать случайных прохожих или проезжавших повозок. Никто не обратил внимания, когда молодая женщина с короткими темными волосами и в пурпурном платье необычного покроя и материала вышла из переулка и оглянулась, прищурившись и наморщив нос.

Констанс Грин остановилась, давая время осесть начальному приливу ощущений, стараясь не выдать тех эмоций, что грозили захлестнуть ее. Образы, звуки и запахи внезапно пробудили в ней тысячи воспоминаний детства, таких далеких, что она сама едва ли подозревала, что сохранила их. В первую очередь и особенно чувствительно поразил ее запах города: сложное сочетание земли, пота, конского навоза, угольного дыма, мочи, кожи, жареного мяса и аммиачный привкус щелока. А потом и другие вещи, которые когда-то казались ей обыденными, а теперь выглядели странно: телеграфные столбы, непременно покосившиеся, газовые фонари на каждом углу, бесчисленные экипажи, припаркованные на тротуарах и возле них и повсеместная убогость. Все говорило о том, что город растет очень быстро и сам же за собой не поспевает. Достаточно было увидеть эти наспех нарисованные вывески, дома из кирпича и известняка, слепленные на скорую руку, скопившуюся грязь, которую никто

словно бы не замечал, чтобы сразу понять, что так оно и есть. Но страннее всего было не слышать шума современного Манхэттена: рева машин, сигналов такси, гудения компрессоров, турбин и кондиционеров, подземного рокота метро. Здесь же было сравнительно тихо: стук копыт, крики, смех, редкие щелчки кнута и долетавшее из соседнего салуна дребезжание расстроенного пианино. Она так привыкла к тому, что бульвары Манхэттена кажутся отвесными стальными каньонами, что теперь у нее в голове не укладывалась эта картина, где самыми высокими зданиями, куда ни взгляни, были залитые солнцем трех- или четырехэтажные дома.

Прошло несколько минут, и Констанс глубоко вздохнула. Она знала, где оказалась. Теперь нужно было понять – когда.

Она взглянула вдоль авеню на север и заметила недавно расчищенный участок для будущей Американской конной биржи. Потом повернулась к югу и осмотрела соседние витрины: «Нью-Вашингтон маркет», торгующий привозным мрамором, магазин одежды для полных мужчин Кляйна, поставщик нюхательного табака «Гамбетта». Констанс двинулась в эту сторону, стараясь сохранять спокойную и непринужденную походку. Платье, которое она выбрала из своего гардероба, хоть и было самым старомодным, все же сильно отличалось от того, что носили в это время, и могло привлечь ненужное внимание. А еще в нем было холодно, и Констанс никак не могла унять дрожь. Но с этим ничего нельзя было поделать... по крайней мере, пока. Зато хоть выглядело оно роскошно.

Она прошла мимо невзрачного ресторана с пыльной, обшарпанной входной дверью, где предлагались на выбор гуляш из бычьих хвостов, телячья отбивная в горшочке или свиные ножки за пять центов. Рядом стоял мальчишка с большой охапкой газет, пронзительным голосом выкрикивая заголовки новостей. Он с надеждой протянул ей газету, но она покачала головой и прошла мимо.

Но лишь после того, как прочитала дату: «Суббота, 27 ноября 1880 года».

Ноябрь тысяча восемьсот восьмидесятого года. Ее восемнадцатилетняя сестра Мэри в это время жила в ночлежке для девушек на Деланси-стрит и работала до полусмерти в миссии Файв-Пойнтс. А брат Джозеф отбывал срок на острове Блэквелла^[104].

А некий доктор совсем недавно приступил к своим ужасным, смертельным экспериментам.

Сердце Констанс забилося быстрее от мысли, что они еще живы. Возможно, она все же успеет.

Оставалось два неотложных дела. Она прошла быстрым шагом по Седьмой авеню мимо ломбарда на Сорок пятой улице, который представлялся как «Бродвейская лавка диковинок», однако предлагал не только «сто тысяч инструментов для любого ремесла», но также покупку, продажу и обмен бриллиантов и ювелирных изделий. Снаружи лавки стояли запертые стеклянные выставочные шкафы на колесиках с винтовками, ружьями, примитивными ящичными камерами, часами и другими подобными предметами. Констанс помедлила и зашагала дальше, она искала заведение не столь низкого пошиба.

И нашла его в дюжине кварталов к югу, в лучшей части города около Геральд-сквер: дорогой ювелирный магазин, специализирующийся на бриллиантах. Движение по улицам и тротуарам было здесь намного плотнее. Констанс зашла в магазин и направилась к ближайшему прилавку.

Из-за стеклянной перегородки на нее смотрел продавец. Он был молод, в белой рубашке с нарукавниками выше локтей и кожаным козырьком над усыпанным веснушками лицом. Продавец оглядел Констанс с ног до головы, пытаясь по ее виду и необычному платью определить, к какой социально-классовой milieu^[105] того времени она принадлежит.

– Могу я чем-то вам помочь, мисс? – спросил он с упором на последнее слово.

– Я хочу поговорить с управляющим, – ответила Констанс.

Он был немного обескуражен такой прямоотой, но постарался скрыть это.

– Какое же у вас к нему дело?

– Предложение, которое может оказаться очень выгодным для него, но требует более высоких полномочий, чем ваши.

Еще более прямой ответ, выраженный так четко и властно, окончательно смутил продавца. Помедлив немного, он исчез в задней комнате. Через мгновение вместо него появился мужчина лет пятидесяти с белыми как снег волосами. Выражение лица у него было

дружелюбное, но настороженное. Констанс представила себе, сколько мошенников и грабителей он повидал на своем веку. На шее у него висела ювелирная лупа.

– Чем могу быть вам полезен? – спросил он нейтральным, но более располагающим тоном.

Констанс опустила руку в карман блузы, ощутила успокаивающую тяжесть стилета и достала фетровый мешочек.

– Я заинтересована в продаже бриллианта.

– Очень хорошо, – сказал управляющий и поставил на прилавок бархатный поднос. – Давайте...

Он замолчал от неожиданности, когда Констанс вывернула мешочек, и на вельвет скатился бриллиант необычного алого цвета.

Управляющий подцепил бриллиант резиновыми щипчиками, осмотрел его через лупу и после долгого молчания положил обратно на бархат. В его взгляде мелькнуло подозрение.

– Откуда он у вас, юная леди?

– Это фамильная ценность, – ответила Констанс, надменным тоном провоцируя его на обвинение в воровстве.

Он промолчал, снова и снова переводя взгляд с Констанс на бриллиант и обратно.

Она с раздражением взяла алую драгоценность с подноса.

– Вы когда-нибудь видели камень такого цвета?

– Нет.

– Но хотя бы слышали о нем по роду своей деятельности?

– Красный бриллиант – редчайший случай.

– Если бы такой камень украли, это была бы громкая новость, не так ли? Бриллиант принадлежал моей семье не одно поколение. Но теперь я хотела бы его продать без огласки и анонимно. Так что вы скажете, сэр, сможем мы уладить это дело?

Противоречивые эмоции скользили по его лицу.

– Мэм, я...

– В дополнение к его уникальному цвету вы можете убедиться, что это не просто подлинный бриллиант, а камень необычайной чистоты, весом чуть больше трех с половиной каратов. Обратите также внимание на безупречную огранку.

Управляющий поднес лупу к глазу и снова с особой тщательностью осмотрел камень. Констанс отсчитывала минуты, пока

он разглядывал каждую грань, взвешивал и даже окунал в масло. Наконец он опустил лупу.

– Пятьсот долларов, – объявил он.

Констанс пронзила его взглядом:

– Не рассчитывайте, что сможете меня обмануть только потому, что я женщина. Этот камень уникален... и стоит намного больше.

Управляющий задумался:

– Семьсот.

Констанс протянула руку, чтобы забрать камень.

– Восемьсот пятьдесят, – сказал он. – Я не могу дать больше, потому что... откровенно говоря, это все, что у меня есть под рукой. – Он помолчал и добавил – Поскольку вы желаете сохранить анонимность, должен заметить, что я принимаю на себя определенный риск.

Констанс обдумала, насколько велика эта сумма для тысяча восемьсот восьмидесятого года. Рабочие получали меньше двух долларов в день, а хороший дом стоил полторы тысячи. Хотя предложение все еще значительно уступало действительной стоимости бриллианта, этого будет достаточно... на первое время.

– Хорошо, – сказала она.

Управляющий вышел в заднюю комнату, а Констанс осталась ждать. Услышав, как там о чем-то шепчутся, она опустила руку в карман и сжала рукоять стилета, а потом проверила, свободен ли проход к двери. Однако через минуту управляющий вернулся. Не проронив ни слова, он положил на бархатный поднос пачку купюр, а потом высыпал туда же двадцатидолларовые золотые монеты из маленького мешочка. Пересчитав деньги, Констанс кивнула. Управляющий сложил купюры в конверт, а монеты – обратно в мешочек и передал ей. Она спрятала мешочек и конверт в карман, поблагодарила и вышла на улицу.

В квартале от ювелирного магазина Констанс нашла портного, помимо пошива на заказ торговавшего еще и prêt-à-porter^[106]. Через час она вышла из ателье в сопровождении приказчика, который нес шляпную коробку и два больших пакета. Вместо пурпурного наряда на Констанс было элегантное платье с турнюром и оборками из сиренево-синего шелка, а также тугий итонский жакет^[107]. Бодро шагая по тротуару, она теперь привлекала к себе скорее восхищенные, чем

удивленные взгляды. Она остановилась, поджидая, когда приказчик поймает кеб.

Извозчик слез с сиденья, но Констанс сама открыла дверцу и, наступив на подножку высоким ботинком на пуговицах, ловко запрыгнула в кабину.

Удивленно приподняв брови, извозчик забрался обратно, а приказчик тем временем сложил в кабину пакеты и шляпную коробку.

– Куда едем, мэм? – спросил извозчик, натягивая поводья.

– Отель на Пятой авеню, – ответила Констанс и протянула ему долларовую купюру.

– Да, мэм, – ответил извозчик, убрал деньги в карман и без лишних слов стегнул лошадь.

А мгновение спустя экипаж уже затерялся в приливах и отливах полуденного уличного движения.

От авторов

Инцидент с Дэном Купером (он же Д. Б. Купер), описанный в первых главах, – реальная история, представленная здесь лишь с небольшим приукрашиванием, необходимым по сюжету романа. На момент написания книги ни Дэн Купер, ни его останки не были обнаружены.

Авторы приносят извинения за неприятный характер и образ действий сенатора Дрейтона, который является вымышленным лицом. Ни один подобный персонаж в действительности никогда не позорил прекрасный и прославленный в веках штат Джорджия. Арманд Кобб также является плодом авторского воображения и не имеет никакого отношения ни к одному лицу, когда-либо работавшему в доме Оуэнса-Томаса.

И раз уж мы начали извиняться, тысяча извинений Саванне – по нашему убеждению, одному из самых привлекательных, гостеприимных, милых и бесконечно таинственных городов из всех, где нам довелось побывать, – за столь пристальное внимание к нему в нашем романе. Мы призываем всех читателей, интересующихся чарующими историческими местами, посетить Саванну, но уверены, что встреченные там москиты будут обычного размера.

---

notes

Примечания

1

Мистер Мишлен – официальный символ компании «Мишлен», забавный круглый человечек, состоящий из шин разных размеров.

Ди-Си – сокращенное название Вашингтона, от *англ.* District of Columbia – округ Колумбия.

3

Троакар – медицинский инструмент для прокалывания тканей, состоящий из рукоятки, стержня с острием и полой трубки.

4

Змея (*лакота*).

Дерьмовым (*лакота*).

Говард Хьюз-младший (1905–1976) – предприниматель, один из богатейших людей Америки. В старости вел затворнический образ жизни.

Эбботт и Костелло – популярный в Америке в 1940–1950-х годах комический дуэт.

Питер Кушинг (1913–1994) – английский актер, в основном известный по ролям в фильмах ужасов.

«Иезавель» – художественный фильм режиссера Уильяма Уайлера, снятый в 1938 году. Действие происходит в Новом Орлеане середины XIX века.

10

Вспомогательное балетное упражнение.

Папа Гайдн – прозвище великого австрийского композитора Йозефа Гайдна (1732–1809).

Злорадством (*нем.*).

Херальдо Ривера – скандально известный американский тележурналист и ведущий ток-шоу. *Эттон Синклер* – американский писатель, журналист и общественный деятель, обличавший социальную несправедливость.

«*Стэдикам*» – марка стабилизаторов для видеокамер.

В городе Куанतिकо располагается Академия ФБР.

Цитата из книги Ф. Бэкона «Опыты, или Наставления нравственные и политические». Перевод З. Александровой, Е. Лагутина.

Держу волка за уши (*лат.*). В переносном смысле: оказался в безвыходной ситуации.

Здесь нам будет отлично (*лат.*).

Паравerteбральные мышцы – околопозвоночные.

Тетрагидроканнабинол – вещество, содержащееся в марихуане. Вызывает у человека эйфорию.

Исторически Трансильвания принадлежала Венгрии.

Энтони Троллоп (1815–1882) – известный английский писатель Викторианской эпохи.

Ректория – дом при церкви, в котором живет приходской священник.

С честными намерениями (*лат.*).

Генри Луис Менкен (1880–1956) – американский журналист и сатирик.

Высокого часового искусства (*фр.*).

Лучшая работа (*лат.*).

Глубокий бас (*ит.*).

Канноли – сицилийский десерт, хрустящая вафельная трубочка с начинкой из сыра и цукатов, пропитанная сиропом.

Индийская резервация (*фр.*).

Мисс Хэвишем – персонаж романа Чарльза Диккенса «Большие надежды», старая дева, ведущая затворнический образ жизни с тех пор, как ее жених не явился на свадьбу.

На месте *(лат.)*.

«Клянусь Юпитером, Ватсон!» – с таким восклицанием Шерлок Холмс обращается к доктору Ватсону в нескольких рассказах Артура Конан Дойла.

Здесь: в одиночестве (лат.).

По-бордосски (*фр.*).

И вот! Апельсиновое суфле (*фр.*).

Хорас Грили (1811–1872) – известный американский журналист, кандидат в президенты США.

Этой фразой американский сатирик Сидней Джозеф Перельман (1904–1979) описал самого себя в предисловии к сборнику «The Best of S. J. Perelman». *Пилтдаунский человек* – найденные в 1912 году в Пилтдауне (Великобритания) костные останки якобы древнего человека, названного «недостающим звеном» в эволюции. Оказались фальсификацией.

Речь идет о репортаже Херальдо Риверы «Загадка хранилища Аль-Капоне»: в прямом эфире транслировался обыск подземного помещения отеля «Лексингтон», которой служил известному преступнику штаб-квартирой. В результате не было найдено ничего, кроме мусора.

Английский крем (*фр.*). Разновидность заварного крема.

Песня группы «Роллинг стоунз» «Sympathy for the Devil» («Сочувствие к дьяволу»).

После того, как событие произошло (*лат.*).

Юката – повседневное летнее кимоно без подкладки.

Сёдзи – японские раздвижные двери и перегородки из дерева и бумаги.

Джюльетт Гордон Лоу (1860–1927) – основательница движения девочек-скаутов в США.

Жиль де Рэ (1404–1440) – барон, маршал Франции, сподвижник Жанны д'Арк. Был арестован и казнен по обвинению в серийных убийствах, стал прототипом Синей Бороды.

Олимпийцу противиться трудно (*др. – греч.*). Гомер. Илиада.
Песнь I. Перевод В. Вересаева.

Соединившись, способны на доблесть и робкие люди (*др. – греч.*).
Гомер. Илиада. Песнь XIII. Перевод В. Вересаева.

Боль несказанную вновь испытать велишь мне, царица! (*лат.*)
Вергилий. Энеида. Кн. II. Перевод С. Ошерова под ред. Ф.
Петровского.

Маны любого из нас понесут свое наказание (*лат.*). Вергилий. Энеида. Кн. VI. Перевод С. Ошерова под ред. Ф. Петровского. (Маны – у этрусков и древних римлян блаженные души умерших предков, почитавшиеся божествами.)

«Скачка Пола Ревира» – стихотворение Генри Лонгфелло, посвященное событиям Войны за независимость США.

Старая карга (*нем.*).

Дункан Файф (1770–1854) – знаменитый американский краснодеревщик.

Ваше здравье! (*фр.*)

Согласно некоторым источникам абсент в США был запрещен в 1912 году.

Сникерсни – английское историческое название традиционного нидерландского искусства схватки на ножах, а также самих ножей, для этого предназначенных.

Гамлет. Акт 1, сц. 3. Перевод М. Лозинского.

Здесь: на клубничке (искаж. фр. déshabillé – дезабилье).

Джордж Армстронг Кастер (1839–1876) – офицер армии США, убитый в проигранной битве с индейцами у реки Литл-Бигхорн.

Пентименто – покрашенные художником детали полотна, проступающие из-за шелушения или на рентгенограмме.

Глубокая Глотка – псевдоним Марка Фелта, заместителя директора ФБР, выбранный для него как для информатора прессы по делу «Уотергейта». Инцидент в отеле «Уотергейт» перерос в политический скандал, закончившийся отставкой президента Ричарда Никсона.

Благодарение Богу (*лат.*).

Агенты Компании Гудзонова залива, торгуя с индейцами и эскимосами, выменивали у них пушнину на полосатые шерстяные одеяла, ставшие очень популярными среди коренных американцев.

Минуту! Глупые американцы не дают мне покоя (*нем.*).

Этот проклятый засов *(нем.)*.

Свинячьей *(нем.)*.

Заткни пасть! *(нем.)*

Добрый вечер (*фр.*).

Светотень (*ит.*).

Важной особой (*φρ.*).

«Антология Спун-Ривер» – сборник стихотворных эпитафий, посвященных жителям вымышленного городка Спун-Ривер.

Рождение биополитики. Перевод А. Дьякова.

Слово *kemosabe* стало популярно в Америке после показа сериала «Одинокий рейнджер». Так называл главного героя его спутник, индеец Тонто. Точное значение слова неизвестно, но по одной из версий оно означает «надежный разведчик», а по другой – «преданный друг».

Спасибо (*лакота*).

Боке – художественное размытие фона в фотографии.

«*Крошка Абнер*» – музыкальная кинокомедия 1959 года, действие которой происходит в провинциальном городке Дог-Пэтч.

Фейт Мэтэни – героиня одноименного стихотворения из «Антологии Спун-Ривер» Эдгара Ли Мастерса.

Отцы-основатели – группа государственных деятелей, сыгравших ключевую роль в становлении государственности США. «*Статьи конфедерации*» – первый конституционный документ Соединенных Штатов, принятый в 1777 году.

Война с северной агрессией – неофициальное название Гражданской войны, используемое в южных штатах.

Красно-бело-синие цвета – цвета флага штата Джорджия.

Действительно дьявольское (*нем.*).

Тобоган – индейские сани без полозьев.

Черное лекарство (*лакота*).

Маловерный! (*лат.*)

«Лум кьюб» – марка портативных светодиодных фонариков со встроенным аккумулятором для фото- и видеосъемок.

Леонидас Фрэнк Чейни (1883–1930), больше известный как Лон Чейни, – знаменитый американский киноактер и режиссер фильмов ужасов.

Чарльз Август Линдберг-младший – сын знаменитого американского летчика Чарльза Линдберга, похищенный 1 марта 1932 года. Номера купюр, которыми был уплачен выкуп, переписали. Предполагаемого преступника арестовали, когда он расплатился такой купюрой.

Иез. 37: 5.

«*Письма Асперна*» – повесть американского писателя Генри Джеймса.

В буквальном переводе «то за это» (*лат.*). Обычно понимается как «услуга за услугу».

Белый человек, не индеец (*лакота*).

Натаниэль (Натти) Бампо (известен как Зверобой, Ястребинный Глаз, Кожаный Чулок и др.) – главный герой многих романов Фенимора Купера.

Дж. Б. С. Холдейн «Возможные миры и другие эссе». Цитируется по книге Д. Кэннон «Многомерная Вселенная». Перевод Р. Черевко.

Герой криминальной драмы «Во все тяжкие» носит прозвище Гейзенберг в честь знаменитого немецкого физика-теоретика Вернера Карла Гейзенберга (1901–1976).

Полицейский код 10–33 означает: «Чрезвычайная ситуация, всем подразделениям быть наготове».

Злая ведьма Запада – персонаж книги Лаймена Фрэнка Баума «Удивительный волшебник из страны Оз», злая колдунья, растаявшая, когда ее облили водой. Нашему читателю больше известна как Бастинда из переложения сказки Баума, написанного Александром Волковым и названного «Волшебник Изумрудного города».

Гипотензия – снижение артериального давления более чем на 20 % от нормы.

Кататония – психопатологический синдром, проявляющийся в двигательных расстройствах.

Столб Лалли – опора из заполненной бетоном стальной трубы, поддерживающая неустойчивые конструкции. Названа в честь разработавшего ее инженера Джона Лалли.

Куонсетский ангар – сборный модуль полуцилиндрической формы из гофрированного железа, впервые был собран в 1941 году в местечке Куонсет-Пойнт, штат Род-Айленд.

Линия Мейсона – Диксона – изначально граница между штатами Пенсильвания и Мэриленд. В годы Гражданской войны служила символической линией раздела между свободными от рабства штатами Севера и рабовладельческими штатами Юга.

Д. Донн. Прощание, возбраняющее скорбь. Перевод М. Елифёровой.

Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882) – американский поэт и философ.

Остров Блэквелла (ныне остров Рузвельта) – узкая полоска земли в проливе Ист-Ривер между Манхэттеном и Лонг-Айлендом. В описываемое время там размещались тюрьма и лечебница для душевнобольных.

Среде (*фр.*).

Готовой одеждой (*фр.*).

Итонский жакет – черный пиджак длиной до талии с широкими лацканами, повторяющий покрой формы студентов Итонского колледжа.